

Марк Блиев

Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений

Марк Блиев

Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений.

Введение

С тех пор как современная Грузия встала на путь создания независимой государственности и перед ней возникли проблемы территориальной целостности, заметно повысился интерес к российско-грузинским отношениям и, в контексте этих отношений, к теме традиционного осетино-грузинского взаимодействия. Пытаясь хотя бы частично удовлетворить читательские запросы, автор публикуемой монографии взялся за освещение исторических аспектов этой темы, во многом объясняющих суть современных политических процессов. Вместе с тем ставится задача раскрыть социальную природу периодически и устойчиво повторяющихся как российско-грузинских, так и осетино-грузинских противоречий. Исходную фундаментальную сторону исследования автор видел в строгом следовании фактическому материалу и той хронологической последовательности, в которой состоялись исторические факты и события. Сюжет и концепция монографии формировались на основе базовых явлений, выстраивавших канву целостного исторического процесса. В лапидарном и схематическом изложении они сводятся к следующему.

В истории взаимодействия России и Кавказа особое место занимают длительные и тесные российско-грузинские взаимоотношения. Главным и, пожалуй, самым необычным в этих отношениях политическим течением явились усилия России, направленные на создание из двух небольших и малоприметных княжеств – Картли-Кахетинского и Имеретинского – новой на Кавказе страны с русской номинацией «Грузия»; ранее указанные княжества представляли собой владения соседних государств – Картли-Кахетинское княжество принадлежало Персии, Имеретинское – Османской империи. Присоединение их к России заведомо обрекало Петербург на то, что два княжества, расположенные в Закавказье, оторванные от российских границ Главным Кавказским хребтом и не сулившие сколько-нибудь существенных выгод, станут причиной длительных и кровопролитных войн. Несмотря на это, Петербург принялся не просто избавлять грузин от многовекового господства соседних государств и крайних форм геноцида, но еще брал на себя «восстановление» Иверии в ее «древних границах». Трудно было объяснить мотивы, послужившие поводом для таких необоснованных обязательств, потому что ни у древней Иверии, ни у Грузинского государства, созданного царицей Тамарой и ее осетинским мужем Давидом-Сосланом, попросту не было сколько-нибудь очерченных политико-административных границ. Логичнее было ожидать от Петербурга объединения этнически родственных Картли-Кахетинского и Имеретинского княжеств – того, о чем мечтал Ираклий II, думая об освобождении грузин от иностранного ига. Но идея «восстановления» «древних границ» Иверии явно подразумевала нечто более масштабное – и включала не только географическое пространство на Кавказе. Замысел о границах вряд ли исходил от Петербурга – не ставила же Россия, присоединяя Армению, задачу возрождения ее в границах Урарту. Видение Грузии в гипотетических территориальных масштабах древней Иверии скорее всего было связано с политическими запросами грузинской знати, в свое время формировавшейся на идеологических установках экспансионистской феодальной

Персии. Наш посыл основан не только на традициях. Тайну об этих границах, до которых грузинские тавады – бывшие персидские валии желали расширить зону своих феодальных притязаний, приоткрыл грузинский князь Цицианов – один из первых российских главнокомандующих на Кавказе. Он считал, что в прежние времена «Гуржистанское валийство – так в Персии называли грузинские княжества – простиралось от Дербента, что на Каспийском море, до Абхазетии, что на Черном море, и поперек от Кавказских гор до Куры и Аракс», т. е. до границ Персии и Турции. Несмотря на то, что заявление князя Цицианова носило характер ретроспективы, нет сомнения – оно обнажало планы, возникавшие у грузинской знати в связи с созданием Россией единой страны для грузин. Собственно, грузинский князь Цицианов, обрисовавший карту «древней Грузии» в гипертрофированном виде, был первым, кто практически приступил к расширению границ – например, присоединил в 1805 году к Грузии Шурагельское султанство, ранее зависимое от хана Еревана. У Цицианова была короткая жизнь, но его идея воссоздания «великой Грузии», исходившая от грузинской феодальной знати, имела настойчивую поддержку у абсолютного большинства российских главнокомандующих и наместников на Кавказе. Дискреционность такой политики заключалась в том, что она не соотносилась, как правило, с образом действий, избранным тавадской знатью в отношениях с Россией. Впрочем, в истории российско-грузинского взаимодействия не было периода, когда бы грузинская политическая элита – широко декларируя гуманистические ценности дружбы, военного союзничества и православного родства – не фрондировала, не состояла в заговоре и не предавала интересов России. Негативные проявления такой политической амплитуды обычно выливались в тавадскую фанаберию, часто переходившую к формам ксенофобии и русофобии.

После присоединения грузинских княжеств к России на протяжении всего XIX и начала XX века социальная основа российско-грузинских противоречий состояла главным образом в существенных различиях, сложившихся в феодальном общественно-экономическом укладе: грузинская модель феодализма, с XVI века трансформировавшаяся в «разбойную» социальную систему сефевидской шиитской Персии – в сеньорию без домена, принципиально расходилась с российским феодализмом, основанным на европейском принципе – сеньория с доменом. Серьезное несходство двух феодальных систем приводило местную тавадскую знать не только к противостоянию российским властям, но и к выработке в среде этой знати своеобразной идеологической традиции с неизменными чертами русофобии. Отдаляясь таким образом от российских интересов на Кавказе и концентрируясь только на собственных утилитаристских выгодах, грузинская феодальная знать вступала с российской администрацией в неразрешимое противостояние. Что же до российских властей, расположившихся в Тифлисе, в центре Грузии, то под давлением постоянно фрондировавшей местной знати они были обречены идти на поводу у грузинских тавадов и, желая умерить их социальную экспансивность, предоставлять им различного рода привилегии. Среди последних важное значение придавалось ориентации грузинского общества на территориальное расширение и связанные с этим вооруженные захваты.

В эту весьма сложную сферу российско-грузинских отношений, начиная с присоединения грузинских княжеств к России, были втянуты южные районы Осетии, получившие у российской администрации политико-географическое название «Южная Осетия»; такое наименование югоосетинских обществ вполне идентифицировалось с принятым в осетинском языке – «Хуссар Ирыстон». В условиях противоречивых российско-грузинских отношений Южная Осетия постепенно становилась политическим полем, где российские власти пытались разрешить непомерные владельческие притязания грузинских тавадов. Именно здесь, в Южной Осетии, больше, чем в самой Грузии, грузинские феодалы при поддержке российских воинских сил имели наибольший простор для широкого применения ими деспотических методов угнетения, в свое время укоренившихся в грузинском обществе благодаря господству шахской Персии. Ранее югоосетинские общества, граничившие с «Гурджистанским валийством», также

периодически попадали под влияние грузинского феодализма, оказывая его распространению упорное сопротивление; Южная Осетия сохраняла свою независимость вплоть до 1864 года, до крестьянской реформы в Грузии. В пореформенный период она была подвергнута со стороны грузинской знати тотальной экспансии, вызвавшей в осетинских обществах национально-освободительное движение. Расправляясь с вооруженным движением сопротивления осетинского народа, российские власти в угоду грузинской знати приступили к частичной депортации южных осетин на Северный Кавказ, в частности в районы Ставропольской губернии. По примеру черкесов, накануне подвергшихся депортации, российские власти угрожали начать массовое выселение южных осетин из их исторической родины. Российское командование совместно с грузинскими войсками подавило освободительное движение осетинского крестьянства. В югоосетинских обществах, за исключением высокогорных районов, возобладало господство грузинской знати.

Безотчетное российское покровительство над тавадской знатью способствовало созданию в грузинском обществе особого «аристократического» слоя, в своем большинстве состоявшего из грузинских феодальных кланов. Неустанно пестуя его, Петербург не заметил, как вместо социальной опоры, на кою он рассчитывал, сформировал в Грузии политическую силу, для которой приоритетной становился отказ от российского покровительства и установление в грузинском обществе своего безраздельного господства. В начале XX века грузинская элита, добившись немалых экономических преимуществ, консолидировала свои консервативные ряды и вновь усилила центробежные тенденции, приводившие ее к обострению российско-грузинских отношений. Этот набиравший силу общественный процесс в грузинской историографии принято рассматривать как «национально-освободительное движение». Его социальная природа, однако, обнажилась окончательно в условиях Первой мировой войны и революционных потрясений 1917–1920 годов. В эти годы грузинская знать явно уже не нуждалась в ослабленной России, ранее считавшейся «освободителем Грузии». Прикрываясь демократическими лозунгами, она совершила своеобразную «феодальную революцию» – вышла из состава России и создала «Республику Грузию» во главе с теми же тавадскими консервативными кругами. Хорошо понимая социальную суть новой власти, утвердившейся в Грузии, Южная Осетия, еще во второй половине XIX века отданная на произвол грузинским феодалам, объявила в свою очередь о политической независимости и обратилась с просьбой о принятии ее в состав Советской России. Это было время, когда Грузия, противостоя Россия и готовясь к войне с ней, установила военно-союзнические отношения с Турцией, Германией, Францией и США. При этом новая российская власть, признавая Грузию как суверенное государство, не давала поводов грузинскому правительству к развертыванию в отношении России конфронтационной политики. Несмотря на это, Грузия готова была вступить в сговор с любым государством, лишь бы подчеркнуть свое противостояние России. Причиной тому являлись два наиболее важных момента: а) сохранившаяся социальная разнородность российского и грузинского обществ, а также сформировавшаяся на этой почве в Грузии идеология русофобии; б) политическая разнотипность установившейся в России Советской власти и профеодального режима, созданного с 1918 года в Грузии. Гетерогенность двух социальных систем, исторически сложившихся, с одной стороны, в России, с другой – в Грузии, особенно давала о себе знать в переходные периоды экономической и политической истории двух разновеликих стран. Отстаивая свой собственный национально-социальный облик, грузинская элита обнажала свойственные ей восточно-деспотические изощренные методы политической борьбы и принималась за милитаризацию страны. Начиная с 1918 года Республика Грузия приступила к созданию регулярных войск, оснащению их западными образцами оружия – и вскоре напала на Южную Осетию. В войне с Южной Осетией Грузия продемонстрировала прежде всего свое полное отречение от всего российского и готовность к вооруженному противостоянию с Советской Россией. Одновременно она проявила приверженность к восточным формам насилия, посредством которых осуществляла

физическую расправу над осетинским народом; по методам организации вооруженной агрессии в Южной Осетии, по ее глубокой бесчеловечности Грузия целиком повторяла сценарии геноцида, проводившегося в 1915 году турецким правительством в отношении армянского народа.

Агрессивные внешнеполитические ориентиры грузинских властей, концентрация на территории Грузии воинских сил враждебных России государств, а также развернувшееся в ней большевистское движение явились основными причинами ввода в Грузию Красной армии и свержения антинародного политического режима Н. Жордания. Несмотря на кардинальные перемены, происшедшие с установлением Советской власти в политическом устройстве Грузии, грузинское общество жестко отстаивало привычные для него социальные установки. Среди них особенно заметной оставалась неизменная тяга властвовавшей элиты к восточным тоталитарным формам организации государственной жизни. В этом ключе немалый интерес у этой элиты вызывала Советская власть с ее открытой идеологией диктатуры; у политических сил Грузии была своя собственная трактовка как Советской власти, так и сути ее диктатуры. В частности в рамках именно такой трактовки Иосиф Сталин и Григорий Орджоникидзе, наиболее известные грузинские большевики, стремились Советскую республику Грузию сконструировать по классической имперской модели. Не считаясь с волей соседних с Грузией народов, грузинские большевики, занимавшие в Советской России ключевые позиции, присоединили к Грузинской республике Абхазию, Аджарию и Южную Осетию, удовлетворив тем самым шовинистические амбиции политических сил, возникших в Грузии еще в XIX веке. В составе Советской Грузии Южная Осетия, еще недавно переживавшая грузинский геноцид, попала в условия перманентной экстрополяции на нее идеологической системы ксенофобии, инициировавшей жестокую расправу над осетинским народом. Заранее она была обречена на статус колониальной окраины Грузии и тяжелые формы дискриминации. В результате в бывшем СССР Южная Осетия стала единственным районом, где демографические процессы имели неуклонную тенденцию к сокращению численности населения: если в 60-е годы XIX века население Южной Осетии составляло около 150 тысяч, то в 30-е годы XX века оно исчислялось в 107 тысяч, в 1989 году – 96 тысяч, после 1992 года – менее 50 тысяч. Вопреки известности этих данных, в 80-е годы XX века представители грузинской мизантропии открыто и не колеблясь обсуждали нацистскую идею стерилизации осетин в Грузии. Нужен ли более яркий симптом того, сколь тяжело больным становилось грузинское общество, вступившее в полосу фашизации?! Общий фон болезни обозначился еще в середине 60-х годов XX века и определялся социальной сущностью теневой экономики, в сфере которой Грузия числилась среди самых преуспевающих союзных республик. К основным последствиям указанной экономики в Грузии следует отнести максимальное (до 17%) сокращение числа лиц, занятых «законным производством»; образование значительного слоя мелких хозяев; формирование так называемой коррумпированной знати, или иначе – рентной экономики в системе партийно-государственного управления; накопление крупного теневого капитала, все еще остававшегося в тисках отживших свое время политико-идеологических догм и приводившего к развалу государственного сектора экономики и обнищанию масс. Процессы в экономике, социальной жизни, устойчивые традиции неонацизма, шовинизма и ксенофобии спонтанно толкали грузинское общество к националистическим идеям, в том числе к их крайней форме – нацизму. Такое общество, как грузинское конца 80-х годов, обычно ориентировано на поиски «внешних врагов». К ним идеологи национал-социализма отнесли Россию, Абхазию и Южную Осетию, обвинявшихся в «привнесении» в Грузию большевизма и Советской власти. В подобного рода абсурдных обвинениях важное место занимало утверждение о том, будто Южная Осетия – «внутренняя территория» Грузии, в новое и новейшее время якобы заселенная осетинским населением. Во имя освобождения «своей исконной территории» грузинский экстремизм вновь объявил геноцид осетинскому народу и подверг его тяжелым испытаниям.

Приведенные выше положения определяют общий контекст, которым задана

содержательная архитектура монографии, предлагаемой нами вниманию читателя. В ней приводятся достаточно подробные сведения об осетино-грузинских политических контактах с древнейших времен и до новейшей эпохи. Одновременно подвергнут описанию и анализу оригинальный исторический материал, раскрывающий сложные процессы российско-грузинских отношений и исторические судьбы Южной Осетии в системе этих отношений. При этом в интересах научной объективности автору пришлось отказаться от идеологизированной исторической традиции, при которой в освещении российско-грузинских отношений и осетино-грузинских взаимодействий приоритет отдавали идиллическим картинам и избегали научных оценок сложных и порой противоречивых процессов, требовавших от исследователя как реконструкции исторических реалий, так и их системного анализа. Изменив таким образом методологию предмета, коему посвящена монография, предпочтение было отдано архивным документам. Наряду с изысканиями в Российском государственном военно-историческом архиве автор широко привлекает опубликованные документы из следующих изданий: «Акты Кавказской археографической комиссии», «История Осетии в документах и материалах» (т. I, 1962), «История Юго-Осетии в документах и материалах» (т. II, 1960; т. III, 1961), «Документы по истории Грузии» (т. I, ч. I, 1954; ч. II, 1960), «Революционное движение в Юго-Осетии. Документы и материалы» (1958), «Борьба трудящихся Юго-Осетии за Советскую власть» (1957). Большинство исторических источников, опубликованных по Южной Осетии, – извлечения видного осетинского археографа и источниковеда И.Н. Цховребова, сделанные им главным образом в Центральном государственном архиве Грузии. По событиям и фактам новейшего времени – 1989–1992 годов – в нашем распоряжении был сборник документов и материалов «Грузино-осетинский конфликт», подготовленный к изданию К.К. Кочиевым и любезно предоставленный составителем в рукописи. Автор стремился также к максимальному привлечению литературы, посвященной общим проблемам российско-грузинских, российско-осетинских и осетино-грузинских отношений; что же до специальных исследований, которые бы изучали тему в обозначенном нами аспекте, то пока их просто нет. Источниковедческие и историографические замечания вынесены из введения в основной текст монографии. Стоит отметить также, что из-за политической остроты темы, нестабильности обстановки и распространенности экстремизма в Республике Грузии автор, опасаясь за сохранность ценнейших грузинских документов, воздержался от подстрочных ссылок на источники; вместо них приведен библиографический список источников и литературы, на основе которых исследовалась проблема. И последнее: из соображений толерантности при описании фактов насилия, жестокостей, широко применявшихся грузинскими тавадами и политической элитой в отношении населения Южной Осетии, автор избегал подробностей и лишь в редких случаях приводил примеры подобной мизантропии, представляющей собой наследие, доставшееся Грузии от шахской Персии.

Техническую подготовку текста монографии к изданию выполнила В.В. Саугиева, за что автор приносит ей искреннюю благодарность.

Марк Блиев, июнь 2005 года

Часть I

Генезис социально-исторических коллизий в процессах взаимодействия России, Грузии и Осетии

О древних обитателях, племенах и государственных образованиях Закавказья (общие замечания)

На всем постсоветском пространстве современный филистер и высокий чиновник, несмотря на социальную отдаленность друг от друга, имеют одну общую особенность – оба они, занятые повседневностью, равнодушны к тяжелым, но правдивым страницам истории.

Они предпочитают питаться мифами, на злобу дня подбрасываемыми сообществом невежественных сочинителей. Падки на вымыслы также СМИ, особенно электронные – любители острых сюжетов. Недавно, в разгар обострившейся в Южной Осетии политической ситуации, журналист Центрального телевидения, ссылаясь на «грузинские источники», сообщил, что «осетины поселились в Грузии» в советское время. В такое не поверит даже грузинский обыватель, однако он, как и его вполне образованные руководители – бывший президент Грузии Звиад Гамсахурдия и его идейный наследник Михаил Саакашвили, уверен, что где-то в XVI или XVIII веке осетины пришли в Закавказье и захватили центральную часть территории Грузии. При наборе самых разных версий по поводу «происхождения осетин» в Закавказье неизменен вписанный красной строкой тезис об обязательном исправлении «исторической аномалии» и возвращении грузинам их «фодины», которая, как известно, им «досталась от Бога». Неважно когда, но в том, что осетины вторглись или же мигрировали за Кавказский хребет, грузинская историография убедила не только российско-грузинское просвещенное сообщество, но и самих осетин – особенно ту их часть, которая свое прошлое начинает с 1917 года. Банальная мысль: миграция народов (великих и малых) – одна из главных примет мировой истории. В новой истории самым варварским и масштабным переселением европейцев явилась колонизация Америки; по сей день местные аборигены довольствуются тем, что им даруют жизнь в специально отведенных для них резервациях. Немыслимо, чтобы подобный исторический сценарий произошел на Кавказе, где каждый народ «автохтонен», т. е. исконен, и независимо от численности относит себя к «великим». В этом соревновательном занятии грузинские историки превзошли всех. Здесь дело доходит до таких открытий, как теория о том, например, что пшеница, плохо произрастающая в Грузии, «впервые» была выращена именно в Грузии, то же самое с виноградом. В сущности, для современной политической жизни равным счетом ничего не значит, кто на Кавказе исконный, а кто пришлый. С точки зрения исторической науки, все народы, населяющие современный Кавказ, как правило, пришлые – одни пришли раньше, другие позже. Никто, кажется, не сомневается в том, что осетины – индоевропейского происхождения и вместе с армянами населяли Арийский ареал. Это такая же истина, как и то, что на Кавказе индоевропейские племена, которые следует рассматривать как наиболее близких предков современных осетин, создали самобытную Кобанскую культуру, датируемую XVI-IX веками до нашей эры. В советское время археолог Баграт Техов на территории Южной Осетии извлек и исследовал богатейшую коллекцию Кобанской культуры – в ней более пяти тысяч единиц хранения. Стало очевидным – создателями этой культуры, отличающейся жестким единством стиля и технологии производства, были племена одной и той же духовной, хозяйственной и социальной организации общества. Кому в Южной Осетии принадлежала Кобанская культура, кто были ее носители, в свете современных достижений науки не должно больше вызывать споров. Грузинские историки пока не претендуют на «кобанцев», потому, очевидно, что их слишком много не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе.

К чести грузинских ученых, они признают, что Кобанская культура сложилась раньше Колхидской и что последняя развивалась преимущественно под влиянием «кобанцев». Есть еще одно важное признание грузинской историографии: перечисляя древние очаги цивилизации на территории Советской Грузии, куда входила Южная Осетия, среди других не забывалось также «Кударо». Правда, как правило, не принято указывать, что «Кударо» – часть исторической территории древнейшей Осетии, жителей которой во все времена называли «кударцами». Однако надеемся, что даже в наше смутное время, когда невежество господствует над просвещенностью, грузины не станут в ущерб собственным историческим племенным наименованиям «отбирать» у осетин кударцев, на территории которых представлены все исторические эпохи Южной Осетии.

Период перехода от бронзового к железному веку совпал с формированием крупного союза скифских племен индоевропейской расы. Не стоит видеть этнических различий между скифами и кобанцами. В последнюю четверть века нашим Институтом истории и археологии

накоплена бесценная коллекция археологических предметов (более 200 тыс. единиц хранения), позволившая по-новому представить многие проблемы истории народов Кавказа. В частности, полученные нами данные не оставляют сомнения в том, что носителей Кобанской культуры и иранцев-скифов следует рассматривать в их племенном этническом единстве. Об этом историческом факте свидетельствует хорошо прослеживаемая трансформация кобанской культурной традиции в скифском мире и дальнейшее развитие этой традиции. О распространенности индоевропейцев-скифов, к которым восходили овсы (осетины) на территориях, позже ставших традиционно грузинскими, свидетельствовал Давид Багратиони в своей «Истории Грузии». В частности, он писал, что «река Алазани приняла свое имя во время... скифов..., ибо сия река называлась прежде Абанта, но когда алазанские скифы там поселились, то называли оную Алазанью». Затрагивая вопрос о происхождении грузин и осетин, Давид Багратиони не случайно в их этногенезе находил сходство. Он так же живо описывал господство скифов в «Верхней Азии, Мидии, Иверии и Колхиде». По Давиду Багратиони, скифы явились освободителями Иверии от персидского царя Дария. Процесс культурной преемственности между индоевропейскими племенами наблюдается и в сарматскую эпоху; сарматы были привержены достижениям своих предшественников, что также подчеркивало их этническую идентичность с кобанцами и скифами. В этом отношении среди наших археологических коллекций – полный набор конской сбруи сарматского времени, уникальные украшения которой, выполненные из золота и серебра, воспроизводят звериный стиль кобанцев. На территории Южной Осетии широко представлена не только Кобанская культура, но и последующие археологические эпохи, связанные с этническим господством индоевропейцев в Закавказье. Грузинская академическая наука достигла достаточно высокого уровня. В отличие от политико-экстремистской литературы она, естественно, не ставит вопроса о том, кто раньше или кто позже занимал территорию современной Грузии. Представителям академической науки хорошо известно о господстве в древности в Закавказье скифского мира, из которого происходят осетины, в том числе южные. В связи с этим следует упомянуть работы лауреата Ленинской премии Г.А. Меликишвили («К истории древней Грузии». Тбилиси, 1959) и М.С. Пирцхалавы («Памятники скифской архаики VII-VI в. до н. э. на территории древней Грузии». Тбилиси, 1972). Для ученых этого уровня азбучной истиной является не только отнесение иранского этнического мира к наиболее раннему периоду древней истории Закавказья, но и присутствие в регионе двух совершенно разных культурно-исторических пластов – индоевропейского (осетинского) и ибероколхского (грузинского).

Впрочем, задолго до становления профессиональной исторической науки хорошо было известно в Грузии и России о происхождении осетин в Закавказье. Так, в 1865 году для официальных властей Тифлиса был составлен «Краткий исторический обзор Горийского уезда», куда в XIX веке входила большая часть современной Южной Осетии. В нем население уезда делилось на две группы – на «коренных» и «пришельцев». К первым, коренным, были отнесены грузины, осетины и «армяно-григориане». В том же обзоре было подчеркнуто, что осетины, как наиболее древние поселенцы Закавказья, ранее входили в Мидийское ираноязычное царство, образовавшееся в северо-западных областях Иранского нагорья. Неизвестный автор исторического обзора, ссылаясь на древнегреческого историка Диодора Сицилийского (90–21 гг. до н. э.), указывал, что «осы, или осетины», жившие «к востоку от Армении и Персидского залива», «происходят от мидян-иранцев» и поселились на территории собственно Закавказья, и в частности Южной Осетии, «за V веков до Рождества Христова».

К IV веку до н. э., ко временам Александра Македонского, грузинские хроники, созданные значительно позже, относят начало военно-политического сотрудничества между древней Осетией и Грузией. Осетины, точнее их скифо-сарматские предки, принимали участие в организации крупного осетино-грузинского племенного союза, имевшего уже ранние формы государственности. Он был создан на территории современной Восточной Грузии и Южной Осетии под названием «Иберия»; Страбон подчеркивал, что большинство

жителей Иберии имело скифо-сарматское происхождение. «Иберийское царство» в современной грузинской литературе рассматривается как грузинское, хотя возглавлялось оно, как правило, представителями скифо-сарматской знати. По сведениям Давида Багратиони, приведенным им в «Истории Грузии», скифы в IV веке до нашей эры «овладели Верхнею Азиею, Мидиею, Иберию и Колхидою и в течении двадцать осьми лет господствовали в оных странах». Из скифской среды происходил Фарнаваз – основатель Иберийского «государства». По сообщению Леонтия Мровели, Фарнаваз объединился с «Куджи и сказал: Будем братьями... будем врагами Эристову Азону, и судьба даст нам славную победу». В очерке «Даут-Сослан» Сека Гадиев уточнил, что «Куджи», «Кудзи», был «иры падзах», т. е. царь осетин, за которого Фарнаваз выдал свою сестру замуж. Леонтий Мровели в своей хронике писал, что «Куджи», по-осетински «Кудзи», «обратился... к осетинам, и собирались все они» и благодаря этому Фарнаваз победил Азона, которого, по мысли Сека Гадиева, ранее во главе грузин поставил Александр Македонский. Сын Фарнаваза – Саурмаг, наследовавший «царский трон» своего отца, также опирался на осетинскую часть населения Иберии; грузинские хроники свидетельствуют: когда Саурмаг был отлучен грузинами от престола, он «бежал к оссам», т. е. осетинам, с помощью которых ему удалось вернуть трон отца. Лишь много позже, в III веке н. э., заметно ослабло господство оссов и в Иберии возобладали грузинские политические силы. Они привели к власти Мирвана, принадлежавшего по происхождению к одной из господствовавших в Персии династий. Его принято считать первым «грузинским царем». Однако разобщенность племен, относившихся к колхскому этническому миру, не позволила им ни в Иберийском царстве, ни значительно позже добиться сколько-нибудь устойчивого военно-политического союза. Нередко племена, пришедшие в Закавказье из Малой Азии и ставшие позже основой формирования грузинской народности, возглавлялись соседними правителями или же представителями местной автохтонной знати.

Известно, например, что перед тем, как Вахтанг Горгасал пришел к власти, Иберия находилась под властью оссов – осетин. По описанию Мровели Леонтия, юный Вахтанг, выступая «перед всеми вельможами Картли», заявлял: «И неволю мне более насмешки овсов (осетин. – М. Б.), но в надежде и уповании на бога и единосущную троицу беспредельную и предваряемые крестом пречистым, данным знаменем и оружием уповающим на него, отомстим овсам. Будь эти беды навязаны нам царем Персии или царем Греции, мы бы их претерпели. Но тяготит нас поругание овсов, и лучше нам умереть, нежели терпеть». В последних словах Вахтанга видно, что речь идет не о сражении, проигранном грузинами, а о господстве осетин в Иберии. Впрочем, этот факт подтверждается также в «Ответе» спасета Джуаншера Вахтангу Горгасалу: «С той поры, – говорится в нем, – как попрали нас овсы, мы вот уже пять лет пребываем в великой печали». В описании похода Вахтанга в Осетию Мровели Леонтий сообщает, что грузинский царь «отправил гонца к своему дяде Вараз-Бакуру» и просил его участия в походе. «Тот же с радостью отвечивал, ибо страна его была полонена овсами». Остается добавить, что речь идет о господстве в Иберии закавказских осетин; северокавказские аланы-осетины из-за разделенности их с Иберией Главным Кавказским хребтом не могли бы столь длительное время удерживать свое господство. Собственно само сражение между Вахтангом Горгасалом и «овсом Бакатаром», т. е. Ос-Бакатаром, считающимся родоначальником осетин, произошло в Южной Осетии – там, где «с одной горы берут начало Арагви Картлийская и Арагви Овсетская». После военных успехов картлийского царя Вахтанга I Горгасала во второй половине V века н. э. в начале VI века территория современной Грузии стала персидской провинцией. В 60-е годы VI века здесь возобладало господство Византии. И. Бларамберг, автор первой половины XIX века, основываясь на грузинских хрониках, писал о том, как «около 570 года Юстиниан I, император Византии, возвел на грузинский трон Стефана, а одного осетина по имени Ростов (Рустам из рода Сидамоновых. – М. Б.) назначил книс-эристави, т. е. управителем местности, называемой Ксани и Грузия»; Рустаму «была дана особая печать и почетное платье». Вплоть до XI века территория современной Грузии находилась под властью

Византии, Персии и арабских завоевателей. Созданная в XI веке государственность своего расцвета достигла при царице Тамаре (конец XII – начало XIII в.). Государство царицы Тамары грузинские историки, как правило, рассматривают вне контекста участия осетин в его расширении и укреплении. К числу тех редких авторов, кто упомянул второго мужа царицы – осетина Давида-Сослана, был Давид Багратиони, превосходно знавший генеалогию династии Багратионов. Между тем грузинские хроники и осетинские предания эту тему отразили особо. На их основе наиболее полно происхождение царицы Тамары, роль ее мужа Давида-Сослана в становлении грузинской феодальной государственности осветил Сека Гадиев – классик осетинской литературы, великолепно владевший историческим материалом. По его данным, мать царицы Тамары была дочерью осетинского феодала (алдара) Кудена (Хъудены чызг) Бурдухан, популярной «во всей Грузии». Осетинский писатель, сообщая об этом, опирался на «Историю и восхваление венценосцев» неизвестного грузинского автора, в которых содержались сведения о том, что царь Георгий, отец Тамары, привел «в жены дочь царя Худина» (по Сека Гадиеву – «Кудена»). В грузинской хронике Бурдухан описывается как «солнцем над солнцем по красоте». Другой историк царицы Тамары – Басил Эзосмодзгвари (XIII век) фактически повторяет характеристику Бурдухан: «...дочь осетинского царя, которая превзошла доброту других женщин во всем, и не только тем, что она была матерью Тамары, но и тем, что подобной ей невесты не видело грузинское общество». Согласно грузинским хроникам, когда царица Тамара рассталась с первым мужем, стал решаться вопрос о ее новом замужестве. В связи с этим «приехали осетинские царевичи, прекрасные на вид юноши. Надеясь на свое молодчество, они просили и молили Бога дать им возможность совершить нечто такое, чем можно было бы обратить внимание царицы и добиться высочайшего счастья». Хроника сообщает также, что руки царицы Тамары добивались «витязи – сыны властителей греческих, римских, султанских, скифских, персидских и осских». Но «намерения их остались тщетными», царица обратила свое внимание на Давида-Сослана – «витязя из сынов Ефрема, то есть оссов (осетин. – М. Б.) , мужей могущественных и сильных в боях». Первое, с чем столкнулся Давид-Сослан, это сопротивление части грузинской знати, пытавшейся вернуть на престол первого мужа Тамары. Вооруженный мятеж, затеянный знатью, был подавлен молодым Давидом-Сосланом с помощью в основном «кавказских горцев» – так часто называли грузинские источники осетин, в том числе южных; понятно, что Давида-Сослана, сына «осетинского царя», могли поддержать в первую очередь осетины. Военские успехи Давида-Сослана принесли «мировую славу» царице Тамаре. Вскоре у них родился сын Георгий. По словам автора хроники, «сели на золотокованом троне Тамара, Давид и сын их Георгий». Среди правительственных вельмож, а также в войсках широко были представлены в государстве царицы Тамары осетины. Во время аудиенции, устроенной царицей и ее мужем Давидом владетелю Ширвана с делегацией, первыми их встретили «осетины и кипчаки новые», после них «геретцы и кахетинцы, затем картлийцы...» Одним из важнейших достижений царицы Тамары являлось расширение территории грузинской феодальной государственности. В этом главная роль принадлежала царю Давиду-Сослану. Грузинские хроники в один голос подчеркивают полководческий талант осетинского витязя, приносившего царице одну победу за другой. На войне, по словам авторов хроник, «царь действовал, как Ахиллес». Приведем лишь один пассаж из «жизни царицы царей Тамары» – хроники XII века, в которой главным действующим лицом является Давид-Сослан, создавший крупнейшее в Закавказье грузинское царство: «В ознаменование победы над врагом Ширван-шах и Амир-Мирман с радостными лицами сошли с коней, поклонились, благословили и восхваляли царя (Давида-Сослана. – М. Б.) и его богатырей. Как рассвело, пришли шанхорцы и поднесли ключи от города: взяв Шанхор и окрестные города и крепости, царь пожаловал их Амир-Мирману. Сам же отправился в Ганджу, близко подошел к городу; навстречу вышли высокопоставленные лица и крупные торговцы, духовенство и законоучители. Преклонив колена, они поклонились Давиду и воздали ему хвалу, со слезами на глазах они просили его и вверили ему себя и до самых дверей султанского двора

расстилали ему драгоценные ткани и осыпали его золотом и серебром, драхмой и динарием. Войдя во дворец, он сел на трон султана... Чей язык в состоянии описать тогдашнее торжество и ликование, или какой разум может понять объединение в лице одного человека чести царя и султана, подчинение себе, в качестве вассала, сына Атабага Ширван-шаха». Подобное шествие царя Давида-Сослана, сына «осетинского царя», по сравнительно небольшим владениям, привело к тому, что царица Тамара стала владельницей большей части Закавказья. Сека Гадиев, описав жизнь и походы Давида-Сослана, фактически создавшего воинством самих же осетин крупное государство, сетовал, что свой талант и усилия Давид-Сослан отдал Грузии, возвысил ее над Осетией, хотя мог свою собственную родину – Осетию «поставить» если не выше, то хотя бы в один ранг с нею.

В XIII веке, после смерти Давида-Сослана и Тамары, оставивших двух сыновей и одну дочь, грузинское феодальное государство обнаружило признаки распада. Тогда же подверглось оно нашествию татаро-монголов. В условиях разоренной монголами экономики Закавказья грузинские источники средневековья впервые сообщают нам о враждебных отношениях, складывавшихся между грузинскими землями и Южной Осетией. В сочинении анонимного автора XVI века сообщается, что грузинский правитель Давид VIII и «правитель осетин Пареджан» имели тесную дружбу, вместе ходили в походы против монголов. Естественно, речь могла идти о союзнических отношениях между Закавказской частью Осетии и древним государством грузин. Тот же источник сообщает, что, несмотря на союзнические отношения между Давидом VIII и правителем Осетии, «грузины и осетины имели между собой вражду: они были натравлены друг на друга так, что кто был сильнее, убивал другого». Явно было, что политическая раздробленность, наступившая в грузинском царстве и в Осетии, а также татаро-монгольское господство привели к постоянной междоусобице.

В XV веке Грузия представляла собой три небольших княжества – Картлинское, Кахетинское и Имеретинское, каждое из которых было независимо друг от друга. Так же автономно существовали Осетия, занимавшая территорию северного и южного склонов Кавказского хребта, Абхазия, Мегрелия и Гурия. В начале XVI века грузинские княжества – Картлийское и Кахетинское вошли в состав Персидского государства, Имеретинское княжество – в состав Османской империи. С этого времени в Восточной Грузии, ставшей персидской провинцией, началось утверждение «персидской модели» феодализма, характерной особенностью которой являлась идеология восточного деспотизма.

Суть ее заключалась в установлении в грузинских феодальных княжествах, подпавших под власть персов-шиитов, кызылбашей, т. е. «красноголовых», новых форм земельных и административных отношений. В абсолютном большинстве районов Грузии, куда доходила шахская рука, отменялась система сюргалья, ранее традиционная для грузинского феодализма; при этой системе, по существу европейской, феодал имел вотчину и выступал как собственник земли. При персидских Сефевидях главным собственником земли становился шах, а грузинские тавады, в том числе «цари», являлись валиями шаха, получавшими земли, владения и титулы от шаха. И титул, и владение землей имели пожизненный характер, но никак не наследственный. Эта система, собственно, становилась основой, на которой зиждилось крайне деспотическое господство персов в грузинских феодальных княжествах. В целом они меняли не только социальную систему, но и базисные духовные ценности грузинского общества, основанные на православной религии. Чтобы представить политическую картину, изменившуюся в грузинских княжествах при господстве Сефевидов, приведем описание Давида Багратиони. Шах-Аббас – один из наиболее ярких представителей сефевидского Ирана (конец XVI – начало XVII в.) «велел умертвить ядом Картлинского царя Георгия... Кахетинский царь Александр сделался жертвою тиранских насилий сего персидского владетеля. Взятый заложником сын его Константин, находясь в Персии, принял магометанский закон. Шах Аббас позволил ему возвратиться в отечество, обещав поставить его царем в Кахетии, если он убьет отца своего, царя Александра. Константин, возвратясь в Иверию, дерзнул совершить сие ужасное злодеяние. Убив своего

отца и брата своего Георгия, он присвоил себе царскую власть над кахетинцами». Но Константину не дали местные «вельможи» и народ княжить – «убийца был истреблен тем мечом», которым он расправился с отцом и братом. «Вельможи и народ вручили царство Кетеване, вдовствовавшей супруге Давида». Но подобные назначения, соответствовавшие желаниям грузинских тавадов и народа, противоречили персидской системе получения титула валия. Шах Аббас пригласил Кетевану и «предложил ей принять магометанство, обещая новые выгоды». Но княжна отказалась принять ислам, и «тиран, в ярости своей, „велел“ ее „предать мучениям“. Царица Кетевана была обнаженная привязана к столбу, по частям резали ее тело...» Так поступали каждый раз шахи, если грузинские «цари-валии» не подчинялись новой, персидской системе господства и подчинения. Мы еще не раз вернемся к этой теме, здесь же укажем на другое – на то, что в советской грузинской историографии борьба грузинских княжеств с персидским господством традиционно рассматривалась в героико-романтическом духе. На самом деле в ней, в этой борьбе, прежде всего следовало видеть жесткое столкновение двух разных форм феодализма – «старой» грузинской, освященной православием, и персидской, основанной на идеологических установках шиитского толка. Несомненно, что столетиями господство кызылбашей – главным образом в Восточной и Центральной Грузии – приводило к перестройке социальной системы грузинского общества, и это, пожалуй, явилось самым тяжелым для Грузии и соседних с ней народов последствием. Грузинские хроники XVI, XVII и XVIII веков полны военно-феодальной междоусобицы, борьбы за «владения», повинности, пленных людей, скот и прочую военную добычу. Важной статьёй этой междоусобицы являлось получение титула валия или моурава. Кстати, заметим, что система дарения шахом титулов во многом изменила форму административного управления. По данным Ш.А. Месхиа, Телави – центр Кахетии, входил «в управление кахетско-кизакского моурави», но «назначаемые в Телави моурави всегда назывались персидским таруга», ставшим синонимом «грузинскому моурави». Если брат по должности выше, то Георгий Саакадзе, несмотря на противостояние шаху, в грамотах Луарсабы II называется «эмиром эмиров», тем самым отдается дань новой традиции, внедренной персидскими шахами. Иначе говоря, персидская форма управления, как и в других областях общественного устройства, столь глубоко проникла в грузинскую жизнь, что феодальные княжества Грузии, входившие во владения шаха, обретали черты политической системы, господствовавшей в самой Персии. Изошренные формы насилия и жестокости, измены, коварства, вероломности и прочие свойства деспотизма вместе с господством Персии проникали в социальное устройство грузинских княжеств. Первым варварские формы феодальной идеологии проявил Г. Саакадзе. Женатый на осетинке, дочери Нугзара Эристави, Саакадзе благодаря военной поддержке осетин возвысился как моурав, разгромил персидские вооруженные отряды, затем обрушился на осетин, своих верных союзников, и установил в Южной Осетии свое феодальное господство. Вскоре, однако, персидский шах, подавив восстание, в Картлию и Кахетию назначил своих правителей – мусульман. Тогда же Восточная и Центральная Грузия еще больше укрепились в положении вассала Персии, становясь неотъемлемой частью шахского государства: при коронации персидского шаха управитель Картли-Кахетии, присутствие которого было обязательно, должен был держать в руках «павлинное перо» – символ зависимости от шаха. Это продолжалось вплоть до начала 80-х годов XVIII века, до заключения Георгиевского договора между Россией и Картли-Кахетинским царем Ираклием II. Что касается территории Западной Грузии, то она целиком находилась в подчинении Османской империи. Здесь проводилось насильственное отуречивание местного населения.

На протяжении двух веков в грузинских княжествах окончательно сложились персидские и турецкие формы феодализма. Грузинские феодалы-тавады, как и главы княжеств, сформировались в сословие, одновременно выполнявшее функции опричников и сборщиков налогов. Вассальное положение нового тавадского сословия было столь жестким, что оно было вынуждено целиком заимствовать деспотические нравы, господствовавшие при дворах персидского шаха и турецкого султана. Чтобы представить положение, создавшееся в

Грузии, достаточно напомнить о следующих трагических для грузинского народа событиях. В 1795 году персидский шах Ага-Мухаммед-хан, недовольный тем, что Ираклий II не явился на его коронацию и тем выразил свою независимость, подвел войска к Тифлису. Сюда, в Тифлис, шахские войска пригоняли мирное население, которое специальные отряды подвергали геноциду. Так, за несколько дней было уничтожено более 80 тысяч грузин. В Тифлисе к мосту через Куру был выставлен образ Святой Марии. Сюда согнали более трех тысяч мужчин. Обнажив их, шах приказал каждому подходить к образу Святой Марии и имитировать половой акт. Отказывавшихся выполнить волю шаха с отрубленной головой бросали в реку. Массы грузинского населения покидали Грузию. Беженцев вылавливали и тут же с ними расправлялись. Во всем этом вместе с персидскими отрядами участвовали также многие грузинские тавады, демонстрировавшие свою покорность шаху. Грузинская катастрофа 1795 года была столь значительной, что становилось невозможным похоронить погибших – не хватало лопат. В Ананурском монастыре, в полуразрушенной келье, где Ираклий II сидел лицом к стене, чтобы не показывать подданным свой лик, грузинский царь, сравнивая народ со стадом баранов, уничтожаемым стаями голодных волков, писал письма Екатерине II и просил о спасении единой Грузии. Три отряда российских войск (отряды генералов Бурнашева, Гудовича, Сухотнева), находившиеся на Кавказе, и осетинский отряд из 500 воинов пришли на помощь Грузии. В Петербурге было решено срочно снарядить десяти тысячное войско и во главе с В. Зубовым направить в разрушенный Тифлис. Ага-Мухаммед-хан отступил, захватив с собой десятки тысяч отрубленных голов. Ими он собирался возвести «шатер», не хватало ему, однако, головы Ираклия II, которой шах был намерен увенчать свой шатер...

Столь редкая форма ксенофобии, господствовавшая в Персии и обрушившаяся на Грузию, на протяжении трехсотлетнего шахского ига захватила феодальную знать Картли-Кахетинского царства. Грузинские тавады, а вместе с ними и царский двор придерживались ксенофобии как идеологической системы. Особенностью ее являлись крайние виды человеконенавистнической психологии, жестокостей, насилия и воинствующей дискриминации «инородцев». В Восточной Грузии, и нигде больше на Кавказе, общественное сознание вполне воспринимало примитивный расизм как нечто естественное. Грузинский царевич в 1782 году издал свод законов, запрещавших бракосочетание между осетинами и грузинами. В нем предписывалось: «если какой-либо христианин выдаст дочь за осетина и сроднится с ним – посчитаем это как вероломство и крепко взыщем». Грузинский феодализм, обильно сдобренный идеологией шахского деспотизма, был ориентирован на экспансию и установление режима, приводившего к геноциду. Отдельные села Южной Осетии, расположенные на равнине и соседствовавшие с грузинскими владениями моуравов, нередко становились жертвой подобной экспансии; грузинские хроники XVI, XVII, XVIII веков изобилуют сведениями о походах в южные районы Осетии с целью сбора дани и захвата людей. Что же до жестокостей и насилия, то грузинские моурава, подвластные шаху и лиходейской жадности, сочетавшейся с холопской злостью, превосходили своих персидских учителей. У Сека Гадиева, классика осетинской литературы, превосходно знавшего осетино-грузинские отношения, в одном из рассказов повествуется о том, как грузинский моурав, вероломно овладев осетинскими селами Кудского ущелья, установил тиранию: «моурава боялись не только люди, но, – как писал Сека Гадиев, – и горы, и звери». В рассказе писателя передана трагедия мужа и жены: они долго ждали рождения ребенка, но когда он у них появился, моурав заставил женщину кормить грудью щенка своей собаки. Не довольный тем, что щенок похудел, моурав выхватил ребенка, несколько раз ударил им женщину и умертвил ребенка; точно так же поступали персы с детьми грузинских крестьян. Специальные отряды Ага-Мухаммед-хана с вечера точили сабли, а утром входили в Тифлис и грузинские села и начинали с того, что проверяли на детях остроту своих сабель – если воин разом разрубал ребенка, то считал, что наточил свое оружие «как надо». Похоронив единственного ребенка, женщина, героиня Сека Гадиева, продолжала кормить грудью щенка. Однажды повзрослевший щенок укусил

женщину в грудь. Заражение крови стало причиной ее смерти. Берды, ее муж, потеряв семью, обнищал от поминок. Пережитое насилие свело его с ума. Ему стало казаться, что за ним постоянно гонится озверевший грузинский моурав. Вскоре не стало и Берды. В рассказе Сека Гадиева, как и в других произведениях писателя, немало говорится об упорной борьбе Южной Осетии с грузинским варварским феодализмом. В 1791 году Ираклий II вынужден был признать, что с жителей Южной Осетии «нельзя было брать ни саупросо, ни сауплискуло», т. е. повинностей, поскольку они считали себя свободными. На протяжении всего XVIII века Южная Осетия систематически подвергалась вооруженным вторжениям со стороны Картли-Кахетии и Имеретии, приводившим ее к опустошению. Сжигая села, отнимая имущество, скот, захватывая людей в плен, одни из которых направлялись как «живой товар» в Персию и Турцию, другим выкалывали глаза и отпускали «на волю», грузинские моуравы добивались распространения персидского и турецкого господства в Южной Осетии. Грузинская феодальная экспансия особенно усилилась при Ираклии II, который вынашивал планы расширения своего влияния в Закавказье, в особенности среди горцев Большого Кавказа, и с помощью последних думал освободить Грузию от персидского и турецкого ига. На последнюю четверть XVIII века приходится один из самых сложных периодов осетино-грузинских отношений. В этот период Ираклий II, получив серьезную военную поддержку со стороны России, взял курс на централизацию своей власти. Он также вынашивал идею объединения народов Закавказья и Большого Кавказа, чтобы противостоять Персии и Турции. Однако решения первой задачи – укрепления своей власти – Ираклий II добивался за счет ослабления грузинской знати, стремившейся к политическому сепаратизму. Агрессивные действия он вел и в отношении Южной Осетии. Лишив сначала владетелей Мчабеловых, а затем и Эристовых феодальных прав, Картли-Кахетинский царь с помощью карательных мер пытался установить в Южной Осетии свое безраздельное господство. Что касается второй задачи – освобождения Грузии от иноземного ига, то Ираклий II, подорвав свое влияние среди собственной феодальной знати, был обречен на серьезную неудачу. Феодальная оппозиция оказалась в лагере Ага-Мухаммед-хана, объявившего геноцид грузинскому народу. Несмотря на все усилия, Ираклию II, до этого очень популярному в Грузии, не удалось в судьбоносный для народа момент собрать войско и защитить страну от опасности, грозившей ей полным исчезновением: Восточная Грузия выставила ополчение в тысячу воинов, столько же дала Имеретия. Этих сил против 35-тысячной армии (по некоторым данным, шах располагал 70-тысячной армадой) было безнадежно мало. Обращения Ираклия II к соседним народам о военной помощи не нашли отклика. Одна лишь Осетия, несмотря на насилие, жестокости и феодальную экспансию грузинских тавадов, снарядила вооруженный отряд численностью в 500 воинов. Поводов для такого жеста у осетин явно не было. У Осетии было немало своих внешних опасностей и тяжелых военных невзгод, но никогда Грузия не проявляла готовности защитить соседний народ. Никто еще не пытался объяснить странный феномен – не было ни одной войны, которую вела Грузия и в которой на ее стороне не участвовала бы Осетия. «Осетинам много не надо, свистни им, и они придут на защиту... Так было всегда... Кости их разбросаны и стонут на полях сражений», – с грустью и не без укора писал об этом Сека Гадиев.

В 1795 году Грузия нуждалась в спасении от физического уничтожения, к которому в том году приступил Ага-Мухаммед-хан. Истребление грузинского населения, подвластного персидскому шаху, становилось реальным. Феодально раздробленная страна была поставлена на колени. Тавадская знать, многие из которой приняли персидские имена, спасая себя, предала собственную страну и вместе с шахом участвовала в геноциде грузинского народа. Всеобщее предательство не обошло стороной и царский двор. За спиной Ираклия II, пытавшегося оказать сопротивление войскам Ага-Мухаммед-хана, его супруга и сын вынашивали планы о насильственном устранении царя, чтобы с помощью шаха взойти на престол. На помощь пришли российские войска. Шах отступил, оставив разрушенный Тифлис, сожженные села и десятки тысяч жертв. Ираклий II, как и грузинский народ, видел, какая угроза нависла над Грузией, – отступление Ага-Мухаммед-хана было вынужденным, в

Грузии это хорошо понимал каждый. Единственным выходом из создавшегося положения являлось присоединение к России. Вопрос о присоединении к России Ираклий II периодически выдвигал и раньше. Но после того как Ага-Мухаммед-хан обнажил свои планы в отношении Грузии, Ираклий II готов был даже ценой ликвидации своего трона присоединить к России Картли-Кахетинское царство, которому в первую очередь угрожал персидский шах. В 1796 году, однако, не стало Екатерины II, энергично поддерживавшей Ираклия II. Сменивший ее Павел I под влиянием петербургских англоманов не стал проявлять особого интереса к Кавказу. Новый император отозвал российские войска из Грузии, предоставив Ираклию II самому решать проблемы грузино-персидского противостояния. Seriously изменившейся политической обстановкой поспешил воспользоваться Ага-Мухаммед-хан. В 1797 году он вновь с крупными военными силами подступил к Тифлису. От нового геноцида Восточную Грузию спасла случайность – нукеры расправились с патологически жестоким шахом. Неожиданная смерть Ага-Мухаммед-хана, настойчиво проводившего идею геноцида в Грузии, не снимала общей угрозы, нависшей над грузинскими районами, входившими в состав Персии. Пришедший ему на смену Фетх-Али-шах (Баба-хан), племянник Ага-Мухаммед-хана, не уступал в жестокостях своему дяде. Но главное было в другом – новый шах готов был не только расправиться с Грузией, ориентированной на Россию, но и вытеснить из Закавказья Османскую империю, чтобы установить свое господство во всем регионе. Положение Картли-Кахетинского княжества осложнялось еще одним обстоятельством – смертью в 1798 году Ираклия II. Разыгравшаяся в связи с этим внутриварцовой борьба фактически парализовала политическую жизнь страны, не успевшей оправиться от кровавой тризны Ага-Мухаммед-хана.

От «Гурджистанского валийства» – к созданию страны «Грузии»

Ираклий II завещал престол Георгию – сыну от первой жены, несмотря на то что сын был тяжело болен – страдал патологическим чревоугодием. Но для царя важнее была приверженность Георгия к его политическим позициям – в первую очередь ориентации на присоединение к России. Вдова Ираклия II, вторая жена царя, и ее сыновья, претендуя на власть, были сторонниками сохранения Картли-Кахетии в составе Персидского государства. Только внешне мог выглядеть банальным политический раскол, происшедший в семье Ираклия II. На самом деле он рельефно отражал наличие в Восточной Грузии двух идеологий – тавадской, по своему социальному существу устойчиво сложившейся на жестких принципах восточного деспотизма, и «христианско-гуманистической», признававшей строгую систему господства и подчинения, но придерживавшейся религиозного принципа «не убий». Ираклий II, ведший острую борьбу с выращенной персидским двором тавадской грузинской верхушкой, отражал идеологию православной церкви, видя в ней одно из средств освобождения страны. На ней же основывалась его российская политическая ориентация. Борьба двух идеологий после смерти Ираклия II приняла широкие масштабы. Георгий XII лишь формально олицетворял царскую власть. Но и этого было достаточно, чтобы его положительный образ вошел в историю Грузии. Он был настойчив в присоединении ослабленного княжества к России, подготовил проект такого присоединения и отправил в Петербург свою депутацию. Павел I подписал договор о вхождении Картли-Кахетинского царства в Россию. Но Георгий XII, не дождавшись возвращения своих посланников, в 1800 году скоропостижно умер. Смерть фактически последнего представителя Багратидов, возглавлявшего сравнительно небольшое феодальное образование в Закавказье, и политический хаос, наступивший в крае, окончательно привели страну к экономической и социальной деградации. По оценке известного в XIX веке грузинского поэта и общественного деятеля А.Г. Чавчавадзе, «Грузия тогда была подобно изнуренному больному, который едва в силах объяснить слабость своего состояния». В этот период особенно острым становилось противостояние двух политических группировок,

определившихся еще при Ираклии II. Одну из них возглавлял царевич Давид, сын Георгия XII, считавшийся наиболее законным наследником престола, другую – царевич Юлон, сводный брат умершего царя. Преимущество царевича Давида, ориентировавшегося на Россию, заключалось в формальной стороне – у него, казалось, было больше прав на престол, однако он не имел реальной социальной опоры. Царевич Юлон имел поддержку как со стороны феодальной знати, так и Тегерана, рассматривавшего его как законного назначенца шахского правительства. Следует напомнить об одном очень важном для персидского шаха обстоятельстве: выход Восточной Грузии из правовой сферы (юрисдикции) Персии делал нелегитимным занятие кем бы то ни было шахского престола, поскольку – согласно закону – при отсутствии хотя бы одного вассала на коронации наследник шаха оставался ханом, но не мог стать полноправным шахом. По этой причине, как в свое время для Ага-Мухаммед-хана, так и для Фетх-Али-хана, исполнявшего обязанности шаха с 1798 года, борьба за Восточную Грузию являлась одновременно отстаиванием законности шахского титула. Этим во многом объяснялась та высокая активность Фетх-Али-хана в Грузии, с которой он противостоял России в Закавказье. Подписанный Павлом I проект о присоединении Картли-Кахетинского княжества, сохранявшего в нем царя – вассала персидского шаха, и отсутствие международных правовых актов, которые бы отменяли исторически сложившийся в Восточной Грузии сюзеренитет Персии, создавали для грузинского княжества уникальное политико-правовое положение. В Петербурге хорошо понимали, сколь нелегитимен был договор о присоединении Восточной Грузии к России, заключенный между Павлом I и Георгием XII. Распавшаяся семья Ираклия II в своем большинстве, так же как тавады, не признавала права царевича Давида на престол. Как наиболее «законные» в сложившейся ситуации рассматривались требования персидского шаха, ставившего вопрос о территориальной принадлежности Восточной Грузии Персидскому государству. Столь высокая степень политико-правовой неопределенности, в которой на грани двух веков оказалось Картли-Кахетинское княжество – историческое ядро Грузии, явно лишала страну видимых исторических перспектив. Собственно о них, исторических перспективах, не очень заботились ни княжеский двор, ни феодальная знать. Разыгравшаяся в семье Багратидов свара, эгоцентризм тавадов, смешанный с особым рода национальной фанаберией, оставались главными причинами политического хаоса, в котором находилось Картли-Кахетинское княжество. Что касается Петербурга и Тегерана, то Георгиевским трактатом 1783 года и договором, состоявшимся между Павлом I и Георгием XII, Россия настолько далеко зашла в грузинском вопросе, что отступление в любом его виде было бы похоже на то, что Картли-Кахетинское княжество – кость, брошенная разъяренной Персии. Стоит подчеркнуть и другое. На фоне крупных внутренних и европейских проблем, стоявших перед Россией в начале XIX века, вопрос о судьбе грузинского княжества никак не мог относиться к сколько-нибудь значимым для Петербурга. Несмотря на это, Александр I свою государственную деятельность начинал с разрешения грузинской проблемы. При этом император, учитывая опасность, нависшую над Восточной Грузией, исходил из необходимости защиты прежде всего православия, являвшегося духовной основой российской государственности. В действиях Александра I, связанных с кардинальным решением грузинского вопроса, не было ни спешки, ни политической суеты, тем более «лицемерия», о котором иногда пишут грузинские историки. В основу решения проблемы присоединения Грузии к России был положен все тот же манифест, составленный Георгием XII и Павлом I. Главным, однако, был вопрос о судьбе царского престола в Картли-Кахетии, подвергавшийся тщательному обсуждению. Александр I передал его на рассмотрение Непременного Совета, на котором после первого обсуждения была создана Комиссия во главе с генералом К.Ф. Кноррингом. Детально ознакомившись на месте с положением, создавшимся в Восточной Грузии, Комиссия представила Непременному Совету доклад о Грузии. Такой же доклад был получен императором. На его основе состоялось второе обсуждение грузинского вопроса на Непременном Совете, на котором был сделан вывод о

том, что Грузии угрожают не только геноцид со стороны Персии и междоусобицы тавадской знати, но и царский дом, охваченный династическими распрями. Но была еще одна важная политическая ситуация, влиявшая на решение судьбы царского престола, – это персидский сюзеренитет, к которому тесно был привязан Картли-Кахетинский царь. Сохранение царского дома, в котором наметился перевес сторонников проперсидской ориентации, значительно повышало правомерность притязаний Персии в Восточной Грузии. Правовое и фактическое присутствие Персии в Картли-Кахетинском княжестве ставило перед Россией вопрос не только о ликвидации царского престола, но и принципиально новом решении грузинской проблемы. Оно требовало от России объявления Восточной Грузии неотъемлемой частью Российской империи, и только это предоставляло ей право на вооруженную защиту народа, которому Персия угрожала физическим уничтожением. В том, собственно, и заключалась необычность присоединения Картли-Кахетинского княжества, что Россия, объявляя Восточную Грузию своей государственной территорией и вводя на ней губернскую администрацию, брала на себя в отношении этой территории особые обязательства. К числу таких обязательств следовало отнести содействие России в восстановлении «древних границ» Грузии. Сложность, однако, заключалась в том, что никто толком не мог указать на эти границы и тем более на правовое положение, согласно которому бы происходило возвращение «грузинских территорий». Естественно, обеими сторонами условие о восстановлении «древних границ», записанное еще в проекте «Манифеста» Георгия XII, понималось как предоставление России права на объединение средствами войны всех бывших Картвельских земель, присоединяя таким образом к Картли-Кахетинскому княжеству не только ранее потерянные им территории, но и весьма спорные. По существу, обязательством о восстановлении «древних границ» Россия брала на себя обязанность из одного грузинского княжества – Картли-Кахетинского создать новую на Кавказе страну под названием «Грузия». В своей политике в Закавказье Петербург твердо придерживался четкого выполнения своих обещаний.

Манифест о присоединении Картли-Кахетии к России, подписанный Александром I, вызвал в Грузии всеобщее ликование, поскольку, по словам И.Г. Чавчавадзе, выдающегося общественного деятеля и писателя, «наступало новое время, время покоя и безопасной жизни для обескровленной и распятой на кресте Грузии». Однако о вечных ценностях – безопасности народа, создании единой страны, сохранении своей духовной культуры, о которых писал И.Г. Чавчавадзе, меньше всего думали тавады и сонм грузинских престолонаследников, с молоком матери впитавших варварские формы персидской мизантропии. Кровавый геноцид Ага-Мухаммед-хана и угроза физического уничтожения грузин Фетх-Али-ханом здесь рассматривались как рядовые события. Во главу угла – в числе принципов шахской мизантропической идеологии – наряду с жесткой системой деспотизма грузинская знать ставила власть и собственность. В Петербурге достаточно полно были осведомлены об особом пристрастии грузинской знати к лихоимству, и не случайно в Манифесте о присоединении Грузии к России подчеркивалось, что «все подати с земли вашей» будут направлены в пользу самой Грузии, «каждый пребудет при преимуществах состояния своего... при собственности своей неприкосновенно», «царевичи сохранят уделы свои...» Но российское правительство, гарантировавшее грузинской знати феодальную собственность и привилегии, одновременно лишало ее традиционной для нее идеологии восточного деспотизма, в которой ненависть к зависимому человеку, насилие и жестокости над ним рассматривались как естественные средства усиления своей власти и увеличения собственности. Тавадов и царевичей не устраивал последний абзац российского Манифеста о присоединении Грузии, суть которого заключалась в следующем: «Наконец, да познаете и вы (грузины. – М. Б.) цену доброго правления, да водворится между вами мир, правосудие, уверенность как личная, так и имущественная, да пресекутся самоуправство и лютые истязания, да обратится каждый к лучшим пользам своим и общественным, свободно и невозбранно упражняясь в земледелии, промыслах, торговле, рукоделии, под сенью законов всех, равно покровительствующих». К такому уровню государственной жизни,

предлагавшемуся Петербургом, Грузия явно не была подготовлена. Поиски привычных форм политического быта, исторически сложившегося здесь благодаря иноземному господству, привели большую часть тавадов и царевичей к шахскому двору. Царевичи Юлон, Александр, Парнаоз и грузинская аристократия укрылись под сенью Фетх-Али-хана. Отторжение российского императора, спасавшего грузин от «конечной гибели» и обещавшего «доброе управление», и появление представителей грузинской знати при дворе шаха, публично сулившего грузинскому народу физическое уничтожение, не было ни парадоксом, ни феноменом, вызванными экстраординарными историческими обстоятельствами. Это было проявлением всего-навсего повседневной данности, в которой все измерялось количеством собственности, и господствовавшей идеологической системы, ничего общего не имевшей с нравственностью христианского православия. Заняв Тифлис, Петербург столкнулся, с одной стороны, с ликованием народа, салютовавшего присоединению к России, с другой – с воинствующей оппозицией, требовавшей денонсации всех договоров между Россией и Грузией и угрожавшей огромной империи войной. В складывавшейся сложной обстановке, похожей больше на необычный политический маскарад, Россия начинала в Грузии совершать самые крупные и непоправимые ошибки, когда-либо отмеченные в ее политике на Кавказе. Одна из них – объявление Тифлиса не только губернским центром, но фактически главным городом всего Кавказа. Тем самым российская администрация, как военная, так и гражданская, вынужденная заигрывать с бывшими вассалами Персии, становилась доступной для местной знати, а иногда и управляемой ею. Не случайно среди первых были решения об отмене введенных в свое время Ираклием II ограничений феодальных прав тавадов. Губернские власти в Тифлисе образовали так называемое Верховное грузинское правительство, состоявшее главным образом из представителей свергнутой царской семьи и тавадов, придерживавшихся российской политической ориентации. Оно занималось в основном расширением феодальных привилегий знати, распределением земельной собственности и установлением новой феодальной податной системы. Решения Грузинского правительства рассматривались губернатором и, как правило, им утверждались. Благодаря присоединению Восточной Грузии к России местная феодальная знать получила мощную государственную поддержку, с помощью которой не только подчиняла себе новые массы населения, но и стремилась к территориальному расширению своего господства. Основным направлением феодальной экспансии явилась Осетия, в особенности ее южные районы, сопредельные с Грузией. Начало вооруженному вторжению в Южную Осетию с целью установления в ней феодального господства было положено Верховным грузинским правительством, состоявшим исключительно из представителей знати. В 1802 году оно обвинило осетин в разбойных нападениях на грузинские села и потребовало от российских властей в Тифлисе карательных мер в отношении Южной Осетии. Положение последней осложнялось тем, что в тот момент по Южной Осетии, протестовавшей в связи с восстановлением в некоторых ее селах феодальных прав грузинских князей Эристави и Мачабели, разъезжал царевич Юлон, сын Ираклия II, клевет персидского шаха, и призывал местное население к войне против России. Об этом доносил российскому командованию генерал-майор Лазарев, хорошо знавший о политической деятельности царевича Юлона и о неповиновении южных осетин грузинским князьям. Зимой 1802 года подполковник Симонович с воинским отрядом вступил в Южную Осетию и достиг центральных районов осетинских обществ. Появление значительного вооруженного отряда российских войск, ставившего перед собой карательные задачи, не вызвало в Осетии военного конфликта. Позже, вспоминая об этой экспедиции, граф И.Ф. Паскевич отмечал, что русских солдат осетины встречали как своих избавителей, но, по оценке графа, «когда осетины увидели, что русские начали отдавать их на произвол помещиков», «привязанность их к русским заметно уменьшилась».

Мирным исходом карательной экспедиции Симоновича в Осетии остались недовольны грузинские тавады. Тот же генерал Лазарев сообщал своему командованию, что «из князей и дворян здешних (грузинских. – М. Б.) осталось усердствующими России самая малая часть».

Летом 1802 года грузинские тавады объединились в политическую фронду. Они провозгласили своим царем Юлона, тесно связанного с персидским шахом. Одновременно присягнули Александру I, которому отводилась роль верховного сюзерена. 69 тавадов обратились к императору с просьбой о сохранении в Грузии царя из дома Багратидов. Грузинская знать, фрондировавшая с Россией, хорошо понимала, что восстановление грузинского царского престола и избрание на него царевича Юлона – это не что иное, как признание за Персией ее права на владение Восточной Грузией. Не исключено, что грузинские тавады, приносившие интересы своей страны в жертву собственным утилитарным выгодам, действовали вместе с Юлоном во взаимодействии с шахским правительством. Во всяком случае, как только царевич Юлон был избран правителем Грузии, его первым поздравил Фетх-Али-хан, подчеркнувший при этом, что Грузия «есть часть самодержавного иранского владения». Что же до присяги по поводу признания Александра I «верховным сюзереном» Грузии, то в череде политических акций это являлось всего лишь формальностью, к которой прибегли тавады; они же направили в Восточную Осетию, по которой пролегает Военно-Грузинская дорога, царевича Вахтанга, чтобы с помощью осетин перекрыть единственную коммуникацию, связывавшую Россию с Грузией. Другие царевичи – Юлон, Парнаоз и Александр и с ними многие грузинские князья пытались в Южной Осетии спровоцировать местное население к антироссийским выступлениям.

В условиях, когда абсолютное большинство политической элиты Грузии настаивало на возвращении своей страны в лоно персидского государства, самым выгодным для Петербурга решением, несомненно, могло бы явиться дезавуирование манифеста 1801 года о присоединении Грузии к России и отстранение до лучших времен от грузинской проблемы. Было слишком очевидно, что российская политика, основанная на идее спасения единой Грузии, кроме международных осложнений и тяжелых затяжных войн, никаких иных результатов для Петербурга иметь не будет. Ясно было и другое: несмотря на принадлежность России и Грузии к одной и той же религиозной конфессии, в грузинском феодальном обществе господствовавшей идеологией являлся восточный деспотизм. Он представлял собой не только следствие длительного процесса формирования восточногрузинского общества в составе шахской Персии, но и одинаковой с Персией социальной организации феодализма; как и в Персии, в Грузии сохранялся общинный быт, при котором феодальная собственность на землю создавалась не благодаря внутреннему социальному генезису, а посредством наделения отдельной семьи, рода во временное пользование земель. Подобная модель феодализма порождала тиранию – как глубоко консервативную форму государственности и идеологических установок. В довольно короткое время, какое Грузия находилась в составе России, обнаружилось несходство грузинского общества с православно-духовным миром России и набирала силу ностальгическая тяга тавадов к идеологическим ценностям, присущим восточному деспотизму.

Лихоимствующая знать, слишком занятая повседневностью, обычно обладает короткой памятью. Ее заботит собственное будущее, и она отстраняется от народа и судьбы своей страны. Многочисленная семья Багратидов и грузинские тавады за короткое время успели забыть, как Ага-Мухаммед-хан устроил в Грузии кровавую расправу – то, как на мосту через Куру отсекали головы обнаженных грузин... Их не пугали и новые угрозы персидского шаха Фетх-Али-хана. Летом 1802 года, после ареста российскими властями царевича Вахтанга, 40 грузинских тавадов во главе с царевичем Александром и Теймуразом бежали в Персию, чтобы начать тотальную войну с «единой» Россией.

Подъем «импортной» модели грузинского феодализма: экспансия в Осетии

В Петербурге справедливо считали, что причиной столь жесткой оппозиции в отношении России являлось стремление тавадов к расширению феодальной собственности и сохранению правового произвола, позволявшего вводить неограниченные формы угнетения крестьянских масс. В тени оставалась непонятная для российских властей, но важная особенность грузинских князей, на протяжении трех веков находившихся на положении вассалов; последние ожидали, что Россия, как в свое время персидский шах, будет щедро им раздавать земли и наделять их деспотической властью. Не зная всех тонкостей грузинского феодализма, российские власти, желая максимально удовлетворить притязания знати и тем самым снизить в Грузии политический накал, решили передать вопросы о земле, крестьянах и повинностях на рассмотрение Верховного грузинского правительства. Последнее фактически восстановило практику наделения феодалов землей, существовавшую при персидском шахе, – практику, с которой пытался покончить Ираклий II. Раздача владений, которой занималось Верховное правительство Грузии, происходила не только на грузинской территории, но и в других районах, входивших в Тифлисскую и Кутаисскую губернии. В 1803 году решением этого правительства значительная часть Южной Осетии (около 50 сел) передавалась во владение грузинских князей Эристави. Немногим меньшая доля равнинной территории Южной Осетии закреплялась за грузинским феодальным родом Мачабеловых. С этого началось интенсивное продвижение грузинского феодализма на территорию Южной Осетии. Главным распределителем земельной собственности, а вместе с ней и осетинских сел становились грузинские власти, состоявшие из наиболее знатной части грузинских князей. Важным событием для тавадов, устремившихся в Южную Осетию, явилось назначение в 1802 году в улогу знати главнокомандующим на Кавказе генерала П.Д. Цицианова, грузина по происхождению, жившего в России. Новый командующий, поощряя экспансию тавадов, значительно расширил владения грузинских феодалов. С его помощью они наделялись землями, им передавались села в Южной Осетии. Грузинская знать рассматривала генерала Цицианова «правителем Грузии» и все свои проблемы решала при его поддержке. В год назначения генерала Цицианова особенно часто стали поступать жалобы и протесты со стороны осетинского населения, на которое ложилось тяжелое бремя повинностей в пользу грузинских феодалов. Считая себя людьми свободными, независимыми от Грузии, осетины решительно отказывались выполнять какие-либо повинности и вели отчаянную борьбу с засильем иноземных феодалов. Вооруженные столкновения нередко заканчивались убийством сборщиков повинностей, а иногда и самого феодала. По заключению надворного советника Ястребцева, с созданием в Грузии российской губернии осетины «отошли во владение» грузинских «князей, от которых терпят неслыханные доселе на Кавказе жестокости. Сии владельцы отнимают и продают у них детей, лишая всякого имущества. Оттого осетинцы ненавидят грузин с их верою». О «неслыханных доселе на Кавказе жестокостях» грузинских тавадов в Южной Осетии еще будет сказано, здесь же отметим другое. Российская политика в Грузии, рассчитанная на поиски социальной опоры среди тавадов и с этой целью поощрявшая последних в их феодальной экспансии, вызывала среди других кавказских народов немалый страх. Тот же надворный советник Ястребцев подчеркивал, что «прочие жители Кавказа вооружают против правительства (российского. – М. Б.), думая, что ежели Россия завладеет ими, то они впадут так же во власть грузинских князей и будут испытывать ту же бедственную участь». Оценку Ястребцева о политическом положении, создавшемся на Кавказе, разделял и архиепископ Досифей, считавший, что засилье грузинских князей в Южной Осетии вызовет «затруднения с присоединением горских жителей» к России.

Не менее сложно, чем в Южной Осетии, складывалась ситуация в Восточной Осетии (Тагаурии), также ставшей объектом феодальной экспансии грузинской знати. Здесь тавадов привлекали не только превосходные пастбища, скотоводческие хозяйства осетин, но и Осетинская дорога, соединявшая Северный Кавказ с Закавказьем; доходы от дороги, поступающие от купцов и различных транспортов, были значительны. Генерал Цицианов, страдавший фанатерией грузинских князей, переименовал Осетинскую дорогу, назвав ее

«Военно-Грузинской». Его не устраивало и то, что дорогу контролировали осетинские феодалы, строившие с помощью своих крестьян мосты через Терек и дорожные переходы. Генерал Цицианов решил привлечь к русской службе известного грузинского феодала Казбеги, ранее занимавшегося антироссийской деятельностью. Командующий готовил его на должность «начальника тагаурцев», т. е. Восточной Осетии, территория которой начиналась в предгорьях Северного Кавказа (по бассейнам рек Терека, Гизельдона и Геналдона) и заканчивалась далеко в Закавказье; на южную часть Восточной Осетии по бассейну реки Арагви претендовали также грузинские князья Эристави, просившие российские власти отвести им осетинские села. Генерал Цицианов лишил осетинских владельцев права взимания на Военно-Грузинской дороге пошрины; до этого проезжавшие по дороге транспорты платили пошину за дорогу и отдельно за мосты. Seriously подорвав политическую опору среди осетинской феодальной знати, российский командующий наряду с Южной Осетией создал в Восточной Осетии угрозу военно-стратегическим позициям России на Центральном Кавказе. Вскоре, как и ожидалось, Ахмет Дударов, наиболее известный и влиятельный осетинский феодал, владевший землями и частью Военно-Грузинской дороги в районе Ларса и Чми, был приглашен грузинскими царевичами в Кутаиси. Здесь состоялись переговоры о совместных действиях, направленных против российских и грузинских властей в Тифлисе. В Кутаиси обсуждались также крупномасштабные планы, связанные с военным сотрудничеством грузинских и осетинских политических сил с Ираном и Турцией; в 1803 году, когда велись переговоры в Кутаиси, у грузинских царевичей, находившихся на службе соседних государств, не было сомнений в начале русско-иранской и русско-турецкой войн. В том же году от Фетх-Али-шаха стали поступать в Осетию фирманы, оповещавшие местную знать о скорой войне с Россией.

С этого времени Осетии, подвергшейся политическим притеснениям со стороны генерала Цицианова и грузинских тавадов, отводилась значительная роль в будущей войне с Россией. Персидский шах в своих фирманах писал не только о возвращении Грузии в лоно своего государства, но и об овладении Осетией вплоть до Моздока и Кизляра. В различных обществах Осетии стали появляться грузинские царевичи. Они от имени персидского шаха призывали местное население к антироссийским выступлениям. Однако царевичи не имели в Осетии сколько-нибудь заметного успеха. Осетины знали цену обеим партиям грузинской знати – и тем, кто сотрудничал с российскими властями, добиваясь новых владений и феодальных привилегий, и тем, кто с точно такими же целями провоцировал персидского шаха к войне с Россией. По вовлечению осетин в грузинскую фронду и обострению ситуации на Центральном Кавказе более успешно, пожалуй, действовал генерал Цицианов. Вполне разделяя идеологию ксенофобии, свойственную своим грузинским сородичам, он сначала объявил блокаду Восточной Осетии, а затем, приступив к строительным работам на Военно-Грузинской дороге, заставлял местное население выполнять дорожные работы. Здесь, на дороге, нещадную эксплуатацию генерал Цицианов требовал сопровождать жестокостями и насилием над местным населением. Не забывал он и об осетинской знати, которая была недовольна политикой России, защищавшей интересы грузинских тавадов и не признававшей привилегии осетинских феодалов. В адрес последних генерал слал письма, полные жестоких угроз. Так, Ахмету Дударову Цицианов обещал приехать в Осетию, зарезать его и его же аристократической кровью смыть грязь с собственных сапог; подобная расправа, которую сулил генерал осетинскому феодалу, была широко распространена среди грузинских князей в Южной Осетии. Ахмет Дударов не относился к пугливым, через грузинского царевича Александра он связался с персидским шахом и вскоре, по свидетельству русского офицера Стемковского, получил денег и на трех мулах золота. На эти средства весной 1804 года Ахмет Дударов создал вооруженный отряд и перекрыл Военно-Грузинскую дорогу. Цицианов не пытался вести переговоры с осетинской знатью; грузинская спесь и жажда крови, в каком-то особом холопском их выражении, доводили его разум до помутнения. Действия Ахмета Дударова послужили поводом для применения к осетинскому населению знакомых генералу Цицианову методов насилия, к которым в

Грузии прибегали войска персидского шаха. Он приказал «качать, пороть и рубить осетин без пощады, жечь все их жилища...» Осетинское население Восточной и Южной Осетии, ставшее жертвой прогрузинской политики Петербурга, обратилось к российским властям с заявлением: «Мы, – подчеркивалось в нем, – все до единого остановились на том, что если другая какая напасть не постигнет нас, дабы избавить от нестерпимой горести, то зажечь своими руками наши дома, жен и детей вогнать туда и самим броситься и так сгореть. Мы предпочитаем умереть так, чем мучиться, ждать смерти от плетей и видеть позор наших жен».

Русско-иранская и русско-турецкая войны: вовлечение Осетии в грузинскую фронду

В начале 1804 года Персия потребовала от России вывода своих войск из Закавказья. Отклонив ультиматум шаха, Россия была вынуждена вступить в войну с Ираном. Так Петербург, вынашивая идею спасения единой Грузии, но при этом имея в виду и свои собственные военно-стратегические цели в Закавказье, был вовлечен благодаря грузинским тавадам и генералу Цицианову в одну из тяжелых и продолжительных войн. Стоит подчеркнуть – в войне, начавшейся между Россией и Ираном, больше, чем Петербург и Тегеран, были заинтересованы грузинская знать – обе ее партии – пророссийская и антироссийская, а также Цицианов, вынашивавший планы возвращения Иверии ее «древних границ». Как отмечалось, проблема «древних границ», по существу ничем не обоснованная и отражавшая всего лишь особую степень агрессивности грузинской знати, возникала в российско-грузинских отношениях и раньше. Но ранее никто не решался конкретно формулировать «пределы» этих границ, на которые претендовали тавады. Под влиянием последних их впервые обозначил князь Цицианов. В начале 1805 года он заявил, что «Гуржистанское валийство» – так было принято называть будущую Грузию – «простиралось от Дербента, что на Каспийском море, до Абхазетии, что на Черном море, и поперек от Кавказских гор до реки Куры и Аракс». Грузинские тавады были единственными, кто в своих отношениях с Россией ставил на Кавказе вопрос о территориальной ретроспективе. Обращало на себя внимание и другое – территориальные притязания грузинской знати, которые объявлял князь Цицианов: никогда грузинские территории не достигали Дербента и не простирались «от моря Черного до моря Каспийского». Не было в истории момента, когда бы Грузия из Алазанской долины вошла в пределы Джаро-Белоканской возвышенности и каким-то образом – военным, политическим или же иным способом соприкоснулась с дагестанским Дербентом. В XVII и XVIII веках наблюдалось другое – вытеснение грузинского населения из Кахетии крупными отрядами горцев Дагестана, опустошение Алазанской долины и компактное расселение горцев в этой долине. Результатом этого явилась потеря Ираклием II Телави, своей столицы, и переселение царской семьи в Тифлис.

Войной с Ираном воспользовались Франция и Турция. Первая из них активизировала свои военные действия на Балканах, а Порты, желавшая упрочить позиции в Имеретии и Северном Причерноморье, в конце 1806 года объявила войну России. Это были первые и, несомненно, самые тяжелые последствия политики Петербурга в Закавказье, и в первую очередь в Грузии.

В годы русско-иранской и русско-турецкой войн грузинская знать напоминала раковую опухоль, широко пустившую метастазы. С одной стороны, ее представители стали «подороже продавать» свою верность России, получая взамен новые владения и привилегии, с другой – грузинские царевичи и их сторонники из знати разъезжали по Осетии, Кабарде и Дагестану, призывая местные народы к войне с Россией. Пользуясь антироссийскими настроениями, вызванными феодальной экспансией грузинских тавадов на Центральном Кавказе, царевичам Александру, Юлону и Парнаозу удалось поднять повстанческое движение в южной и восточной частях Осетии – в районах, составлявших главное направление феодальной экспансии грузинской знати. В самый сложный момент начала русско-иранской войны (в 1804 году) осетинские повстанцы числом 3000 человек во главе с Ахметом Дударовым закрыли Военно-Грузинскую дорогу, атаковали поместье грузинского князя Казбеги, которого генерал Цицианов прочил в управители восточных осетин, и повели

длительную осаду Степан-Цминды, где была расположена русская команда. Вскоре к повстанцам присоединились южные осетины и грузинские села, расположенные на южных отрогах Центрального Кавказа, также страдавшие от феодального произвола тавадов. Антифеодальное и антироссийское движение принимало столь массовый характер, что летом 1804 года повстанцы под руководством Ахмета Дударова совершили нападение на Владикавказскую крепость. Российское командование, отрезанное повстанцами от метрополии, было вынуждено снять части войск с иранского фронта и вести ожесточенные бои с осетинским и грузинским крестьянством на северных и южных склонах Центрального Кавказа. Военные действия русских войск в югоосетинском направлении возглавил сам генерал Цицианов. Такое решение командующий принял не по соображениям военно-стратегической важности Южной Осетии; намного важнее было освободить от повстанцев Военно-Грузинскую дорогу и возобновить по ней движение военных транспортов, направлявшихся на русско-иранский фронт. Генерал Цицианов, планируя особо жестокие методы расправы над югоосетинским населением, не надеялся, что русские генералы и офицеры, нередко сочувствовавшие повстанцам, выполнят его репрессивные замыслы. К тому же командующий, желая укрепить в Южной Осетии феодальные позиции тавадов, решил на собственном уровне сломить сопротивление югоосетинского населения. В середине ноября 1804 года генерал Цицианов с крупным отрядом выступил из Цхинвали и приступил к репрессиям. Подводя итог своей карательной экспедиции в Южной Осетии, он был сдержан: «С войском, – писал он, – ходил в Осетию для наказания жителей ее, оказавших некоторые шалости, истребил многие селения в страх другим, сломал все башни, перебил всех осмелившихся противиться мне и возвратился с знатным пленом». На самом деле после карательных мер командующего на небольшой карте Осетии не стало многих населенных пунктов: они были либо разрушены, либо сожжены.

Несмотря на целый ряд уступок (в том числе «объявление милости» Ахмету Дударову), сделанных для народов Центрального Кавказа, отношение к генералу Цицианову со стороны горцев было как к жестокому грузину, занятому не столько интересами России, сколько выгодами грузинских феодалов. Не случайно, что из российских генералов-чиновников такого ранга он был, пожалуй, единственным, кто был убит в результате совершенного на него покушения.

Главнокомандующим в Тифлис был назначен граф И.В. Гудович, многие годы служивший на Кавказе. Опытный генерал, хорошо знакомый с положением дел на Кавказском перешейке, с досадой писал в Петербург о том, что он «...нашел горских народов» как «отклонившихся от послушания», и свою задачу видел в «прекращении сего зла и приведение в горах живущих народов, а особливо осетинцев, в прежнее повиновение». Граф вернул права осетинских феодалов на Военно-Грузинской дороге, а Ахмету Дударову, которому Цицианов обещал «отрубить голову», присвоил офицерское звание майора.

Острота политического накала, однако, не снижалась в Южной Осетии, где по-прежнему бесчинствовали грузинские тавады. Генерал И.В. Гудович, как и его предшественники, желая опереться на грузинскую знать, потакал ее социальным притязаниям. Дела Южной Осетии он передал полковнику Ахвердову, которого новый командующий назначил «правителем Грузии». Как типичный грузинский тавад, Ахвердов главной своей задачей считал защиту в Южной Осетии интересов грузинских феодалов. Для этого полковник Ахвердов просил командующего прислать российские войска, которые бы содержались местным населением, охраняли бы грузинских князей и подвергли аресту осетинских старшин. Одновременно правитель Грузии требовал от Гудовича организации с помощью российских войск блокады Южной Осетии, не позволяя ей сообщаться ни с грузинскими селами на юге, ни с Осетией на севере. Несмотря на крестьянское движение, с 1807 года набиравшее силу, командующий отказал правителю Грузии в войсках, которые Ахвердов намерен был «держатъ» в Ахалгори и Ломискане; объяснение своему отказу Гудович дал предельно ясное: «Воинские же команды держатъ... для того, чтоб помещики (грузинские. – М. Б.) имели силу управлять подвластными по своим прихотям, не годится».

Командующий предлагал правителю Грузии «употребить увещевания, уговоры и другие средства». Отказав в регулярных войсках, генерал Гудович под давлением постоянных ходатайств грузинских феодалов, оказавшихся перед мощным сопротивлением южных осетин, выделил казаков, разместив их небольшими группами по феодальным владениям в Южной Осетии. Этими группами казаков, как правило, командовали грузины, получившие от российских властей воинские звания. Они находились на содержании местного населения, обязанного не только кормить казаков и их грузинских командиров, но и выполнять любые приказы. Нововведение, на котором настаивал правитель Грузии и о котором идет речь, вскоре обернулось вооруженной оккупацией Южной Осетии, приведшей к стихии грузинского насилия и бесчинства. Джавские крестьяне рассказывали, как грузинский капитан Амираджиби, запретив работу мельниц, расположенных на реке Лиахве, а затем через некоторое время сняв свой запрет, выждал, чтобы в мельницы свезли побольше зерна, и с помощью казаков конфисковал крестьянские запасы. Капитан арестовал безвинных людей, держал их в тюрьме и заставлял родственников вносить за арестованных выкуп. Тот же Амираджиби «марта 12 вечером приехал с 10 казаками и», как обычно, («и как служили») крестьянская семья отдала ему «12 чанах ячменя и что как могли: хлеб, кушанье и водку, потом просил три тунги вина, но мы одного найти не могли, казаки, после того как выпили вина, один потребовал жену» хозяина. Дело кончилось тем, что члены крестьянской семьи «фазругали казака», за что капитан Амираджиби, вызвав еще 25 грузин, учинил расправу над этой семьей. Осетинские крестьяне приводили перечень жестоких насилий, к которым прибегал Амираджиби в селах Южной Осетии для собственного обогащения, обращались к российским властям с жалобами, однако к их бедственному положению официальные власти были глухи. Командование моментально отреагировало лишь после того, когда крестьяне избили Амираджиби и его команду. Для разбора «проступка» осетинских крестьян в Южную Осетию был прислан грузинский князь Давид Гарханов. Было очевидно, чью сторону стал бы защищать визитер из Тифлиса. Крестьяне Южной Осетии сами взялись за собственное освобождение от грузинской военно-феодальной оккупации. Летом 1808 года в Тифлисе стали поступать из осетинских сел сведения о массовых выступлениях крестьян против грузинских феодалов. Стихия крестьянских волнений, связанных с угоном скота феодалов, убийствами во время вооруженных столкновений и др., настолько разрасталась в Южной Осетии, что перекинулась на территорию Грузии и достигла Карталинских долин. Обеспокоенный положением дел в Южной Осетии, Петербург решил сменить в Тифлисе генерала Гудовича, рассматривая его как либерального командующего, не в полной мере защищавшего интересы грузинских тавадов. На его место был назначен генерал А.П. Тормасов. Вступив на должность командующего, он, ссылаясь на императора, объявил о своем намерении всех бунтовщиков «отныне предавать смертной казни». Заявление генерала звучало как общее положение, на самом деле имелись в виду крестьяне Южной Осетии, которых Тормасов считал главными бунтовщиками. Политическая стратегия, с которой приехал новый командующий в Тифлис, окончательно обнажилась в середине сентября 1809 года. Именно тогда он объявил о своих главных решениях, принятых им в отношении Южной Осетии. Как оказалось, генерал Тормасов поручил подавление крестьянских волнений самим грузинским князьям и военным, служившим в русской армии. Последних возглавил «маршал дворянства Горийского уезда» князь Георгий Амилахваров. Вместе с «маршалом» и его грузинским отрядом в подавлении антифеодального движения в Южной Осетии принимали участие подполковник Шанше и князь Давид Эристави, дворяне Николай и Агатоник Амилахваровы, Реваз Цицианов и Бартвель Туманов. Грузинские силы вступили в Южную Осетию и добились «совершенного разбития» «сильной партии осетинцев». Взятые были в плен руководители движения. Из них двух генерал Тормасов решил повесить в Тифлисе, трех других – в Цхинвале. Несмотря на кровавую расправу, устроенную грузинскими тавадами в Южной Осетии, командующий не скупился на пафос, подводя итоги жестоким насилиям в отношении осетинского населения: «...изъявляя перед лицом всех обитателей здешняго края, – писал генерал Тормасов, – особенную мою признательность за

столь похвальный их (грузинских феодалов. – М. Б.) подвиг, непримину довести о сем до высочайшего сведения Е.И.В. и желаю, чтобы все, населяющие здешний край, чувствуя наравне со мной благородный поступок сих князей, делающий честь нации и пользу их соотечественника, приняли сие убедительным примером к соревнованию». Как видно, российский командующий, отдавая Южную Осетию на произвол грузинским тавадам, фактически приглашал последних к дальнейшему закреплению осетин. Заметно было и другое – за новой политикой в отношении Южной Осетии стоял сам Александр I, которого генерал Торماسов собирался обрадовать успехами грузинских князей. Нет смысла строго судить императора, вынужденного одновременно вести тяжелые русско-иранскую и русско-турецкую войны и вдобавок к этому иметь дело с фрондой грузинской знати, обуреваемой жадной наживы, за то, что он в виде давно уже обглоданной кости истерзанную и обнищавшую Южную Осетию бросил на съедение грузинским феодалам. Император был уверен, что, с одной стороны, тем самым он заслужит у Грузии верность, с другой – силами грузинских феодалов наведет мир и «порядок» среди беспокойных осетин. Подобный сценарий, предложенный в 1809 году Александром I, станет обычным. С этого года Южной Осетии будет отводиться в лучшем случае роль игральной карты, в худшем – той кости, с которой начинал император России. Характерно будет и другое: российские правители так и не смогут насытить феодальное чрево грузинской знати, постоянно добивавшейся все новых и новых привилегий, и никогда Петербург «не заслужит» верности этой знати; в этом не было парадокса – шахская мизантропия, в свое время ставшая идеологической традицией грузинского феодализма, будет всегда оставаться прочным барьером между двумя православными странами. Но вернемся к той исторической ткани, которая своей расцветкой еще больше осложнилась после событий начала осени 1809 года. «Соревнование» по покорению Южной Осетии, объявленное генералом Тормасовым для грузинской знати, нашло широкий отклик в феодальных кругах Грузии. На Южную Осетию стали смотреть как на Клондайк, где для наживы позволено было любое бесчинство. Особенно усердствовали в своих феодальных притязаниях грузинские князья Эристави и Мачабели, получившие со стороны российского командования полную свободу. Произвол этих князей, которые, соревнуясь, стремились к вооруженному захвату всей территории Южной Осетии, до предела накалил политическую обстановку среди местного населения.

К лету 1810 года Южная Осетия была охвачена всеобщим бунтом. Это не пугало ни российские, ни грузинские власти. Казалось, что бунтующая Осетия их устраивала гораздо больше, нежели мирная. Правитель Грузии генерал-майор Ахвердов не упустил повода в очередной раз направить войска в Южную Осетию. Карт-бланш на поход он получил от генерала Тормасова; наставляя Ахвердова, командующий писал: «Охотно согласен и желаю, чтобы вы, собрав партию грузин, мтиулетинцев (грузинское племя. – М. Б.) и кто бы то ни был, послали под прикрытием пехотным с орудием разорять бунтующие осетинские селения, каких бы помещиков оные не были. Добыча же, при сем полученная, останется собственностью того, кто оную достанет». Подвергнув Южную Осетию карательным мерам, командующий предписал правителю Грузии «повесить без суда в Цхинвале» лидера осетинских повстанцев – Цховребова Папа, «славного осетина», как его называл генерал Тормасов. Казнены также были еще шесть человек – «товарищей» Цховребова. Желая запугать местное население, казнь их совершили «в разных пограничных к Осетии местах».

«Соревнование» за обладание Южной Осетией, начавшееся с легкой руки Тормасова, вскоре сформировало среди грузинской знати две группировки, в равной степени боровшиеся за первенство в господстве над югоосетинскими обществами: одна из них относилась к тавадам, другая – азнаури – более мелкое грузинское дворянство. Претендентами-тавадами являлись представители грузинских княжеских родов Эристави и Мачабели, азнаури – родственники Досифея Пицхелаури, архиепископа «Телавского и Грузино-кавказского», а также Иорам Черкезешвили. В борьбе двух феодальных группировок, притязавших на Южную Осетию, выяснилось самое важное – неосновательность феодальных прав в Южной Осетии грузинских князей Эристави,

убеждавших российские власти в исконности владения ими осетинскими селами. Доказательства азнауров, отрицавших права Эристави на феодальные владения в Южной Осетии, были столь убедительны, что их, несмотря на всю негативность отношения к осетинам генерала Торماسова, разделял даже он. В письме князю А.Б. Куракину, главе иностранного ведомства России, командующий объяснял, что князья Эристави «не были настоящими владельцами» в Осетии, «а были только начальниками или правителями», и «что возвращение князьям Эристави имени... Вызвало неповиновение ксанских жителей не только им Эриставым, но и правительству, которое вынуждено было год тому назад послать вооруженную силу для приведения их к повиновению». Архиепископ Досифей Пицхелаури ходатайствовал перед генералом Тормасовым о лишении князей Эристави Ксанских владений в Южной Осетии, предоставленных им незаконно Верховным правительством Грузии. Но командующий не соглашался с этим, считая, что осетинские села в Южной Осетии были отданы грузинским князьям «за усердную службу». Несмотря на сопротивление командующего, не желавшего освобождения южных осетин от господства грузинских князей, сама постановка вопроса о незаконном присвоении феодальных прав на осетинские села со стороны Эристави являлась серьезным политическим достижением, вызванным волнениями в Южной Осетии.

Восстание в Кахетии: указ Александра I по Южной Осетии

Кроме двух феодальных группировок, боровшихся за феодальные владения в Южной Осетии, здесь же активно продолжала действовать грузинская феодальная фронда во главе с царевичами. В 1811–1812 годах царевичи, добивавшиеся отторжения Грузии от России, значительно расширили сферу своей политической деятельности. Наряду с Южной и Восточной Осетией, где нередко им удавалось поднять местное население против российских властей, грузинская феодальная фронда и царевичи немалый политический успех имели в самой Грузии. Объяснялось это крайним усилением феодального гнета тавадов, получивших поддержку со стороны российских властей. Процессы феодализации грузинского общества благодаря силовой обеспеченности со стороны командования были столь интенсивны, что лозунг об отторжении Грузии от России, выдвигавшийся грузинскими царевичами, находил явный отклик со стороны грузинского населения. Сказывалось и другое. Практика наделения тавадов феодальными владениями и крестьянами фактически являлась продолжением персидской политики «выращивания» феодализма, обеспечивавшей шаху реализацию через своих вассалов деспотической власти. Разумеется, подобной задачи, традиционно связывавшейся с шахом, не выдвигало российское командование, ограничивавшее свои цели поисками среди тавадов социальной опоры для поддержания в Грузии пророссийской политической ориентации. Но, сохраняя в Грузии персидскую модель генезиса феодализма, российские власти помимо своей воли создавали в лице тавадов «мини-валиев», власть которых опиралась не на феодальную собственность, а на право предоставления «верховой» властью феодального владения землей и крестьянами. Этот административный механизм распределения феодального права, которым пользовалось российское командование, порождал не только в Южной Осетии, но и в самой Грузии ничем не ограниченный феодальный произвол. Именно он уже в 1804 году вызвал среди грузинского крестьянства острое антифеодальное движение. Из-за произвола тавадов, доходившего до настоящего грабежа и разбоя, в 1812 году в Кахетии развернулось крупное крестьянское восстание. Его поддержали в Южной и Восточной Осетии, где вновь начались антироссийские и антифеодальные выступления. Участниками и организаторами восстания в Кахетии и Осетии были также представители грузинской феодальной фронды, лишившиеся в связи с присоединением Грузии к России своих прежних привилегий, и царевичи, добивавшиеся восстановления в Грузии царского престола Багратидов. Восстание в Кахетии, в Восточной и Южной Осетии началось в феврале 1812 года, в марте оно охватило ряд

других районов Грузии и Кавказа, продолжалось до конца 1812 года. Стоит напомнить: 1812 год – один из самых сложных в русской истории. На него пришлось три войны – русско-иранская, русско-турецкая и Отечественная с Францией. Правда, России удалось заключить с Турцией Бухарестский мир, но это не очень облегчило положение – слишком тяжелой оказалась для России война с наполеоновской Францией. В этих крайне сложных условиях Россия могла бы пожертвовать Грузией – оставить ее той же Персии, не желавшей из-за нее заключения мира с Россией, оставить Грузию как слишком беспокойный район, потребовавший от России колоссальных расходов и человеческих жертв, и сосредоточиться на обороне собственной метрополии, которой реально угрожала Франция. Но вопрос об этом, казалось, вполне логичный, вытекавший из сложившейся ситуации, сколько-нибудь открыто в Петербурге не обсуждался. Чисто внешне это выглядело так, словно Россия – огромная машина, против которой в Грузии неистово продолжали войну значительные политические силы, зашла в огромное топкое болото и, застряв в нем, фатально обречена находиться на дне вязкого ила. Один из современных авторов, отмечая ошибочность российской политики в Грузии, называет ее «бульдожьей», имея в виду ее упорство в защите безопасности Грузии. Грузинская историография эту же политику, при которой Россия «прикипела» к Грузии, рассматривает банально – как колониальную; но до колониальной ли политики было в 1812 году России, если в войне с Францией на карту была поставлена ее собственная судьба. Добавим: трудно представить себе колониальную политику, лишенную каких-либо выгод и состоящую из одних потерь – что Россия имела за 12 лет пребывания в Грузии? – разве что две затяжные войны... Определения «бульдожья политика», «колониальная политика», «имперская политика» и пр. – не более чем пена, видимая на исторической поверхности, существо же этой политики, привязавшей Россию к разоренной, нищей и раздираемой политическими распрями Грузии, в ее феномене, природа которого скорее всего «скрыта» в уникальности российской государственности, в сложности ее евразийскости и в духовной составляющей – православной религии, идеологически тесно связанной с генезисом самобытной государственности. Оправдана ли была политика России в Грузии, из-за которой приходилось ей нести огромное бремя на Кавказе? Ответ может быть только один – нет, если сугубо прагматически иметь в виду только российские национальные интересы и не считаться с судьбой грузинского народа – одного из древних и, несомненно, талантливых на Кавказе. Бесспорно и другое – Россия выполняла свою историческую миссию, связанную со спасением Грузии по меньшей мере от очередного геноцида, не исключавшего исчезновения ее как страны.

События 1812 года на Кавказе, в особенности восстания в Кахетии, Южной и Восточной Осетии, заставили Петербург более плотно заняться проблемами прифронтовых районов Закавказья. Еще летом 1811 года, когда политическое напряжение в Грузии и Южной Осетии достигло заметного накала, Александр I был вынужден отозвать из Тифлиса генерала Торماسова и вместо него главнокомандующим и главноуправляющим направить в Грузию Ф.О. Пауллуччи, итальянца по национальности. От нового командующего требовали кардинальных мер, направленных на серьезные перемены в Закавказье. Ожидалось, что успешные военные действия на русско-турецком фронте приблизят заключение мира с Турцией и это во многом будет способствовать упрочению позиции России в Грузии. Однако последующие события в Закавказье, развивавшиеся в 1812 году, показали, что их преобладающая зависимость – от внутренних социальных процессов, протекавших в Грузии, и меньшая – от внешнеполитических. Это особенно стало очевидным после заключения весной 1812 года Бухарестского мирного договора с Турцией. Несмотря на то, что победное окончание для России войны с Портой принесло Грузии важнейшее событие в ее истории – воссоединение Западной Грузии с Восточной – то, чего не удавалось осуществить самой Грузии на протяжении 450 лет, – именно той весной 1812 года восстание в Кахетии под руководством царевичей и грузинской фронды набирало силу и ставило вопрос об отторжении Грузии от России. За бурными событиями, происходившими в Кахетии, в Грузии не заметили, что из двух небольших феодальных княжеств Россия на протяжении

немногим более десяти лет создала территориально самую крупную на Кавказе страну. Главные политические силы, состоявшие из грузинской знати, были сосредоточены на восстании в Кахетии; каждая из них ожидала возможности извлечь из крестьянского восстания свои собственные, узкофеодальные выгоды. В этом был феномен грузинской правящей элиты, которой подлинные интересы страны нередко казались журавлем в небе и которая предпочитала иметь синицу в руке.

Осенью 1812 года российскому командованию удалось подавить восстание в Восточной Осетии, открыть по ней движение транспортов в Закавказье. Повстанцы этой части Осетии принесли «присягу верности» России. Примерно по этому сценарию завершилось и восстание в Кахетии. На последнем его этапе грузинское крестьянство отвернулось от феодальной фронды и царевичей, вносящих в ряды восставших организованность и антироссийскую направленность.

Более сложным для Петербурга оказался югоосетинский политический узел. Его разрешением был вынужден заняться сам Александр I. В адрес императора поступали заявления архиепископа Досифея, лидера азнаурской грузинской феодальной группировки, ставившего вопрос о незаконности предоставления князьям Эристави феодальных владений в Южной Осетии; азнаурская группировка все еще надеялась, что, вытеснив представителей Эристави из Южной Осетии, она поделит между собой освободившиеся владения. Петербург запросил мнение маркиза Паулуччи по поводу ходатайств грузинского архиепископа Досифея. Это было сделано еще в 1812 году, в пору разгара повстанческого движения в Южной Осетии. Однако главнокомандующий, возможно под давлением тавадов, воздержался от ответа. Не исключено было и другое – уже летом 1812 года генералу Паулуччи предстояло покинуть Кавказ и он мог не успеть вникнуть в суть югоосетинской проблемы или же в характер борьбы азнаурских феодалов с тавадскими. Сменивший итальянского маркиза русский генерал Н.Ф. Ртищев столкнулся в Грузии с вопросом о политическом положении Южной Осетии как с одним из самых острых. Сложность его после 1812 года заключалась не только в непримиримой борьбе Осетии с грузинскими тавадами, но и в далеко зашедшем противоборстве за овладение Южной Осетией, продолжавшемся между двумя грузинскими феодальными партиями. В своих ходатайствах, обращенных к российским властям, архиепископ Досифей серьезно усилил свою позицию, сославшись на то, что осетинская духовная комиссия, которой он руководил, не может приступить к работе, поскольку из-за произвола, чинимого князьями Эристави в Южной Осетии, осетины отказываются принимать христианство. Александр I, занятый в 1814 году Венским конгрессом, свое кратковременное пребывание в Петербурге посвятил решению проблемы Южной Осетии. Он поручил князю А.Н. Голицыну, обер-прокурору Синода, «лично объяснить» по Южной Осетии, в частности по поводу феодальных прав в ней грузинских князей, с находившимися в то время в Петербурге генералами Торماسовым и Паулуччи – бывшими командующими на Кавказе. Подобное поручение Голицыну, с которым Александр I дружил с детства, явно свидетельствовало об изменившейся позиции императора, в свое время предоставившего князьям Эристави и Мачабели феодальные владения в Южной Осетии. Обер-прокурор Синода беседовал с Тормасовым и Паулуччи «порознь». Несмотря на это, оба сошлись на том, что Эристави безосновательно добивались в Южной Осетии феодального права владения осетинскими селами. Бывшие командующие на Кавказе также разделяли предложение архиепископа Досифея о лишении Эристави владельческих прав на осетинское крестьянство и в виде компенсации о назначении им государственного пансиона в размере 10 тысяч рублей серебром. А.Н. Голицын согласился с мнением генералов Тормасова и Паулуччи и доложил об итогах своих бесед Александру I. Император, в свою очередь, проконсультировался с главнокомандующим на Кавказе генералом Ртищевым и на имя последнего 31 августа 1814 года, перед самым отъездом на Венский конгресс, направил свой рескрипт по поводу Южной Осетии – монаршее письмо в Тифлис. В нем Александр I предписывал главнокомандующему лишить грузинских феодалов Эристави владельческих прав в Южной Осетии, а имения и населенные пункты,

кои ранее были им пожалованы монархом, передать в государственную собственность. Одновременно князьям назначалось вознаграждение «по десяти тысяч рублей серебром в год потомственно». При этом император подчеркивал, что сумма компенсации превышала доход, который Эристави получали от повинностей в Южной Осетии. Что касается другой (азнаурской) группы феодалов, ранее являвшихся чиновниками грузинских царей и на этом основании претендовавших на владения в Южной Осетии, то Александр I отказал им в их владельческих притязаниях. Император поручил генералу Ртищеву рассмотреть заявления архиепископа Досифея и обсудить вопрос о присвоении воинских званий и назначении жалования Николаю, Глаху, Гаврилу Пицхалауровым, Зурабу Пурцеладзе и Иораму Черкезишвили – претендентам на феодальные владения в Южной Осетии; считалось, что монаршего поощрения воинскими званиями и жалованием достаточно, чтобы удовлетворить феодальные притязания азнаурской партии. Архиепископ Досифей мог быть доволен не только этим, но и организацией Осетинской духовной комиссии, которая ему же вверялась; членами этой комиссии становились также феодалы, входившие в азнаурскую группировку.

Решения Александра I, принятые им в конце лета 1814 года по поводу Южной Осетии, были восприняты грузинской тавадской верхушкой крайне отрицательно. Особое недовольство выражали Эристави; денежное вознаграждение взамен феодальных владений, в какой бы мере сумма его ни восполняла им доходы от повинностей, налагавшихся на крестьян, не устраивала феодалов. Бесконтрольный произвол феодалов, ничем не ограниченная власть над осетинским населением и реализация сложившихся среди тавадов деспотических принципов господства над людьми, без чего феодал не мог рассматриваться как феодал, тем более – князь как князь, были не менее, чем доходы, важны для грузинской знати в ее притязаниях на феодальные привилегии. Решение Александра I о передаче бывших феодальных владений в Южной Осетии в государственную собственность, несмотря на его юридическую обоснованность, расходилось с той идеологической обстановкой, ориентировавшей грузинскую знать на феодальные притязания. В сущности, император всего лишь отстранял князей Эристави от феодальной собственности, увеличивая им при этом размеры крестьянских повинностей, поступающих в доход тем же князьям; выплаты десяти тысяч рублей серебром в год, назначенные Александром I для Эристави, согласно рескрипту императора, «производились из общих грузинских доходов», другими словами – из тех же осетинских сел, повинности которых отныне должны были поступать в казну. Казалось, удобная для Эриставских князей система получения доходов, при которой хлопоты по сбору повинностей брало на себя государство, вызвала у феодалов глубокий протест. Иначе повели себя осетинские села Южной Осетии. Их не пугало увеличение повинностей, вызванное решениями Александра I, напротив, они проявили инициативу и «безропотно» внесли «подати в казну». Ананурский земский исправник не знал, как поступить с «казенным взносом», собранным осетинским населением, поскольку не имел еще официальных поручений в связи с императорским рескриптом.

В Южной Осетии о монаршем решении узнали от архиепископа Досифея, осенью 1814 года приступившего к духовной деятельности среди осетин. Старшины осетинских обществ через обер-прокурора Голицына направили Александру I письмо, в котором благодарили его «от имени всего народа за даруемую им свободу». Вместе с тем авторы письма выражали тревогу по поводу того, что императорский рескрипт не проводится в жизнь. У осетинского населения Южной Осетии было немало поводов для тревоги. С одной стороны, оно поверило, что получило долгожданную свободу, с другой – не могло не заметить, с какой яростью на него обрушилось многочисленное «семейство» князей Эристовых. Последние, пользуясь неповоротливостью российских властей в Тифлисе, не приступивших к выполнению поручений Александра I, продолжали собирать в осетинских селах подати, захватывали людей, в том числе детей, и продавали их турецким купцам, отнимали у крестьян имущество. В кампанию, развернутую против Южной Осетии, были вовлечены также грузинские владетели Мачабели, опасавшиеся, что вслед за князьями Эристави они также будут лишены в Осетии феодальной собственности. Противостояние между

грузинскими феодалами и населением Южной Осетии было столь острым, что в одной из стычек, происшедшей при сборе податей, дворянин Унтелов из Эристави был зарублен осетинскими крестьянами. Тифлисский губернатор был вынужден предупредить князей Эристави и Мачабели, «чтобы сим осетинам... не смели отнюдь делать никаких излишних поборов и притеснений». Подобные предупреждения, как и решения Александра I, грузинская знать рассматривала в виде новой политической тенденции, приводившей южных осетин под покровительство Петербурга. Понимая ситуацию именно так, эриставские князья наряду с насилием, широко практиковавшимся, прибегали к уговорам и запугиванию местного населения. Так, Луарсаб Эристави, желая осложнить отношения российских властей с Южной Осетией и тем самым сорвать решение императора, внушал местному крестьянству, что российское командование намерено «брать осетин в рекрут», и призывал жителей к антироссийскому бунту.

Отмена указа Александра I

Вскоре выяснилось и другое. Командующий на Кавказе генерал Ртищев, еще осенью 1814 года описавший имения князей Эристовых в Южной Осетии, в январе 1815 года обратился с письмом, в котором он сообщал императору, что «остановился дальнейшим исполнением» монаршего «повеления... дабы в случаях каких-либо вредных происшествий самому мне не отвечать» перед императором; понятно, что, неисполнение повеления Александра I должно было рассматриваться как серьезный прецедент. Мы уже указывали на особенность, в которой находились российские власти в Тифлисе. Некогда местечковое поселение, Тифлис впервые стал обретать известность во второй половине XVIII века, когда Ираклий II под натиском горцев покинул Телави – столицу своего княжества и переселился в Тифлис. Город времен Ираклия II был столь уязвим, что он легко мог быть захвачен дагестанским владельцем Умма-ханом, заставившим жителей уплачивать контрибуцию до 60 тысяч туманов. В середине 90-х годов XVIII века Тифлис подвергся полному разрушению. Тогда российские войска под командованием В. Зубова, прибывшие в Грузию, чтобы приостановить геноцид грузин, восстановили Тифлис. К 1815 году, к моменту, когда генерал Ртищев как главнокомандующий расположился в Тифлисе, последний стал настоящим городом, центром политической жизни всего Кавказа. Поверхностное представление об этом городе в первой половине XIX века создавало впечатление, что в нем господствуют российские власти. На самом деле реальное властвование в Тифлисе, где процветали беззаконие, подкуп, взятки, интриги (все это делалось с присущей тавадам изощренностью), принадлежало грузинской знати; еще недавно лакействовавшая перед персидским шахом, по воле которого занималась грабежом своего народа, знать обрела феодальные владения, титулы и воинские звания, щедро раздариваемые Петербургом, и, подражая персидским сердарам, чисто внешне стала похожей на аристократию.

Генерал Ртищев, от которого Александр I ожидал выполнения своего предписания, в письмах убеждал монарха в невозможности «взятия в казну» владений, в свое время отведенных в Южной Осетии для эриставских князей. Командующий нарочито подчеркивал грозившую будто бы опасность для «всего здешнего края», если лишить эриставских и других грузинских тавадов феодальных владений в Южной Осетии. От прогнозов, рассчитанных на принятие другого, выгодного для него решения, командующий переходил ко лжи, утверждая, что «прочие» грузинские «фамилии» с «давних времен» имели «во владении осетин». О том, что это было не так и осетины не находились в феодальном владении у грузинских тавадов, генерал Ртищев хорошо знал – об этом он писал в Петербург еще летом 1814 года. Командующий не мог не знать и другое – об обстоятельствах, при которых Александр I в разгар грузинской фронды после присоединения Грузии к России отвел эриставским князьям земли в Южной Осетии. Несмотря на это, он пытался убедить императора в том, во что сам не верил, – в преданности России и усердии в службе

грузинских Эристави. В одном из писем, обнаруженных осетинским историком З.Н. Ванеевым в Государственном историческом архиве Грузии, главнокомандующий сообщал императору как к нему, генералу Ртищеву, «явилась вся фамилия Эристави», в том числе дочери царя Ираклия II и Георгия XII, и «с растроганными чувствами и с прискорбным сердцем» спрашивали «чем они, столь преданные престолу, заслужили гнев царя». В письме, о котором идет речь, главнокомандующий Ртищев фактически полностью проявил всю свою особую заинтересованность в отмене императорского решения по Южной Осетии. Не имея для этого достаточных аргументов, он ссылаясь на собственную жалость, которую вызвали у него сетования эриставских князей по поводу потери ими владений в Южной Осетии: «Самый нечувствительный человек при сем виде не мог бы удержаться от слез», – писал генерал Ртищев императору. Однако в Петербурге преобладали иные настроения по поводу сантиментов, переживавшихся в Тифлисе. Не исключено было, что в северной столице догадывались, по какой причине и по какому поводу главнокомандующий Ртищев, с необыкновенной легкостью казнивший осетинских и грузинских крестьян и обходившийся при этом без эмоций, был растроган «жалобами» князей и проливал свои слезы. Первое же письмо командующего с просьбой об отмене императорского решения по Южной Осетии было из монаршей канцелярии передано «на рассмотрение в Комитет министров». Решение последнего было кратким и повелительным: рескрипт Александра I от 31 августа 1814 года «привести в исполнение без отлагательства». Такое постановление Комитет министров принял еще летом 1815 года. Но главнокомандующий продолжал упорствовать, он под разными предлогами откладывал вопрос о лишении грузинских тавадов феодальных владельческих прав в Южной Осетии. Генерал Ртищев продолжал на имя императора посылать письма, доказывая особую важность вопроса об эриставских князьях, «отличивших себя усердною службою и получивших за заслуги» феодальные владения в Южной Осетии. В ноябре 1815 года главнокомандующий вновь получил из Петербурга распоряжение о немедленном лишении князей Эристовых владельческих прав. На этот раз повторное решение Комитета министров поступило к генералу Ртищеву через министра внутренних дел. В нем указывалось, что главнокомандующий в Тифлисе «не должен был ни по каким причинам останавливать исполнение высочайшего указа» от 31 августа 1814 года «о взятии имения князей Эристовых в казенное ведомство». Новое постановление Комитета министров предписывало генералу Ртищеву «подтвердить через министра внутренних дел» о безотлагательном исполнении императорского решения. Но главнокомандующий по-прежнему продолжал настойчиво защищать князей Эристави. У нас нет прямых данных, объясняющих позицию генерала Ртищева. Приводимые им официальные мотивы о «жалости», «слезах» и прочем явно были неубедительны. Реальными могли быть только два объяснения, в которых не мог признаться Ртищев. Известно, что российские чиновники, особенно в Тифлисе, занимались казнокрадством и взяточничеством в крупных масштабах. Не исключено, что генерал Ртищев, отказываясь выполнить решение монарха и тем серьезно рискуя собственной карьерой, был слишком связан взятками, которые к нему могли поступать не только от князей Эристави, но и от других феодалов, опасавшихся участи Эристави. Вторая версия, также просматривающаяся в переписке по делу о феодальных владениях в Южной Осетии, – это политическое давление грузинских тавадов, рассчитывавших на полное феодальное овладение югоосетинским крестьянством; в письмах генерал Ртищев указывал на значительные осложнения в крае, т. е. в Грузии, если лишить князей Эристави владельческих прав в Южной Осетии. Вполне было возможно и сочетание этих двух обстоятельств – подкупа и давления тавадов. Однако дальнейшие события развивались следующим образом. В конце 1815 года князья Эристави подали на имя Александра I прошение, в котором пожаловались на архиепископа Досифея, якобы ложно утверждавшего, что они, Эристави, были в Южной Осетии правителями, но не феодальными владельцами. Опровергая это, князья указывали на незначительность денежной компенсации, назначенной им, и сделали весьма важное признание: «...наследие» в Южной Осетии «невозможно вознаградить даже многими миллионами, так как оно бесценно...» Мы

уже указывали, что грузинский феодализм и его носители – царевичи и тавады переживали несколько необычную стадию общественного развития. Характерной особенностью этого социального процесса являлась высокая степень агрессивности в стремлении к феодальной собственности, выработавшей свою особую идеологическую парадигму. Князья Эристави, писавшие свою жалобу Александру I, на уровне господствовавшей в Грузии феодальной идеологии на самом деле были уверены, что многомиллионное денежное вознаграждение не может являться для них эквивалентом в свое время дарованной им собственности, пускай даже приносившей всего несколько тысяч рублей дохода в год, потому что при этой замене теряется не только феодальная собственность, но и феодальная власть, крайними формами насилия устанавливаемая. Считая так, князья не поднимали вопроса об увеличении им денежного возмещения, а обсуждали только один-единственный вариант – возвращение им феодальных владений.

Во имя сохранения феодальной собственности в Южной Осетии Эристави и помогавшие им тавады шли на любые уловки, подлоги и провокации. Так, князь Михаил Эристав, о котором генерал Ртищев писал как о верноподданном императора, и грузинские дворяне – Бокрудт, Хуцес, Глаха Пицхелаури прилагали немало усилий, чтобы поднять крестьянское движение в Южной Осетии, тем самым они надеялись сорвать исполнение решения Александра I, принятого императором по Южной Осетии. Провокация тавадам удалась, глава Верховного правительства Грузии генерал Ахвердов в ноябре 1814 года, в разгар обсуждения дела князей Эристави, доносил фельдмаршалу Гудовичу, бывшему командующему на Кавказе, о крестьянских выступлениях в Южной Осетии, направленных якобы против России. Фельдмаршал откликнулся моментально, он просил генерала Ахвердова обратиться к восставшим, среди которых были не только осетины, но и грузины и армяне, проживавшие в Южной Осетии, и от его имени потребовать от них «разойтись» и «для личных объяснений» прислать к нему, Гудовичу, осетинских старшин; несмотря на сложности, фельдмаршал Гудович оставил в Южной Осетии хорошее к себе расположение. Поручение Гудовича правитель Грузии передал для исполнения ананурскому исправнику, т. е. начальнику уездной полиции. Исправник увидел в осетинском селении Алхангори около двух тысяч повстанцев, расставивших на границе «жараулы для недопущения» в Ксанское ущелье князей Эриставых. При встрече с ананурским исправником участники восстания «объявили», «что против правительства они не делают никаких противностей, кроме Эриставым». Несмотря на это заявление, правитель Грузии генерал Ахвердов в своем рапорте Гудовичу не скупился на различного рода обвинения, в том числе в якобы антироссийском выступлении осетин, и просил фельдмаршала о введении в Южную Осетию российских войск, чтобы «силою оружия привести их (осетин. – М. Б.) в покорность». Но фельдмаршал отказал генералу Ахвердову в вооруженном отряде, объяснив, что в этом нет смысла. Тем не менее управителю Грузии удалось собственными силами подавить в Южной Осетии восстание, направленное против князей Эристави. Генерал Ахвердов требовал также от российских властей строгих наказаний в отношении 22 осетин, которых он обвинял как «зачинщиков» восстания. Но Ахвердову было отказано и в этом, поскольку российская администрация знала, что главным фигурантом, остававшимся в тени и инициировавшим восстание, был князь Михаил Эристав. Стоит отметить, что грузинские дворяне Бокрудт, Хуцес и Глаха Пицхелаури, принадлежащие к азнаурской партии, также участвовали в восстании осетин, однако преследовали свои собственные цели, вынашиваемые ими в отношении Южной Осетии.

Дело князей Эристави в связи с распоряжением императора о лишении их феодальных прав в Южной Осетии, однако, имело продолжение. Оно развивалось по традиционной грузинской схеме, с которой ни Петербург, ни восседавший здесь император были не в состоянии справиться. В начале 1816 года Комитет министров вновь вернулся к вопросу о Южной Осетии и владениях в ней князей Эристави. На заседании Комитета с докладом выступил А.А. Аракчеев, к этому времени ставший фактическим руководителем государства. Было ясно, что привлечение столь высокого чиновника, каким был Аракчеев, к

специальному докладу по Южной Осетии продиктовано тактическими соображениями, призванными дистанцировать императора, как «запутавшегося» в югоосетинской проблеме, от упорного сопротивления, которое оказывали его решениям главнокомандующий на Кавказе и грузинская знать. Суть доклада Аракчеева сводилась к предложению, состоявшему из двух пунктов: а) приказать генералу Ртищеву приостановить передачу имений князей Эристави в Южной Осетии в собственность государства; б) поручить главнокомандующему на Кавказе поставить вопрос о феодальных правах князей Эристави, а также миссионерской деятельности осетинской духовной Комиссии в Южной Осетии на обсуждение общего собрания Синодальной Конторы и Верховного грузинского правительства. Таким образом всю проблему Южной Осетии замыкали на генерале Ртищеве, из чего становилось понятно, в каком русле должны были развиваться события. Но этим не ограничивался замысел Аракчеева. Спасая престиж императора, он в запасе имел в виду еще и отставку главнокомандующего на Кавказе, однако лишь после того, когда последний сыграет свою роль по свертыванию вопроса о Южной Осетии. Ловко продуманная схема выхода из положения позволила Аракчееву отвести удары не только от Александра I, но и от Комитета министров, ранее настаивавшего на выполнении распоряжения императора. Заметно было и другое – не все министры смогли до конца усвоить «подтексты» доклада Аракчеева, поскольку многое им было неизвестно, например, об отставке Ртищева и новой кандидатуре главнокомандующего, которому, по замыслу Аракчеева, предстояло пересмотреть всю политику России на Кавказе. К числу тех, для кого всемогущий Аракчеев остался «непрочитанным», относился и обер-прокурор Синода Голицын. Он продолжал отстаивать прежнее решение своего друга-императора, пытаясь обосновать свою позицию простыми и всем понятными аргументами. В частности, он напомнил, что императорский рескрипт по поводу лишения князей Эристави феодальных прав стал известен на Кавказе, в связи с чем осетины даже «принесли благодарность за дарованную свободу», и задал вопрос – «какие причины найти можно, чтобы объявить им (осетинам. – М. Б.) теперь, что они должны быть в подданстве князей Эристави». Князь Голицын, хорошо знавший проблему, приводил и другой важный аргумент, подтверждавший разумность ранее принятого решения по поводу лишения князей Эристави феодальных прав в Южной Осетии. В частности, он напоминал о том, что после императорского указа, согласно которому в свое время Эристави были предоставлены в Южной Осетии владения, то есть после того, как осетины оказались в «подданстве» князей, «они (осетины. – М.Б.) бунтовали» и выступали не только против Эристави, но и российских властей. Голицын сослался также на то, как непросто было подавить тогда оружием массовый бунт в Южной Осетии. Он уверял Аракчеева и Комитет министров, что отмена последнего распоряжения императора и новое возвращение князьям Эристави феодальных прав в Южной Осетии подорвет среди «горских народов» «доверие к российскому правительству». У князя Голицына были два конкретных предложения для Комитета министров: а) вернуться к вопросу о размере денежного вознаграждения князьям Эристави за лишение их феодальных прав; б) царский рескрипт по поводу лишения феодального присутствия Эристави в Южной Осетии привести в исполнение. Однако князь Голицын, вносящий наиболее разумные предложения, остался в одиночестве. Комитет министров, фактически находившийся под эгидой Аракчеева, не согласился с доводами Голицына и принял решение, предписывавшее генералу Ртищеву приостановить «отобрание в казну имения князей Эристави» в Южной Осетии. Вскоре генерал Ртищев был отстранен от должности главнокомандующего, и, как и предполагалось, на его место по рекомендации Аракчеева получил назначение А.П. Ермолов, еще в 1796 году в составе отряда В. Зубова участвовавший в освобождении Грузии от нашествия Ага-Мухаммед-хана. Покидая Тифлис, Ртищев направил Александру I рапорт; он сообщал императору о том, какой голодающей и разоренной он застал Грузию, заняв пост главнокомандующего края, и описывал, в каком «цветущем состоянии» ее оставляет. А. Берже резко возражал Ртищеву, считая, что Грузия, пережившая со времен Ага-Мухаммед-хана тяжелое разорение, перенесла страшный голод и несколько вспышек холеры и чумы. Именно в этом состоянии и оставлял генерал Ртищев

Грузию. Единственное достижение, которое этот генерал имел, – организация «кормления» грузинской знати за счет войскового довольствия, поступавшего в Тифлис для 28-тысячной русской армии, занятой ведением войны с Турцией и Персией.

А.П. Ермолов: политика в Грузии и Южной Осетии

Новый главнокомандующий с воодушевлением принял командование на Кавказе; никакая должность не отвечала столь амбициозным запросам и самому характеру Ермолова, как служба в крае, полном экзотики, батальных сюжетов и поводов для славы. Назначение Ермолова главнокомандующим на Кавказе состоялось еще в начале 1816 года, однако исполнение этой должности фактически откладывалось до следующего года, поскольку состоялось еще одно его назначение – чрезвычайным и полномочным послом в Персию «для устройства... пограничных дел и решения других... вопросов». При этом Ермолову предписывалось в первый год «всецело отдаться» второй должности, что касается первой, то он был обязан ограничиться ознакомлением с краем. На время до возвращения Ермолова из Персии исполнение обязанностей главнокомандующего возлагалось на генерала А.П. Кутузова. Несмотря на такую «схему» деятельности генерала Ермолова, спущенную ему из Канцелярии Александра I, уже 9 мая 1816 года Аракчеев вручил своему выдвиженцу все бумаги, связанные с делом князей Эристави. В них содержались две копии с решениями Комитета министров о князьях Эристави и об учреждении Осетинской духовной комиссии, призванной заниматься в Южной Осетии миссионерской деятельностью. Судя по всему, Аракчеев рассчитывал, что генерал Ермолов, как только прибудет в Тифлис, займется делом князей Эриставых, поскольку не исключено было, что последние вновь спровоцируют антироссийские выступления крестьян. Но главнокомандующий успел лишь ознакомить Верховное правительство Грузии и членов Синодальной конторы в Тифлисе с решениями Комитета министров и сообщить о намерении обсудить на общем собрании грузинских властей эти решения. Вскоре генерал Ермолов был вынужден выехать в Тегеран и к вопросам, связанным с феодальными владениями грузинских князей в Южной Осетии, вернулся только в середине ноября 1816 года, когда он приступил к исполнению обязанностей главнокомандующего. Можно было допустить, что такой перерыв в обсуждении сложных вопросов, какими были взаимоотношения грузинских князей с Южной Осетией, вполне устраивал самого главнокомандующего на Кавказе. Осенью 1816 года Ермолов провел в Тифлисе собрание Верховного правительства Грузии и членов Синодальной конторы. На нем присутствовал также архиепископ Досифей. Понятно, что вопрос о Южной Осетии обсуждался с грузинской знатью, что же до осетинской стороны, то с ней не принято было считаться. Российские власти, избравшие местом своего пребывания Тифлис, ежедневно испытывали напористое давление со стороны феодальных сил, вовлеченных в жесткую борьбу за собственность и привилегии. Объяснялось это давление не только особой агрессивностью знати, стремившейся с помощью российских властей повысить свой социальный вес, но и тяжелым экономическим положением, в котором Грузия продолжала находиться. Грузинская знать, по сути, ставила перед российской администрацией вопрос о новом распределении феодальных владений и всеобщем охвате грузинских и осетинских сел помещичьим господством. В этой непростой ситуации приходилось новому главнокомандующему рассматривать вопросы о феодальных правах не только князей Эристави, но и не в меру большого отряда претендентов на статус князя или же помещика. Что касается князей Эристави, то у Ермолова еще с Петербурга была готовая позиция, сводившаяся к поддержке Аракчеева, которому он был обязан возвращением к серьезной военно-политической деятельности. Истина заключалась также в том, что ни Аракчеев, ни тем более Ермолов в решении дела князей Эристави не видели каких-либо личных выгод для себя, а в поисках политической опоры думали получить поддержку у грузинской знати и тем самым создать в Грузии такую же социальную базу для

самодержавной власти, которая существовала в самой России. При этом, конечно же, не рассматривался столь сложный аспект проблемы, каким являлась принадлежность российского и грузинского феодализма к принципиально разным моделям общественной организации.

На осеннем собрании Верховного правительства Грузии и Синодальной конторы Ермолов, естественно, находил полное понимание со стороны знати, относившейся к «первостепенной», однако ему приходилось вести полемику с архиепископом Досифеем, настаивавшим на лишении феодальных прав в Южной Осетии не только князей Эристави, но и другой родовой группы грузинских князей Мачабели. На этом этапе обсуждения вопроса архиепископ не ссылался более на независимость Южной Осетии от грузинских князей. Основным же аргументом, приводившимся Досифеем при требовании лишить князей Эристави и Мачабели феодальных прав в Южной Осетии, являлся религиозный – архиепископ утверждал, что жестокая эксплуатация и частые недозволенные насилия князей «отвращают» осетин от христианства, срывают деятельность Осетинской духовной комиссии. Развивая эту мысль, Досифей указывал на то, что восстановление прав князей Эристави вызывает у осетин страх, они считают, что каждый, кто примет христианство, обязательно будет отдан феодалу. Он настаивал на том, чтобы исполнить императорский рескрипт и лишить грузинских князей владельческих прав в Южной Осетии. В связи с этим Досифей поднял также вопрос о денежном вознаграждении и требовал, чтобы его размер был увеличен до такой суммы, на которую бы согласились князья. Наконец, архиепископ приводил конкретные факты насилия, которые позволяли себе Эристави в Южной Осетии, в частности – практику продажи осетин в Турцию и Персию.

Главным адвокатом Эристави и Мачабели, защищавшим интересы грузинских князей, был сам главнокомандующий.

Объясняя свою позицию императору, Ермолов признавался, что он действовал вразрез решениям Комитета министров. Несмотря на это, генерал Ермолов, хорошо подготовленный грузинскими властями, как «бывалый» кавказец проводил собрание в Тифлисе при формальном соблюдении чисто внешней непредвзятости. Например, он, как требовал того Досифей, сначала отвел князей Эристави от участия в работе собрания, а затем пригласил их, когда архиепископ выдвинул вопрос о денежном для них вознаграждении; сразу же отметим – князья наотрез отказались от какой-либо компенсации, заявив, что, даже лишаясь владений в Южной Осетии, они готовы жертвовать «своими владениями», если того пожелает император, и ничего не потребуют взамен. Такое «бескорыстие» – достаточное свидетельство того, что князья Эристави, а вслед за ними и все другие представители знати не опасались за исход своего дела. Архиепископ Досифей также хорошо видел, что он фактически остался один на том собрании, на котором лишь формально обсуждался вопрос о феодальных правах князей Эристави в Южной Осетии. Впрочем, сам архиепископ не проявлял особого беспокойства ни по поводу положения осетинского населения, подпадавшего под ничем не ограниченный гнет эриставских феодалов, ни даже по поводу судьбы Осетинской духовной комиссии. Со стороны Досифея борьба против князей Эристави и Мачабели являлась продолжением столкновения азнаурской феодальной группировки с тавадами за раздел Южной Осетии. На том же собрании, проводимом Ермоловым, Досифей, видя бесполезность приведенных им аргументов, был вынужден открыть свои подлинные социальные мотивы, которыми он руководствовался, вступая в полемику с главнокомандующим. Вначале он согласился на то, что еще в 1803 году, когда император предоставлял князьям Эристави владения в Южной Осетии, были забыты интересы других грузинских дворян, также желавших иметь владения в Южной Осетии. Генерал Ермолов отвел эту «претензию» архиепископа, сославшись на то, что вопрос о предоставлении владений не входит в компетенцию собрания. Тогда Досифей обратился к Ермолову с просьбой, чтобы он лично рассмотрел вопрос о предоставлении феодальных владений в Южной Осетии для дворян – «его родственников».

После собрания в Тифлисе главнокомандующий представил Александру I полный

отчет о ходе обсуждения дела князей Эристави и принятом решении. На основании этого отчета в феврале 1817 года последовало «высочайшее повеление», в котором император, дезавуировав свой августовский указ 1814 года, объявил: «...указа моего от 31 августа 1814 года в исполнение не приводить... оставить по-прежнему во владение князей Эристовых на основании указа моего 5 мая 1803 года». Дело князей Эристовых, столь долго рассматривавшееся в самых высоких инстанциях, только внешне казалось частным, «эристовским». В сущности, речь шла о весьма важной проблеме взаимоотношений Петербурга с грузинской знатью. Как уже отмечалось, в основе глубоких, но едва видимых сторонами расхождений просматривалось столкновение двух моделей феодализма – российского и грузинского. Российский феодализм, базировавшийся на феодальной собственности на основные средства производства, в первую очередь на землю, создавал барщинное хозяйство и институт крепостничества. Несмотря на бесправие крестьян, в российском феодализме государство, выступая в качестве посредника, вело к регламентации правовых и социальных отношений, складывавшихся между феодалом и крестьянином. Само крепостное право выросло из экономических процессов и законодательных норм государства и не было лишено правовой регламентации. Принципиально иная система феодализма складывалась в Грузии, в особенности в восточной ее части. Став в 1519 году одной из провинций Ирана, Грузия оказалась в жесткой системе восточного феодализма. Особенностью «сефевидского» феодализма являлось формирование его под знаменем агрессивных идеологических установок шиизма и создание в нем в качестве преобладающей формы государственной земельной собственности – дивани и шахских хассе. При такой форме собственности происходила раздача служилым людям земли в виде персонального и пожизненного титула, но не наследственного, и без административного иммунитета. В сущности, Грузия и грузинская земля, подпавшие под господство персидского шаха, представляли собой собственность Сефевидов, и в этих условиях грузинские цари, как служащие Персии, получали землю от шаха в качестве титула. Уже отмечалось – Ираклий II пытался освободиться от подобной зависимости и, оставаясь в рамках «сефевидского» феодализма, стремился централизовать земельную собственность и таким способом обрести административный иммунитет. Тем самым Ираклий II замахнулся на основы иранской государственности, что и стало главной причиной, по которой Ага-Мухаммед-хан в 1795 году устроил резню в Грузии.

Можно быть уверенным, что в Петербурге не совсем понимали причину отказа князей Эристави от очевидно выгодной сделки, при которой предлагаемая денежная компенсация за имения в Южной Осетии намного превосходила доходы от крестьянских повинностей. На самом деле такая компенсация означала для князей переход в крайне непривычное, нетрадиционное социальное положение, лишение их «титулованности» в сугубо персидском ее значении, введение для грузинской знати незнакомых ей принципов в отношениях с государством, правомочным, как ей казалось, наделять феодальным правом владения землей.

Аракчеев в Петербурге, а Ермолов на Кавказе не подозревали, что, отменяя указ Александра I о лишении князей Эристави феодальных владений в Южной Осетии, они вместе с грузинской знатью отказываются от российских форм феодализма и утверждают в Грузии привычную ей феодальную систему владения землей и вытекающую из нее систему господства и подчинения.

Как уже указывалось, на особенностях персидского феодализма основывался шахский деспотизм. Однако особая форма феодальной собственности, на которой покоился шахский деспотизм, не являлась единственным элементом в завершенном деспотическом режиме Персии, в том числе Грузии, принадлежащей шаху. Известно, что любая форма деспотизма, помимо соответствующих ей отношений к собственности, как правило, имеет жесткие политико-идеологические установки, со временем приобретающие характер жизненного уклада, перерастающего в устойчивую традицию. Важнейшей составляющей персидского деспотизма являлась религиозно-социальная система «шах-хассе», насаждавшаяся с XVI века в Грузии. Поясним: термин «хассе» (в единственном числе произносится как ал-хасса)

означает «избранные», «знать», «элита». Получая от шаха землю, соответствующий титул и «подданных» крестьян, человек попадал в ранг хассе, который отныне возвышал его неким особым происхождением и социальным положением над «ал-амма», т. е. над «толпой», «простым человеком». Четко разделив общество на «шах-хассе» – избранных шахом и на «ал-аввами» (в единственном числе – ал-амма), шах создавал не только социальную опору, но одновременно насаждал идеологию презрения к «ал-аввами» («толпе»), из которой выростала мизантропическая традиция. Устойчивость – одна из важных ее свойств. Так, если Ага-Мухаммед-хан в XVIII веке любил строить из человеческих голов шатер, который обычно венчала голова провинившегося вассала, то в начале 80-х годов XX века Рохулла Хомейни, аятолла шиитов Ирана, совершивший «демократическую революцию» в стране, на тегеранском кладбище воздвиг фонтан, работавший, по свидетельству немецкого журналиста, «на человеческой крови». Процветание мизантропии происходило главным образом в сфере социальных противоречий и политической борьбы. Несмотря на то что Грузия (ее восточные провинции) была Сефевидами разделена на два социальных слоя – «шах-хассе» и «ал-аввами», однако, оставаясь страной иной религиозной системы, она периодически подвергалась геноциду. Самыми тяжелыми из них были геноцид начала XVII века, устроенный шахом Аббасом, и 1795 года при Каджарском Ага-Мухаммед-хане. Изогранные методы геноцида, предпринимавшиеся в отношении сателлитов Персидского государства, широко использовались также во внутривластной борьбе, которая традиционно носила напряженный характер; антифеодальное народное восстание в XVI веке в Гиляне, тогда же восстание ремесленников в Тебризе положили начало череде социальных потрясений, происходивших на протяжении всей истории Ирана. В этих условиях вплоть до новейшей истории были живучи при шахском дворе изогранные пытки, применявшиеся в Персии в отношении представителей противостоящих режиму политических сил. В начале 50-х годов XX века обошли весь мир фотографии, запечатлевшие, как наддресированные медведи насиловали женщин в присутствии их арестованных мужей. Столь стабильная мизантропическая традиция насаждалась веками не только в самой Персии, но и с еще большим ожесточением – в странах-сателлитах. Исключением не являлась и Грузия, где, как и внутри Персии, носителями этой традиции являлись цари и тавады, относившиеся к разряду «ал-хаввасс». Участие последних в геноциде собственного народа в 1795 году, устраиваемые ими засады и захват беглых простых грузин, пытавшихся спастись от нависшей опасности, свидетельствовали о степени внедрения в тавадскую среду мизантропической идеологии. Сделать засаду и ограбить крестьянина, иногда ничего не имевшего при себе, кроме ветхой одежды, как то происходило в Грузии в 1795 году, было в правилах «высшей» грузинской знати. Подобное занятие находило особое распространение в Южной Осетии, где произвол чинили главным образом князья Эристави и Мачабели.

Начальник карательного отряда капитан Титов, известный своими жестокими экспедициями в Южную Осетию, немало был изумлен разбойными нападениями грузинского князя Теймураза Мачабелова. В 1811 году он подал на имя полковника Котляровского рапорт, в котором сообщал, как Теймураз Мачабелов «поймал» «на дороге идущего из Цхинвала» «осетина Иотта Козаева», «отобрал у него бурку – 1, саблю – 1, шаровары – 1, мотыги – 2, кушаки – 1, соли – 2 фунта, еще требовал от него 4-х быков, баранов и ружье».

Иотта Козаев жаловался, что он князю Мачабелову ничего не должен, но «он грабит всегда нас, уже и не одного на дороге ловит и держит под караулом до тех пор, пока быка или барана приведут без всякой причины». Установив действительную распространенность этой практики, которой занимался грузинский князь, капитан Титов потребовал, чтобы к нему явился Теймураз Мачабелов, на что последний ответил: «...я сего знать не хочу», т. е. в сугубо княжеско-фанаберийском стиле.

Однако вернемся к событиям, происходившим в Грузии и Южной Осетии, в их хронологическом развитии. Узнав о том, как положительно решается вопрос о феодальных правах грузинских князей в Южной Осетии, тут же усилили свой гнет и произвол Мачабели.

Весной 1817 года житель осетинского села Хурвалети Теодор Тавгазов жаловался генералу Ермолову, как 16 лет батрачил его отец, затем как он и его три брата, «казенные крестьяне, христиане», были преследуемы «поселившимся поблизости» Койхосро Палавандашвили, пытавшимся их отца «сделать своим крепостным». Сбежав от него, семья поселилась «в Присах», но здесь ожидали их еще большие неприятности. Два брата из княжеского рода Мачабели – Михаил и знакомый нам Теймураз «бросили жребий», по которому поделили между собой братьев Тавгазовых. Свое положение у князей Теодор Тавгазов выразил в безысходном вопле – «мучают нас». Он сообщал главнокомандующему, как у Теймураза Мачабели остановились «четыре ахалцихских турка» и как князь похитил четырех его «двоюродных родственников» и продал их заезжим купцам. По свидетельству крестьянина Тавгазова, Мачабели «принуждал» 12 членов его семьи принять магометанство, чтобы легче было их продать в Персию или Турцию. Расследование этих фактов грузинский губернатор К.Ф. Сталь поручил майору Титову, горийскому окружному начальнику. Оно выявило, что Мачабеловы – Теймураз, Михаил и Григорий, создавшие отряд из местных жителей, куда входил также Теодор Тавгазов – автор жалобы, занимались захватом людей и их продажей не только за границу, но и в пределах самой Грузии. Горийский начальник считал, что Мачабели «за сделанный поступок должны быть судимы», и дело князей передал в Горийский суд. Однако с приходом на Кавказ Ермолова существовало негласное правило, согласно которому представители тавадов обладали иммунитетом и не подлежали судебному разбирательству.

По более жесткому и болезненному сценарию развивались события, связанные с возвращением князей Эристави в статус «полноправных» владельцев. Было очевидно, что новое объявление феодальных прав Эристовых будет встречено со стороны Южной Осетии явным недовольством крестьян. Ясно было и другое – окрыленные поддержкой российских властей, Эристовы будут намерены сразу же подавить сопротивление осетинского населения и заявить о новых своих притязаниях. После весеннего собрания в Тифлисе князя Эристави перед Ермоловым ставили вопрос о карательной экспедиции, чтобы с нее начать более основательное феодальное освоение Южной Осетии. Главнокомандующий, однако, не находил повода, по которому российские войска предприняли бы карательные меры. Обвинения осетин в воровстве, разбоях и похищении скота без указания конкретных фактов и виновных, занимавшихся подобным промыслом, были неубедительны и просьбы об экспедиции не находили поддержки. Наконец случай представился. Крестьяне Южной Осетии, не признавая за грузинскими князьями прав, отказывались нести повинности. Особое сопротивление проявляли жители местности Магландвалети, расположенной у Главного Кавказского хребта. Именно в этот отдаленный район Южной Осетии было решено направить карательный отряд. Его подготовкой занимался генерал А.П. Кутузов. Возглавил отряд Георгий Эристави, удостоенный российским командованием звания генерала. В составе его отряда находилась одна рота Херсонского гренадерского полка с одним легким орудием и более тысячи грузинских милиционеров из Карталинии. Поскольку Южная Осетия, не признававшая феодального господства грузинских князей, рассматривалась как «непокорная», то в задачу отряда входило «приведение осетин в подданство». Генерал Эристави понимал это как «наказание» южных осетин с целью «усмирения». Отряд выступил в конце сентября 1817 года. Он прошел мирно через Южную Осетию и вступил в Джамурское ущелье. Погромы должны были начаться с Магландвалети; чтобы достичь ее, отряду предстояло пройти через перевал Кного. Но именно на этом перевале он был неожиданно настигнут бурей и снежной стихией. Отряд понес немалые жертвы, и князь Эристави с остатками спасшихся людей был вынужден без своего боевого снаряжения, оставленного на перевале, покинуть Южную Осетию. Происшедшее в Кного в Петербурге расценивали как катастрофу, и главнокомандующему пришлось дать объяснения по поводу случившегося. Экспедиция, являвшаяся результатом инициатив князя Эристави, своими неожиданными последствиями превратилась в «затею» Ермолова. Амбициозный генерал, приехавший на Кавказ за боевой славой, был немало уязвлен тем, что первое при нем

военное предприятие, в сущности ему не принадлежавшее, своей громкой неудачей повисло на нем. Но, судя по последующим событиям, «злость» генерала Ермолова направлялась не в сторону главного виновника катастрофы – князя Эристави, а в сторону осетин, непокорных «своим помещикам».

Экспедиция генерала Эристави вызывалась не только идеей вооруженного подчинения югоосетинских крестьян и объявления последним непомерных повинностей. Не в меньшей степени, чем непокорность осетин, князей Эристави беспокоила открывшаяся после весеннего собрания, проведенного Ермоловым в Тифлисе, борьба за Южную Осетию, за ее земли и крестьян. Наряду с азнаурской феодальной группировкой, продолжавшей добиваться феодальных владений, к этой кампании подключилась грузинская царица Анастасия. Последняя с полным знанием «истории вопроса», связанного с правами владения землей и крестьянами в Южной Осетии, так же, как и архиепископ Досифей, подвергла сомнению законность прав князей Эристави над осетинскими селами. Вдова коллежского советника князя Реваза Эристави, царица обратилась к Ермолову с просьбой вернуть ей осетинских крестьян, в свое время отнятых Ираклием II у князей Эристави. Она привела справку, подтвердившую, что «около 41 года» «принадлежавшие князьям Эристовым» владения «грузинским царем Ираклием были отобраны все без изъятия» и всего 14 лет прошло с тех пор, как российский император наделил их в Южной Осетии княжескими владениями. Царица Анастасия требовала объяснения, «на каком основании возвращено имение князьям Эристовым, отобранное грузинским царем». Обращение царицы было весной 1819 года, однако видно, что вопросы об Эристовых и их владениях ею ставились и ранее. Новое ходатайство Анастасии не могло не вызвать среди князей Эристовых обоснованной тревоги. Оно одновременно стало поводом для повторной попытки «покорения» Южной Осетии, чтобы «записать» себе в заслугу «приведение осетин в подданство» России; стоит сказать, с 1774 года Южная Осетия, как и другие части Осетии, рассматривала себя в составе России.

Не менее важной причиной, побуждавшей князей Эристовых ходатайствовать о новой карательной экспедиции в Южную Осетию, являлась активизировавшаяся деятельность грузинского духовенства среди южных осетин. Стремление архиепископа Досифея к лишению грузинских князей феодальных прав в Южной Осетии и установлению в ней своего собственного господства получило широкую поддержку среди грузинского духовенства. Дело здесь дошло до резких заявлений генерала Ермолова, запрещавших духовным лицам вмешиваться в светские дела. Однако контролировать священников, работавших с населением, было достаточно сложно. По свидетельству самого Ермолова, «духовная Осетинская комиссия, имевшая влияние на осетин... вмешивается в дела до правительства относящиеся, входит в недолжное разбирательство и удаляет не только местное начальство от завладения осетинами, но лишает права даже самих помещиков на владение ими... и что князья, дворяне и заслуживают уважение старшин... сами слышали внушения... к осетинам, что принявшие святое крещение из осетин никому более не принадлежат, как только казне, и ни один уже бывший до сего их помещик не вправе взыскивать с таковых какую-либо повинность». Подобная деятельность духовной комиссии столь накалила обстановку в Южной Осетии, что приехавший сюда горийский окружной начальник был бойкотирован местным населением; окружному начальнику было заявлено, «что не знают его», «а знают одного только архимандрита, которому и будут повиноваться».

Подобные заявления южных осетин были достаточным «основанием» для организации против них карательных мер. Однако администрация Ермолова не решалась идти на противостояние с духовенством и, объясняя необходимость военной экспедиции против осетин, умалчивала об истинных мотивах карательных мер. Главным инициатором похода в Южную Осетию на этот раз был сам горийский окружной начальник Титов. Выдворенный из Южной Осетии, он стал сближаться с грузинскими князьями и, сотрудничая с ними, активно взялся за покорение осетин. Он прибег к обычной форме обвинений – «непокорности», «грабежах» осетин, о чем доносил в Тифлис. Управляющий гражданской частью в Грузии генерал И.А. Вельяминов согласился на отправку в Южную Осетию одной роты солдат. Не

вполне разделявший решение о карательных мерах против осетин генерал Р.И. Ховен, исполнявший обязанности грузинского губернатора, требовал от окружного начальника Титова, чтобы он привлек осетинских старшин к «укрошению беспокойных людей». Однако горийский начальник, явно подогреваемый грузинскими князьями, настаивал на карательных мерах. Генерал еще раз подтвердил свое распоряжение о предоставлении Титову воинской команды. Губернатор дал свое согласие, но просил применять военную силу лишь «в необходимых случаях». Переписка по поводу карательной экспедиции заняла более полугода и свидетельствовала о том, что «воровство» и «грабежи», о которых писал 7окружной начальник, не так уж остро ставили вопрос о вооруженной экспедиции.

В середине января 1820 года Титов с командой, состоявшей из 100 человек, совершил экспедицию по Южной Осетии. Пожалуй, впервые он применил к осетинам, считавшим себя свободными, российские меры наказания – одиннадцать из них избил шпицрутенами, многих подверг арестам. Вскоре отряд Титова встретил вооруженное сопротивление и он, опасаясь разгрома, поспешил отступить в Гори. По мысли окружного начальника, оставшегося недовольным результатами своей экспедиции, в январе он не имел достаточных сил, чтобы решить задачи, стоявшие перед экспедицией. Титов думал пополнить свой отряд и вновь направиться в Южную Осетию. Завязалась новая переписка между окружным начальником и командованием в Тифлисе по поводу повторной карательной экспедиции. Было очевидно, что на этот раз Титов будет не одинок, с ним готовы были идти отряды грузинских князей с намерением подвергнуть Южную Осетию разбойному грабежу. Осень считалась самым подходящим временем для подобной экспедиции. В это время года в осетинских селах было заготовлено продовольствие на зимнее время, скот набирал вес, и на Кавказе начинался сезон вооруженных набегов. В них участвовали все, кто располагал воинской силой. Под предлогом «усмирения» горцев или же для «приведения к присяге» к вооруженным нападениям на мирных жителей подключалось главным образом среднее звено российского офицерства. Естественно, на подобный поход, называвшийся карательной экспедицией, разрешение необходимо было получить от командования в Тифлисе.

Горийский окружной начальник Титов просил на начало ноября 1820 года воинские силы для вооруженной экспедиции в Южную Осетию. Но грузинский губернатор генерал Ховен, не сомневавшийся в истинных целях Титова, со ссылкой на Ермолова не дал своего согласия, чтобы «отправиться в Осетию для наказания осетин». Тогда к главнокомандующему стали обращаться грузинские князья. Жалуясь на то, что осетинские села не платят им повинности и у крестьян образовались большие долги, они требовали карательных мер и просили разрешения на экспедицию в Южную Осетию.

Настойчивость князей и помещиков, на самом же деле титулованных насильников, возымела действие. Главнокомандующий мог отказать окружному начальнику, но не князьям, которым в российской политике отводилось слишком важное место. В официальных донесениях, исходивших от самого Титова, в феврале 1821 года во главе роты Херсонского гренадерского полка, в которую входило 200 военных, окружной начальник «прошел» по ущельям Меджудскому, Патрийскому и Мало-Лиахвскому: отобрал у жителей Южной Осетии имущество и скота ценой в 4000 рублей серебром, ячменя 1600 пудов; «арестовал много крестьян», «чтобы поселить в народах осетинских на будущее время более страха». Отчет Титова о его вооруженном марше по Южной Осетии был вполне «выдержан» в формате, в котором разрешались обычные, так называемые средние карательные экспедиции. В отчете он подчеркивал, что все, что изъят у крестьян, предназначает для «удовлетворения» жителей Горийского округа. Среди «трофеев», которыми хвалился Титов, было «много крестьян», их он предлагал распределить по российским полкам. Титов не указывал количество арестованных, очевидно, столь внушительное, что генерал Вельяминов считал невозможным их размещение в частях командования. Подобный тон отчета у окружного начальника имел особый смысл – им он прикрывал главные сведения об экспедиции и пытался обосновать продолжение карательных мер в Южной Осетии. Титов просил генерала Вельяминова дать ему разрешение направить вооруженный отряд также в

другие ущелья Южной Осетии – Чривское, Чесельтское и по Большой Лиахве. Получив одобрение, он поспешил к Большой Лиахве, однако на этот раз его отряды встретили упорное сопротивление со стороны местного населения, выставившего войско численностью 1500 человек. Судя по упорным боям, происходившим за села на Большой Лиахве, отряд Титова состоял не из 200 солдат, как писал он в отчете, а более чем из тысячи человек. Позже стало ясно, что наряду с небольшим русским отрядом в Южной Осетии действовали грузинские войска, участие которых тщательно скрывалось. Духовные лица Бакрадзе и Церадзе подтверждали, что нападение соединенными силами российско-грузинских войск на Южную Осетию являлось настоящим «нашествием» и сопровождалось разрушением или же сожжением населенных пунктов, а там, где войска не успевали добиться этого, они занимались расхищением имущества. Митрополит Феофилакт доносил обер-прокурору Голицыну, а последний писал генералу Вельяминову о многочисленных жертвах, разрушениях и 21 расхищенном населенном пункте. Экзарх Грузии, в свою очередь, официально сделал запрос на имя генерала Ховена – «какими поступками новокрещенные осетины навлекли на себя столь жестокое наказание?» Такой вопрос был тем более уместен, что еще годом раньше (в июне 1820 года) осетины Южной Осетии обратились через митрополита Феофилакта с просьбой «чтобы определить чиновников для производства между ними суда и расправы». Тогда же они ставили вопрос, «чтобы желающим из них позволено было селиться на землях казенных по Карталинии и других местах»; стремление переселиться на казенные земли объяснялось желанием остаться независимыми от грузинских феодалов. Обращение самих осетин к российским властям об учреждении судопроизводства, других административных учреждений и относительно поселения на государственной земле явно подчеркивало, что население Южной Осетии осознает себя подданными России и не нуждается в «покорении» и «приведении в подданство». По оценке обер-прокурора Голицына, после «нашествия» российских и грузинских войск в Южную Осетию жители ее «находились» «в жалком положении, скорбят и ропщут». В переписке между князем Голицыным и генералом Вельяминовым хорошо прослеживается тщательное сокрытие со стороны командования участия в разорительной для южных осетин экспедиции грузинских князей Эристави. Это было важно, поскольку официальное разрешение участвовать в карательных мерах было дано Титову с привлечением всего 200 солдат. Генерал Вельяминов утверждал, что осетин, участвовавших в сопротивлении отряду Титова, было «несколько тысяч». Генерал-лейтенант И.А. Вельяминов относился к образованным и к честным офицерам. Его отличали прямота характера и стремление к разумным и взвешенным решениям. Оправдывая действия Титова в Южной Осетии и вслед за ним идя на ложь, он напоминал заложника, оказавшегося в непростой ситуации. Сложность ее заключалась в том, что во втором этапе экспедиции Титова, разрешенном Вельяминовым, особенно жестокими явились разрушения и расхищение имущества жителей. Такое было бы не под силу одной роте солдат, против которых действовало «несколько тысяч» осетин. Обер-прокурор Синода Голицын, которому давал объяснения генерал Вельяминов, как отмечалось, был близким другом Александра I, и ему приходилось заботиться не только о себе, но еще и о главнокомандующем – Ермолове, не до конца еще прижившемся на Кавказе. С ним, с Ермоловым, была своя собственная сложность. Разделив позицию Аракчеева в вопросе о грузинских князьях Эристави, участвовавших вместе с Титовым в разгроме Южной Осетии, Ермолов невольно становился в «оппозицию» к Голицыну, противнику возвращения Эристави владений в Осетии. Что же до фактической точности всего происшедшего в Южной Осетии, то даже духовные лица – от рядовых священников до экзарха Грузии, – доносившие о разбое карательной экспедиции, были сдержанны в описании всех событий. Разбой здесь сопровождался не только убийствами, арестами людей, но и насилием над женщинами; дикий разгул был так велик, что Титов позаботился даже о своем поваре, для которого он «отнял у осетина жену» и «отдал насильно». Генерал Вельяминов обещал князю Голицыну наказать Титова, но, естественно, этого не произошло. Масштабность карательных мер, предпринятых российско-грузинскими войсками, можно

было представить по политической реакции, вызвавшей события весны 1821 года во всей Осетии. Не только представители российских властей, но даже духовные лица не допускались в осетинские села. Осетины, как на юге, так и на севере, отказывались от христианства, «позволявшего» насильникам убивать невинных людей. На требование владикавказского коменданта принять осетин в «российское подданство», из которого они вышли после экспедиции Титова, генерал Дельпоццо объяснял, что осетины требуют «письменных» гарантий в том, что их не будут более привлекать к принятию христианства. Но самой сложной проблемой для командования являлась подготовка в Осетии к антироссийскому вооруженному восстанию. Генерал Вельяминов, оправдывая «меры наказания» Титова, в своем обращении к «осетинским племенам» заверял население, чтобы оно не «опасалось подобной же участи и что российские войска не войдут более в жилище» осетин. Он также обещал «защиту и покровительство правительства» всем, кто будет выполнять требования властей. В обращении генерала, обещавшего наказать Титова, не было даже намека на сожаление о разоренных и сожженных селах.

«Разбойный феодализм». «Разбойное дворянство»

Грузинская историография, естественно, хорошо заметила, что начиная с 1519 года, т. е. с захвата Персией большей части грузинской территории, а также ряда других районов Закавказья, устанавливались здесь восточные формы феодализма. Однако утверждается, будто перестройка «традиционного феодализма» и процесс возобладания «персидской» социальной модели захватил только Армению и Азербайджан, но стороной обошел Грузию, в которой якобы, как и раньше, владельцем земли оставался грузинский феодал. Вместе с тем признается, что в XVI веке, в результате персидской агрессии, угона в плен больших масс населения из Грузии и разрушения хозяйственной жизни, происходит ломка «национального» феодализма, основанного на частновладельческой собственности на землю, и установление новой формы феодального землевладения, рассматриваемой как «господство сатавадо». Последнее сопоставляется с «сеньорией», но с «европейской», хотя у грузинского феодализма, никак не соприкасавшегося с Западной Европой, а испытывавшего постоянное давление со стороны «феодализма-окупанта», были принципиально иные политические предпосылки. Сатавадо, как новую персидскую форму феодальной структуры, уместно отнести к «сеньории», но с указанием на очень важную особенность – «сеньория» без домена. Однако не исключено, что в ряде отдаленных горных и малодоступных районов собственно Грузии сохранялись традиционные формы социальных отношений, отдельные из которых относились к «самтавро», т. е. сеньории с доменом.

В грузинском феодализме наряду с сатавадо существовало так называемое сацициано, очевидно, более раннее, чем сатавадо персидской модели, но также, скорее всего, «импортное» и весьма близкое к персидскому феодализму. Его проникновение, похоже, относится к 80-м годам XV века, когда участились вторжения на территорию Грузии туркменских племен. С приходом династии Сефевидов к власти, как известно, часть Туркмении отошла к Персии, и в ней, как и в Грузии, взяли верх деспотические формы феодализма. Стоит отметить два очень важных историографических факта: 1) какие бы формы феодальной собственности ни рассматривались, грузинские историки, как правило, закрывают глаза на персидское господство на значительной части территории Грузии и оценивают их вне зависимости от этого господства; 2) после 50-х годов XX века грузинская историография, отказавшаяся от обычного права как от регламентирующей феодальные отношения нормы, не предложила сколько-нибудь четкой правовой системы, на которой бы основывались отношения между «крепостником» и «крепостным».

Вторая проблема, тесно связанная с первой, так и осталась в грузинской науке невыясненной. На самом деле феодальные институты, как и феодальная собственность, созданные в соответствии с деспотической организацией власти, подчинялись прежде всего

отлаженной государственной машине, широко применявшей насилие. Собственно, деспотическое насилие, как главная основа в отношениях между сатавадо и крестьянином, сложившихся после XVI века, хорошо отразилось в своде законов царя Вахтанга VI, изданных им в начале XVIII века. Приведем некоторые из них: «Крестьянин как сам, так и то, что есть у него, принадлежит его господину»; «Помещик имеет право продавать и отчуждать всяким иным способом своего крестьянина»; «Движимое и недвижимое имение крестьянина находится в полном распоряжении помещика»; «По смерти крестьянина, не оставившего сыновей, если он был куплен, все имущество его принадлежит помещику»; «Если бы господин и подлинно казнил или изувечил своего крестьянина, то сей последний и наследники его не вправе требовать от него удовлетворения»; «За побой господина крестьянин повинен лишиться руки или заплатить господину цену оной, а за личное ругательство в ярости лишиться языка или заплатить цену оного». Вахтанг VI, составитель свода законов, не относился к «царям-тиранам», напротив, его справедливо было бы отнести к «царям-просветителям». Не исключено, что в его записи сложившиеся в Грузии «феодально-правовые» отношения могли приобрести некий «либеральный» вид. Так, прогрессивный царь избегал признания права феодала совершать над подвластным разбойные экзекуции.

В 1824 году российская администрация, желая придать грузинскому феодализму «национальные черты» и тем найти более прочную опору среди местной знати, велела перевести на русский язык свод законов Вахтанга VI с намерением использовать их на практике. Грузинская знать не скрывала своего социального упоения, ожидая, что она вновь приобретет право на неограниченный произвол. Но командование во главе с Ермоловым, «зараженным» французским либерализмом, заявило местной знати, что перевод на русский язык свода законов Вахтанга VI неудачный. И стало вводить в Грузии нечто вроде временных правил, регулировавших главным образом размеры крестьянских повинностей. Регламентация последних становилась актуальной задачей в условиях упорной борьбы крестьянства с феодальным наступлением грузинской знати. Само определение размеров и форм повинностей не принадлежало российской администрации: по существу, оно оставалось прерогативой самих феодалов. Командование Ермолова ставило лишь вопрос о том, чтобы повинности крестьян установить «раз и навсегда» «посредством» существующей государственной администрации. В Южной Осетии, где в 20-е годы XIX века главными феодальными владельцами являлись грузинские князья Мачабели и Эристави, каждый феодальный род вводил свои собственные повинности. Ясное представление о них очень важно, поскольку оно обнаруживает перед нами не одну только степень феодального гнета, но и глубже раскрывает саму персидскую модель феодализма, в свое время установившуюся в Грузии. Владетели Мачабели на той части территории Южной Осетии, которая им была отведена российской администрацией, ввели для крестьян следующие повинности:

«1. Каждое семейство обязано давать помещику ежегодно по 3 барана, ценою 1 рубль серебром;

2. С каждого сакомло земли, составляющего от 15-ти до 20-ти дневных паханей, изыскивается ежегодно в пользу помещика по одной корове, ценою в 5 рублей или вместо оной 5 баранов; подать сия называется бегара и взывается с земли, хотя бы и несколько семейств жили на одном сакомло;

3. Через год обязаны они сверх бегара дасачукаро или подарок, состоящий от каждого сакомло земли в одном быке ценою 10 рублей серебром;

4. Ближайшие же осетинские селения, по джавскому ущелью проживающие, обязаны, кроме вышеописанной подати, давать помещикам ежегодно: а) в сырную неделю с каждого дыма два фунта масла или одну литру сыру, ценою 40 коп; б) в великий пост – пиво или, вместо оного, другим продуктом на 1 рубль серебром; в) с каждого дыма ежегодно по коды ячменя; г) один день в году делать распашку помещичьей земли при селении, имеющимися в оной плугами, засеять хлеб, сажать его и, ежели нужно будет, доставить оный в дом помещика; д) заготавливать ежегодно при селениях по одной копне сена в 5 пуд и, смотря по необходимости,

доставлять оное к помещику; е) для построения помещику дома доставлять лес; ж) давать помещику услугу;

5. А с дальних осетинских селений взыскивается только подать скотом».

Если вчитаться внимательно в перечень и формы крестьянских повинностей, которые взимались в Южной Осетии, конкретно во владениях, отведенных российским правительством для грузинских князей Мачабели, то отчетливо видно, что повинности складывались не в форме феодальной ренты, вытекавшей из феодальной собственности на землю феода, а в виде вассально-ленных отношений, основанных на гипертрофии централизованной государственной власти. В приведенном выше случае российская администрация на территории Южной Осетии выступала в роли «сеньории», а князья Мачабели, как и ранее, сохраняли за собой свое вассально-ленное положение. Подобные отношения «сеньора» и вассала, как правило, не создавали сколько-нибудь заметного в экономике барщинного хозяйства, и феодальная эксплуатация концентрировалась на взимании продуктовой ренты. Повторим, эконо-классическая модель восточного феодализма, в свое время сложившаяся в Грузии, отличается особой консервативностью, растянувшей для ряда стран Востока (в том числе Ирана) феодальное развитие на тысячелетия. Ее, как консервативную модель феодальной организации общества, которую Россия застала в Грузии, российские администраторы, желая найти политическую опору среди грузинской феодальной знати, пытались «совместить» с российским обществом, в коем наряду с феодально-крепостническими параллельно развивались буржуазные отношения. В то же время стоит подчеркнуть: российские власти, хотя и осторожничая, стремились придать «варварскому» феодализму «европейский» фасад, внося в него некоторые ограничения. Генерал Ховен в рапорте Ермолову, где приводились повинности югоосетинских крестьян, просил командующего о том, чтобы князья Мачабели «обязать подпискою» «иметь снисхождение к бедным семействам и взыскивать следующую с них подать по состоянию каждого». Формально командование в Тифлисе предоставляло крестьянам право «жаловаться окружному начальнику», которому поручалось «оградить» крестьян «от непомерных взысканий и притеснений». Вводились еще два других ограничения власти владетеля: помещик не должен был «принуждать крестьян привозить хлеб и сено „в город или отдаленные места“; „не разлучать отнюдь семейства“ и в „услуги брать сирот“. Эти и другие ограничения, периодически вводившиеся российскими администраторами в Грузии и Южной Осетии, должны рассматриваться лишь как свидетельство расхождений между русским феодализмом первой половины XIX века и грузинским феодализмом персидского образца. Формальность же российских ограничений произвола грузинских феодалов заключалась в том, что, согласно предписанию того же генерала Ховена, князьям Мачабели самим предоставлялось право „отыскивать и брать под арест неповинующихся“ крестьян „или ближайших их родственников“. Именно в этом праве феодала терялись любые ограничения российских администраторов, направленные на „европеизацию“ грузинского феодализма. В то же время в нем получало свой простор традиционное, ничем не ограниченное насилие деспотического феодализма.

Несколько иная картина, связанная с взиманием повинностей в Южной Осетии, создалась во владениях Эристави Ксанских. Отличие ее, однако, заключалось лишь в общих размерах повинностей, но никак не в сущностных чертах. Поземельная подать, называвшаяся «сакомло», включала в себя баранов, барашек, козлов, козляток, кур, масло, пшеницу, ячмень – т. е. продуктовую ренту. Губернский прокурор Е. Чилиев указывал на «малый доход» от сакомло, который якобы имел тенденцию к «уменьшению». Возможно, что князья Эристави скрывали размеры повинностей, взимавшихся реально с крестьян. Стоит учесть – феодалы, как правило, широко пользовались методами насилия и подвергали крестьян разорению. Но и у крестьян был свой выход из тяжелого положения: согласно обычному праву, если крестьянин продавал или просто отдавал свой участок другому, то с отчужденного участка уже не принято было взимать повинности. Осетинские крестьяне этим пользовались и уходили от выплаты податей. Что касается так называемых подымных

сборов во время праздников (саагдгомо) и др., то их общая годовая сумма с одного двора составляла 3 рубля 50 копеек. Если учесть, что княжеский род Эристави «владел» в Южной Осетии 54 селами, в каждом из которых при среднестатистическом подсчете было около 12 дымов, то общий годовой доход князей составлял 2418 рублей. В связи с этим нельзя было не обратить внимания на то, что в свое время вместо примерно такой суммы Александр I предлагал роду Эристави 10 тысяч рублей в виде ежегодной и пожизненной компенсации при переводе имений князей в казенную собственность. Выше отмечалось, с каким ожесточением Эристави добивались сохранения «своих имений», казалось, с гораздо меньшим профитом, чем императорский щедрый пансион. От этого слишком ясного факта, обнажавшего социальную суть грузинского феодализма, князя Мачабели и Эристави пытались отвести внимание официальных властей, прикрываясь «привязанностями» к «родовым ценностям». На самом деле Мачабели и Эристави, добиваясь материальных выгод и политических преимуществ в обществе, были ориентированы на традиционные представления о системе господства и подчинения. В ней, в этой системе, приоритетным являлась княжеская «вольность», позволявшая ничем не ограниченный произвол. Право на разбой и насилие, как важнейшее условие для генерации мизантропической идеологии, рассматривалось в качестве неотъемлемой части грузинской феодальной конструкции. Жесткость этой конструкции увеличивалась вдвойне, когда речь заходила о применении насилия в отношении крестьян негрузинского происхождения или же соседнего народа.

Известно, что холоп, испытавший унижение и жестокости, если ему достаются власть и сила, обычно по своей беспощадности превосходит бывшего хозяина. Грузинские тавады, более трех веков являвшиеся вассалами персидского шаха, с каждым годом благодаря поддержке российских властей набирали темпы по утверждению в Грузии и Южной Осетии варварского феодализма; в жестокостях и изощренных методах насилия они не уступали «кызылбашам», а порой превосходили их. Выдающийся советский кавказовед Зураб Анчабадзе в силу этой особенности квалифицировал грузинский феодализм как «разбойный», а его носителей – тавадов называл «разбойным дворянством». Приведенные выше крестьянские повинности, утвержденные в 1827 году российским командованием, явно не удовлетворяли грузинских князей. Но они и не поднимали ропота, поскольку хорошо понимали условный характер объявленных повинностей. Осетинские крестьяне, в 20-е годы XIX века официально платившие Эристави 3 руб. 50 копеек с одного дыма в год, несколько позже будут жаловаться, что князья в виде ежегодной подати требуют от каждого двора «3 быка, 3 барана и 9 абазов», т. е. около 50 рублей. В этих двух суммах примерно выражалась заметная разница между формально объявленными и реально взимаемыми с крестьян повинностями.

От Ермолова к Паскевичу

Генерал Ермолов твердо придерживался мнения, что в Закавказье главной политической опорой России могут являться только грузинские феодалы, получавшие от официальных властей наибольшие привилегии. За долгое время нахождения в Тифлисе его достаточно прочно убедили в том, что горцы «разбойны», совершают «набеги», «убивают» и «воруют», и лишь грузинская аристократия способна представлять «кавказскую цивилизацию». В одном из своих писем Александру I главнокомандующий объяснял, что лишение князей Эристовых владений в Южной Осетии «не может быть исполнено по видам практическим, ибо тогда прочие помещики потеряют доверие к правительству». Следуя этой политической установке, в 1826 году в условиях начавшейся русско-иранской войны Ермолов отдал окружным начальникам Тифлисской губернии распоряжение «отнюдь не вмешиваться в хозяйственные» дела грузинских помещиков, не решать за последних порядок «обложения» крестьян повинностями, признать за ними «бесспорное их владение состоящих» у них «крестьян» и «взысканий» с них подати, чтобы во всем этом грузинские

тавады «не ограничивали бы права свои». Распоряжение главнокомандующего не являлось обычной защитой интересов социально родственного класса. Ермолов, пожалуй, одним из первых своим решением превращал Южную Осетию в разменную монету, с помощью которой думал оплатить политическую «благонадежность» грузинских тавадов. При этом он хорошо осознавал хищнический характер грузинской знати и опасался, как бы его распоряжение не имело слишком далеко идущих последствий. Называя в нем тавадов «сумасшедшими», имея в виду их жестокости в отношении крестьян, Ермолов просил окружных своих начальников, чтобы они, объявляя грузинской знати неограниченные привилегии, сумели княжескую вольность удержать «законом поставленными» пределами. Столь наивное пояснение для главнокомандующего, знавшего про Кавказ все, что ему было положено, напоминает старый грузинский анекдот с рассказом о том, как женщина была беременна «только наполовину». Поскольку распоряжение отдавалось при начавшейся войне с Персией, ставившей главной задачей возвращение Грузии, то не исключено, что Ермолов больше всего опасался традиционной «привязанности» грузинской знати к шахскому престолу и образования в его тылу сильной тавадской оппозиции. Он знал, как вновь оживилась тавадская эмиграция во главе с грузинскими царевичами, принимавшими участие в составе персидских войск в русско-иранской войне. Конечно же, Ермолову было известно, что царевич Александр, сын Ираклия II, взялся командовать в набирающей масштабы войне отдельным воинским соединением, состоявшим из горцев Кавказа; в одном из писем царевич Вахтанг, также являвшийся придворным шаха, называл легионеров царевича «лезгинами» и, преувеличивая их численность, указывал на цифру в 23 тысячи. Важно также заметить, что тот же царевич Вахтанг, внук имеретинского царя, в письме к князю Давиду Гуриели обращался с просьбой, чтобы последний лично встретился с эриставскими князьями, «кои расторопны и деловые», и склонил их к войне с Россией. Судя по содержанию письма, в котором затрагиваются важные события войны и где нет других персоналий, кроме Эристави, из тех, на кого бы мог рассчитывать царевич Вахтанг, возможно, ставка делалась на привлечение осетин к войне с Россией. Источники того времени свидетельствуют о том, что грузинские феодалы добились с помощью российских властей разоружения грузинского крестьянства, чтобы они небольшими своими отрядами справлялись с частыми бунтами. При полном вооружении и с заметным воинским потенциалом оставалось осетинское население.

Русско-иранская война, которой был занят Ермолов, серьезно повлияла на положение в Западной Грузии. Здесь явно обострились русско-турецкие противоречия. Иран и Турция вели переговоры о военном союзе против России. Представители грузинской знати, в том числе не только эмигранты, но и отдельные лица в самой Грузии, недовольные российскими властями, принимали активное участие как в войне с Россией, так и в политических событиях в Западной Грузии. Стоит особо отметить, что оппозиционная часть грузинской знати в очередной раз демонстрировала свое фетишизированное пристрастие к такой «собственности», как власть. Ермолову были известны многие факты, связанные с переменами в политической ориентации, происходившими в среде грузинских тавадов. При этом, судя по переписке князей с эмигрантскими царевичами, представители оппозиционной знати, в особенности царевичи, напоминали политических слепцов, не способных к хотя бы пространственному соотнесению Ирана с Россией или России с Турцией, переживавшей не самые лучшие времена. В 1826 году на ирано-турецких переговорах дело дошло до того, что, по свидетельству царевича Вахтанга, грузинский царевич Константин настаивал на том, чтобы Турция провозгласила его «императором» Грузии и письменно это подтвердила. Желание стать «императором» являлось следствием не той политической слепоты, которой отличались царевичи, оно родилось среди грузинской знати благодаря России, в начале XIX века создавшей из двух небольших и разоренных княжеств и тавадских уделов единую страну и давшей ей название «Грузия». «Имперская идеология» среди знати становилась «осязаемой» на фоне любого наступления грузинского феодализма на территории соседних народов. Невольным соиздателем ее был также Ермолов, в конце первой четверти XIX века оказавшийся в на редкость сложной обстановке, сложившейся на Кавказе; именно тогда

«всемогущий» Ермолов столкнулся с Кавказской войной, в которой он, кроме чисто военных операций, ничего не мог себе объяснить. В волнение пришли Осетия и Кабарда. Пока автономно, но войну с Россией вела уже Чечня, угрожала войной Турция. На фоне этих событий главнокомандующий, большую часть своего времени посвятивший войне с Ираном, был вынужден решительно пересмотреть свою политическую доктрину на Кавказе. Ермолов снял блокаду в Дагестане и Чечне, направил военный отряд в Кабарду, в угоду грузинским тавадам войсковыми рейдами держал в напряжении Осетию, щедро дарил титулы, воинские звания и феодальные владения грузинской знати, поощрял в ней политическую надменность, чванство и «императорскую» спесь. Переменам подвергались не только политические приоритеты, менялся сам Ермолов. Незаурядный генерал, на которого на Кавказе лавиной обрушились крупномасштабные события, более не был похож на «наперсника Марса и Паллады», на «гения северных дружин». Он не походил и на «сфинкса младого» (Рылеев). Ермолов перестал являться «владыкой Кавказа». Он стал масштабом гораздо меньше, всего лишь «господином проконсулом Иберии», как справедливо его называл Грибоедов. Именно тогда, в 1826 году, Ермолов, более пяти лет державший горцев Северо-Восточного Кавказа в жесткой блокаде, произнес одну из своих самых метких фраз: «десять лет я пытался понять горцев, но так и не смог их постичь». Слова были произнесены, когда горцы, которых Ермолов называл «мошенниками», а в пылу гнева – «блядьми», стали обращаться к главнокомандующему с просьбой отправить их на войну с Ираном, чтобы защищать Россию. В знак солидарности с Ермоловым, командовавшим военными действиями на иранском фронте, горцы на время прекратили набеги на Кавказскую линию. Главнокомандующий не мог не обратить внимания на два слишком «странных» явления: разоренные карательными экспедициями горцы просились на войну с Ираном, а грузинские тавады, пользовавшиеся милостями России, суежились и вместе с эмигрантскими царевичами готовились к новым политическим играм, напоминая банальное гадание на ромашке, в котором вновь выяснялось – Россия или Персия, Россия или Турция. Подобные «кавказские» перепады «температурных режимов», никак, казалось, несовместимых с обычной политической логикой, внушали Ермолову мысль о невозможности познать тайны Кавказа. Вполне возможно, что он поделился этой мыслью с Пушкиным во время их встречи в 1829 году, и она, эта преследовавшая европейски образованного генерала мысль, стала поводом для пушкинской фразы, в которой поэт назвал Ермолова «великим шарлатаном».

Ермолов начинал свою кавказскую эпопею с четкой концепцией; суть ее он сформулировал достаточно лапидарно: «Кавказ, – заявлял генерал, – это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать ее или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду». С точки зрения военного искусства, осада Кавказа была безупречной, однако проводилась она при полном невежестве в представлениях о «противнике». Это стало главной причиной провала ермоловской военно-политической доктрины на Кавказе. Разочарование было столь велико, что нередкие обращения, поступавшие позже к Ермолову от его преемников с просьбой дать свои «рецепты» к «тайнам Кавказа», вызывали у видавшего виды генерала раздражение и, как правило, не имели отклика.

А.П. Ермолов не смог раскрыть тайны Кавказа, но давно и хорошо изучил Петербург. Он ждал своей отставки и был готов к ней. Дело, однако, заключалось не в том, что он тесно общался со многими декабристами, сосланными на Кавказ, и «нежелательными для Петербурга» лицами, находившимися на кавказской службе, и это послужило причиной отставки. Все было гораздо проще. Новый император Николай I, получивший главным образом военное образование и собиравшийся особое внимание уделить милитаризации страны, имел немалые полководческие амбиции, связанные с начавшейся Кавказской войной и русско-иранским фронтом. Николаю I нужен был «подходящий» партнер на Кавказе. Ермолов, о котором хорошо знал император, для такой роли не подходил. Не только из-за неумеренной амбициозности, но и из-за чрезмерной «легендарности», слишком мало места оставлявшей для первой Персоны страны, отныне бравшей на себя обязанности

неформального главнокомандующего на Кавказе. Планам Николая I на Кавказе более соответствовал И.Ф. Паскевич, хорошо известный генерал, ранее командовавший гвардейской дивизией, в которой служил будущий император. Паскевич пользовался у только что вступившего на престол царя особым доверием; не случайно накануне, когда рассматривалось дело декабристов, этот генерал стал членом Верховного суда.

Свою службу Паскевич начинал в 1826 году с командования на русско-иранском фронте, а через год был объявлен наместником Кавказа и главнокомандующим. Ермолов критически и не без «ревности» относился к деятельности своего преемника. Когда окончится русско-турецкая война и к фамилии Паскевича добавят титул «Ериванский», Ермолов назовет любимца императора «Паскевичем-Ерихонским», очевидно, желая указать на «древность» последнего.

Новые планы Петербурга

Еще при Ермолове, в начале 1826 года, в Генеральный штаб России поступило императорское распоряжение о разработке нового «плана покорения» Кавказа. В нем пока поручалось выполнение технической стороны плана – изучение вопросов топографии, демографической статистики, изготовление карт, описание народов и народностей в главных направлениях будущих военных действий на Кавказе. Естественно, одним из центральных районов, кои включались в план, была признана Осетия, занимающая важное стратегическое положение на Кавказе. Предварительно сюда, в осетинские общества, прибыли военные чиновники и в том же 1826 году приступили к военно-топографическому и статистическому описанию Осетии. Сведения о южных районах Осетии, куда по инициативе грузинских князей неоднократно направлялись экспедиции, Генеральный штаб и российские военные власти в Тифлисе имели и ранее. Задача заключалась в том, чтобы столь же подробные данные получить и об обществах Осетии, занимающих северные склоны Центрального Кавказа. У российского командования были опасения, что в будущих карательных мерах, направленных на «покорение горцев», встретятся серьезные трудности, если силы Северной и Южной Осетии объединятся и окажут вооруженное сопротивление. Администрация Ермолова оперативно взялась за разработку плана силового подавления Осетии и установления в ней российских институтов власти. Уже в 1826 году в Генеральный штаб Военного министерства было представлено подробное описание осетинских обществ, расположенных на северных склонах Кавказского хребта. В нем приводились точные границы отдельных обществ, в каждом из которых были свои особенности в хозяйственной жизни, социальном делении населения. Но главное внимание в «описании» уделялось вопросам, представлявшим военный и политический интерес. Так, в описании Тагаурского общества, через которое пролегла Военно-Грузинская дорога, содержались сведения о том, что тагаурцы, в случае военных действий, могли выставить 800 пеших воинов и 300 всадников. Вместе с этим указывалось, что простой народ, притеснявшийся местной знатью, не выступит против российских войск, поскольку не пожелает объединиться с феодальной группировкой, стоявшей в оппозиции к российским властям. Это, однако, не означало, что в Тагаурском обществе, на южные окраины которого при поддержке российской администрации претендовали Эристави, местное население было настроено проправительственно. Авторы описания подчеркивали, что тагаурцы «к российскому правительству никакой преданности не имеют и питают совершенную ненависть». Такая политическая настроенность свободных общинников Тагаурского общества объяснялась явной поддержкой российского командования феодальных притязаний на это общество со стороны князей Эристави. Другая политическая ситуация создавалась в Куртатинском обществе. Практически недоступное с южной стороны и защищенное от каких-либо феодальных поползновений грузинских тавадов и потому не знавшее жестоких карательных мер российских войск, это общество «к российскому правительству» было «расположено

порядочно и явной ненависти» от куртатинцев «до сего времени не было замечено». За исключением населенных пунктов, расположенных ближе к Южной Осетии, Алагирское общество проявляло в отношении российских властей лояльность. Положение, похожее на «нейтралитет», вызывалось со стороны алагирцев опасением возможных карательных экспедиций, подобных тем, какие направлялись в Южную Осетию. Сказывалось и другое – Ермолов продолжил переселение жителей Алагирского общества на равнину, начатое еще в начале 20-х годов XIX века и, не желая срывать переселенческого движения, алагирцы были настроены вполне мирно.

Сложной обстановкой в «Описании» было представлено политическое положение Дигорского общества. Считалось, что дигорцы, «питая ненависть к российскому правительству, не имеют к оному преданности, и никто из среды их не показывает» к российской администрации «особенного расположения». Переселение дигорских крестьян на равнину Ермолов проводил вопреки воле дигорских феодалов, из-за чего последние были крайне недовольны. Периодически главнокомандующий менял свою политику, учитывая интересы феодальной знати, но тогда свое недовольство выражало крестьянство. Дело кончилось тем, что и феодалы, и крестьяне перестали верить российской администрации и ее игнорировали.

Но в самом сложном и тяжелом положении находилась Южная Осетия. В этом районе Осетии не стоило выяснять вопросов о политических пристрастиях. Они были крайне негативны как в отношении грузинской знати, подвергавшей осетинское население грабежу, так и российской администрации, состоявшей в политическом союзе с тавадами. Здесь, в югоосетинских обществах, рождались идеи освободительного движения. По свидетельству душетского земского исправника, в Гудском ущелье Южной Осетии крестьянский лидер осетин Реваз Рубаев, «тайным образом» совершая поездки по Осетии, выступал от имени «обитателей верховья Арагви с тем, чтобы Осетия принялась за оружие и общими силами... соединенными с арагвянами, действовать же против самого правительства». Идея всеобщего вооруженного восстания, которое бы охватило обе части Осетии, находила поддержку среди осетин. Тот же земский исправник сообщал грузинскому гражданскому губернатору, что «в короткое время» «многие на то» (на восстание. – М. Б.) «посягнули», но «дальнейшему действию воспрепятствовали» влиятельные осетинские старшины – Тома Басилаев и Парсадан Солохав (Шавлохов? – М. Б.). Было очевидно – идея о восстании и освободительном движении переживала время, когда организационно-политически она не обрела еще четких очертаний. Просматривалось и другое – отдельные осетинские старшины были в союзе с грузинскими тавадами и серьезно влияли на развитие политических событий. Тома Басилаев и Парсадан Солохав, сорвавшие восстание летом 1827 года, были «знакомыми» князей Эристовых; Юзбаш и Шалва Эристовы «послали» к упомянутым осетинским старшинам «двух осетин» явно для того, чтобы приостановить зародившееся восстание и «узнать от них во всей подробности» о намерениях повстанцев.

К началу 1830 года политическое положение Южной Осетии несколько стабилизировалось. Это было достигнуто благодаря активности российской администрации среди югоосетинского крестьянства и обещаниям о «введении между ними правления и о первоначальном их образовании», иными словами – установления в Южной Осетии российской администрации и предоставления ей независимости от грузинских князей. О подобных обещаниях сообщал гражданскому губернатору советник Яновский, считавший, что только такое решение югоосетинского вопроса может «вселить» в «среду осетин» доверие «к русским». Однако гражданский губернатор наставлял своих подчиненных повременить «до весны» (до весны 1830 года); по свидетельству губернатора, так было угодно новому главнокомандующему графу Паскевичу. Завершив русско-турецкую войну, последний еще в 1829 году получил от Николая I новую стратегическую директиву, суть которой сводилась к следующему: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Приведенные слова императора, бесспорно, предрешили события 1830 года на Большом Кавказе. Однако многие исследователи распространяют их значение и на все последующее время, будто бы они определили политику Николая I на Кавказе. На самом деле установку на «усмирение» горцев «или истребление непокорных», данную сразу же после окончания русско-турецкой войны и скорее всего под впечатлением от громкой победы над Портой, император пересмотрит в том же 1830 году. Стоит также подчеркнуть – граф Паскевич, отличавшийся спокойным нравом, не был сторонником столь крайних мер, чтобы в его решениях или приказах давались распоряжения об истреблении горцев. В то же время указание Николая I о новом наступлении на горцев Большого Кавказа – а речь в его распоряжении шла именно о них – вызвало на Кавказе крупные военно-политические события. По свидетельству генерала А.И. Нейдгардта, император требовал от Паскевича «произвести одновременный поиск противу всех горских народов, завладеть важнейшими пунктами их земель, а в особенности низменностями оных и, таким образом, лишить горцев средств пропитания, принудить их к покорности».

По плану Паскевича, вначале предполагалось карательными мерами овладеть левым и правым флангами Большого Кавказа, а затем приступить к военным действиям на северном и южном склонах Центрального Кавказа. Но первые же карательные экспедиции в горные районы Дагестана и Северо-Западного Кавказа убедили командование на Кавказе в нереализуемости столь сложного плана, выдвинутого императором. Граф Паскевич отказался от крупных военных операций, переориентировал основные силы на Центральный Кавказ и решил небольшими карательными экспедициями форсировать наступление по Осетии – стратегически наиболее важному району Кавказа. Ближе к концу мая 1830 года командующий Отдельным Кавказским Корпусом дал предписание тифлисскому военному губернатору генералу Стрекалову приступить к вооруженной карательной экспедиции в Южную Осетию. Для губернатора цель экспедиции формулировалась следующим образом: «наказать, привести в повиновение и должный порядок». Подготовка к ней началась еще в 1829 году. Экспедиции предшествовало составление нового подробного описания Южной Осетии. Его граф Паскевич приложил к своему предписанию для Стрекалова.

«Осетины живут бедно... но мало повинуются» князьям

Согласно описанию, в конце первой трети XIX века «главные селения южных осетин» были расположены на южных склонах Главного Кавказского хребта «по ущельям рек Большой и Малой Лиахвы», реки Паца, впадающей в Большую Лиахву, и на горных вершинах Ксана. Территория Южной Осетии ближе к Главному хребту покрыта «вечными снегами», в «нижней же части... находятся довольно густые леса». «Жилища осетин» размещаются «неправильными деревнями по ущельям» и «состоят из каменных саклей». «В каждом селении» возводится «по одной или по несколько каменных башен». В предгорной зоне «сакли в деревнях» «разбросаны и окружены небольшими садами», а в горной – «прилеплены подобно птичьим гнездам к скалам и косогорам».

Несмотря на мягкий климат в равнинной части Южной Осетии и неплохие условия для земледелия, впрочем, как и в предгорной зоне, хозяйственная жизнь осетин переживала полную деградацию. Такое состояние экономики было характерно и для районов Грузии. Существующие в грузинской историографии идиллические картины о 30 сортах пшеницы и вине, «изобретенном впервые грузинами», ничего общего не имели с действительностью. Возможно, что-то похожее было в древности, но, начиная со средневековья, когда Закавказье стало объектом постоянных разорительных нашествий Персии и Турции, а несколько позже и горцев Большого Кавказа («лекианоба»), можно судить лишь о полной деградации экономики. По данным видного грузинского историка Г.В. Хачапуридзе, в 1829 году в Грузии «остро продолжал стоять вопрос о производстве зерновых культур». Тот же генерал Стрекалов, которому граф Паскевич поручил «покорить Южную Осетию», писал министру

финансов России Е.Ф. Канкрину, что «земледелие находится здесь (в Грузии. – М. Б.) в младенческом состоянии». Сдвинуть его с этого места, казалось, было уже невозможно. Генерал Стрекалов жаловался, что жители края, т. е. Грузии и Южной Осетии, «довольные весьма малым», «страшатся» производить сельскохозяйственную продукцию, они «лучше согласятся оставаться в совершенной бедности». Значительные территории Грузии из-за персидских вторжений и шахского режима были опустошены, и тифлисский губернатор ставил вопрос об их заселении. Российские войска, призванные защищать Грузию от внешней экспансии, испытывали немалые продовольственные трудности: для них «ежегодно» завозили «более 100 т. кулей муки и круп из Астрахани, Редут-Кале и Поты» (куль – большой мешок весом около 9 пудов). Общая картина экономики в Закавказье была столь тяжелой, что в Грузии, например, стали забывать культуру земледелия и приготовления сколько-нибудь сносных вин. Российские власти в Тифлисе занимались отправкой в Москву грузинских юношей «для обучения в земледельческой школе» и «приглашением специалистов-виноделов из Франции».

В таком же состоянии находилась хозяйственная жизнь Южной Осетии. Согласно «Описанию», присланному графом Паскевичем генералу Стрекалову, «осетины вообще живут бедно, занимаются скотоводством, сеют, но в малом количестве, ячмень, овес и просо, из коих вместо хлеба делают лепешки».

Тяготы закавказских народов не ограничивались только низким уровнем хозяйственной жизни. Сюда, в Закавказье, в частности в Грузию и Южную Осетию, был занесен и такой «персидский феномен», как добывание средств к жизни разбоем и насилием. Документы того времени пестрят сообщениями о набегах, убийствах, угоне скота, грабежах, воровстве и пр. Этим занимались все слои населения – и тавады, и крестьяне. Этим обстоятельством, собственно, объяснялось стремление крестьян оставаться бедными, чтобы не привлечь излишним достатком внимания к себе и не сделать семью жертвою разбоя. В особенно тяжелом положении в первой трети XIX века оказались грузинские крестьяне, жившие на равнине или же в легкодоступных местах. Как уже отмечалось, тавады добились у российских властей разоружения крестьян, и последние становились жертвой не только своих феодалов, но и хорошо вооруженных горцев. Особенно опустошительными были набеги на Грузию со стороны горных районов Дагестана. Разбойные нападения на Карталинию совершали также южные осетины. Однако они отличались своей социальной адресностью. Так, накануне карательной экспедиции российских войск, ставившей перед собой решение «югоосетинского вопроса», горийский уездный начальник сообщал в Тифлис о нападении 40 осетин (кешельтцев) на дом грузинского помещика в селе Тигва; феодал Ниния Надирадзе и его сын Содем были захвачены в плен, крестьяне забрали все их имущество и две пары быков. Тотчас же был взят в плен и помещик Ломидзе. Все захваченные были помещены в свинарник.

В подобных антифеодальных акциях югоосетины имели не только богатый опыт, но и располагали хорошей оснащенностью. По оценке офицеров военного штаба в Тифлисе, «непокорные осетины» были «вооружены ружьем, саблей, кинжалами, пиками, отчасти имели пистолеты». Эти же офицеры отмечали, что южные осетины «оружие содержат довольно исправно, делают сами порох, а свинец добывают из своих гор». Кроме оружия, всегда готового к применению, жизненный уклад южан был приспособлен к военному сопротивлению иноземным агрессорам, постоянно угрожавшим их независимости. Описывая Южную Осетию весной 1830 года, российские военные чиновники считали, что «народ сей... силою оружия и, надеясь на природную крепость своих жилищ в удаленных и малопрístupных ущельях, приписывает» уверенность в «невозможности проникнуть в их жилища». Учитывалось при обороне или вражеской осаде четкое взаимодействие предгорных жителей с горными: «замечено, – обращалось внимание российского командования накануне экспедиции, – что осетины нижних ущелий имеют связи и влияние на верхних, ибо через них сии последние получают с плоскости все, что им нужно для жизни». В условиях неотвратимого наступления грузинского феодализма Южная Осетия

напоминала хорошо отлаженную крепость, одолеть которую было непросто. В этом факте российское командование находило и объяснение отношений, сложившихся между югоосетинскими обществами, с одной стороны, и князьями Мачабели и Эристави – с другой. По поводу этих отношений в «Описании» подчеркивалось: «над южными» осетинами, «живущими по Большой Лиахве и Паца, присваивают себе власть князя Мачабеловы, а над живущими по Малой Лиахве и Ксане – князя Эристовы, но они им мало повинуются».

Забыв слово «война», приступили к созданию империи

Как отмечалось, директиву о фронтальном военном наступлении на горцев Большого Кавказа сформулировал Николай I, придававший Кавказскому перешейку, как стратегически важному, особое значение. Идеология установки на «покорение или истребление» рождалась, однако, не столько в Петербурге, сколько в Тифлисе. Она становилась важной чертой российско-грузинского взаимодействия в условиях русско-иранской и русско-турецкой войн конца первой половины XIX века. Выдвинутой еще Ермоловым идея о создании в лице грузинской знати надежной политической опоры в Закавказье, получила новое развитие при Паскевиче. Не без его участия весной 1827 года грузинское дворянство, которое все еще оставалось расколотым на «пророссийски» и «проирански» настроенных, полностью было уравнено «в правах и преимуществах с российским» дворянством. Это было сделано в соответствии с «жалованной грамотой дворянству», изданной еще в 1785 году Екатериной II. Такого социального возвышения, какого удостоилось «разбойное дворянство» Грузии, не знали феодалы других районов Кавказа. Особая привязанность российской властвовавшей военной и гражданской бюрократии, увлеченной высокой идеей защиты православия, к грузинским тавадам, любителям громких и лживых фраз, усилилось в ходе русско-турецкой войны, в которой активное участие приняли со своими отрядами грузинские дворяне. Крупные победы России в русско-иранской и русско-турецкой войнах фактически были преподнесены с российской щедростью на алтарь Грузии. Благодаря этим войнам окончательно была снята опасность для Грузии со стороны Ирана и Турции, а закрепление за Грузией западных районов Кавказа и присоединение к ней Ахалцихского пашалыка наметили процессы создания из бывших грузинских княжеств – вассалов Ирана и Турции – некоего подобия «Кавказской империи». Город Тифлис из небольшой крепости на берегу Куры превратился в столицу созданной Россией в Закавказье страны. Столь неожиданное новшество было замечено не только на Кавказе, но и далеко за его пределами. К. Маркс в далекой Западной Европе стал называть Тифлис «центральным пунктом... в Азии».

В грузинской историографии гипертрофически оценивается участие Грузии в русско-иранской и русско-турецкой войнах. На активность в них грузинской знати, ожидавшей своего дальнейшего возвышения, социально остро реагировало грузинское крестьянство, опасавшееся новых угроз феодального гнета. По свидетельству А.В. Орбелиани, «грузины давно не воевали, забыли даже слово „война“. Когда же весной 1829 года в Тифлисе прозвучали распоряжения гражданского губернатора о призыве в ряды „милиции“ для участия в войне с Турцией с „5 дворов или семейств“ по одному вооруженному милиционеру, «весь народ закричал:

«не дадим, нет, нет!» Генерал Стрекалов пытался объяснить, что призывают не рекрутов, а создается грузинское ополчение, но и это не помогло. На Авлабарской площади Тифлиса собрались жители города и близлежащих сел и, угрожая всеобщим восстанием, отвергли идею об участии грузин в войне с Турцией. Присутствовавшие здесь же тавады взялись «образумить народ», но «были избиты разъяренной чернью, угрожавшей даже сжечь их дома и истребить сады». Дело о создании грузинского ополчения и отправке его на турецкий фронт приняло столь бурное развитие, что в него пришлось вмешаться главнокомандующему Паскевичу. Он обратился ко всему грузинскому народу с воззванием: «Дошло до сведения моего, – говорилось в нем, – что злонамеренными гнусными людьми

рассеиваются между народом вредные и нелепые слухи по случаю сбора земского ополчения. Они говорят, будто требуют от грузин солдат. Такого намерения вовсе не было. Ваши солдаты не нужны». Фельдмаршалу потребовалось добавить, что призыв в ополчение объявлен на ограниченный срок – «в течение нынешнего лета, именно 6 месяцев». Речь шла о завершении войны с Турцией и чтобы решить эту задачу, командованию требовались дополнительные силы. Поскольку войну с Ираном и Турцией российские генералы рассматривали как «защиту Грузии» от ее внешних врагов и, учитывая будущие территориальные приращения к Грузии, губернатор Стрекалов и командующий Паскевич были уверены, что их призыв к участию в войне с Турцией найдет поддержку среди простого народа. Но их надежды не оправдались. По данным советского историка Г.В. Хачапуридзе, по Грузии «рассылались нарочные, которые убеждали крестьян не соглашаться идти в солдаты. Первыми оказали неповиновение Коди, Кумиси, Вашловани и Табахмели. Их примеру последовали и крестьяне других сел». Отличились в русско-турецкой войне тавады – А. Чавчавадзе, Л. Орбелиани, И. Абхазов, Г. Эристов и другие, ранее удостоенные Петербургом генеральских воинских званий. Война с Турцией обнажила, таким образом, отсутствие у российских властей в Грузии опоры среди простого народа, разоренного своими владельцами. Эта слишком очевидная реальность, казалось, требовавшая необходимых перемен в социальной политике, еще больше подтолкнула российское командование на поиски новых средств расположения к себе тавадов. Одним из таких способов вызвать у грузинской знати уверенность в своем будущем являлось покорение непокорной Южной Осетии. Не исключено, что идея о крупной карательной экспедиции против осетин рассматривалась с участием генерала Г. Эристова, героя русско-турецкой войны, сородичи которого (да и он сам!) никак не могли добиться в Южной Осетии беспрекословного повиновения.

Объяснения графа Паскевича

12 мая 1830 года, как указывалось, горийский уездный начальник сообщил командованию в Тифлисе о захвате осетинскими крестьянами грузинских дворян и о том, что титулованные тавады содержатся в свинарнике. Через 12 дней после этого последовало предписание командующего Отдельным Кавказским Корпусом графа Паскевича об отправке в Южную Осетию карательной экспедиции. Вполне возможно, что эти два акта были в какой-то мере связаны между собой. Во всяком случае, пленение грузинских феодалов и помещение их крестьянами в свинарнике давали Паскевичу формальный повод обвинить осетин Южной Осетии в «хищничестве и шалостях», а затем в воровстве, грабежах и считать это все достаточным основанием для карательных мер против крестьян. Более подробные объяснения о мотивах экспедиции Паскевич дал в рапорте на имя военного министра А. И. Чернышева. В частности, граф подчеркивал, что «...Карталиния (центральный район Грузии. – М. Б.) была постоянно подвержена нападениям с севера от осетин, а с юго-запада от буйных и хищнических племен, населявших Ахалцихский пашалык». Устанавливая связь между пашалыком, в ходе войны с Турцией присоединенным к Грузии, и Южной Осетией, географически отдаленными друг от друга, Паскевич явно желал, чтобы его карательная экспедиция в Осетию рассматривалась в контексте войны с Турцией, счастливо для него завершившейся. «Осетины, – писал граф, – продолжавшие производить грабежи и убийства в течение военных действий» с Турцией, «не переставали обнаруживать таковое поведение и по заключении мира с Портою». Придав таким образом своей карательной экспедиции важный политический смысл, командующий еще раз перед военным министром сделал акцент на том, что «наказание сих непокорных» осетин, «в необузданности своей не признававших никакого влияния России, сделалось совершенно необходимым».

Верил ли граф Паскевич сам в то, что он писал министру Чернышеву? Разумеется, нет. Позже граф чистосердечно признался в истинном положении вещей, связанном тогда с

Южной Осетией. В проекте письма, составленного на имя Николая I и подготовленного Паскевичем, отмечалось, «что ни один из сих» осетин «не смел показаться на базарах и в деревнях Карталинии без того, чтобы не быть совершенно ограбленному от так называемых помещиков», т. е. грузинских тавадов. Как видно, обвинение в том, будто Карталиния постоянно подвергалась со стороны Южной Осетии нападениям и грабежу, являлось нескрываемой ложью и, скорее всего, внушалась Паскевичу грузинской феодальной знатью, грабившей осетин в той же Карталинии. В письме к императору объяснялось также, что тавады «устраивали даже в тесных ущельях укрепленные замки, мимо которых никто из осетин не мог пройти, не подвергаясь опасности лишиться всего имущества». Подобные замки служили для князей Эристави и Мачабели одним из средств, с помощью которых они не давали осетинам Южной Осетии покинуть свои насиженные места и освободиться от феодального произвола. Генералы Паскевич и Панкратьев, готовившие письмо к Николаю I, признавались перед императором и в том, что грузинские тавады «...под разными предложениями брали осетинских детей и потом продавали в разные руки. Подобные действия само собой должны были вооружить против них этот народ, а нищета, от оных происшедшая, подвинула его на воровство, разбои и грабежи».

Остается сказать о политическом аспекте обвинения южных осетин, якобы «в необузданности своей не признававших никакого влияния России» и во время войны России с Турцией замеченных в антироссийскости. Граф Паскевич в другом месте своей переписки с Петербургом по поводу карательной экспедиции в Южную Осетию признавал, что «народ сей... при первом появлении российских войск под командою гр. Тотлебена встретил их как своих избавителей. К нам влекла их христианская вера...» Но «когда увидели, что русские начали отдавать их на произвол помещиков» Грузии, «то они предались грабежам и мало помалу увеличили дерзость свою».

Мы привели лишь часть наших данных, но и их вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что у командующего не было явных оснований для обвинения южных осетин, предъявление которых давало бы ему повод для крайних жестокостей в отношении и без того разоренного и загнанного в угол народа. Заодно отметим: подобной карательной экспедиции, какую направлял граф Паскевич в Южную Осетию, он никогда бы не отрядил в сугубо грузинские села, хотя поводов для этого последние подавали гораздо больше, – вспомним участие грузинских отрядов в военных действиях против России во время русско-иранской и русско-турецкой войн или упорное сопротивление грузинского населения российским властям, призывавшим грузинских солдат на войну с Турцией. Подобная дискриминация, когда соседние Грузии народы приносились в жертву во имя «богоизбранной касты» – паразитировавшей на российской власти тавадской знати, рождала среди этой знати, еще недавно холопствовавшей у турецких и персидских вали, идеологию некоей исключительности. Для исторически ущербной касты, хорошо помнившей себя стоящей на берегу реки Куры в обнаженном виде и медленнодвигающейся к мосту, на котором был выставлен образ святой Марии, чтобы имитировать половой акт, «идеология исключительности» имела не только духовное, но и сугубо социальное значение – она позволяла окончательно расстаться с положением тех, кто стоял в очереди к Божьей матери, и приблизиться к тем, кто заставлял идти к сраму. Глубинный и в чем-то потаенный идеологический процесс происходил на волне мало продуманных и нередко эмпирических действий российских властей, далеких от понимания того, какой расовый феномен создается в самом центре Кавказа и какой угрозой он станет, созрев, для соседних народов и для самой России.

Покорение...

24 мая 1830 года военный губернатор генерал С.С. Стрекалов получил предписание графа Паскевича о снаряжении и отправке в Южную Осетию карательной экспедиции. В

краткой преамбуле была сформулирована банальная для того времени задача, ставившаяся перед ней. Она, эта задача, сводилась к знакомым уже словам – «для прекращения хищничества и шалостей, производимых осетинскими племенами в Карталинии и на Военно-Грузинской дороге», а также – чтобы «наказать и привести в повиновение и должный порядок сих непокорных». Согласно предписанию главнокомандующего официально в Южную Осетию направлялся один батальон солдат, «готовых к бою», числом 900 человек, казаков – 200 человек. На их вооружении были кроме боевых винтовок два горных орудия и две кегорновых мортирки. Обычно при формировании карательных экспедиций – особенно если экспедиция направлялась в Южную Осетию, сугубо секретными оставались две очень важные составляющие: точная численность вооруженного отряда и участие в походе местных воинских сил. Данные о последних становились известными, однако, позже, после завершения экспедиции. В предписании графа Паскевича, согласно которому определялись воинские части, численность войск и их боевое снаряжение, не указывалось участие в карательной экспедиции против Южной Осетии грузинских княжеских отрядов, называвшихся «милицией». Между тем из более 2000 солдат и офицеров, направлявшихся в Южную Осетию, около половины состояли в «частях Карталинской милиции», которыми командовали грузинские князья Мачабели, Эристави, Гурамов и др. Об участии этих частей граф Паскевич сообщит военному министру Чернышеву позже, после окончания экспедиции. Не вдаваясь в подробности причин, по которым создавались особые грузинские вооруженные отряды и направлялись против соседних с Грузией народов, отметим лишь одно важное историческое совпадение. Грузинские феодалы, при персидском господстве представлявшие собой вали, также имели вооруженные отряды, с помощью которых совершали карательные рейды, собирая для шаха и для себя продуктовую ренту. Веками сложившаяся традиция имела свою идеологию, при которой служение персидскому шаху, объявленному еще при шахе Аббасе «владыкой мира», не только «возвышало», но и наделяло валия-вассала «достоинствами» особой «исключительности». Не зная ничего об этой традиционной идеологической системе, имевшей сугубо феодальное практическое назначение, российское командование по своим собственным политическим мотивам «плавно» продолжало привычную для грузинской знати традицию утверждения в ее среде установок фанаберии и мизантропии. Впрочем, стоит напомнить, что любая идеология, охватившая элиту страны, не может оставаться в границах только одного социального среза, а оказывает обычно свое влияние и на все другие слои общества. Нетрудно себе представить, как рядовые грузины, решительно отказывавшиеся воевать с Турцией, чтобы защитить свою страну от турецких вторжений, но бодро двигаясь в частях Карталинского полка и зная, что их ведут для «истребления осетин», могли себя ощущать, осознавая, что еще сравнительно недавно их отцы и деды сами были жертвами подобных нашествий, но теперь все изменилось – то, что делал персидский шах, могут позволить себе и они. От предстоящей карательной экспедиции ожидалось серьезные перемены как в Южной Осетии, так и в самой Грузии. Граф Паскевич подчеркивал непохожесть организуемой им экспедиции на все предыдущие. Он не скрывал от грузинской знати, тем более от князей, участвовавших в походе, что в Южной Осетии собирается ввести моуравство – традиционное для Грузии и ее знати административное управление, сложившееся еще при господстве персидского шаха. Это намерение главнокомандующего будоражило своей перспективой феодальные аппетиты грузинской знати. Генерал Панкратьев свидетельствовал, как в конце русско-турецкой войны, когда Россия, отобрав у Турции Ахалцихский пашалык, передала его Грузии, «через несколько дней» грузинские тавады явились к российскому командованию «с грамотой», требуя для себя на «новой территории» «поместья». Как и в случае с пашалыком, грузинские тавады надеялись после покорения Южной Осетии поделить ее на феодальные владения.

Военную операцию «против осетин» по поручению графа Паскевича возглавил военный губернатор генерал Стрекалов, командование войсками и «исполнение» карательных мер было возложено на генерала Ренненкампа. Схема движения карательной

экспедиции по Южной Осетии разрабатывалась военным штабом в Тифлисе под руководством самого Паскевича. Накануне графу собрали все сведения, касавшиеся Южной Осетии, в том числе материалы, относившиеся к проведению всех предыдущих карательных экспедиций в Осетии. Одиннадцать пунктов этой схемы предусматривали детали военной операции. В десятом из них повторялась общая задача, ставившаяся перед экспедицией: «Вообще с жителями, – указывалось в нем, – которые покорятся добровольно, наблюдать кроткое и справедливое обращение; но тех, кои будут защищаться в своих селениях, обняв со всех сторон, истреблять, давая пощаду покоряющимся и забирая в плен с женами и детьми; жилища же их разорять в пример и страх другим». Однако особенность ситуации заключалась в том, что Южная Осетия, как и все другие районы Осетии, рассматривала себя в составе Российского государства. Ее население требовало от российских властей освобождения от грузинских притязаний и перевода крестьян в разряд «казенных». Это требование, собственно, и рассматривалось как «непокорность» России. Со своей стороны, жители Южной Осетии, увидев у себя российско-грузинские войска, вооруженное нападение понимали как новое насильственное подчинение их грузинским тавадам.

18 июня 1830 года войска вступили в Цхинвал. На другой день генерал-адъютант Стрекалов произвел «осмотр» войск, проверил их готовность к военным действиям и приказал генералу Ренненкампфу начать карательную экспедицию. В тот же день, 19 июня, российско-грузинские войска численностью более 2000 солдат вступили в Джави – один из крупных населенных пунктов Южной Осетии. Не зная о причине появления большого количества войск, жители села ушли в лес и оттуда выслали к Ренненкампфу 18 своих представителей. Получив от генерала заверения, «что цель экспедиции не есть истребление их жилищ», они вернулись в свои дома. Жители Джави, а также другие села, входившие в Джавское общество, выдали войскам аманатов. Из Джави генерал Ренненкампф направил князя Мачабели с отрядом в Кешельтское общество, чтобы он привел жителей этого общества в покорность и взял у них аманатов. Сам он направился «по трудной дороге» Лару в селения Цамаду, Биквуама и Дуадонастау. Маневр Ренненкампфа был также направлен против жителей Кешельтского общества. В обход сюда же двинулся отдельной колонной подполковник Берилев. Против кешельтцев был брошен еще один отряд под командованием грузинского князя Гурамова. Окружив со всех сторон Кешельтское общество, на которое, как на феодальное владение, претендовали князя Мачабели, войска приступили к военной операции. Местные крестьяне, видевшие грузинских князей вместе с российскими войсками, ясно понимали цели, с которыми к ним пришли войска. Они вступали в неравные бои и оказывали регулярным войскам упорное сопротивление. По свидетельству самого Паскевича, «войска... проходили под пулями» осетин, превращавших свои села в укрепления. К кешельтским крестьянам присоединилось Магландолетское общество, отказавшееся прислать к Ренненкампфу своих депутатов. Опасаясь всеобщего выступления осетин, генерал обратился к жителям с воззванием, полным угроз: «Повторяю, подумайте, что вас ожидает? – писал Ренненкампф, – не война с россиянами, нет, с вами воевать не будут, вас истребят, как непокорных подданных, как врагов общего спокойствия, как людей, желающих собственной гибели. Придут войска, придет грозный военачальник граф Паскевич-Эриванский, он, следуя велению великого монарха, рассеет непокорные племена ваши. Не спасут вас тогда ни мольбы отчаянные жен, ни слезы и рыдания детей ваших». Генерал не обманывал, он говорил правду... В его угрозах нельзя было не заметить стремления свести свою карательную миссию к минимальной крови. Но угрозы Ренненкампфа не пугали жителей, уверенных: господство грузинских князей – это тоже истребление людей, но более изощренными методами. Население Кешельтского общества покинуло свои дома и ушло в горы. Российско-грузинские войска сжигали дома. Несмотря на это, вооруженное сопротивление местных жителей нарастало. В Бикойтикау Ренненкампф расположился лагерем. С боями продвигалась по Южной Осетии колонна под командованием Берилева. Когда она вступила в села Дамцвари и Кола, завязался первый настоящий бой. Накануне жители этих сел ушли в горы, остались здесь только их

защитники. Село Кола подожгли его жители, давая этим понять, что разрушением сел командование никого не пугает.

22 июня обе колонны российско-грузинских войск двинулись к горе Зикара, где сосредоточилась значительная часть населения Южной Осетии. Узнав о приближении войск, беженцы-осетины уходили дальше – одни перебирались в Кударское ущелье, другие еще дальше – в Имеретию. Зрелище напоминало горную лавину, от которой пытались спастись люди. Одна из вооруженных групп заняла в сожженном селе Кола, где жила фамилия Кочиевых (Коцта), боевую башню и отсюда вела прицельный огонь. Осетины, хорошо отличавшие грузинские отряды от российских, старались вести стрельбу по грузинской милиции. Эту избирательность заметило командование. Граф Паскевич доносил, что в одном бою легко были ранены два русских офицера и три рядовых, при этом тяжело (со смертельным исходом) были ранены девять грузин, трое из «коих князья и дворяне». В связи с этим вернемся к князю Бардзиму Мачабели, накануне направленному в Кешельтское общество. Его появление среди местного населения столь бурной реакции, как ожидалось, не вызвало. На этот факт обратил внимание исследователь З.Н. Ванеев, считавший, что именно тогда у генерала Ренненкампа возникло подозрение, что у князей Мачабели отсутствует искренняя привязанность «к русской власти». По мнению Ренненкампа, упорное сопротивление осетин российско-грузинским войскам во многом объяснялось двуличием князей Мачабели, будто бы настраивавших осетин против российских властей. Генерал явно преувеличивал влияние князей на осетинское крестьянство, однако не исключено было, что Бардзим Мачабели к масштабным военным действиям командования в Южной Осетии отнесся ревниво, подозревая, что это делается не для грузинских князей, а для нужд российских властей.

Основные бои развернулись у горы Зикара, где хорошо укрепились осетины. Атаки российско-грузинских войск они встречали с большим ожесточением. По своей боевитости и желанию участвовать в сражении от мужчин не отставали женщины. Стоит сказать, в Осетии хорошо известно, что женщины югоосетинских обществ заметно отличаются и внешностью, и характером, и особым положением в обществе. Они необыкновенно красивы, полны собственного достоинства, держатся независимо, необычайно трудолюбивы и жизнестойки, никогда не теряются перед тяжелыми испытаниями и нередко выступают в роли подлинных амазонок. Русский историк В. Потто, описывая бои, завязавшиеся под Зикара, не без восторга писал: «В войсках появились убитые и пленные; число их стало расти, и солдаты с удивлением замечали в среде сражавшихся женщин. Однажды, когда казаки взбирались на голый утес, из-за камней вдруг выскочила молодая осетинка и, как разъяренная тигрица, обхватила первого попавшегося ей казака, напрягла все силы, чтобы вместе с ним низвергнуться в пропасть. Страшная борьба происходила на краю обрыва. Еще мгновение – и осетинка совершила бы свой самоотверженный подвиг, но силы ее истощились: она выпустила свою добычу из рук и одна полетела в бездонную пропасть, где острые камни в куски изорвали ее тело». Картины, подобные этой, происходили ежедневно. Они вызывали не только удивление. Все – от солдат и до генералов, ранее представлявших Южную Осетию как «гнездо разбойников и воров» – поразились рыцарской храбрости противника и невольно задумывались над внутренним мотивом, заставлявшим его так самоотверженно сражаться.

25 июня российско-грузинские войска предприняли одну из последних атак на естественное укрепление горы Зикара. Но и она, как и предыдущие, не принесла результата. На отряды генерала Ренненкампа обрушились огромные камни, и солдаты с потерями были вынуждены отступить. В тот же день, являвшийся днем рождения императора Николая I, атака войск повторилась. От нее осетинские боевые отряды понесли тяжелые потери: было убито 60 человек, захвачено в плен 17, угнано до 200 голов рогатого скота. Несмотря на это, у Ренненкампа не было уверенности в легком завершении боев у Зикара. Генерал предложил переговоры. Осетинские старшины, видя бессмысленность сражения с регулярными войсками, постоянно пополнявшимися отрядами грузинских князей, решили явиться к генералу и принести присягу «покорности». К этому вынуждало их также тяжелое

продовольственное положение как участников сражений, так и многочисленных беженцев. Однако далеко не все разделяли решение старшин. Многие, например Кабисовы, ушли в леса, а фамилия Кочиевых во главе с Бега Кочиевым продолжала свое вооруженное сопротивление в селе Кола.

26 июня генерал Ренненкампф двинул свои войска в Кола. Здесь в башне Кочиевых оборону держали 30 боевиков. Боевая башня, сооруженная из скальных камней на известковом растворе, состояла из двух этажей и достигала 16 метров в высоту. Двухтысячный отряд Ренненкампфа осадил башню, производил по ней стрельбу из горных орудий, но ядра так отскакивали от башни, что взрываясь, поражали солдат, атаковавших укрепление. Попытка 500 гренадеров захватить башню не привела ни к чему, кроме жертв среди солдат и офицеров. Только в одной из атак погибло четыре солдата, 18 было ранено, был убит подполковник, командир Херсонского гренадерского полка Берилев и ранен офицер Писаревский. Осада башни велась и днем, и ночью – одни солдаты сменяли других. Предпринимались самые различные боевые маневры, чтобы овладеть башней. Среди попыток, кончавшихся неудачей, было также решение произвести под башню подкоп и взорвать ее, но фундамент башни уходил слишком глубоко и взрывчатка не могла бы справиться с фундаментом. Ренненкампф предложил переговоры. Его парламентар вошел в башню, но из нее больше не смог выйти... По поводу осады башни в Кола и расправы с защитниками ее граф Паскевич писал военному министру России Чернышеву: «Генерал-майор Ренненкампф, обложив» башню «в ночное время кострами сухих дров, приказал зажечь оные со всех сторон, надеясь сею мерою заставить осажденных просить пощады; но горцы оказали примерное ожесточение: из числа защищавших только 10 человек, бросясь с неимоверной яростью на солдат наших, хотели открыть себе путь оружием, но были подняты на штыки и только один из них был взят в плен; все же оставшиеся в крепости, пренебрегая жизнью, сгорели посреди стен».

Мужество защитников Кола не оставило равнодушными даже дворянских историков, описавших события 1830 года в Южной Осетии. В. Чудинов, как и граф Паскевич, не без удивления отмечал, что «осажденные пели во всю глотку веселую песню, неустанно бросали камни, издевались над нашими усилиями и, видимо, предпочитали смерть всякой пощаде». Подобное упорство и отчаянное поведение в вооруженных столкновениях с российско-грузинскими войсками становилось похожим на фанатизм. В то же время российские солдаты и офицеры выносили впечатление о справедливости борьбы осетин с вооруженным засильем. В ходе военной операции в Южной Осетии, в особенности в Кешельтском обществе, где боевые действия носили ожесточенный характер, генерал Стрекалов пришел к твердому убеждению, «что князья Мачабеловы стараются присвоить над ними (кешельтцами. – М. Б.) свое право, которые, противясь сему, почитают и нас (русских. – М. Б.) своими неприятелями». Не случайно, как только закончились бои в Кешельтском обществе Южной Осетии, генерал Ренненкампф назначил к кешельтцам пристава – грузинского дворянина Заала Бердзнеева. Такое назначение осетины, не знавшие тонкостей российской государственной системы, восприняли как лишение князей Мачабели власти в Южной Осетии. Впрочем, на это первое назначение, сделанное в ходе карательной экспедиции, не могли в свою очередь не обратить внимания князья Мачабели и Эристави. Изначально, перед самой экспедицией, граф Паскевич заявлял о возрождении моуравств, ранее существовавших в Грузии, и такую традиционную грузинскую форму управления предполагалось положить в основу административного устройства Южной Осетии. В югоосетинских обществах предусматривалось учреждение четырех моуравств во главе с грузинскими дворянами. Они заранее намечались в виде территориальных административных образований – Джавско-Кесельтского, Кошк-Рокского, Магландолетского, Ксанско-Джамурского. Судя по всему, назначение Заала Бердзнеева приставом Кешельтского общества было «творчеством» Стрекалова и Ренненкампфа, в ходе карательной экспедиции ближе ознакомившихся с обстановкой в Южной Осетии и ставших сторонниками российской приставской системы управления. Менялась, таким образом, сама

концепция карательной экспедиции, направленной в Южную Осетию. Учреждением четырех моуравств во главе с главным моуравом, как это намечалось ранее, фактически ставился вопрос о передаче Южной Осетии в состав Грузии по примеру Ахалцихского пашалыка. Стоит напомнить и другое: в отличие от других регионов Кавказа Грузия, несмотря на ее территориально-губернское устройство, благодаря политике Петербурга становилась на путь крайне нелогичного для того времени «странообразования». Грузия не только расширялась территориально, но и сохраняла некую «автономность» при хорошо заметном особом российском патронаже. В этих условиях возрождение моуравств в Грузии, в свое время представлявшихся в виде своеобразных мелких княжеств, и включение в эту систему Южной Осетии означало бы установление в осетинских обществах феодализма про-персидской модели.

Назначение Заала Бердзнеева приставом, а не моуравом Кешельтского общества не означало еще отмены плана графа Паскевича по учреждению моуравств в Южной Осетии и передаче ее Грузии. Скорее всего, со стороны генералов Стрекалова и Ренненкампа, убедившихся в нереальности подобного административного развития югоосетинских обществ, такое назначение было пробным камнем на пути к пересмотру планов в отношении Южной Осетии.

Карательная экспедиция и военные операции российско-грузинских войск, приведшие к покорению Кешельтского общества, продолжались в других районах Южной Осетии. Однако после упорных боев в Зикара и Кола серьезно поколебалось моральное состояние войск генерала Ренненкампа. Особенно это касалось грузинских отрядов. Из 800 участников экспедиции, входивших в отряды грузинской милиции, которыми командовали князья, вначале бежало 450, а затем остальные. У грузинских князей остались мелкие отряды, сформированные в ходе экспедиции. Грузинское население, видевшее карательные меры, применявшиеся в Южной Осетии, хорошо понимало, что успех этой экспедиции приведет лишь к дальнейшему ужесточению феодального гнета со стороны тавадов; что же до идеологического воздействия на простых грузин, которым внушались мизантропические установки феодалов, то оно не имело эффекта.

В самом начале июля из Кешельтского общества войска Ренненкампа вернулись в Джави. Отсюда 5 июля они перешли в Магландолетское общество, расположенное по Большой Лиахе. Жители этого общества подготовились к вооруженному сопротивлению. Однако старшины общества, не желавшие бессмысленных жертв, вышли навстречу Ренненкампу и принесли от имени всего общества присягу. Более молодое поколение мужчин, однако, не было согласно с решением 30 старшин. Многие из них, ясно осознававших цели и последствия карательных мер, покинули свои общества и поселились в других местах Осетии и Грузии. Несмотря на присягу старшин, Ренненкампф думал пройти с карательными акциями по Магландолетии и, как и в Кешельте, добиться здесь «всеобщей покорности» и учреждения приставства. Но вскоре ему пришлось срочно покинуть Магландолети и двинуться в сторону Военно-Грузинской дороги, где в Юго-Восточной Осетии завязались тяжелые бои у отряда во главе с майором Чилиевым. В этом районе Осетии бои вели не только местные жители, сюда пришли также небольшие отряды осетин из Кешельтского и Магландолетского обществ. Перейдя через Кногский хребет, Ренненкампф расположился в селе Верхний Баджин. Отсюда он направился в Джамурское общество – к месту боев. Со стороны Душети к Джамуру подошел также отряд майора Забродского. Таким образом, войска генерала Ренненкампа своим основным составом окружили Джамур со всех сторон. Ввиду слишком большого превосходства российских войск бои были прекращены. Одна часть осетин сложила оружие – среди них была раненая женщина, другие во главе с Кужаном и Соста-Мурабом Томаевыми укрылись на горе Галадур. Против них был направлен Ксанский отряд, имевший на вооружении горное орудие. Отряду Томаевых пришлось сдаться в плен, среди них также была раненая женщина. Из Джамурского общества военные действия были перенесены в Кногское, размещенное по Малой Лиахе. Здесь вначале действовал отряд под командой капитана Андреева. 11 июля

капитан Андреев собрал жителей Кногского ущелья и принудил их принять присягу. После он разрушил их дома, взорвал башни, захватил с собой аманатов и продолжил движение по Малой Лиакхе.

Жители Кного, уверенные, что отряд Андреева проследует в Карталинию, решили напасть на него у деревни Шапаури. Узнав об этом, генерал Ренненкампф направил против них воинский отряд под командованием грузинского князя Гурамова. Но последний не застал повстанцев в Шапаури – они ушли в горы и приготовились к бою. Не задерживаясь, капитан Гурамов направился вслед за повстанцами. Происшедший бой между многочисленным русско-грузинским отрядом, с одной стороны, и осетинскими повстанцами – с другой, ни к чему не привел. Повстанцы не пожелали принять присягу и ушли в горы для дальнейшей борьбы.

Недовольный походом грузинского князя Гурамова, генерал Ренненкампф бросил против повстанцев, укрепившихся в Кного (Гнух), силы капитана Завойко. Но попытки окружить осетин, отступивших глубже в горы, также не принесли успеха. Не помогли справиться с ними и усилия отрядов капитанов Андреева и Наплешица. Свою неудачу Ренненкампф решил восполнить сожжением и разрушением домов и уничтожением посевов. Однако чтобы считать Южную Осетию покоренной – а это являлось главной задачей карательной экспедиции, одних разрушений было недостаточно. Понимая это, генерал Ренненкампф принялся за репрессии против местного населения. По приговору военно-полевого суда 21 крестьянин был наказан шпицрутенами; из них двое прошли через 1000 человек, четверо – через 500 человек по три раза и 15 – через 500 по два раза. 21 повстанец был отправлен в Сибирь, остальные выселены навсегда из Осетии. Несколько человек были наказаны розгами. Все репрессии проводились в селах, откуда происходили подвергавшиеся наказанию, тем самым преследовалась цель навести на местное население страх и добиться от крестьян покорности.

Судя по всему, генералу Ренненкампфу удалось добиться своей цели. Дикие формы экзекуции, ранее не знакомые местным жителям, вызвали немалую тревогу у свободолюбивых горцев. По свидетельству В. Чудинова, репрессии «ужасающим образом повлияли на население. Южные осетины помнили их до последних дней умиротворения Восточного Кавказа и с трепетом передавали» о них «новому поколению».

Главнокомандующий на Кавказе Паскевич был доволен итогами карательной экспедиции в Южной Осетии. Отчитываясь перед военным министром Чернышевым, он писал: «Таким образом, экспедиция, посланная мною в Осетию, имела желанный успех: войска наши, преодолев с твердостью все препятствия, прошли через такие места, куда и самые отважнейшие путешественники никогда не достигали». Главнокомандующий был прав – русские солдаты действительно прошли по таким местам, которые считались самыми малодоступными. Но он был неправ, когда преувеличивал военно-политические достижения командования в Южной Осетии и в качестве итога подчеркивал, что Ренненкампф и его экспедиция имели «желанный успех». Паскевич не стал писать в Петербург о том, что в горных ущельях Южной Осетии, где побывали российские войска, остались не только обугленные и разрушенные села, убитые и принявшие присягу жители, но и повстанцы, не покорившиеся российско-грузинским войскам и не признавшие над собой грузинского феодального господства.

Поход грузинского генерала Абхазова

Планы Паскевича не ограничивались покорением Южной Осетии и фактической ее передачей грузинским тавадам. Они предусматривали также карательную экспедицию в Северную Осетию; северо-осетинские общества не давали сколько-нибудь значительных поводов для применения к ним карательных мер. Однако было ясно, что репрессии российско-грузинских войск в Южной Осетии серьезно повлияли и на Северную Осетию, где

в последние годы преобладали пророссийские настроения. В северных районах Осетии осознавали, что карательная экспедиция российско-грузинских войск может перекинуться из Южной Осетии в Северную Осетию и готовились к вооруженному сопротивлению. Но население Северной Осетии было настроено мирно и надеялось на то, что сможет избежать конфликта. Еще не до конца завершились карательные меры в Южной Осетии, как генерал Ренненкампф направил капитана Ковалевского в «северные районы Магладвалетии», т. е. на северные окраины Южной Осетии. Перед капитаном ставилась задача успокоить население Закинского и Трусовского округов, взбудораженное военными событиями в Южной Осетии, и продолжить топографическую подготовку карательной экспедиции в Северную Осетию. Встретившись с местными старшинами, Ковалевский, благодаривший последних за «доброе поведение», требовал, чтобы они предоставили ему проводников «для проезда» в Куртатинское общество. Под разными предлогами старшины отказывались выполнить просьбу капитана. Ковалевский поинтересовался «у толпы», окружавшей его, нет ли куртатинцев среди собравшихся. Капитан не скрывал причину, по которой собирается посетить куртатинцев, «жилище коих» он «желал означить на карте». Пригласив к себе представителей Куртатинского общества, Ковалевский одарил их «подарками» и «несколькими червонцами» и «просил их ехать... в их жилища». Но русскому офицеру не помогли подношения. По собственному его признанию, «...куртатинцы отказались исполнить просьбу» Ковалевского «и решительно объявили, что все Куртатинское общество поклялось не принимать к себе ни русских, ни писем от них и действовать заодно с тагаурцами, кои, как известно, собрали многочисленную толпу и намерены по примеру джамурцев встретить» российские войска «с оружием». Капитан Ковалевский прибег к угрозам, на что куртатинцы «в дерзких выражениях отвечали, что решились умереть», но не позволят кого-либо пустить в свое общество.

По-другому были настроены представители Нарского общества. Ковалевский заметил миролюбие нарцев и решил направиться к ним; здесь, среди жителей Нара, он «был встречен народом с особенною ласкою». Судя по всему, в Наре и в других окрестных селах события в Южной Осетии воспринимали так, словно южане не желают состоять в составе Российского государства и по этой причине Ренненкампф был вынужден предпринять против них карательные меры. Жители Нарского общества, поверившие такому объяснению российского командования, осуждали своих южных соотечественников, призывая их к миру с Россией. Мысль о виновности южных осетин в «разбоях», в «непокорности российскому государю» внушалась нарцам также капитаном Ковалевским. Верившие русскому офицеру, явно искажавшему подлинные цели российско-грузинской карательной экспедиции, «нарцы отвечали, что они со времени императрицы Екатерины были всегда покорны воле правительства». Они напомнили и о другом – о том, что в 1801 году «присягою верности» подтвердили свое вхождение в состав России. Свою готовность быть в составе Российского государства Нарское общество выразило в следующих предложениях: а) наладить почтовую связь между нарцами и официальными властями России; б) назначить им «начальником русского чиновника и преимущественно военного, который, живя среди них, в Наре, управлял бы ими...»; в) «дать некоторым» нарцам «способ учить грамоте детей своих». Особо подчеркивалось, что этого желает «нарский дворянин Таги Хетагуров»; г) наладить в Нарском обществе российское судопроизводство; д) снять блокаду Цхинвала и открыть северным осетинам дорогу для торговых сделок в Цхинвале.

Мирные переговоры капитана Ковалевского в центральной части Осетии сопровождалась одновременной подготовкой к проведению карательной экспедиции в Восточной Осетии. Этому району российское командование придавало особое значение, поскольку по нему проходила Военно-Грузинская дорога, более или менее надежно связывавшая Россию с Закавказьем. Немалый интерес к дороге проявляли и грузинские тавады. Последние от карательной экспедиции в Восточную Осетию ожидали получить властные полномочия над местным населением и главное – овладеть дорогой, приносящей доходы как командованию, так и тагаурским феодалам. Уверенность в возможности

заполучить в свои руки наиболее выгодный район Осетии повышалась тем, что карательную экспедицию предстояло провести генералу Абхазову – грузину по происхождению. Но было и другое обстоятельство, вызывавшее возбуждение у тавадов. Как и в Южной Осетии, они думали, что российское командование привлечет в карательную экспедицию Абхазова войсковые отряды грузин, существовавшие в виде милицейских формирований. Тавады, однако, этого не дождались. Они еще не знали, какие серьезные перемены произошли во взглядах главнокомандующего Паскевича по поводу административного устройства Осетии и феодальных прав в ней грузинской знати.

Абхазов знал о приготовлениях к вооруженному сопротивлению в Восточной Осетии. Он опасался, что тагаурцы получат подкрепление из других районов Осетии и бои превратятся в масштабные. Генерал также понимал, что подобное развитие событий парализует Военно-Грузинскую дорогу и ему сложно будет получить помощь и с севера (из Владикавказа), и с юга (из Тифлиса). Чтобы избежать военных действий на самой дороге, Абхазов пригласил во Владикавказ тагаурских феодалов для переговоров. Представители Восточной Осетии были за мирные контакты с российскими властями. Вооруженное противостояние с российскими войсками они рассматривали как крайнюю меру. Во Владикавказе Абхазов заявил тагаурским представителям о своем походе в Осетию, назвав его «мирным». Цель экспедиции он сформулировал таким образом, «что российские войска вступят в их земли для приведения к присяге на верноподданство государю императору всех селений Тагаурского ущелья и для устройства гражданского порядка, должествующего обеспечить взаимные права и собственность». Представители Восточной Осетии, не поверившие генералу Абхазову, потребовали, чтобы им было разрешено вместе с российскими войсками двигаться по Осетии в качестве наблюдателей. Неожиданное предложение застало Абхазова врасплох, и он был вынужден согласиться. Вне отряда Абхазова из Владикавказа в Тагаурию возвращался лишь Беслан Шанаев. По поводу такого исключения генерал был спокоен, поскольку у Абхазова оставался сын Беслана – Азо Шанаев, состоявший на русской воинской службе. Но Беслан спешил в Восточную Осетию, чтобы подготовиться к обороне на случай военных действий. Здесь нет необходимости приводить события, связанные с карательной экспедицией Абхазова в Северную Осетию. Сценарий этой экспедиции как две капли воды был сходен с экспедицией в Южную Осетию – разрушения, кровь, насилие и бессмысленность карательных мер.

Решения Паскевича

Несмотря на отмеченную одинаковость экспедиций, сквозь густой дым пушечных выстрелов и пожаров, коими были охвачены осетинские села и хлебные поля, можно было разглядеть одно важное достижение, а точнее – единственное политическое просветление, которое несколько неожиданно пришло к российскому командованию в ходе карательных экспедиций в Осетии. Главным героем военно-политических операций в Осетии стали не генералы Ренненкампф и Абхазов – непосредственные исполнители этих операций, а граф Паскевич, «со стороны» наблюдавший за ходом событий и отчитывавшийся о них перед Петербургом. В этой «рутинной» суе его осенила идея «не водворять» в Южной Осетии «моуравства» – «прогрузинской» формы управления, а вместо них учредить приставства, идентифицировавшиеся с российской властью. На начальном этапе, сразу же после завершения экспедиции Ренненкампфа, это новшество явилось полумерой в отношении Южной Осетии, не желавшей находиться в грузинской системе управления. Другим шагом, также достаточно робким, явилось назначение в Южную Осетию российских приставов «преимущественно» из «отставных чиновников» русской армии, в том числе грузинских князей, дворян, «знавших осетинский язык». Само по себе приставство, которому передавалась местная власть, становилось серьезным ограничением для претендентов на феодальные владения в Южной Осетии. Оно подрывало главное звено в феодальной системе

– насилие, на котором основывался грузинский феодализм. Учреждение института приставства и первые назначения в местную администрацию, однако, явились для Паскевича предварительными мерами организации в Южной Осетии управленческой системы. Судя по документам, главнокомандующий уже после окончания карательных мер вынашивал мысль о решении более фундаментальных задач, связанных с политическим положением югоосетинских обществ. Рассматривая последние как «источник» российско-грузинских противоречий, Паскевич пытался максимально ограничить территорию, на которую бы могли претендовать грузинские князья в Южной Осетии. С этой целью часть Южной Осетии «была причислена» к Горийскому уезду, а другая – передавалась в управление майора Чилиева. В продолжение этой же идеи главнокомандующий занялся также переселением отдельных югоосетинских сел во внутренние районы Грузии. Максимально сузив таким образом территориальное пространство, которым собирались овладеть в Южной Осетии грузинские тавады, Паскевич сразу же столкнулся с жестким сопротивлением князей. По свидетельству главнокомандующего, «вскоре по покорении осетин, князья Мачабели и Эристави начали делать присвоение их себе в крестьянство». Грузинские тавады, заметив, чем для них грозят действия Паскевича, пытались оказать давление на российские власти. Острый конфликт, находившийся еще в латентном состоянии, был очевиден. Главнокомандующий был к нему готов. Вынашивая планы кардинального решения политического статуса Южной Осетии, он до середины декабря 1830 года никого в них не посвящал. Лишь 12 декабря 1830 года Паскевич обратился в Генеральный штаб и выдвинул вопрос о неправомерных притязаниях князей на югоосетинское крестьянство. Это донесение в штаб стоит рассматривать как пробный шар, запущенный Паскевичем для высших властей в Петербурге; обычно же главнокомандующий доносил военному министру, а последний – императору. Сообщая о притязаниях Мачабели и Эристави в Южной Осетии, Паскевич изложил свои аргументы, согласно которым грузинские тавады не имели права на что-либо претендовать в Осетии. В частности, главнокомандующий заявил: «...по сему предмету эпохою вероятности претензии должно принять манифест 1801 года; те же из претендателей, которые до состояния того манифеста по неоспоримым документам не владели осетинами, само собою разумеется, не имеют никакого права предъявлять своих претензий».

Паскевич хорошо понимал, как сложно будет убедить грузинских тавадов, приступивших к феодальному овладению Южной Осетией, в том, что у них нет исторических прав на осетинское крестьянство. Ожидая острой политической схватки, он поручил советнику экспедиции Яновскому и майору Козачковскому составить развернутую записку по поводу политического положения Южной Осетии и о конкретных притязаниях на нее со стороны грузинских князей. Записка военных чиновников, представленная Паскевичу в начале июня 1831 года, отличалась глубоким пониманием вопроса и объективностью. Она начиналась с известного нам уже положения о том, что в свое время князья Эристави и Мачабели не являлись феодальными владельцами, а представляли собой эриставов, т. е. управителей, назначаемых «грузинским царем». Напомним еще раз: в персидском государстве, в которое входило де-юре Картли-Кахетинское княжество, не было европейской системы аллода, из которой бы выросло сколько-нибудь крупное феодальное владение. Все тавады, в том числе «грузинский царь», назначались персидским шахом в качестве управителей, не обладавших феодальным правом на владение землей или же крестьянами в российско-европейском смысле. Такое право монопольно принадлежало только шаху. Однако в Восточной Грузии, иногда и в Южной Осетии, «грузинский царь», считавшийся главным валием шаха, периодически брал на себя (нередко со ссылкой на шаха) назначение на местах новых управителей, лишая этой должности неугодных ему старых. Яновский и Козачковский указывали на то, как Ираклий II, рассердившись на Эристави, пытавшихся выйти из «персидско-грузинской» формы феодального господства и добивавшихся приобретения в Южной Осетии феодального владения, лишил их права на управление в Южной Осетии. По Паскевичу, из этого следовало, что при подписании Манифеста о присоединении Грузии к России Эристави не состояли во «владельцах» и не имели права

состоять в этом статусе. Яновский и Козачковский «докопались» и до не менее важного обстоятельства: Эристави, при Александре I и Николае I выступавшие в роли «грузинских князей», идентифицируя себя с этническими грузинами (иначе с ними никто не стал бы обсуждать вопрос о феодальных владениях), имели сугубо осетинское происхождение. Под именем «Эристави», начиная с VI века н. э. и до начала XVIII века, числились представители разных осетинских фамилий. По сведениям Яновского и Козачковского, с начала XVIII века «эриставы арагвские были из фамилии князей Сидамоновых» – это одно из исторических родовых колен, восходивших к роду Ос-Багатара, прародителя осетин. Что касается ксанских «Эристави», то они состояли «из дома дворян Бибилуровых, от коих» происходили «претендаты» на Южную Осетию в XIX веке; осетинская фамилия Бибилуровы (Бибылта) относилась к аланскому царствовавшему роду, однако, потеряв престол, они были высланы в Южную Осетию, где при поддержке князей утвердились «управителями» над местными жителями Ксанского ущелья. Следует заметить, что, несмотря на осетинское происхождение, и Сидамоновы, и Бибылта, ставшие Эристави и «сварившиеся» в грузино-персидском феодализме, стали для осетин подлинными маргиналами, узнаваемыми только как грузинские князья. Хотя стоило бы помнить, что в отношении к Южной Осетии, если бы даже они являлись в ней «владельцами», а не управителями, они оставались коренными жителями. Добавим еще: Бибылта, как ксанские Эристави, благодаря господству грузино-персидского феодализма, полностью усвоили идеологию восточного деспотизма, беспрепятственно поступавшего из шиитского Ирана. Даже Ираклий II, отстраняя их от должности управителей, обвинил «Бибилури», т. е. Бибылта, в «зверствах», чем, главным образом, и мотивировал свое решение. Что же до самих осетин, то они целиком и полностью «Бибилури» причисляли к Грузии и стыдились называть их своими соотечественниками. То же самое относилось к Сидамоновым – арагвским Эристави, которых также рассматривали как грузинских князей. Важно и другое – неровность, а нередко крайняя противоречивость в отношениях между «осетинскими» Эристави, с одной стороны, и грузинским «царем» – с другой. «Осетинские» Эристави, оставаясь «управителями», одновременно пытались заполучить в феодальную собственность осетинские села и укрепиться в них в положении «сеньора». Именно подобная очередная попытка ксанских Эристави закончилась тем, что Ираклий II – сторонник персидской модели феодализма решительно отказался от услуг поднадоевших ему местных Эристави.

На протяжении всей первой трети XIX века ксанские, арагвские Эристави и Мачабели, пользуясь поддержкой российских властей, настойчиво добивались разделения Южной Осетии на феодальные владения и приобретения их в собственность. При этом, замечая как российские власти покровительствуют грузинским тавадам, «осетинские» Эристави пытались отторгнуть Южную Осетию от остальной Осетии, дабы в составе Грузии пользоваться теми же привилегиями, коими наделялись грузинские тавады. Особые надежды Эристави и Мачабели возлагали на карательную экспедицию Ренненкампа, благодаря которой они думали окончательно закрепить за собой всю территорию Южной Осетии. Еще не был завершен разгром осетинских сел, а Эристави и Мачабели, ожидавшие получить должности «моуравов», заявили о своих притязаниях на феодальное владение в Южной Осетии. Размеры владений, на которые они претендовали, были столь непомерны, что ими практически охватывалась вся Южная Осетия. Дело здесь доходило до курьезов. Яновский и Козачковский доносили Паскевичу, «что князья Эристовы о претендуемых ими ущельях имеют не весьма верные сведения». Так, в списке «владений» Эристовых указывалось ущелье «Шуацверское», которого в Осетии просто не было. Многие деревни, приводившиеся в том же списке, будто являвшиеся их потомственной собственностью, также не значились на карте Осетии. В осетинских ущельях – Магландолетском, Тлийском, Чапранском, Гандасском, Кногском «и других», «на кои Эристовы объявляют претензию», по заключению Яновского и Козачковского, не было обнаружено «никаких следов их управления». Агрессивные устремления Эристовых в Южной Осетии, имевшие энергичную поддержку со стороны Верховного грузинского правительства, послужили поводом для

таких же непомерных феодальных притязаний со стороны князей Мачабели. По свидетельству Яновского и Козачковского, «пример Эристовых подал повод и князьям Мачабели присваивать вновь покоренных осетин, живущих по Большой Лиахве в ущельях Рокском, Дагомском, Урс-шуарском, им никогда не повиновавшихся и не принадлежащих». Столь явная агрессия в отношении осетинских обществ объяснялась не только политикой грузинских князей, но и российской администрации, потакавшей во всем местным тавадам. Суть идеологии грузинской экспансии заключалась как раз в том, что на протяжении первой трети XIX века крупные военно-политические события, проводившиеся Россией в Закавказье, предназначались «для Грузии и производились во имя Грузии». Именно благодаря этому принципу, усвоенному грузинским обществом, стали рождаться идеи о некоем исключительном превосходстве не только над соседними народами, но и над той страной, усилиями которой создавался «кавказский монстр». Это вполне понятная логика общества, долгое время находившегося в состоянии угнетенности и неожиданно освободившегося и получившего право осуществить свою мечту – стать самому «исключительным» и иметь возможность угнетать других. Такого рода психология, распространенная среди грузинских тавадов, утверждалась в Грузии в основном в первой трети XIX века. Наиболее заметно она проявилась во время проведения карательных экспедиций в Южной и Северной Осетии. Узнав о том, что российские войска открывают военные действия в Северной Осетии, грузинские тавады заранее стали обсуждать вопрос о расчленении североосетинских обществ на отдельные феодальные владения. Яновский и Козачковский доносили Паскевичу, что «князья сии», т. е. грузинские, «полагая наверное, что скоро последует покорение осетин и по другую сторону Главного Кавказского хребта обитающих, объявляют уже своею принадлежностью» те районы, где жители «едва ли знают и по наслышке о существовании сих князей».

Обострение российско-грузинских противоречий

Среди князей, претендовавших на осетинское крестьянство, наиболее влиятельным в 30-х годах XIX века являлся сенатор, генерал-лейтенант Г.Е. Эристави. Именно он и Верховное правительство Грузии вступили в острую борьбу с Паскевичем по поводу Южной Осетии. В начале июня 1831 года генерал Панкратьев сообщал главнокомандующему о том, что сенатор Георгий Эристави требует, чтобы его родственников – ксанских Эристави «допустили к владению несколькими осетинскими ущельями», над которыми установлено российское административное управление. При этом со ссылкой на Верховное грузинское правительство и указ Александра I (1803 год) Г.Е. Эристави перечислял осетинские ущелья, на которые претендовали сородичи сенатора. Любопытно, что к названиям этих ущелий, имеющим в основе осетинские топонимы, он добавлял грузинское «хеоба», т. е. ущелье: Джамурис-хеоба, Лиахвис-хеоба, Гвидис-хеоба, Шуацверис-хеоба и Маграндолетис-хеоба. Искажая осетинские топонимы, воспроизводя их с грузинского языка, сенатор подчеркивал, что все ущелья «без изъятия принадлежали фамилии князей Эристовых и постороннего владения в оных никогда не было». Генерал Панкратьев, «доискавшись» до более ранних актов, установил, однако, что, кроме Джамурского ущелья, Эристави не были управителями в других ущельях. Генерал особо отмечал и другое: «притом с вероятностью можно заключить, что при всем снисхождении к Эристовым, здешнее начальство не считало себя в праве отдать им то, что еще не было достоянием России». Продолжая эту мысль, генерал Панкратьев пояснял также, что «князья Эристовы», несмотря на то что они «титоловали себя до сего времени осетинскими помещиками, но владения в этих местах не имели никакого». Он хорошо знал Осетию, в особенности ее южные общества, и был уверен, что притязания как Эристовых, так и Мачабели происходят не из того, что они действительно что-то «потеряли» в Осетии, а из стремления закрепиться в качестве владельцев на значительной территории, принадлежавшей осетинам. В связи с этим генерал Панкратьев вопрос о

феодалных притязаниях грузинских князей поставил в плоскость политического решения. Он писал Паскевичу, что последствия, к которым приведет предоставление грузинским князьям феодалных владений в Южной Осетии, будут тяжелыми. После экспедиции Ренненкампа, свидетельствовал генерал, «осетины чувствуют...» такую попечительность, что «сами стараются спомоществовать намерениям правительства» и что «все эти начатки истребятся совершенно, если предоставит» осетин «помещичьему владению».

Генерал Панкратьев, основываясь на обсуждениях осетинского вопроса в годы правления Александра I, высказывал мысль, ранее часто повторявшуюся: «закоренелая ненависть» осетин к грузинским князьям «простирается даже на весь народ грузинский». Напоминая об этом, генерал приводил пример, как осетины «составляли заговор», чтобы потребовать от «начальства сменить» им «пристава грузина и назначить на его место чиновника из русских». Из этой конкретной ситуации он делал вывод: «при таком расположении» осетин к Грузии «нельзя не ожидать, что отдача сего народа Эристовым, особенно при беспорядочном помещичьем управлении в Грузии, повлечет за собою снова волнения». Занимая принципиальную позицию в вопросе о непризнании за Эристави прав в Южной Осетии на феодалное владение, генерал Панкратьев учитывал также, что уступка княжескому роду Эристави повлекла бы «бесчисленное множество подобных требований, ибо, – подчеркивал генерал, – на опыте известно, сколь притязательны помещики Грузии». Он был уверен, что малейшее послабление в отношении княжеских притязаний приведет к тому, что в Южной Осетии не останется «малейшего участка земли без того, чтобы на оный не явилось» грузинского «претендента». Генерал Панкратьев, следуя этой реальности, отказал сенатору Г. Эристави, обратившемуся к нему с просьбой о допуске представителей Эристави к управлению осетинскими ущельями (хеобами). При этом он сослался на Паскевича, в компетенции которого был подобный вопрос.

Когда генерал-адъютант Панкратьев составлял свое донесение на имя Паскевича, последний находился в Петербурге. Было ясно, что вопрос об Осетии в контексте нового административного управления и в свете грузинских феодалных притязаний на югоосетинские общества является ключевым в обсуждениях, которые главнокомандующий на Кавказе проводил с верховной властью в Петербурге. Не случайно, что вслед за донесением Панкратьева последовало распоряжение Паскевича о составлении «Проекта всеподданнейшего рапорта графа Паскевича», разработанного тем же Панкратьевым. В «Актах Кавказской археографической Комиссии», где был опубликован «Проект», содержится приписка: неизвестно, «был ли» «Проект» «доводим до высочайшего сведения», или он остался на бумаге. Но последующие решения, принятые Петербургом по Южной Осетии, не оставляют сомнения, что императорская воля о лишении Эристовых права на феодалное владение в юго-осетинских обществах основывалась на указанном «Проекте». В связи с этим о последнем следует сказать подробнее. Первая часть «Проекта» состояла из истории вопроса, начиная с 1802 и до 30-х годов XIX века – до экспедиции Ренненкампа. Вторая его часть целиком посвящена притязаниям ксанских Эристовых и конфликту грузинских князей с графом Паскевичем. В «Проекте» приводилась «Жалоба» князей Эристави, состоявшая из трех пунктов:

1. Российским военным чиновникам вменялось в вину, что под предлогом, будто осетины отложились «от повиновения», они направили в Осетию карательную экспедицию – «единственно для своих выгод разорили осетин мирных селений...»

2. Российские власти обвинялись в том, что Осетия была разгромлена во имя назначения в ней приставов, от которых осетины угнетены и «отыскивают свободу».

3. Карательные меры Ренненкампа, писали князья в Сенат, понадобились в Осетии для того, чтобы через приставов «взыскивать» с местного населения «оброк в свою пользу».

Жалоба на российских чиновников – участников карательной экспедиции Ренненкампа, была составлена на русском языке и подана в Правительствующий Сенат. Позже, когда Сенат направил ее в Тифлис, поручая военному губернатору разбирательство, выяснились некоторые подробности: а) когда подписавшим объяснили, что за «извет» может

последовать «самое строгое взыскание», то князья, расписавшиеся под жалобой, сослались на незнание русского языка, на котором подавалась жалоба; б) под жалобой приводились имена всех князей Эристовых, но подписи поставили только двое – Шанше и Шалва, действительно не знавшие русского языка. Подобные явно восточные поведенческие методы мы еще встретим – они широко практиковались среди тавадов, изощренно боровшихся за каждый незначительный шаг, ведущий их к социальным преимуществам. Важно было другое – тавады, имевшие громкие титулы князей, помещиков, дворян, генералов и пр., на самом деле еще недавно представляли собой холопов персидского шаха. В абсолютном большинстве они вели себя в отношении собственного народа, соседних горских народов и российских властей не только как «хищники», но нередко как мелкие «пакостники». Та «жалоба», которую подали Эристави в Сенат, была признана «изветом», т. е. ложным доносом, клеветой, и согласно закону от 30 марта 1806 года наказанию подлежали как подписавшиеся, так и писари. Но суд не смог обнаружить даже писарей, поскольку Эристави «выставили» в этой роли «умерших».

Мелкие уловки, с которых начинали свои притязания князья, не были свидетельством их нерешительности перед российскими властями. Борьбу за Южную Осетию, начатую князьями, решил продолжить сенатор Георгий Эристов. Последний обрушился прежде всего на российское командование, в частности – на генерала Стрекалова, допустившего к приставским должностям и к административной деятельности в Южной Осетии лиц, ранее будто бы состоявших в крестьянской зависимости от князей Эристави. Сенатор, однако, явно допускал неточность – в четырех приставствах, образованных в Южной Осетии, приставы были назначены «из грузинских дворян». Г.Е. Эристави особенно был недоволен тем, что в каждом населенном пункте Южной Осетии был введен институт старшин из самих осетин. Старшины, помимо прочего, обладали функциями словесных судов, рассматривавших гражданские споры. Предоставление осетинским старшинам права на частичную судебную деятельность фактически закрывало грузинским тавадам «социальные подступы» в осетинские села. Крайне возмущенный этим Георгий Эристов жаловался Сенату, что судебная власть в осетинских селах досталась «недоброхотам», «эристовским крестьянам». В новой ламентации сенатора «грузинские дворяне», получившие приставские должности в Южной Осетии, также были представлены как «феодално зависимые» от «эристовых люди», как от князей «отыскивающие свободу».

Не менее любопытным является то, как освещал сенатор Георгий Эристов события 1830 года, связанные с карательной экспедицией Ренненкампафа. Он не затрагивал тему об активном участии грузинских отрядов, в частности самих эристовских князей, в карательных мерах в Южной Осетии. Но факты преподносил так, будто бы осетинские крестьяне, по своей воле находившиеся в зависимости от князей Эристави, были «покорены силою оружия» только российскими войсками. Что же до требования сенатора, то оно заключалось в том, чтобы «удалить» осетинских старшин, кои российским командованием привлечены к административно-судебной деятельности, и «отклонить поселенную между этими народами мысль, что они могут быть от Эристовых свободными». Ставя так вопрос, сенатор Георгий Эристов имел в виду не только осетинских старшин, получивших от командования судебные функции, но и приставов, приступивших в Южной Осетии к административной деятельности. «Нет приличия, нет законного соответствия, – рассуждали Эристовы, – чтобы подвластные им дворяне вроде должностных чиновников могли быть приставами в поместьях их владельцев». Георгий Эристов вносил в Сенат предложение, «чтобы было назначено по сему делу исследование», при этом не исключал своего участия в расследовании всех перемен, происшедших в Южной Осетии после 1830 года. Сенат, в свою очередь, потребовал от Георгия Эристова «список деревень» Южной Осетии, на которые претендовали князья Эристовы.

На требования сенатора Георгия Эристави, ставившего вопрос о ликвидации в Южной Осетии приставской системы управления и восстановлении для эристовских князей «прав владения» югоосетинским крестьянством, граф Паскевич имел свою четкую позицию. Он

считал, что документы, представленные князьями Эристави и признанные «Общим Собранием Верховного правительства Грузии» «действительными», на самом деле состоят из «фальшивых актов». В частности, Паскевич указывал на «список деревень», составленный князьями, на которые последние претендовали; в нем значилась 61 деревня, при этом обнаружилось, что «список» содержал немалую путаницу. «По сличении сего списка с описанием посланного в Осетию чиновника, – писал главнокомандующий, – оказывается оный крайне неполным и беспорядочным. Многие деревни пропущены, а некоторые показаны не в тех ущельях, где они действительно находятся». Из этого граф Паскевич делал вывод: «это неведение» о количестве населенных пунктов в районах Южной Осетии, на которые претендовали князья, и ошибочное указание их расположения в ущельях «может служить довольно убедительным свидетельством против помещичьих прав князей Эристовых над Осетией». Свое объяснение было у графа Паскевича и по поводу его нежелания упразднить в Южной Осетии установленную в ней приставскую систему управления. По мнению главнокомандующего, «смена недавно еще определенных приставов произведет на вновь покоренных осетин неприятное впечатление и подорвет последнюю доверенность их к начальству, подав им повод думать, что они могут рано или поздно впасть в руки Эристовым». Мысль о том, что осетины могут быть вновь отданы на произвол грузинских тавадов, графом Паскевичем отвергалась полностью. В связи с этим он напоминал о прошлом, когда «все права» грузинских князей над «осетинами ограничивались тем, что ни один из сих людей не смел показаться на базарах и в деревнях Карталинии без того, чтобы не быть совершенно ограбленному от так называемых помещиков; некоторые из этих последних устраивали в тесных ущельях укрепленные замки, мимо которых никто из осетин не мог пройти, не подвергаясь опасности лишиться всего имущества; под разными предложениями брали они осетинских детей и потом продавали в разные руки. Подобные действия само собою должны были вооружить против них этот народ, а нищета, от оных происшедшая, продвинула его на воровства, разбои и грабежи...» Ключевая фраза Паскевича, отвечавшего на требования князей Эристовых, состояла в жесткой политической формулировке: «...настоящий образ управления народами», т. е. осетинскими обществами, «покоренными силою российского оружия и купленными, так сказать, ценою крови русских, должен остаться неприкосновенным...»

В связи с острой дискуссией, происходившей между российским командованием и грузинскими тавадами по вопросу о Южной Осетии, югоосетинские общества, в свою очередь, представили документы, доказывавшие неправомочность владения ими со стороны князей Мачабели. Подобные документы, подтверждавшие свободу осетин от этих князей, поступили к российскому командованию от 162 дворов.

Важно учесть, что в самом начале 30-х годов XIX века всплеск феодальных притязаний объяснялся не одними правами, которые в свое время Александр I в Южной Осетии предоставил князьям Эристави и Мачабели. На самом деле все обстояло гораздо сложнее. После 1829 года, когда позади оказались войны России с Ираном и Турцией, грузинские тавады, и не только они, но и претенденты на тавадское положение, были охвачены стихией стяжательства. Главной ценностью в Грузии, неожиданно для них обретшей обширную территорию, имевшей свое собственное лихоимствующее правительство, стало дворянское звание, а еще лучше – княжеский титул, обеспечивавшие своих обладателей большими площадями земли (свободных земель в Грузии было много!) и получением крепостных крестьян. Канцелярии военного губернатора и главнокомандующего были полны тавадскими (и не только тавадскими!) прошениями о титулах, о земле и крестьянах. По данным советского историка Г.В. Хачапуридзе, в Грузии были обнаружены семь фальшивых печатей царей Бакара, Теймураза, Ираклия II, Георгия XII и князя Мухранского, коими «подтверждались» тавадское происхождение, «потомственное» владение землей и крестьянами. Вокруг вопросов о феодальных титулах, земельных владениях, крепостных крестьянах и повинностях разворачивалось в Грузии мощное общественное движение. Трудно было его отнести к цивилизованному историческому явлению, поскольку в нем

гораздо больше содержалось восточно-деспотической агрессии, нежели социально-поступательного прогресса... Даже с учетом российской крепостнической идеологии 30-х годов XIX века требования грузинских тавадов по поводу феодальных привилегий воспринимались русскими чиновниками как бесчеловечные и потому недопустимые. Однако напор этих требований был столь высок, что российское командование и гражданское управление явно не справлялись с натиском феодальной стихии. Одиночные дворянские обращения, носившие частый и настойчивый характер, сменялись корпоративными требованиями тавадов. Записки от последних ложились на стол командующего чуть ли не ежедневно. В одной из них, подготовленной от имени дворянского собрания генералом Багратион-Мухранским, ставились следующие вопросы: а) расширение прав феодалов над крепостными крестьянами; б) установление в законодательном порядке барщины до трех дней в неделю; в) замена натуральных повинностей денежными сборами; г) разрешение покупать крепостных крестьян в Имеретии. Здесь стоит обратить внимание на пункты «б» и «в», свидетельствовавшие о степени эксплуатации крестьян; если три дня недели посвящались барщинным работам, еще четыре – денежным повинностям, что могло остаться для семьи крестьянина? Не дожидаясь решений официальных властей, тавады, в числе которых было немало мнимых, обрушивались на крестьян. Последние, в свою очередь, убегали от помещиков. Особенно много беглых крестьян было из Южной Осетии, Имеретии, Мегрелии, Гурии. Основным районом, где они поселялись, являлась Алазанская долина (Кахетия). В этом районе, куда часто спускались отряды горцев Дагестана, совершая набеги, тавады боялись появляться – их могли ограбить не только «леки», но и поселившиеся здесь крестьяне. Многие грузинские крестьяне покидали Грузию и перебирались на Северный Кавказ. Сложность положения крепостного населения Грузии заключалась в том, что крестьянский вопрос, остро стоявший в обществе, просто не рассматривался, поскольку тавадская стихия в заботе о своих привилегиях отодвинула его на задворки. В связи с этим упомянем еще, что Николай I создал комиссию, которой вменялось в обязанность рассмотреть вопросы о правах и привилегиях грузинских феодалов. Но, как и административные учреждения, комиссия явно не справлялась с бумажным потоком, поступающим от тавадов. Только по выяснению вопроса о том, кто на самом деле тавад, а кто – «самозванец» с фальшивыми документами, комиссии предстояло исследовать свыше 10 000 документов. Феодальная стихия, охватившая Грузию, являлась сложным, многоаспектным социальным потрясением. Оно относилось к разряду феноменов, созданных Россией в Закавказье.

Заговор против России

Одна из составляющих частей грузинского феномена состояла в решительном идеологическом отторжении России, рассматривавшейся как «завоеватель Грузии». Главным для тавадской Грузии становилось освобождение от российского политического и административного присутствия. Удаления России из Грузии желали все, несмотря на то, что и грузинский народ, и тавадская знать хорошо понимали роль России в спасении грузинского этноса от гибели. В памяти и тех и других были еще живы картины геноцида, связанные с господством персидских кызылбашей и турецких османов. Не стоило объяснять и другое – то, что на протяжении трех десятилетий в длительных войнах с Персией и Турцией ценой крови русских солдат и офицеров создавалась в Закавказье новая страна – «Грузия», неожиданно для Петербурга обнаружившая «вкус» к «независимости и свободе». Эти высокие цели, связанные с национальной свободой и независимостью, были бы понятны, если бы они: а) не сопровождались идеологией ксенофобии по отношению к России, «вина» которой заключалась в безумно щедром покровительстве Грузии; б) не преследовали целей установления деспотического режима, рассчитанного на усиление угнетения собственного народа, и агрессивных устремлений в отношении народов, окружающих Грузию. Было

очевидно, что по своему нравственному состоянию грузинские тавады 30-х годов XIX века ничем не отличались от своих отцов, в 1795 году помогавших кызылбашам Ага-Мухаммед-хана в уничтожении грузинского населения. Отстранение России от политической и административной жизни Грузии также понадобилось прежде всего для расправы с собственным народом. Приведем только один факт мизантропии тавадов: когда в 1833 году в Гурии крестьяне Хабула, Гогия и Сехния Болквадзе убили тавада Г. Жгения за то, что последний, выдавая замуж свою дочь, решил сына Гогия Болквадзе отдать в качестве «приданого», тотчас последовало четвертование всех, кто участвовал в убийстве Г. Жгения.

Синдром насилия, расправы, жесткого гнета, идеология деспотии были главными мотивами грузинского дворянского заговора, истоки которого совпадают с окончанием русско-турецкой войны 1829 года. В грузинской историографии дворянский заговор против России относится к темам, подвергшимся серьезной фальсификации. Долгое время она освещалась в рамках высказываний Иосифа Сталина. Определение последнего сводилось к банальному осуждению в духе «феодально-монархического национализма», якобы «не оставившего никакого заметного следа в жизни грузин». Суждения «вождя народов» о дворянском заговоре явно были в отрыве от конкретной истории Грузии. Сталин, поверхностно подходивший к дворянскому заговору, не мог обратить внимание на глубокие социальные корни, которые уходили у грузинского тавадства в идеологию персидского деспотизма. Несмотря на это, оценка Сталина, осудившего дворянский заговор, сдерживала грузинских историков, восхищавшихся идеологией тавадизма, не давала им простора для фальши. Позже, в 60-е годы XX века, уже в учебной литературе Грузии о заговоре тавадов появляется «концепция», согласно которой «заговорщики» «пытались организовать восстание поработенных царизмом народов Закавказья». Вот так просто собственную болезненную политическую глупость, ярко выраженную в тавадском заговоре 30-х годов XIX века, грузинские историки решили приписать еще и другим народам Закавказья. Впрочем, перейдем к фактической стороне заговора.

В «Актах Кавказской археографической Комиссии» содержатся следственные документы, относящиеся к тавадскому заговору в Грузии. Судя по ним, в 1829 году, когда Грузия в Закавказье (усилиями России!) заняла привилегированное политическое положение, в Петербурге оживились монархические идеи среди царевичей, в числе которых можно назвать Юлона, Парнаоза (сыновей Ираклия II), Давида, Баграта, Теймураза (сыновей Георгия XII), Дмитрия, Луарсаба (сыновей царевича Юлона), Ильи, Михаила и Окропира (сыновей Георгия XIII). Все они были превосходно устроены в России – имели феодальные владения, крепостных крестьян, получали от государства крупные денежные средства. По данным Г.В. Хачапуридзе, только царевич Парнаоз вместе со своей супругой получал в год казенное содержание в размере 20 тыс. рублей. Напомним, Парнаоз – один из заклятых врагов России, долгое время воевавший на стороне шаха в русско-иранской войне. Еще более одержимым врагом России был царевич Юлон. В этом его превосходил только царевич Александр, эмигрировавший в Персию. В любом другом государстве они бы сидели в тюрьме или же были уничтожены физически. Но совершившие злодеяния перед Россией и собственным народом царевичи и тавады были вознесены на пьедестал, несмотря на то, что они не меняли своей идеологии – ксенофобии и ненависти ко всему русскому. Додаев (Додашвили), один из первых заговорщиков (ему царевичи обещали княжеский титул), в обращении к царевичу Давиду писал: «Следуй Богу, чтобы возобновилась та же прежняя радость», т. е. в Грузии была бы восстановлена «царская власть». «В мае месяце, – писал Додашвили, – будет вызов, изображающий владычество грузин»... Додашвили мечтал не только о «владычестве грузин». Он продолжал: «Возьмем в руки мечи и наведем на врагов великий страх...» Поскольку заговорщики врагом номер один для Грузии считали Россию, то автор стиха «великий страх» думал навести на Российскую империю. «Соберем охотников, – писал поэт, – нападём и сразимся отважно». Но это еще не вся русофобия. Додашвили, ожидавший получить княжеский титул, пафосно призывал: «Изгоним из земли насильно пришедших и опустошающих наше отечество. Пускай идут отсюда и не остаются здесь».

Писавший эти строки фактически формулировал основные идеологические установки, которых придерживались заговорщики. Последний призыв к заговорщикам, которым Додашвили завершал свой стих, звучал так – «Стяжайте ум!» Подобный лозунг тавады могли воспринимать только в смысле «корыстолюбиво наживать» («стяжать»), но не как напрягать свой ум. В отличие от романтических идей учителя Додашвили царевичи и тавады планы свои представляли намного прозаичнее и мельче. Так, царевич Окропир, сын Георгия XIII, думал «произвести» против России «возмущение, напасть и овладеть в городе (Тифлисе) главными местами, заградить путь чрез ущелье Кавказское, образовать войско регулярное, назначить в оное начальников способом избирательным, а после первого успеха продолжить против русских действия не массою, но шайками».

У грузинских заговорщиков имелась четкая внешнеполитическая ориентация на Персию; шахская деспотия оставалась царевичам и тавадам социально родственной и хорошо понятной, в свое время глубоко усвоенной политической системой. В этой ориентации большие надежды возлагались на царевича Александра, в качестве политического эмигранта находившегося у персидского шаха. «Советник Орбелиани» – родной племянник царевича – по просьбе заговорщиков направил письмо своему дяде в Тегеран, в котором сообщал, что «князья составляют заговор к изгнанию русских из Грузии и приглашают его приехать для содействия в Кахетию». Княжна Тамара, дочь царевича Юлона, собиралась даже выехать в Тегеран, чтобы провести там переговоры с Александром. Не исключалось, при удаче заговора, что последний, как сын Ираклия II и старший в роду, мог бы стать наиболее вероятным претендентом на грузинский престол, и тогда бы Грузия вновь вошла в состав Персии. Серьезная роль в привлечении царевича Александра и поддержке заговора, а заодно и шаха, не расстававшегося с реваншистскими планами в Закавказье, отводилась Соломону Размадзе, уезжавшему в Персию, где ему предстояло находиться при Императорской миссии России. Под прикрытием дипломатической миссии он должен был координировать действия царевича Александра и официальных властей Тегерана с планами заговорщиков. Соломону Размадзе поручалось также установление тесных политических контактов с английской миссией в Персии.

Среди наиболее заметных и активных участников тавадского заговора против России были представители князей Эристави. Государственная комиссия по расследованию заговора установила, что «в Карталинии надежды злоумышленников основывались на князьях Эристовых». Указывалось также, что именно они «в заговоре не малым числом участвовали», имели наибольшее влияние среди организаторов антироссийского движения в Грузии. Важно было, что следственная комиссия определила причину столь высокой активности в заговоре рода Эристовых: этой причиной считалось «негодование» эристовских князей «за отобранные от них Осетии». В заговоре не участвовал открыто сенатор, генерал-лейтенант Г.Е. Эристов, но трудно было представить, чтобы главный идеолог рода Эристовых, вступивший в открытый конфликт с командованием России и отстаивавший феодальные права в Южной Осетии, остался в стороне от заговора, зарождавшегося благодаря его близким родственникам. Самыми видными участниками заговора из числа Эристовых были Елизбар, Дмитрий и Георгий. Сами они отрицали свое участие в заговоре, но другие подследственные заговорщики привели немалые данные, свидетельствовавшие об их в ряде случаев ключевой роли. Не было ни одного сколько-нибудь серьезного вопроса, который бы обсуждался заговорщиками и чтобы в этом обсуждении не задавали тон Эристовы.

Одной из самых трудных задач, фактически неразрешимой, но остро вставшей перед тавадами, являлись поиски социальной опоры – кого поднять на восстание, на кого опереться в «войне с Россией»? Часто обсуждая эти вопросы, тавадские «пидеры» не находили на них ответов. Наиболее распространенным вариантом являлся «привод в Тифлис каждым из князей-участников условленного числа своих крестьян, подговоренных и вооруженных». Российское командование, узнав, что заговорщики рассчитывали на крестьян, справедливо расценили такой план как «мечтательный», «ибо в здешнем крае (в Грузии) крестьяне

вообще противны своим помещикам». Следствие также отмечало, что крестьяне «благодарны» российскому правительству, «улучшившему значительно их быт и покровительствующему им в отыскании свободы». В сущности, заговор тавадов был направлен не только против России, но в большей степени и против крестьян Грузии и Южной Осетии, где феодалы собирались ввести свое безраздельное господство. Убедившись в бесполезности поисков социальной опоры среди крестьян, заговорщики надеялись на «содействие татар», т. е. азербайджанцев, оказавшихся вследствие создания «страны Грузии» в составе этой новой закавказской территории. Азербайджанское население, рассматриваемое тавадами как инородцы, было доведено до крайней нищеты, в силу чего оно «всегда» было готово к «буйству и грабежу». Наконец, тавады для организации «бунта» против России имели в виду «временных пособников в бродягах и черни города» Тифлиса. Но для привлечения последних, как, впрочем, и «татар», необходимы были деньги, «кои, – по заключению следственной комиссии, – заговорщики вовсе не имели». В связи с этим вынашивались также планы нападения «на различные места», где могли храниться государственные деньги, даже разбойное нападение на губернаторский дом. Однако подобный план оказался нереальным из-за алчной психологии самих тавадов; некоторые из них вместо использования денег на «бунт» замыслили «захватить значительные суммы и скрыться за границу». Долгие обсуждения самых различных планов, связанных с «войной с Россией» и «изгнанием русских» из Грузии, не приносили ничего реального, все они оказывались неисполнимы. По этой главной причине политическая деятельность заговорщиков напоминала горный ручей, оживающий под проливным дождем и высыхающий под палящим солнцем. Это замечал даже царевич Александр в Тегеране. Опытный русофоб не надеялся на тавадов, зная о том, насколько они изменчивы и как легко их подкупить. Царевич проявлял большой интерес к заговору, однако он особо не втягивался в политические планы тавадов.

Заговор грузинских царевичей и тавадов зарождался поздней осенью 1829 года. Несмотря на резкие перепады, политическая кульминация его наступила в 1832 году. Изначально было очевидно, что царевичи и тавады, крайне оторванные от нужд страны и народа, легкомысленно игравшие патриотическими фразами, на самом деле исповедовавшие традиционную для себя проперсидскую идеологию, предложат друг другу в качестве «восстания» нечто сугубо восточное – что-нибудь из ни'маталлахийа – шиитского братства, имевшего богатый опыт дворцовых интриг и насильственных смертей. Сценарий для сюжетной кульминации разрабатывали главным образом Елизбар и Дмитрий Эристовы. Им участливо помогал Евсей Палавандошвили. Эристовы, которым заговорщики поручили разработку «бунта», плана кровавой «затравки», не подозревали, что рядом с ними «усердный» Евсей Палавандошвили рассуждал как истинный тавад: «Что выгоднее – предать заговорщиков или же участвовать в убийствах?» Но сначала о плане...

Накануне заговорщики собирались распусть среди народа слух, будто российское командование намерено осуществить набор солдат и что против подобной мобилизации выступили князья. Одновременно собирались объявить от имени грузинского дворянства бал, «на который созвать всех высших и в особенности русских чиновников; в определенный час всех без изъятия сих русских истребить, равно и тех из грузин, кои приняли бы их сторону; засим, ударя в колокола, возмутить народ, вынеся к нему иконы из церквей, призвать его на восстание к освобождению Грузии, и всех вообще в первое время противящихся убивать, несмотря ни на какое лицо». Подобную операцию самим заговорщикам трудно было осуществить, поэтому предполагалось, что каждый заговорщик приведет к месту кровавой тризны своих крепостных крестьян. Но, как потом выяснилось, дело до «вербовки» крестьян не дошло, крестьянам были неведомы «слухи», заранее для них подготовленные. Ничего не узнали о бале, который им готовили грузинские дворяне, и русские чиновники. Заговорщиков-кызылбашевцев, накануне старательно наточивших кинжалы и сабли, опередил Евсей Палавандошвили, решивший хорошо заработать. 9 декабря 1832 года в сумерках к начальнику штаба Кавказского Отдельного корпуса генералу

Вольховскому явился князь Евсей Палавандошвили и «подал донос о существовании заговора для изгнания русских из Грузии». Доносчик – брат Николая Палавандошвили, являвшегося гражданским губернатором, признавал свое участие в заговоре, однако объяснял это желанием знать все о заговорщиках и «точнее об оных донести начальству». Другое утверждали сами заговорщики, например, советник Орбелиани считал, что Евсею Палавандошвили «нечего было узнавать от других, ибо сам был одним из ревностных заговорщиков и зачинщиков, без коего другие и в простые даже суждения не входили».

Созданная правительством комиссия фактически установила все основные события, которыми интересовалось следствие. Документы о них были опубликованы. Оставляя в стороне материалы комиссии, коих слишком много, обратим внимание лишь на некоторые из них, больше всего относящиеся к нашему предмету. Грузинский историк Г.В. Хачапуридзе, изучивший дополнительные данные, ранее не публиковавшиеся, установил, что в заговоре тавадов, когда стали выяснять его мотивации, рефреном звучала проблема Южной Осетии, отказ российского командования в признании феодальных прав князей Эристовых над юго-осетинским крестьянством. Во время следствия «многие участники дворянского движения 30-х годов» указывали на Эристовых как на главных его виновников. С. Додашвили, идеолог заговора против России, сообщил: «Я полагаю главным источником заговора всех Эристовых потому, во-первых, что когда мне был объявлен князем Елизбаром Эристовым заговор, упомянул отнятие Осетии и говорил, что дядя его сенатор (генерал-лейтенант Г.Е. Эристов) желает того; во-вторых, как известно комиссии, я сам слышал от сенатора еще до объявления умысла, что здешнее правительство притесняет и заставляет их, князей, быть неверными государю императору; в-третьих, я так же слышал от Елизбара Эристова, что князья Эристовы были причиной водворения в Грузии русского правительства, Эристовы же будут причиной его уничтожения». Концовка приведенного пассажа – не более чем тавадский домysel, если вспомнить историю того, как произошло присоединение Картли-Кахетинского княжества к России. Не стоило преувеличивать в заговоре и роль Эристовых, как чуть ли не единственных «генераторов» заговора. Наиболее очевидным в заговоре против России являлось проявление необычайно высокой степени концентрации тавадской идеологии, отвергавшей российскую систему феодализма и отстаивавшей проперсидскую модель феодального господства, хорошо знакомую тавадам и открывавшую путь к деспотическим формам угнетения крестьян. Тот же Г.В. Хачапуридзе, перечисляя мотивы заговора, указывал, что «не прекращавшаяся крестьянская борьба против национального и помещичьего произвола вынуждала царские власти» России вводить в Грузии «некоторые наиболее вопиющие формы крепостнической эксплуатации и произвола». Российская администрация, постоянно расширявшая права и привилегии тавадов, в то же время опасалась, что восточно-деспотические формы насилия над крестьянами могут привести к массовым антироссийским выступлениям народа. Чтобы не произошло самое худшее, командование запретило в Грузии и в Южной Осетии продажу людей для вывоза в Иран и Турцию. С этой же целью было отменено моуравство как восточная деспотическая форма управления, при которой моурав наделялся особыми полномочиями, в том числе судебными. Еще при Ермолове крестьянам разрешалось участвовать в торгах, если за долги имение помещика подвергалось распродаже. Крестьяне также имели право подавать судебный иск, если считали необходимым оспорить феодальные притязания помещика. При этом до решения суда они, как правило, переставали платить повинности. Эти и другие новшества, проводившиеся российскими властями в Грузии, не только были прогрессивны, но и сближали две разные феодальные системы – грузинскую (персидскую) с российской. Но именно эта задача, которую пытались решить российские администраторы, оказалась самой неразрешимой. Ахиллесовой пятой для грузинских тавадов являлся вопрос о принадлежности или не принадлежности к «родовитому дворянству», открыто и принципиально ставившийся перед ними российской администрацией. Напомним еще раз: в Грузии среди тавадов сохранялась шахская традиция, согласно которой знати и служилым людям раздавали земли не в виде сююргалы, т. е.

пожалования, а в виде титула – персонального, пожизненного, но не наследственного. Подобная традиция восходила к XVI веку и была введена Сефевидами. Она являлась столь значимой для тавадов, что малейшее ее нарушение рассматривалось как покушение на жизненные основы. Не вдаваясь в «тонкости» этого «гаинства» тавадов, российские администраторы затеяли проверку документов, которые удостоверяли подлинность феодального титула. Уже отмечалось, насколько много документов-фальшивок оказалось на руках, многочисленность претендентов затрудняла проверку. Лица, традиционно считавшие себя тавадами, а также получившие от российских властей земли и дворянские титулы, болезненно реагировали на медленность процедуры проверки. «Социальный психоз» нагнетался и теми, кто подал властям фальшивые документы и опасался, что будет изобличен в подлоге. Нешуточная борьба вокруг титулов являлась одним из важнейших мотивов, спровоцировавших заговор тавадов.

Мы привели основные факты, связанные с заговором грузинских тавадов против России. Долгое время грузинские историки, судя по всему, стыдились этой страницы своей истории и пытались ее преподнести как нечто прогрессивное, как «восстание поработенных царизмом народов Закавказья». В одном, однако, они были правы – в том, что «идеи, завещанные... руководителями заговора, сохранили свое влияние на все время» в последующей истории Грузии. Идеология русофобии, чуждая грузинскому народу, под разными названиями – от «национально-освободительного движения» до откровенного нацизма – будет переходить от поколения тавадов к молодой грузинской торговой буржуазии и далее, вплоть до грузинских коммунистов – организаторов теневой и криминальной экономики, в качестве главной политической доминанты. Из-за дикой безнравственности грузинская политическая элита, исповедовавшая в своем абсолютном большинстве идеи ксенофобии и русофобии, будет, как и заговор 1832 года, обречена на оторванность от своего народа и на непримиримость со стороны соседей к ее мизантропии, чуждой народам Кавказа.

Как же реагировали российские власти на заговор, ставивший целью «истребление русских» «без изъятия...»? По-русски!.. – если коротко: великодушно, простительно и в чем-то унизительно для великой страны, спасшей грузинский народ от исчезновения. Впрочем, наиболее полно всю русскость, во все времена теряющуюся перед наглостью грузинской разбойной знати, выразил генерал К.В. Чевкин, выступивший в Тифлисе с речью перед тавадами. «Почтеннейшее благородное сословие», – так обратился русский генерал к тем, кто еще вчера собирался на дворянском балу пустить в ход кинжалы и сабли. Верным было другое: «грузинские князья и дворяне» – «люди безрассудные, не постигающие ни настоящего положения, ни действительных выгод здешнего края; люди пренебрегшие долг чести и присяги, забывшие всю разницу настоящего благосостояния Грузии от прежнего ее положения... дерзнули умыслить зло, досель среди верных грузин неслыханное, и в преступлении своем... возмечтали завлечь... на восстание против правительства, против России, принявшей грузин как братьев в вере, не пощадившей никаких жертв для благоденствия их родины и упрочившей безопасность оной кровью своих сынов». Генерал говорил правду, но не всю... Сердитость его была напускной. Это стало очевидно, когда он произнес ключевые слова: «Кто повинится чистосердечно, тот может ожидать всего от великодушия Его...»

Странная политическая дискриминация народов Кавказа была свойственна правителям России во все времена. Еще недавно осетинских старшин, не желавших быть в феодальной зависимости от грузинских тавадов, но верных подданных России, везли в Тифлис, чтобы в угоду грузинским разбойным князьям публично их казнить. В то же время государственные преступники, каковыми являлись заговорщики и по отношению к грузинскому народу, и по отношению к России, фактически не понесли суровой кары и пользовались «великодушием Его». И целая каста так называемой аристократии, по определению паразитировавшей на собственном народе и на крови России, воспитанной на морали шахской деспотии и страдавшей человеконенавистнической психологией, благодаря «великодушью Его»

продолжала утверждаться в мизантропии, ненавидела и жестоко мстила своему благодетелю.

Новое пришествие в Южную Осетию грузинских тавадов

Граф Паскевич, пытавшийся пересмотреть политику российских властей в Южной Осетии, в 1832 году покинул Кавказ. Его сменил барон, генерал Г.В. Розен, менее влиятельный в Петербурге командующий. Барон прибыл на Кавказ в момент совпадения двух главных событий – начала Кавказской войны и «созревшего» заговора грузинской знати. Розену проще и просторнее было на Северном Кавказе, где в 1832 году в Гимрах он имел немалый военный успех. Сложнее оказались грузинские дела, в которых многое оставалось подспудным. Однако было очевидно, что император изменит политику в отношении грузинского дворянства и не станет, как ранее, проявлять интерес к положению грузинского и осетинского крестьянства. Считалось, что крестьянское восстание, если даже оно вспыхнет, в новой политической обстановке будет направлено главным образом против тех же помещиков, жаждавших в отношении зависимых людей жестокой мести. Нельзя было не обратить внимания и на другое – на готовность Петербурга закрепить в Грузии и в Южной Осетии административные преобразования, которые начинал граф Паскевич. Это происходило в условиях, когда грузинские тавады, уверенные в безнаказанности, с новой силой приступали к отстаиванию новых феодальных привилегий. К кампании, связанной с «восстановлением» прав на феодальные владения в Южной Осетии, подключились также Эристовы, еще находившиеся под следствием. Они хорошо понимали, что заговор, в котором они участвовали, непременно повлияет на политику Петербурга и что стратегия этой политики будет в их интересах. Это было видно уже в 1832 году, сразу же после раскрытия заговора. Именно тогда грузинские тавады, еще в 1827 году уравниваемые в правах с российским «благородным сословием», получили от российского правительства право за неповиновение ссылать своих крестьян на Кавказскую линию, т. е. на Северный Кавказ; ссылке подлежала вся семья, если у крепостного она была. Несколько позже эта практика вводилась и в районах бывшей Имеретии, вошедшей в Грузию. Под «впечатлением» от заговора в 1832 году Петербург принял еще одно решение – тавады были признаны единственным сословием, имевшим право на владение и приобретение крестьян. В связи с этим горожане, имевшие крепостных, но не относившиеся к тавадскому сословию, обязаны были в течение четырех лет продать их дворянам.

Решения, принятые правительством в отношении тавадов, свидетельствовали о той политической направленности, в русле которой собирался действовать Николай I. Соответственно этому корректировал свои планы и главнокомандующий на Кавказе. Уловив момент, барон Розен взялся решить один из наиболее острых вопросов, волновавших тавадов. Речь шла о том, чтобы в Грузии и Южной Осетии приостановить массовое движение крестьян, вызванное их стремлением получить свободу от дворян. Розен отмечал, что движение крестьян «к отысканию вольности» «время от времени» все более усиливается. Он предлагал «всех крестьян, состоявших в Грузии, оставить навсегда в бесспорном владении» за помещиками. Однако провести в жизнь подобную установку главнокомандующего оказалось трудно, и российские власти от нее отказались; запрещение крестьянам в судебном порядке «отыскивать свободу» дало бы грузинским тавадам немалый повод, чтобы этот запрет распространить и на Южную Осетию, где крестьяне вели освободительную борьбу.

Несмотря на откровенную протавадскую политику Петербурга, рассчитанную на создание в грузинском дворянстве своей социальной опоры, российские власти не очень доверяли грузинской знати после 1832 года. Это особенно замечалось прежде всего в сфере государственной администрации. Тот же Розен ставил вопрос о приостановлении приема на государственную службу детей грузинских тавадов. Подобное «недоверие» было особенно важно для Южной Осетии, где князья Эристовы все еще покушались на российскую

приставскую систему. Понимая, что грузинские тавады могут вернуться в югоосетинские общества, Розен в 1834 году решил существенно усовершенствовать приставство, приблизив его к нуждам самих осетин. Он отмечал отдаленность от Южной Осетии приставств, одно из которых входило в Управление горскими народами, жившими по Военно-Грузинской дороге, три других – в Горийское окружное управление. Наиболее важными для Розена являлись приставства, входившие в Горийский округ, поскольку они относились к территориям, на которые тавады имели феодальные притязания. По его мысли, следовало для этих трех приставств назначить главного пристава из российских офицеров, подчинив ему частных приставов из грузинских дворян. Таким образом последние оказывались под серьезным контролем и снижался риск, что основные районы Южной Осетии окажутся в феодальной зависимости от тавадов, в их неформальном административном подчинении. В своих планах в отношении Осетии барон Розен шел еще дальше. Он подчеркивал важное военно-стратегическое и коммуникационное значение Осетии для России, укрепившейся в Закавказье. «Один взгляд на карту, – писал Розен в Петербург, – удостоверяет, что земля сия», т. е. Осетия, «во многих отношениях заслуживает особенного внимания правительства. Прочное владычество наше в Осетии решительно разрежет хребет Кавказских гор на две части, тогда как ныне одна лишь Военно-Грузинская дорога пересекает сообщения между полупокоренными и враждебными нам народами». Главнокомандующий писал, что осетины хорошо сохранили христианские традиции, просят прислать к ним духовных лиц и ходатайствуют об открытии у них школьных училищ. Возвращаясь к вопросу о гражданском управлении, барон Розен думал создать в Осетии свою собственную приставскую администрацию, разместив ее в одном из осетинских селений. В этом же селении, где бы сосредоточилось управление Осетинским округом, он предполагал «учредить пост из нескольких казаков». Впервые, таким образом, Розен выдвинул идею об административном соединении всех осетинских обществ, полагая, что такое объединение серьезно укрепит позиции России в центре Кавказа.

Вскоре, однако, стало ясно, что в правительственных кругах эристовские князья, дружно участвовавшие в заговоре против России, находят в своих феодальных притязаниях поддержку. Заметив это, барон Розен резко изменил свои планы в отношении Осетии. Он спешил огласить свою позицию по вопросу о правах князей Эристовых на феодальные владения в Южной Осетии. После того как в 1835 году князья обратились к Розену по поводу своих прав в Южной Осетии, он заявил: несмотря на то, что «князья Эристовы, лишённые прав владения имением царем Ираклием и не владевшие им до издания манифеста 12 сентября 1801 года,.. права их на означенные осетинские ущелья не подлежат никакому сомнению и розыску». Это мнение главнокомандующего на Кавказе имело решающее значение для Сената, рассматривавшего вопрос о правах на феодальные владения в Южной Осетии. В том же 1835 году Сенат принял постановление, согласно которому вопреки другим законодательным актам, изданным ранее, Эристовы вновь получали осетинские села в Южной Осетии на правах феодального владения. Это решение автоматически распространялось и на князей Мачабеловых, также лишённых прав владения в Южной Осетии и ожидавших разрешения вопроса между российской властью и князьями Эристави. Столь «легкое» отношение к правам князей Эристави и Мачабели объяснялось не только поисками социальной опоры у этих князей, но и уверенностью, что с созданием в Южной Осетии приставского управления и приобретением российским командованием административного рычага грузинским тавадам не удастся более господствовать безраздельно в Южной Осетии. Именно с этим условием Петербург охотно шел на раздел Южной Осетии на две сферы влияния – российской власти отводилось административное управление, грузинским князьям – права на феодальное владение.

Мечь

Как и ожидалось, грузинские тавады были крайне недовольны тем, что, вернув себе право на феодальное владение, они одновременно теряли «право на власть». Российское правительство в какой-то мере приблизило тавадов к своей системе феодализма, согласно которой административная власть целиком принадлежала государству, а помещику – земля и крестьяне. Грузинские тавады настаивали на персидской модели феодализма – в пределах феодального владения обязательная концентрация власти в соответствии с титульным статусом феодала. На этом же стояли князья Эристовы. Понимая, что им сложно будет реализовать в Южной Осетии свое право на феодальное владение, дарованное им российскими властями, Эристовы требовали, чтобы командование отменило в Южной Осетии свою администрацию и полагалось на их властные формы управления. В новых условиях они соглашались на приставскую администрацию для осетин, но не в пределах феодального владения. Требуя ликвидации приставств в осетинских ущельях, отведенных им, Эристовы обратились в очередной раз к Розену. Последний, хотя и не был сторонником создания в Южной Осетии «феодальных автономий», как того добивались князья, все же направил гражданскому губернатору Палавандову предписание рассмотреть докладную записку Эристовых. Губернатор, в свою очередь, проявляя осторожность, обратился к Горийскому окружному начальнику как к более осведомленному в «местных обстоятельствах». Подобное поручение являлось для окружного начальника достаточно красноречивым и понятным объяснением, чего именно от него ждут свыше. К чести горийского начальника, ответ его на записку Эристовых был объективным и деловым.

Напомним, Эристовы просили «уничтожить» – именно это слово использовали они в своей записке – Мало-Шаховское приставство, куда входили осетинские ущелья, отведенные грузинским князьям, «чтобы обитающих в оном осетин поручить их помещикам». Такое требование горийский начальник расценил как попытку оторвать «приставства» от «короны», т. е. в югоосетинских обществах ликвидировать российскую власть. Вместе с этим он по отдельным пунктам объяснил последствия, к которым бы привела даже частичная, в пределах одного феодального владения, ликвидация в Южной Осетии приставского управления.

1. По описанию окружного начальника, феодальное владение князей Эристовых представляло собой родовое, состоявшее из самостоятельных дворов. Каждый из княжеских дворов был равноправен в пределах общего феодального владения. Окружной начальник отмечал, что между князьями одного рода «никогда не бывает согласия, даже между родными братьями», и если кто-то из них брал у осетин что-то из повинностей, то, как правило, не делился со своими сородичами. Последние, в свою очередь, требовали от тех же осетин «взыскивать гораздо более, нежели первый; третий участник» поступал точно так же, «таким образом разоряя» крестьян и «приводя» их «до совершенной крайности». По мнению начальника округа, пристав должен был бы регулировать отношения князей с крестьянами, не позволяя помещикам доводить зависимых до полного разорения.

2. Окружной начальник отмечал, что, редко бывая среди жителей осетинских обществ, князья никогда не занимаются гражданским обустройством крестьян. Их главная и единственная забота «о том, чтобы собирать принадлежащие им доходы, скорее и всеми средствами составить себе состояние, нисколько не заботясь о пользе народа».

3. Подчеркивалось также, что передача осетин в управление помещиков крайне затруднила бы окружному начальнику и другим официальным лицам исполнение их обязанностей – им было бы сложно действовать через владельцев, поскольку последних часто не бывает на одном месте.

4. «Помещики, будучи начальниками и владельцами осетин», не только бы усилили поборы, но, по мнению окружного начальника, не избежать бы было самых различных злоупотреблений.

Получив эти объяснения от горийского начальника, гражданский губернатор Палавандов сообщил Розену свою солидарность с мнением окружного начальника. При этом ключевой в рапорте князя Палавандова являлась последняя фраза: «...слабое и безотчетное

управление помещиков», на котором настаивали Эристовы в Южной Осетии, «послужило» бы «более ко вреду, да нет закона, на основании коего можно было бы допустить это». Гражданскому губернатору оставалось сказать, что грузинские тавады всей своей массой не желали российского феодализма, основанного «на законе», и настаивали на таком феодализме, при котором в руках феодала наряду с повинностями сосредоточилась бы сама власть над крестьянином, т. е. деспотическая форма феодальных отношений. Князь Палавандов, сам являясь сторонником грузино-персидской системы феодализма (это подтверждалось участием его родного брата в заговоре 1832 года), писал барону Розену о сохранении приставства, понимая, что в условиях Грузии любой пристав будет «скручен» тавадским разбойным бытом и превратится в огородное чучело. В этом отношении стоит вернуться к идее барона Розена о назначении для всей Осетии главного пристава, полагая, что именно такой пристав станет барьером на пути грузинскому княжескому засилью. Уточним, однако, что мысль об учреждении в Осетии «главного пристава», как и ожидалось, вскоре отпала. Розен ограничил ее учреждением только главного пристава для части югоосетинских обществ, разместив его в селе Джави. Эту должность занимал русский офицер Васильев. Г.В. Хачапуридзе приводил любопытные данные об этом приставе, фактически оказавшемся в руках грузинских князей. Воспользуемся сведениями грузинского историка и заимствуем значительный пассаж из документа, им извлеченного из архива. Но сначала стоит пояснить, что накануне, когда в Южной Осетии стало известно о новой передаче осетин в руки грузинских князей, местные жители решительно заявили: «Если думаете силой заставить нас быть подданными князей Мачабеловых, то скорее погибнем все до последнего, защищая с оружием в руках правое дело, но рабами Мачабеловых не будем». От этого заявления до разразившегося в Южной Осетии, в частности – во владениях Мачабеловых, восстания прошло немного времени. В связи с этим в Южную Осетию, где обстановка накалилась до предела, был направлен генерал Скалон, которому поручалось основательно выяснить причины волнения осетин. Обследовав владения Мачабеловых – основной очаг восстания южных осетин, генерал на имя графа Бенкендорфа, шефа жандармов России, подал докладную записку. В ней он сообщал (цитируем по Г.В. Хачапуридзе): «...В 1838 году главным приставом в Осетии (Южной Осетии. – М. Б.) назначен был капитан Васильев, произведенный в последствии за отличие в майоры. Имея в виду одни собственные выгоды, он не только пристрастно разбирал частные дела, но даже не платил за службу есаулам и бесплатно разрабатывал дорогу от Цхинвали до Джави, тогда как на это отпускались деньги. Наиболее же потерпел народ от пристрастия Васильева к князьям Мачабеловым, за одного из которых выдал он свою дочь. Он всячески усиливался утвердить и распространить, донныне еще не рассмотренное помещичье право Мачабеловых над всеми осетинами, живущими в долине реки Большой Лиахвы. До того Мачабеловы редко решались требовать подати по деревням и просто отбирали или продавали иногда только тех из осетин, которых удавалось схватить в Карталинии». В приведенном тексте документа говорится о злоупотреблениях Васильева, вступившего в родство с грузинскими князьями Мачабеловыми. Эти злоупотребления были довольно распространенными на Кавказе и потому банальными. Сам главнокомандующий барон Розен, как и капитан Васильев, выдал свою дочь за грузинского князя А.Л. Дадзани, благодаря чему последний в 28 лет стал полковником, затем флигель-адъютантом императора, командовал Эриванским полком, а позже был уличен в «неслыханных злоупотреблениях». Но продолжим цитирование документа, обнаруженного Г.В. Хачапуридзе, в его наиболее важной части: «при Васильеве же завели» из Мачабеловых «управителей и стали взыскивать и увеличивать налоги, которых бедные осетины, с трудом оплачивающие и казенную подать, решительно не в состоянии выносить, ибо эти налоги по ценности своей составляют на деньги в два года по 40 рублей серебром с дыма». В этом абзаце документа обращает на себя внимание то, что с помощью главного пристава князьям Мачабеловым, вопреки установкам правительства, все же удалось реставрировать свой собственный грузинский феодализм, при котором они вновь стали «управителями» в своих феодальных владениях. Что же до «главного пристава», то он,

удовлетворенный «правом» на злоупотребления, фактически отдал свою власть князьям Мачабеловым, получившим от пристава должности «управителей» и по правилам персидских вали приступившие к насильственным мерам собирания непомерных повинностей с осетинских крестьян.

Понятно, что деспотический феодализм, обрушившийся на Южную Осетию, вызвал острый социальный протест. Однако ни для главного пристава Васильева, ни для князей он не представлял сколько-нибудь серьезной угрозы. Как только посыпались в адрес российских властей жалобы крестьян на князей Мачабеловых, главный пристав направил в Тифлис на имя гражданского губернатора князя Палавандова свой извет о том, что осетины «непокорны русскому правительству, грабят, разоряют соседних осетин». В этом доносе хорошо просматривался «почерк» грузинских князей, часто прибегавших к подобной лжи. Но именно она каждый раз срабатывала безупречно. На донос пристава последовало распоряжение главнокомандующего направить в Южную Осетию роту солдат и до 500 человек грузинской милиции и «вооруженной рукой» «прекратить беспорядки». Состоявшаяся карательная экспедиция, кроме крови и разрушений, ничего нового не могла принести. Продолжая верить российским властям, жители Южной Осетии в своих «прошениях» писали о том, как грузинские князья «усугубили свои притязания», и требовали мер, которыми были бы «ограждены» от насилия. Однако крестьяне не ограничивались только мирными обращениями к властям. Они вели упорную вооруженную борьбу как с карателями, так и с князьями. В одном из очередных столкновений у осетинского села Мзив осетинские повстанцы во главе с Тотразом Тотоевым устроили засаду грузинской милиции, прибывшей сюда для карательных целей. Во время перестрелки был убит князь Бардзим Мачабели и устроен настоящий бой милиции. Когда же повстанцы были вынуждены отступить, село Мзив подверглось со стороны милицейского отряда и главного пристава Васильева разорению. Любопытно, что милиция, как правило, набиравшаяся насильственно из грузинских крестьян, крайне неохотно шла на карательные действия. В той же экспедиции, направленной в село Мзив, из 200 милиционеров сначала бежало 40, а во время боя еще 27. Пристав Васильев не ограничился разорением Мзива. Карательный отряд он подвел к другому осетинскому селу – Дамцвари. Жители этого села не оказали сопротивления карателям, они покинули свои жилища и ушли в горы. Несмотря на это, Дамцвари также подверглось полному грабежу. К концу 30-х годов XIX века, по мере того, как укреплялось положение грузинских князей, Южная Осетия вступала в один из самых тяжелых периодов своей истории. Она была терзаема господствовавшей здесь грузинской знатью, вступившей в тесный политический союз с российской властью. Местная российская администрация – чиновники на уровне приставов и окружных начальников, в сущности, превращались в исполнителей воли грузинских тавадов, с невероятной жестокостью обрушившихся на Южную Осетию. Осетинские крестьяне, прибегая к конспирации, платя писарям за услугу, направляли свои жалобы во все инстанции, но в созданном замкнутом круге жалобы уходили в песок. Еще в 1837 году в Южной Осетии, узнав о том, что в Тифлис приезжает Николай I, решили направить свою делегацию к императору. Надеясь решить вопрос о своей независимости от грузинских князей, южные осетины собрали документы, доказывавшие незаконность феодальных владений, предоставленных в Южной Осетии грузинским тавадам. У нас нет прямых данных, которые бы свидетельствовали о приеме императором осетинской делегации, хотя последняя приезжала в Тифлис для встречи с Николаем I. Однако есть сведения, что югоосетинским представителям удалось представить императору свои документы. Так, ровно годом позже крестьяне сел Залда и Мириам в обращении к главнокомандующему Е.А. Головину писали, что «во время проезда здесь его императорского величества имели счастье принести всеподданнейшую жалобу на чинимые нам притеснения князьями Мачабеловыми». Но обращение крестьян к императору не имело никаких последствий, ограничивавших произвол тавадов. В том же письме генералу Головину крестьяне жаловались, что их обращение к Николаю I не возымело действия и они «искали защиты у предместника вашего», т. е. у генерала Розена. Последний, в свою очередь,

«поручил горийскому окружному начальнику иметь для нашей защиты особое попечение. Окружной начальник распорядился дать предписание джавскому осетинскому приставу с тем, чтобы он принял все меры ограждения нас от притеснений князей Мачабеловых». Когда же дело жителей Залда и Мариам дошло до главного пристава, то, как заявляли крестьяне, «все сии меры правительства не укрощают чинимые нам притеснения» и Мачабеловы, явно недовольные обращениями крестьян к властям, «утроили свои к нам притязания». Приведенные нами свидетельства крестьян, обращавшихся с жалобами к российским властям, являлись наиболее типичными для прохождения по инстанциям документов, поступавших от крестьян. Сложившаяся в условиях тесного взаимодействия российской администрации с грузинской тавадской знатью государственная бюрократия отличалась своей особой спецификой. Суть ее заключалась в том, что российские власти, постоянно учитывавшие события 1832 года, связанные с заговором тавадов, постепенно либерализовали свою политику в отношении грузинских тавадов настолько, что позволили последним реставрировать в Грузии восточно-деспотические порядки. Особенно это было заметно в Южной Осетии, ставшей по-настоящему открытым полигоном для тавадского деспотизма.

В новой политической обстановке, сложившейся в Грузии и Южной Осетии, речь уже шла не об усилении крепостного права и феодального гнета, а о более тяжелых последствиях, сопряженных с господством деспотического режима. Что же до Южной Осетии, то ситуация напоминала то же самое, что переживали грузинские княжества в свое время, находясь под игом персидских и турецких завоевателей.

Геноцид

З.Н. Ванеев, один из видных осетинских историков, работавший в советское время, когда Южная Осетия входила в состав Грузинской Советской Республики, извлек из исторического архива Грузии ценнейшие материалы о положении Южной Осетии в XIX веке. Однако в условиях советского режима и особой политической подчиненности Южной Осетии грузинской партократии осетинский историк проявлял максимум осторожности, дабы не вызвать неудовольствие у Тифлиса. Несмотря на это, сугубо фактологический материал, приводившийся З.Н. Ванеевым, красноречиво свидетельствовал о разыгравшемся в конце 30-х и продолжавшемся вплоть до начала 50-х годов XIX века ползучем геноциде, организованном в Южной Осетии грузинскими тавадами. О событиях этого времени, в частности об экспансии грузинских феодалов, писал также Г.В. Хачапуридзе. Грузинский историк, имевший национальное «преимущество», описывал факты более смело, нежели З.Н. Ванеев. Пользуясь данными этих историков, дополняя их собственными сведениями, еще раз вернемся к характеру социального террора, которому подвергалась Южная Осетия со стороны грузинских властей и княжеской знати.

После карательных мер в селах Мзиви и Дамцвари генерал А.А. Скалон, представлявший графа Бенкендорфа, произвел расследование фактов, происходивших в осетинских селах. В докладной записке, поданой шефу жандармов, генерал сообщал, что «происшествия, случившиеся в 1838 году в двух осетинских участках Горийского уезда, дают явную идею о том, как местные начальники в преследовании своих частных видов, употребляя во зло свою власть, угнетают народ, встречая сопротивление, выставляют его непокорными правительству и ложными донесениями подвигают главное начальство к предпринятию экспедиции». Это донесение генерала, несмотря на свою краткость, по своей сути отражало положение вещей, создавшееся в Южной Осетии. Особенно тяжелым для югоосетинских крестьян выдался 1839 год. Из-за засухи он был неурожайным с редкой на юге суровой зимой. Оставшийся без кормов скот резко сокращался. По свидетельству Г. В. Хачапуридзе, «осетинские крестьяне терпели большую нужду и бедствовали... Между тем производу и притеснениям пристава Васильева не было пределов. Были установлены в пользу помещика Мачабели новые налоги и повинности, сбор и выполнение которых стали

осуществлять при помощи вооруженных отрядов». Схема феодального военно-деспотического господства, воспроизведенная грузинским историком, являлась классической моделью, в свое время установленной в Грузии шиитским правительством династии Сефевидов. Особенность ее заключалась в изощренных формах лжи, коварства, насилия и жестокостей – в том, что на языке цивилизованного общества называется человеконенавистнической идеологией. Подобная идеология, наводившая страх на крестьян, позволяла функционировать специфической модели феодализма, сложившегося в ряде ближневосточных стран. Крестьяне Южной Осетии, оказавшиеся в безвыходном положении, в 1840 году отправили в Тифлис свою делегацию, состоявшую из шести человек. Свою жалобу на главного пристава Васильева и князей Мачабели осетинские делегаты подали гражданскому губернатору – грузинскому князю Палавандову. Последний распорядился арестовать делегатов и отправить их к Васильеву «для производства следствия». Главный пристав Васильев продержал три недели доставленных к нему делегатов в заключении и отпустил их только после того, как получил от них подписку в том, что они более не будут обращаться к властям с жалобами. Отчаявшееся местное крестьянство, не зная, как защитить себя от произвола, решило задержать трех священников, приехавших из Джави в Чесельтское ущелье. Разместив духовных лиц в селе Мзиви, крестьяне объяснили им, что «Васильев их ограбил, разорил, сделал нищими, что они безграмотны, не знают, кому жаловаться на притеснения... и что они, наконец, надеются через священников довести свои обиды до сведения начальника, который вследствие того и по случаю плена их верно поручит кому-либо разобрать все дело». Пристав Васильев и князя Мачабели, опасаясь, что их произвол и насилие получат широкую огласку, вновь прибегли к испытанному средству – ко лжи. Однако на этот раз ложь была намного серьезней и масштабней. Сообщая российскому командованию о том, что в Южной Осетии будто бы идет подготовка к всеобщему вооруженному восстанию, пристав Васильев, решив напугать тифлисские власти, прибавил, что восстание имеет связи с «египетским пашой», имамом Шамилем и его мюридами, ориентированными на Турцию. Разумеется, российское командование, достаточно плотно контролировавшее любые связи с Шамилем, не поверило в контакты осетинских крестьян с египетским пашой и мюридами на Северном Кавказе. Однако версия о подобных связях, позволявшая направить в Южную Осетию крупную карательную экспедицию, «понравилась» командованию. Главкомандующий Головин, доверившись своим чиновникам и грузинским князьям, в неумеренно приподнятом тоне сообщал военному министру Чернышеву о своем намерении отправить в Осетию карательный отряд. Повторяя ложь пристава Васильева, он свое решение мотивировал тем, будто «в Осетии, на южной покатоности Кавказа, появились шайки разбойников... возбуждали жителей к неповиновению местному начальству, обнадеживая скорым прибытием Шамиля с многочисленными полчищами, для освобождения их от власти нашей». Важно было и другое – то, как формировался карательный отряд и кто направлялся защищать грузинских князей в Южной Осетии. «Дабы положить конец беспорядкам», генерал Головин «назначил особый отряд из 300 человек грузинского гренадерского полка при двух горных орудиях и 300 человек милиции Горийского уезда» и 200 охотников. Кроме того, по «усердию грузинского дворянства Горийского уезда и приставов осетинских», коими также являлись грузинские дворяне и русские офицеры, было мобилизовано еще 1000 человек, находившихся на содержании самих грузинских тавадов. Всего главкомандующий отрядил 1800 вооруженных, которым поручалось «очистить от разбойников Осетию». Естественно, что подавляющее большинство отряда, состоявшее из грузин, знавших только грузинский язык, было возглавлено грузинским князем, полковником Андрониковым. Ему помогал поручик Навагинского полка князь Эрстов. В экспедиции участвовали и князя Мачабели. Как видно, это было не столько карательной экспедицией, обычно направляемой для наведения «порядка» среди местного населения, сколько организованным официальными властями нашествием в Южную Осетию грузинских вооруженных сил во главе с тавадами. По плану карательная экспедиция должна была пройти по всем более или менее доступным районам

Южной Осетии и достичь центра Осетии – Мамисонского и Нарского обществ, расположенных на северных склонах Главного Кавказского хребта. Эти два крупных общества в последнее время становились также объектами феодальных притязаний грузинских князей. Отметим еще: исключительность ситуации заключалась в том, что, кроме грузин, ни один из народов Кавказа не получал права не только на то, чтобы совершать экспансию в соседнюю область во имя своих феодальных привилегий, но и на то, чтобы заговорить о сколько-нибудь видимой независимости. В данном случае этносоциальная и этнопсихологическая обстановка, господствовавшая в Тифлисе, была такой, что могли остро обсуждаться интересы только грузинских тавадов, но ничьи другие на Кавказе. Генерал Головин, один из наиболее талантливых русских генералов, зарекомендовавший себя как бессребренник – редкий на Кавказе случай, был в необъяснимом «плени» у грузинской знати. Уверенный в своей правоте, он послал в Осетию грузинские вооруженные отряды, призывая их, чтобы они «жителей обязались переловить и истребить всех их». Головин выражал восторг по поводу того, как грузинскому князю Андроникову и князю Эристову удалось разоружить села, истребить «осетинские шайки», «разметать до основания все башни, с незапамятных времен устроенные по осетинским селениям». Головин, вряд ли сколько-нибудь полно представлявший себе Осетию и осетин, судил об осетинском народе со слов грузинских князей. Называя его «диким» и «разбойным», он в доказательство приводил военному министру Чернышеву эпизод, происшедший между его грузинскими карателями и осетинскими крестьянами, боровшимися с вооруженной агрессией. «Когда от действия горных орудий, – писал Головин, – одна из двух башен деревни Багиат-кари была совсем разрушена, а другая обрушилась до половины, то в сей последней, несколько человек разбойников скрывались еще со своими семействами, без всякой уже надежды к спасению. Пока делались приготовления к окончательному приступу, полковник, князь Андроников, желая спасти семейства преступников, послал сказать им, чтобы они, по крайней мере, выпустили женщин и детей, но посаженные в башне отвечали, что они давно уже обрекли себя на смерть и назначили эту башню своею могилою; семейства же их пусть лучше погибнут вместе с ними, чем достанутся в руки врагам... После этого не оставалось уже никаких средств к спасению несчастных жертв, разделивших одинаковую участь с преступниками. При отчаянном сопротивлении посаженных, дабы не терять людей, башня предана была огню посредством брошенных во внутренность оной гранат и зажженных пучков соломы». О разрушениях башен и расправе над жителями Багиат-кари генерал Головин писал в Петербург со слов грузинского князя Андроникова. В описании последнего, воспроизведенном главнокомандующим, была очень важная деталь, свидетельствующая о явной лжи, с которой грузинский князь доносил командованию о событиях в Южной Осетии. В частности, это касалось башни, где укрылись вместе с семьями защитники деревни Багиат-кари. По словам князя Андроникова, будто бы желавшего спасти женщин и детей, к князю Эристову для переговоров вышел из башни один из ее защитников, но другие «преступники», якобы не желавшие сохранить своих жен и детей, «несколькими выстрелами» убили своего же парламентаря, стоявшего «в дверях башни». Но в башне, являвшейся фамильной, находились только Тотоевы и было невероятно, чтобы к карателям вышел для переговоров их представитель и они же, Тотоевы, «несколькими выстрелами» расправились со своим же сородичем, ведшим переговоры.

Вчитываясь в донесения генерала Головина по поводу вооруженного вторжения грузинских воинских формирований, прошедших огнем и мечом Южную Осетию и достигших Мамисонского и Нарского обществ, хорошо заметен интонационный «фальцет», уличающий их автора в откровенной фальши. На эту особенность рапортов главнокомандующего, скорее всего не ожидавшего, что отряды грузинских князей развернут столь масштабные военные действия, обратили внимание в Петербурге. Об экспедиции, ставшей известной на Кавказе, немало говорили и среди российских гражданских и военных чиновников. Так, член Совета Главного управления Закавказским краем статский советник Легкобытов, выезжавший в Осетию по вопросам школьного образования, поведал самому

Головину о потрясших советника событиях в Южной Осетии «совершенно с новой точки зрения». Это касалось не только самой экспедиции, но и суда над осетинами, разбойности князей, их чрезмерных повинностей и пр. Генерал Головин, обеспокоенный тем, что дикие репрессии, устроенные грузинскими князьями в Южной Осетии, становятся известными слишком большому кругу официальных лиц, решил объясниться перед Петербургом. Упорно повторяя свои первые донесения касательно югоосетинских событий, он затронул также сведения о них, которыми располагал Легкобытов. Последнего Головин обвинил в том, что статский советник перешел «за пределы возложенного на него поручения» и «увлекся предметом, роду службы его не принадлежащим и не свойственным». Генерал утверждал, что Легкобытов, «при всем избытке доброй воли, не мог составить себе правильного» о событиях в Осетии «понятия». В то же время главнокомандующий брал на себя новую проверку фактов, связанных с военным вторжением грузинских войск в Осетию. Вскоре Головин получил от военного министра Чернышева сообщение о том, что Николай I ознакомился с его дополнительными объяснениями и посчитал, что вместо «бесплодной переписки» ждет «исследования всех злоупотреблений», допущенных в Осетии.

Тщательное расследование карательных мер, состоявшихся с августа и до конца декабря 1840 года в Осетии, закончилось к началу лета 1841 года. С его итогами сначала ознакомился Николай I, затем отдельным отношением о них был поставлен в известность главнокомандующий на Кавказе генерал Головин. Остановимся на отдельных положениях правительственного расследования по поводу организованного грузинскими тавадами вооруженного геноцида в Южной Осетии.

Генералу Головину напоминалось, что по новому «Положению», принятому 10 апреля 1840 года по всему Закавказскому краю, Осетия вошла в состав Горийского уезда Грузино-Имеретинской губернии». По этому же «Положению» было предписано руководствоваться в крае «общими законами Империи» с учетом местных условий. Согласно этим законам «беспорядки, подобные бывшим в минувшем году в Осетии, должны» быть прекращены «обыкновенными полицейскими мерами». В расследовании подчеркивалось, что «в отношении Осетии ни в прекращении случившихся там беспорядков, ни в суждении виновных в том лиц, ни в даже наказании их, не были нисколько соблюдены правила, предписываемые Положением 10 апреля 1840 года». Военный министр Чернышев писал генералу Головину о немалом «удивлении» императора по поводу «побудительных причин», послуживших для карательного вторжения в Осетию. По представленным Николаю I «бумагам», «в Осетии не было ни общего восстания, ни бунта, ни даже значительных беспокойств, а происходили только частные разбои, грабежи и в некоторых местах неповиновение властям, возбужденное... притеснениями приставов и в некоторых местах даже прекращенное личным присутствием уездного начальника». Особое внимание император обратил на наказания, которые применили каратели к жителям Осетии, оказавшим вооруженное сопротивление грузинским войскам. В связи с этим заметим, что, по данным Г.В. Хачапуридзе, «в пример и страх другим в Джави было повешено 2 осетина, 70 человек арестованных содержались в тюрьме в г. Гори. Из них наказаны были 7 человек (сосланы в Сибирь, предварительно прогнаны сквозь строй по 8 раз), 25 умерли, 8 освобождены на поруки, а 30 человек находились в таком положении, что не в силах были вынести строгого наказания: 11 из них лежали в лазарете, некоторые на краю гроба. Скучное содержание, теснота и нестерпимый тяжелый воздух в арестантской привели их в это положение». Грузинский историк, приводивший эти данные, основывался на расследовании начальника VI жандармского округа генерала Скалона, также участвовавшего в работе правительственной комиссии, созданной по военным преступлениям в Южной Осетии.

Николай I считал незаконными меры наказания, которые были применены к местным жителям Южной Осетии. Особенно это касалось «смертельных приговоров». Император напомнил, «что смертная казнь должна быть допускаема только в одних чрезвычайных случаях, сколь возможно редко и не иначе как по самом строгом и внимательном исследовании вины преступника». В замечаниях императора подчеркивалось, что в Южной

Осетии были допущены «важные отступления» от закона, согласно которому принято применение смертельного приговора. Столь же незаконными Николаем I были признаны и другие меры наказания. В частности, это относилось к применению шпицрутен. Согласно действовавшим военно-уголовным законам предписывалось наказывать шпицрутенами не более трех раз через тысячу человек. Наказание сверх этого допускалось «только в одних чрезвычайных случаях», но «никоим образом не более 6 раз». Император винил генерала Головина в том, что его военные (князя Андроников, Эристов и др.) «предписывали осетин наказывать шпицрутенами через тысячу человек по 5-ти, 6-ти и даже по 8-ми раз». Император выражал свое удивление, что высшее командование на Кавказе утвердило подобные меры наказания. На самом деле многие меры наказания в отношении осетинских крестьян Южной Осетии «сначала были приведены в исполнение, а затем узаконены» командованием в Тифлисе. Что же касается процедуры применения шпицрутен, то было очевидно, что каратели, вторгшиеся в Осетию, заведомо знали – после 6–8 тысяч ударов шпицрутенами, если тут же не наступала смерть, все равно человек умирал медленной смертью. Император выражал свое особое недовольство тем, что «из 70-ти осетин, содержащихся при Горийской гауптвахте с августа месяца, умерло 25 человек, а 3 найдены в таком сильном изнеможении, что не могли даже вынести строгого наказания».

Несомненно, что внимание Николая I к событиям в Южной Осетии и его явно негативная реакция по поводу карательных мер, принятых в отношении местного населения, имели важное значение. Но и в донесениях генерала Головина, и в материалах правительственной комиссии, и в замечаниях (даже обвинениях!) императора умалчивалась одна и та же тема – причастность к организованному геноциду осетин, к масштабным разрушениям сел, к «истреблению» мирных жителей, предпринятому в ходе вооруженных погромов, грузинских князей и их вооруженных отрядов. Когда же разбирательство югоосетинских событий дошло до выявления главных виновников, то были упомянуты лишь имена пристава Васильева и грузинского князя Джавахова. При этом поручалось генералу Головину расследовать степень их вины, предварительно отстранив их от каких-либо должностей. Расследование геноцида в Южной Осетии продолжалось, оно затянулось вплоть до января 1844 года. Судя по всему, дальнейшее расследование происходило в секретном режиме. Открыто же оно велось в связи с делом пристава Васильева, князя Джавахова и пристава Пурцеладзе. Естественно, что продолжавшееся следствие могло вскрыть такие тяжкие преступления, совершенные в Южной Осетии, что оно серьезно угрожало всем организаторам жестокой расправы над осетинским населением. Ясно было и другое – главными свидетелями происшедшего были приставы Васильев и Пурцеладзе, с самого начала и до конца находившиеся в гуще событий. Их показания помогли бы выявить главных инициаторов вторжения в Осетию, но при довольно странных и не выясненных обстоятельствах – очевидно, «ко времени» – ни Васильева, ни Пурцеладзе в живых не оказалось. Не исключено, что отставка главнокомандующего генерала Головина, состоявшаяся осенью 1842 года, была связана также не столько с неудачами в Кавказской войне (вины генерала Головина в этих неудачах не было, об этом хорошо знал император), сколько с военными преступлениями, допущенными в Осетии. Еще летом 1841 года генерал Головин получил секретное предписание от военного министра о том, чтобы «для доклада» императору было сообщено – «что будет найдено по следствию о поступках (читай: преступлениях – *М. Б.*) бывших осетинских». Вполне возможно, что в течение года Николай I успел получить дополнительные сведения о вооруженной агрессии грузинских тавадов в Осетии. Но с отставкой Головина проблема дальнейшего расследования событий в Южной Осетии не была снята. Военный министр потребовал от генерала А.И. Нейдгардта, сменившего Головина в должности командующего Отдельным Кавказским корпусом, продолжить эту работу. Новый главнокомандующий, не связанный с какими бы то ни было решениями по осетинским событиям, как то было с Головиным, продолжил более беспристрастное расследование вооруженного погрома в Осетии. Завершив дело, в январе 1844 года генерал Нейдгардт в секретном письме сообщал военному министру Чернышеву о

главных виновниках организации карательного похода в Осетию. Основным из них был признан пристав Осетии. Нейдгардт считал, что именно его «ложные и преувеличенные донесения... о неповиновении осетин правительству были поводом снаряжения» в Осетию «экспедиции и всех неприятных последствий оной». Также было признано, что пристав Васильев, «управляя Осетиею, ...слишком пристрастно действовал к стороне князей Мачабели, тамошних помещиков, и тем возбудил общее против себя негодование». Обвинялись также князья Мачабели, особенно двое из них, находившиеся «при отряде войск, ходившем в Осетию». Они «отбирали насильно у жителей скот», князья свое насилие объясняли тем, что они «пользовались случаем взыскать с своих крестьян подати, которых они не давали им добровольно». Стоит подчеркнуть: разбой и расхищение имущества крестьян во время вооруженного вторжения в Южную Осетию – в этом состояла еще одна важная черта персидско-грузинской модели феодализма, предполагавшей посредством государственной поддержки и жестокого насилия реализовать свое право на феодальное господство и взимание повинностей. Для грузинских князей и их вооруженных отрядов события 1840 года в Южной Осетии – это не только картины прошлого, когда грузинские тавады совместно с шахскими отрядами «собирали повинности» с грузинских крестьян, но и новая действительность, при которой те же тавады в лице российской государственной власти получили возможность продолжить знакомую им практику. Несомненно, нельзя было не обратить внимания на принципиальные различия двух разных моделей феодализма – российского и грузино-персидского, противоречивость которых уже отмечалась; недовольство Николая I карательными мерами в Южной Осетии – одна из ярких иллюстраций этих противоречий. Вместе с этим сказывалось и другое – то, что по своей социальной сути две разные модели феодализма, несмотря на отличия, имели общий «фундамент», на котором базировалось сотрудничество российского самодержавия и грузинских тавадов. Пристав Васильев сравнительно легко адаптировался к традиционной тавадской идеологии и ничем особенным уже не отличался от князей Мачабели, с которыми вступил в семейное родство. То же самое следует сказать о карательной экспедиции 1840 года – в ней сотрудничали российско-грузинские вооруженные отряды, действовавшие на одной и той же социально-исторической «поверхности». Кроме того, если для грузинского феодализма персидский деспотический механизм представлялся вполне «свежим» и работающим, то у России был свой особый татаро-монгольский «историко-деспотический» след, который так или иначе обуславливал длительность господства в стране крепостничества; тот же Петр I, пытавшийся сблизить Россию с Европой, создавал заводы и фабрики, приписывая к ним крестьян и тем самым углубляя и расширяя крепостничество. Уместно напомнить и другое – Российское государство XVI-XVIII веков, по справедливой оценке Г.В. Плеханова, напоминало по своему политическому устройству азиатско-деспотические режимы. Перечисление этих важных «шприхов» политической истории России можно было бы продолжить, но и из упомянутого видно, что у России и Грузии было предостаточно «феодальной общности», чтобы состоялось их совместное господство над грузинским и осетинским крестьянством. Именно эта «общность», периодически доходившая до социального родства, сказала на итогах трехлетнего расследования военных преступлений, совершенных в 1840 году грузино-российской карательной экспедицией в Южной Осетии. Подводя их, генерал Нейдгардт, возглавлявший российское командование в Тифлисе, обращался к военному министру Чернышеву – «...не изволите ли признать возможным дело это», т. е. итоги расследования карательной экспедиции в Южной Осетии, «в настоящем его положении, оставить без дальнейших последствий, так как восстановление оного в порядке судебного разбирательства, при успокоении теперь Осетии и принятых начальством к поддержанию там порядка мерах, по мнению моему, не было бы удобно, возбудив воспоминание о событиях, имевших в свое время неблагоприятные впечатления». Тайный советник Позен сообщал позже генералу Нейдгардту, что Николай I «одобрил это мнение» главнокомандующего.

Переход от полномасштабного геноцида к «мелкопоместному» террору

Грузинские тавады, в особенности князья Мачабели и Эристави – непосредственные участники карательных мер 1840 года, внимательно следили за расследованием, которое велось по событиям в Южной Осетии российским командованием. Они не могли не обратить внимания на то, как при выявлении главных организаторов геноцида в Осетии власти сузили круг виновных, и на то, какая была проявлена осторожность в отношении грузинской знати, участвовавшей в вооруженном походе против осетин. Даже князь Андроников, осуществлявший командование всей карательной экспедицией – под его руководством происходили разрушения сел, истребление мирных жителей, – не был упомянут среди тех, кто совершал в Южной Осетии преступные действия. В то же время высшее начальство в Тифлисе и тавадская знать, господствовавшие в Южной Осетии, стали намного осторожнее, но вместе с тем изощреннее в формах своего тотального насилия, применявшегося в отношении осетинского крестьянства. Здесь, в Тифлисе, серьезное значение придали, может быть, не столько самому расследованию событий в Южной Осетии, сколько отставке Головина, которую, конечно же, связывали с вооруженным погромом осетинских крестьян. Этот факт, как, впрочем, и судьба приставов Васильева и Пурцеладзе, неожиданно ушедших из жизни, были немалым поводом, чтобы изменить тактику деспотических мер, направленных на усиление феодального гнета над югоосетинским крестьянством. Важное значение в этом имело и предписание главнокомандующего, согласно которому князья Мачабели, кои также обвинялись в карательных мерах, были «удалены от личных распоряжений по имению», поступавшему теперь под административную «опеку». Это решение генерала Нейдгардта, вытекавшее из распоряжений Николая I, формально ставило грузинских князей, имевших феодальные владения в Южной Осетии, в положение жесткого контроля. Новые серьезные отступления тавадов от российских законов на территории своих имений могли послужить поводом для перевода крестьян в разряд «казенных», что одновременно бы являлось передачей имения в государственную собственность. Создававшаяся для грузинских тавадов в Южной Осетии обстановка «уводила» их методы эксплуатации крестьян за пределы открытой и «законной» крепостнической доктрины. Отныне жестокости и насилия, представлявшие собой основной инструментальный феодального господства в Южной Осетии, в какой-то мере переходили в «полуподпольное занятие», и организация карательных экспедиций, которыми широко пользовались грузинские князья, подпадала под контроль Петербурга. Перестройка тактики, происходившая среди князей, захватила также административные и судебные учреждения, состоявшие главным образом из грузинских чиновников. Так, грузинский князь Джавахов, состоявший участковым заседателем Горийского уезда, ранее с приставом Васильевым занимавшийся преступной деятельностью и за это отстраненный от должности, был отправлен в глубь Осетии – в Нарское общество, где он продолжил свои лиходейства. По свидетельству жителей Нарского прихода, «прелюбодействовал не только с приличными себе, но и с женщинами в преклонных летах». Вместо исполнения своей прямой службы занимался провокационной политической деятельностью: «начал в короткое время страшать народ, что» осетины будут «разорены от государя, посему народ начал бояться». Князь Джавахов требовал, чтобы местные жители содержали его и людей, с ним находившихся. «В короткое время начал брать страшные взятки, о которых при сем доносим», – жаловались крестьяне. Старейшины Нарского общества единодушно приняли решение «удалить» Джавахова «от нашей волости». Судя по свидетельству самого князя, «удаление» его происходило насильственными методами, заставившими участкового заседателя укрыться в боевой башне. Дело здесь дошло до серьезного волнения, в котором приняли участие до 500 человек. Хозяева башни, где укрылся князь Джавахов, согласно осетинскому обычаю были вынуждены защищать блудного заседателя, народ же требовал, чтобы он немедленно был вызволен из башни и выгнан из Осетии. Обстановка настолько накалилась, что ворвавшиеся

в башню люди собирались учинить над князем физическую расправу, но помешали им священники. В конце концов Джавахов был выдворен из Нара, но он вновь осел в Джаве, где ранее «сотрудничал» с приставом Васильевым. Добавим: еще летом 1841 года военный министр Чернышев предписывал генералу Головину, тогдашнему главнокомандующему, чтобы князь Джавахов был «немедленно удален» от «должности», и «не возлагать на него никаких поручений», «и не определять ни к каким должностям». Но князь Джавахов нисколько не пострадал ни при генерале Головине, ни при преемнике последнего. Напротив, генерал Нейдгардт, хотя и был вынужден убрать Джавахова из Нарского общества, остался недоволен волнением местных крестьян. Он доносил военному министру Чернышеву о том, будто «появилась в Осетии разбойничья шайка и грабежами своими начала беспокоить Горийский уезд». За этим последовало другое сообщение Нейдгардта – о ликвидации «полицейскими средствами» осетинских «шаек». Сообразно своему негативному отношению к крестьянским волнениям главнокомандующий сменил осетинского окружного начальника и на эту должность назначил отставного поручика Смиттена, известного «безрассудной вспыльчивостью своего нрава». Новый окружной начальник брал на себя задачу «полной ликвидации крестьянских волнений в Осетии». По данным З.Н. Ванеева, уже 7 февраля 1843 года в нарушение закона о карательных экспедициях и распоряжений императора окружной начальник Смиттен возглавил отряды войск и милиции и совершил в Осетию вооруженный поход, в результате которого «участников» крестьянских волнений «он одних перебил, других – захватил в плен». На этот раз события развивались в селе Згубир, относившемся к 1-му Осетинскому участку. Сам Смиттен, доносивший о них, считал, что в этом селе укрылась «одна из самых главных шаек осетинских разбойников», против которой ему пришлось применить вооруженную силу. На самом деле все было гораздо проще – окружной начальник решил защитить князя Кайхосро Мачабели, получившего ранение во время крестьянского волнения, и с этой целью применил к восставшим оружие.

В 1843 году политическая обстановка в Осетии заметно накалилась. Во многом она объяснялась нацеленностью окружного начальника на борьбу с крестьянскими волнениями. Эту направленность Смиттена сразу же заметили как приставы, так и грузинские князья и помещики. Их издевательства и насилие не имели меры. В январе 1843 года житель деревни Схалтба «осетин Иван Меладзе» подал жалобу на участкового заседателя Кушевского, занимавшегося следствием над «разбойнической шайкой», во время которого применил к осетинке «вдове Марьяме Меладзаевой» жестокие пытки. Согласно описанию, «по приказанию заседателя Кушевского вольнонаемный переводчик его, Георгий, держал вдову Марьям за руку, а Кушевский, взяв из камина большой деревянной ложкой горящих угольев и, положа ей на ладонь, раздувал таковые сам на руке ее, от чего причинены ей раны, так что она, Меладзе, и до сего времени не может владеть двумя пальцами». Этот факт подтверждали свидетели, «слышавшие вопли женщины от истязаний Кушевского и при выходе ее после того видели жестокие на руке ее от ожога раны». Это же засвидетельствовал уездный врач, лекарь Зубилов. Установив, что следствие Кушевский проводит с применением пыток, уездный начальник Забелин спрашивал управляющего гражданской частью генерала князя Чавчавадзе: «...продолжать ли мне производством и окончить начатое по упомянутому предмету следствие или нет?» В тех условиях, в которых оказались осетинские крестьяне, вопрос был вполне уместен. Уездный начальник, знавший ситуацию, глубоко сомневался, что власти в Тифлисе (в частности князь Чавчавадзе) будут серьезно заниматься делом о применении пыток, распространенных в практике не только следователей, но и князей. Дело Марьям Меладзе, однако, раскрыло еще одну страницу, свидетельствующую о жестокой тирании, в которой оказалось осетинское крестьянство Южной Осетии. Как выяснилось, грузинские князья, получившие после 1835 года феодальные права на владение крестьянами в осетинских обществах, обзавелись собственными тюрьмами и стали мстить местному населению за неповиновение. В тюрьмах, ими учрежденных в Южной Осетии, крестьяне подвергались жестоким пыткам. В ряде случаев они напоминали тюрьмы, создававшиеся по классическим канонам деспотических

режимов стран Востока. Одна из распространенных на Востоке традиций – к узникам, привязанным цепями, бросали ядовитых змей, жаливших своих жертв. После 1835 года такие тюрьмы князя Эристовы и Мачабели стали возводить в Южной Осетии. Путешественник, посетивший одну из таких темниц в Ксанском ущелье, видел в ней заржавевшие цепи, разбросанные человеческие кости и черепа, в которых гнездились ядовитые змеи.

Игра... с отрубленными головами...

В декабре 1844 года наместником Кавказа и главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом стал М.С. Воронцов. При жизни и после нее о нем высказывались по-разному – одни его подвергали жесткой критике, другие воскурляли ему фимиам. В какой-то мере и критики, и льстецы были правы. Не стоит забывать, «наместник Кавказа» по определению не мог быть похожим на «новороссийского генерал-губернатора» – должность, которую М.С. Воронцов долго занимал. Кавказ всегда был особым районом, перекраивавшим «своих героев». Европеизированный род Воронцовых внушал Михаилу Семеновичу, одному из своих ярких представителей, аристократическую нравственность, о которой наместник любил напоминать на Кавказе своим собеседникам. Гордость родом и нравственностью, проявившаяся у Воронцова на Кавказе, была, однако, одним из наиболее ярких симптомов того, как в нем в лихолетье кавказских событий углублялась внутренняя противоречивость; именно здесь, на Кавказе, благодаря этой противоречивости усилятся в портрете наместника две главные краски – белая и черная. Эти две краски преобладают в этом портрете и в наше время, хотя Воронцов представлял собой на Кавказе слишком сложное явление для столь скудной палитры.

Отличительная черта наместника и нового главнокомандующего заключалась в глубокой наблюдательности, в способности увидеть то, чего не замечали предшественники. Это свойство характера позволило Воронцову обратить внимание на особенности грузинского феодализма и сопоставить его с российским феодализмом – то, чего не замечали ранее другие главнокомандующие и намеренно избегают в своих научных оценках грузинские историки. Уже в самом начале своей службы наместником Воронцов подчеркивал, что «в Грузии, как и в России, крепостное право дворян над крестьянами». Наряду с этой общей стадийной одинаковостью он отмечал и другое: «но здесь (в Грузии. – М. Б.) права дворян имеют свойство более феодальное, нежели крепостное». Определением «более феодальное, нежели крепостное» Воронцов демонстрировал свое видение серьезных различий в двух по существу разных системах феодализма. Поясняя эту свою мысль, он продолжал: «По дикости нравов прежнего времени» феодальные права «сии, особливо у князей сильных и случайных, были неограниченны и часто касались самой жизни крестьянина». В этом кратком пассаже – ключевая составляющая, отличавшая грузинский феодализм от российского. Но сначала о первой части фразы – «По дикости нравов прежнего времени». В ней Воронцов явно имеет в виду феодальную Грузию до ее присоединения к России; речь, естественно, идет о «дикости» феодальных «нравов» времен персидских шахов, когда в Грузии в чистом виде господствовал азиатский феодализм. Что касается главной мысли – неограниченности феодального права, то это было не только вынесенное из прошлого свойство, но и та особенность, вокруг которой, собственно, столь противоречиво развивались российско-грузинские отношения. Рассматривая «второстепенные» стороны грузинского феодализма, наместник указывал на сохранение в нем «до недавнего времени» обязанностей крестьян перед своими феодалами, ставивших их, крестьян, в положение холопов или же рабов. Воронцов был уверен, что благодаря России к 40-м годам XIX века крестьяне перестали выполнять функции, свойственные холопам или же рабам. Еще ошибочнее, чем это, было другое положение – об ослаблении грузинского феодализма под влиянием «российских преобразований». Развивая этот тезис, наместник ссылался на «ликвидацию» российскими властями рабства и холопства в грузинском феодализме, якобы

приводившую к усилению борьбы крестьян за свое освобождение. Усиление антифеодальной борьбы крестьян, стремление последних получить свободу Воронцов считал результатом политики ограничения российскими властями грузинского феодализма, будто бы спровоцировавшей движение крестьян «к отысканию» свободы от помещиков. «По вступлении моем в управление Закавказским краем», – писал наместник, – я обратил внимание на беспристрастно полученные мною жалобы помещиков на неповиновение им крестьян, а последних – на неправильное владение ими помещиками. Из собранных по сим жалобам сведений оказалось, что стремление здешних помещичьих крестьян к отысканию свободы до такой степени усилилось, что все присутственные места наполнены делами этого рода». Таким образом, ложно обозначив причину крестьянского движения в Грузии и Южной Осетии, Воронцов, опасавшийся крестьянских волнений, принял важное для всего Закавказья решение об отмене закона, согласно которому крестьянин имел право добиться судом свободы, если помещик не располагал документами, юридически подтверждавшими его феодальное право на владение крестьянином. Усилив своим решением институт государственного крепостничества, одновременно наместник позаботился и о совершенствовании системы несения крестьянином повинностей. По его мысли, в этом должны были участвовать полицейские силы, призванные оказывать помещикам помощь в сборе повинностей. Как видно, Воронцов, с одной стороны, понимал, что грузинский феодализм унаследовал «дикие права прежнего времени», с другой – принимал решения, углублявшие и развивавшие деспотические формы феодального господства в Грузии.

В контексте общих суждений о феодализме в Грузии и принятых наместником решений в тяжелое положение попадала южная часть осетинских обществ, административно оказавшихся в губерниях Закавказского края. Сложность ситуации заключалась не столько в области мировоззренческих пристрастий Воронцова, сколько в крайне устойчивой его политической ориентации всего лишь на один этно-сословный слой – грузинских тавадов, при этом он отодвигал на второй план любые другие сословия Кавказского края. Поскольку Южная Осетия для тавадов являлась одним из главных районов их феодальных притязаний, то было очевидно, что могло ожидать разоренное осетинское крестьянство при новом наместнике. Мы говорим о «разорении» Южной Осетии, используя глагол, чаще встречающийся в документах того времени. На самом деле современники свидетельствовали о более тяжелой, чем обычное разорение, картине, создавшейся в 40-х годах XIX века в южных районах Осетии, пограничных с Грузией. Карательные экспедиции и отряды грузинских тавадов, под видом сбора повинностей грабившие крестьян, довели Южную Осетию до опустошения и крайних форм нищеты. Архивное управление грузинского правительства в 1860 году опубликовало полный текст «Краткого исторического обзора Горийского уезда», куда Южная Осетия на момент составления «Обзора» входила как «Осетинский участок». В нем приводятся сведения как о Грузии, так и о Южной Осетии, в отношении которой российские власти вели подчеркнутую дискриминационную политику. В «Обзоре» – данные об экономике и материальном положении грузинского и осетинского крестьянства. Они рисуют два разных мира, два несопоставимых уровня жизни. Грузинский крестьянин питался «босбашом из баранины... чихиртмы из курятины или молодой козлятины (род соуса), плова, хотя любимая» грузин «пища вареная или жареная курица, цыплята, шашлык из баранины хаш-лама (бечи – лопатка быка), холодная вареная говядина уничтожаются в огромном количестве при всех званых обедах». Высокий уровень материального достатка грузинского крестьянства отмечал Воронцов. По свидетельству последнего, «...есть в Грузии весьма значительное количество у крестьян зажиточных, но в особенности в Кахетии... Встречаются крестьяне, которые, можно сказать, богаче своих владельцев». Наместник объяснял это тем, что грузинский крестьянин вносил помещику в виде устойчивой повинности 1/10 часть урожая, остававшейся у крестьянина части урожая было вполне достаточно, чтобы содержать свое хозяйство в стабильном состоянии. Воронцов считал, что в Грузии были титулованные дворяне, по уровню жизни уступавшие крестьянам. Это отмечал и анонимный составитель «Обзора» о Горийском уезде. Но в том

же «Обзоре» подчеркивалось, что «Грузинское дворянство и торговое сословие заметно сближаются с европейским образованием, строят удобные и пространные здания для своих помещений, по новейшей архитектуре; в мебелировке и украшении комнат видна уже комфортабельность; многие из них хорошо образованы и живут в европейском вкусе».

Разительных перемен в экономике, культуре Грузии, которой еще сравнительно недавно грозило исчезновение, достигла благодаря России. Стоит подчеркнуть и то, что дискриминационная политика российских властей на Кавказе в значительной мере использовалась в интересах той же Грузии, выдвигавшейся Петербургом на место экономического, политического и культурного центра Кавказа. На территорию Грузии было не принято направлять карательные экспедиции; они направлялись в любые другие районы Кавказа. Грузии стали отводить другую роль – на это указывает участие грузинских боевых и милицейских вооруженных отрядов в подавлении крестьянских и народно-освободительных движений.

Противоположная обстановка создалась к 40-м годам XIX века в Южной Осетии. В 1829 году А.С. Пушкин, проезжая по Горскому участку Южной Осетии, отметил: «...осетинцы самое бедное племя на Кавказе». Великий поэт не мог знать, что бассейны рек Терека и Арагви, которые он видел, были грузинскими тавадами и карательными экспедициями российских войск доведены до полной экономической деградации. Другая часть Южной Осетии, относившаяся к Горийскому уезду, отличалась более мягким климатом и выгодными условиями для хозяйствования. Но она так же бедствовала, как и Горский участок. Согласно «Обзору» Горийского уезда, в Южной Осетии «каждый осетин загораживает себе в избе место, наполняет его особенным родом сена и голый ложится спать, постели у них нет. Они живут довольно грязно и гораздо беднее грузин... пища их очень скудна, она состоит из овечьего сыра, баранины, козлятины, свинины, из лепешек пшеничных, кукурузных и ячменных, выпеченных в горячей золе, а в чрезвычайных случаях из хабызгины, род наших русских ватрушек». В «Обзоре» отмечались различные заболевания, происхождение которых автор рассматривал как «следствие бедности». Но самым тревожным в Южной Осетии являлось распространение здесь «внезапных смертных случаев». Постоянные карательные экспедиции, боевые тревоги, военные действия, насилия и жестокости тавадов, бедственное состояние хозяйственной жизни привели к тому, что, по свидетельству автора «Обзора», «между осетинами» Южной Осетии, «в особенности женщин, чрезвычайно часто бывают смертные случаи от повешения... Чаще всего этот жребий достается в удел самым молодым». На фоне южных районов Осетии и даже Грузии североосетинские общества, оставшиеся в недостижимости от грузинской тавадской экспансии, представляли собой во всех отношениях другую картину. Даже в Алагирском обществе, в одном из наиболее феодально малоразвитых в Северной Осетии обществ, по описанию Коста Хетагурова, дом феодала имел отдельные помещения, предназначенные для различных надобностей, – конюшни, хлев, овчарня и «скъэт» для крупного рогатого скота помещались в нижнем этаже, хадзар в третьем, узагдон и галерея в другом корпусе. «В хадзаре и узагдоне, – писал К. Хетагуров, – вместо простой скамьи можно встретить своеобразные кровати, диваны и кресла с оригинальной резьбой. Утварь здесь многочисленнее, разнообразнее и ценнее, здесь было больше золота, серебра, меди, железа и стали в виде громадных котлов для варки пива, холодного и огнестрельного оружия». Коста Хетагуров писал о феодалах, которым российские власти отказывали в дворянском звании, – зато первостепенные дворяне Тагаурского и Дигорского обществ Северной Осетии по знатности и титулованности ни в чем не уступали грузинским дворянам. Самым многочисленным сословием Северной Осетии были фарсаглагы, свободные общинники, в 20-е годы XIX века получившие на равнине земли и имевшие крепкие крестьянские хозяйства.

Разительное несходство североосетинских обществ, живших по стандартам российских губерний, и югоосетинских обществ, отданных российскими властями на откуп грузинским тавадам, не исчерпывалось одним материальным уровнем жизни. Не менее тягостным

являлся военно-политический и моральный террор, становившийся для южных осетин узаконенным государственным режимом. Автор намеренно не приводит ужасающих фактов насилия и жестокостей, в условиях которых оказались южные районы Осетии, подпавшие под феодальное господство или же в сферу феодальных притязаний грузинских тавадов. Упомянем лишь один эпизод, чтобы наглядно представить степень деспотической деградации, в которой российские власти действовали в угоду и в сотрудничестве с грузинскими тавадами. Накануне назначения М.С. Воронцова наместником Кавказа окружной начальник Осетии Смиттен (эстонец по происхождению. – М. Б.) совершал очередную карательную вылазку в Нарское общество Южной Осетии, на которое претендовали князя Мачабели. Подобные карательные экспедиции для югоосетинских обществ, несмотря на то что они сопровождались вооруженным противостоянием, являлись повседневностью. Но в этот раз, когда окружной начальник со своим грузинским отрядом одолел сопротивление местных жителей, произошла дикость, потрясая всю Осетию. Отряд Смиттена убил двух осетин и восемь человек взял в плен. Окружной начальник отрубил двум убитым головы, «приложил» их к своему рапорту о походе в Осетию и отправил в Тифлис главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом генералу Нейдгардту. Преступные действия Смиттена не были сколько-нибудь серьезно рассмотрены в Тифлисе. Окружной начальник был посажен на несколько дней на гауптвахту, а затем Нейдгардт повысил его в должности – назначил губернским советником. Вскоре, в 1846 году, Воронцов, узнав о «подвигах» Смиттена, эстонского мизантропа, сначала выдвинул его товарищем начальника Каспийской области, а позже возвысил до вице-губернатора Шемахи. Мы не склонны преувеличивать мизантропические наклонности Смиттена. Не были столь кровожадны, как выглядят в приведенной истории, и генералы Нейдгардт и Воронцов. Главным для всех участников глумления над трупами являлось желание заслужить симпатии грузинских тавадов, у которых, несомненно, был повышенный спрос на мизантропические инстинкты – слишком долго грузинские вали и их соотечественники жестоко расплачивались своими головами перед шахами и султанами, но, наконец, настало время, когда бывшие вали стали тавадами и им была отведена роль «заплечных дел мастеров». Не исключено было и другое – проявление подсознательного исторического инстинкта, сохранившегося с того самого времени, когда «грузины съедали трупы мертвых». По мнению Давида Багратиони – одного из лучших знатоков истории Грузии, «сие потому кажется вероятным, что жители одной деревни, называемой Карсана, при случающихся спорах с жителями деревни Кодмана и поныне укоряют сих такими словами: вы нам должны одним мертвым», ибо «трупы умерших из одного селения брали в долг другое, когда находили в сем недостаток». Давид Багратиони считал, что «сей обычай принят был от исидонян (Исида считалась супругой и сестрой бога царства мертвых. – М. Б.), которые, как повествует Геродот, съедали трупы своих отцов». Смиттен в совместных походах в Южную Осетию мог заметить преследовавший грузинских тавадов исторический инстинкт. Несложно было опытному и наблюдательному Воронцову обратить внимание на тавадскую мизантропию. Шестью годами позже (в 1852 году) наместник, движимый теми же мотивами, что и Смиттен, воспользуется опытом последнего, нравившимся грузинскому высшему обществу, отрубит голову Хаджи-Мурату и выставит ее на «просмотр» человеческих голов в Тифлисе. Наместник был рад, что в Тифлис ему доставили голову Хаджи-Мурата «в отличном виде» и он сможет ей найти место, «чтобы приходили осматривать ее». Трудно было бы представить, чтобы где-нибудь еще на Кавказе нашлось место, где бы отрубленная человеческая голова вызвала зрелищный интерес. Его бы не было даже в казачьих станицах, нередко страдавших от набегов Хаджи-Мурата, – слишком были казаки православными для подобных восточных зрелищ. Повторим: игра с отрубленными головами, при которой Смиттен «приложит» головы к рапорту для главнокомандующего, а Воронцов свой именитый «трофей» – к докладу для Николая I, представляла собой не только мизантропическую кальку, заимствованную у тавадов, но и показатель степени нравственной деградации официальных российских властей, далеко зашедших в заигрывании с грузинской знатью. Им, игравшим

человеческими головами, сложно было понять людей противоположной стороны – горцев, хоронивших близких, над которыми надругались. Они не учитывали простую вещь – традиционно подобные похороны превращались в публичную метамессу, способную генерировать массовую идеологию.

В исторических явлениях, ведущих к радикальным движениям, нетрудно бывает отыскать предпосылки и генезис этих явлений, если они связаны с материальными интересами определенных социальных слоев. Гораздо сложнее уловить исследователю зарождение и законы развития столь тонкой материи, какой является идеологическая субстанция. Нередки случаи, когда целые поколения ученых и писателей, желая познать исторически состоявшуюся уже идеологическую систему, не достигают своей цели. С тех пор как зародился мюридизм на Кавказе, прошло около двух столетий, но до сих пор для абсолютного большинства ученых он остается предметом острого спора. Смее утверждать, что Чечня, в 80-х годах XVIII века стоявшая перед религиозным выбором, вместо язычества и христианства выбрала ислам благодаря жестоким карательным походам генерала П.С. Потемкина. По сей день для большинства чеченцев ислам – это еще и идеология, питающая русофобию. Нам хорошо известно, какую идеологическую эссенцию поощряли российские власти в Грузии, добиваясь политического альянса с грузинской знатью. Но как ответить на другой вопрос – о ренессансе идеологических ценностей традиционно восточного деспотизма, которого добились российские власти в Грузии, не это ли являлось главной причиной отторжения России как стабильного политического союзника? Или другой вопрос – почему Грузия, когда Россия переживает «тяжелые времена», рвется в объятия любого другого государства, чтобы раз и навсегда расстаться с государством, создавшим ее как страну?

«Тавадоба» в Южной Осетии и становление в ней грузинофобии...

Воронцов хорошо понимал не только смысл экспансии грузинских феодалов в Южную Осетию, но и «социальный уровень» этой экспансии. В своем первом отчете императору он писал, что российские законы не допускают введение «личного рабства или холопства» и что он, как наместник, не намерен «усиливать» в Закавказском крае подобные формы зависимости. Воронцов считал, что в Закавказье существуют районы, где еще сохраняются рабство, холопство и в качестве примера указал на Южную Осетию. Развивая эту мысль, он подчеркнул, что «право сильного» в Южной Осетии является источником, порождающим деспотические методы феодальной зависимости. «Утверждать это право здесь (в Южной Осетии. – М. Б.), – писал Воронцов, – законом и наблюдать как должно за исполнением оно – значило бы идти назад, а не вперед». Однако рассуждения о введении в Грузию и Южной Осетии «правильного» феодализма, без рабства и холопства, не имели ничего общего с реальностью югоосетинских обществ, которые, по существу, находились в состоянии войны. По словам самого наместника, «в ожесточении своем против князей Мачабеловых они (осетины. – М. Б.) отказывались от платежа владельцам всяческих повинностей и целыми толпами начали являться ко мне о защите прав их и в оказании им правосудия, которого они тщетно домогаются в течение нескольких лет». Взрыв югоосетинских обращений, о котором писал Воронцов, начался еще при генерале Нейдгардте, после известных событий в Наре, где Смиттен вместе с грузинским отрядом принародно отрубил головы двум участникам восстания. В докладе военному министру главнокомандующий на Кавказе писал, что после экспедиции Смиттена в Нар восстание осетин «снова возгорелось с большей силой». Как и ожидалось, родственники двух убитых, коим отрубили головы, «начали, между тем, возбуждать к неповиновению жителей Нарского ущелья и успели взволновать их», – свидетельствовал Нейдгардт. С этого нового восстания, начавшегося с нарских событий, фактически определились две вооруженные стороны, противостояние которых стало приводить к человеческим жертвам. Одной из первых жертв

был окружной заседатель князь Херхеулидзе. Его убили жители Чмити, принимавшие участие в антифеодальном движении. Нейдгардт писал военному министру, что он в связи с этим принял «решительные меры». На самом деле главнокомандующий направил в Осетию подполковника князя Авалова, к которому осетины относились «с доверием». При этом главнокомандующий наставлял Авалова «воздержаться от всяких насильственных мер». Нейдгардт не был уверен, что Авалову удастся успокоить центральный район Осетии, и он решил перебросить сюда же «вооруженную силу... – три роты пехоты, два горных единорога и 100 человек милиции» во главе с генералом, грузинским князем Андрониковым. Накалившейся обстановкой решили воспользоваться князья Мачабели, для которых Нарское общество было очередным объектом их феодальной экспансии. Один из них, князь Давид Мачабели, обратился к гражданскому губернатору с «запиской», ходатайствуя о разрешении ему «действовать против них» (осетин. – *М. Б.*) «и отклонить беспорядки и затруднения, могущие произойти по управлению в Осетии». Свою готовность принять участие в подавлении восстания в Южной Осетии Давид Мачабели мотивировал «обидами», «которые причинили ему и его предкам осетинские шайки». Однако князю Авалову удалось добиться у осетинской стороны согласия на временную приостановку вооруженного противостояния. В свою очередь генерал Нейдгардт отдал приказ об отзыве отрядов Андроникова и прекращении их движения в Осетию. Временное затишье, наступившее благодаря мирным переговорам Авалова, было нарушено князьями Мачабели. Они во главе с Зазой Мачабели напали на крестьян, избивали их, нанося некоторым из них ножевые ранения. Осмотрев пострадавших крестьян, горийский уездный врач зафиксировал у пятерых крестьян тяжелые ножевые ранения. Это вновь осложнило ситуацию в осетинских селах, отнесенных к владениям Мачабели. Непокойно было и в имениях князей Эристави. Здесь осетинским крестьянином Биба Додоевым был убит Шалва Эристав, один из наиболее влиятельных эриставских князей. Противостояние между грузинскими феодалами и осетинским крестьянством обострялось по двум главным причинам: крестьяне требовали свободы и не платили повинностей; феодалы, в свою очередь, добивались у осетин прекращения обращений к российским властям по поводу своей независимости и отмены повинностей. Противоборство между сторонами нарастало с каждым днем. Оно со стороны крестьян принимало самые различные формы, в том числе «разбойные», «воровские» нападения на скот, на феодалов, хищения их имущества и т. д. Внешне это выглядело, как обычное крестьянское восстание, сопровождавшееся прежде всего покушениями на скот и имущество феодалов. Но вместе с этим замечалось, наряду с примитивными формами антифеодальной борьбы, и формирование идеологии, ориентировавшей крестьян на обоснованность их стремления к независимости и выдворению грузинских дворян и князей из Южной Осетии. Что же до обращений крестьян к российским властям – их нет смысла приводить, – то Воронцов был прав, когда сетовал военному министру, что они, эти обращения, к нему шли «поток». Наместник надеялся, что он справится с набирающим силу в Южной Осетии движением крестьян за свободу, и просил ускорить принятие закона, запрещающего крестьянину просить об «отыскании свободы». Вопрос о свободе разрешалось ставить, если крестьянин сам представит «доказательство о том, что или он сам прежде, или отец, или дед его пользовались правами свободного состояния». При этом крестьянам запрещалось «отыскивать свободу» на том основании, что у помещика не было документов, которые бы на самом деле позволяли ему иметь феодальные права. Таким образом, на основании нового закона, подписанного императором, наряду с князьями Эристави и Мачабели и многие другие грузинские помещики добились у российских властей права на приобретение в Южной Осетии феодальных владений.

Закон, на который так надеялся Воронцов, не только не приостановил крестьянское движение, но «явился поводом к новой волне крестьянских выступлений». К исходу 1849 года они приняли для феодалов угрожающий характер. Уже тогда управляющий гражданской частью военного губернатора князь Андроников разработал план подавления в Южной Осетии крестьянского восстания. Судя по этому плану, у массового движения

крестьян сформировалось руководство, с которым Андроников думал расправиться в первую очередь. По его мысли, следовало, чтобы грузинский князь Кобулов пригласил к себе осетинских старшин из сел Рук, Джомаг, Урдзуар и Кошки и потребовал от них выплаты грузинским князьям повинностей. Андроников знал, что старшины откажутся выполнить это требование, и тогда планировал «приступить к заарестованию всех главнейших ослушников из осетин и высылке их в Тифлис для наказания по усмотрению князя наместника». Князь Кобулов выполнил поручение, но, как и ожидалось, старейшины категорически отказались повиноваться требованиям властей. Они были арестованы и отправлены в Тифлис. Крестьяне, в свою очередь, приняли решение арестовать згубирского священника и его семью. В ответ на это князь Андроников, явно заинтересованный в организации нового вооруженного вторжения в Южную Осетию, стал ставить вопрос об организации карательной экспедиции и отправке ее для принятия «решительных мер». По его свидетельству и по донесению полковника Казбека, осетинские крестьяне «не только не убедились продолжительными и многократно повторенными им внушениями исполнить волю начальства, но, напротив, еще обнаружили дерзкие замыслы поднять оружие, если правительство принудит их исполнить непременно его (Андроникова. – М. Б.) распоряжения». Генерал Андроников не преувеличивал, когда писал о решимости югоосетинских крестьян оказать российско-грузинским войскам вооруженное сопротивление. О таком же настроении писал и князь Кобулов, еще недавно состоявший начальником Осетинского округа. По данным последнего, в южных районах Осетии произошла политическая консолидация крестьян, поставивших перед собой задачу освобождения своей страны от иноземных феодалов. Князь Кобулов сообщил командованию, что крестьяне из владений Мачабеловых получили заверения от «соседних с ними осетин, жителей Магландвалетского ущелья, крестьян князей Эристави, дать присягу по первому же с их стороны сигналу, восстать им на помощь и даже положить свои головы, лишь бы не быть в зависимости от владельцев». Консолидация крестьянских сил в Южной Осетии происходила не только на почве борьбы с грузинскими владельцами. С последними, с которыми они думали бороться до конца, крестьяне в единстве рассматривали и официальных лиц грузинской национальности. Стоит пояснить: Воронцов, в отличие от своих предшественников, придерживался политики, согласно которой Южной Осетией, как правило, занимались грузинские чиновники. Тем самым наместник, с одной стороны, «отводил» российские власти от противостояния с Южной Осетией, с другой – располагал к себе тавадов, стремившихся к насильственным акциям против осетин. Результатом этой политики явилось сосредоточение военной и гражданской власти в Южной Осетии в руках князя Андроникова, князя Казбека, князя Авалова и князя Кобулова. Все они, принадлежа к грузинским тавадам, имели российские воинские звания и гражданские чины. Каждый из них в Южной Осетии имел свои частные интересы. Князь Авалов, например, здесь владел «от 250-ти до 300 тысяч десятин лесов и других угодий». Таким образом, восстание крестьян Южной Осетии благодаря Воронцову было направлено как против грузинских феодалов, так и в целом против грузинского тавадоби. Из крестьянского восстания, ставившего перед собой вопросы ликвидации феодальной зависимости, оно выросло в народно-освободительное движение, преследовавшее цель изгнания из Осетии грузинских тавадов. Идеологией движения являлась «грузинофобия», направленная главным образом против грузинской элиты, от которой Южная Осетия больше всего страдала.

Карательная экспедиция грузинских вооруженных отрядов

Между тем обе стороны – и грузинская, и осетинская интенсивно готовились к вооруженному столкновению. Наместник Воронцов удовлетворил просьбу князя Андроникова об организации вооруженного вторжения в Южную Осетию для «усмирения некоторых осетинских обществ». Однако Воронцов предусмотрительно в тени оставлял

генерала Андроникова – ему он поручал общее командование военной операцией, начальником же самой карательной экспедиции был назначен полковник Казбек Андроников, формулировавший задачи военного похода в Осетию, считал, что нужно расширить зону военных операций – провести их не только во владениях князей Мачабели, но и Эристовых, и других помещиков, где крестьяне не платят повинностей. Андроников, как типичный представитель грузинской знати, брал на себя также определение политических установок для экспедиций. В них хорошо просматривались присущие тавадам ксенофобия и чванство, особенно бурно проявившиеся перед военным походом. Андроников наставлял начальника экспедиции Казбека «непременно наказать злоумышленных осетин, и неоднократно». При этом подчеркивал, что следует отказаться от тактики русских военных, якобы во время карательных экспедиций ограничивающих свои действия «простым упорством», т. е. обороной. Что касается воинских сил и средств вооружения, то Андроников для вторжения в Южную Осетию предполагал отрядить один грузинский батальон пехоты; отряд милиции из 300 человек, состоявший из жителей Горийского уезда, – отрядом милиции поручалось командовать князю Мачабели, помощнику уездного начальника; князь Кобулов обязывался мобилизовать 150 осетин в Осетинском округе – речь шла о казенных крестьянах, дороживших своим положением и не желавших участвовать в восстании «частных» крестьян; отдельный отряд из 100 человек был сформирован «из дворян Горийского уезда под предводительством уездного предводителя дворянства поручика князя Эристова».

Грузино-тавадский характер вторжения в Южную Осетию предусматривал специальное воинское снаряжение, которым снабжалась карательная экспедиция. Некоторые виды оружия не использовались на Кавказе ранее, даже в Кавказской войне. На вооружении отряда были: «два горных орудия с тремя комплектами зарядов, из коих 12 картечных, по 80 гранатных с зажигательными кусочками истраптиловых с пулями, остальное количество 12 фунтовых ядерных и два лаорста». Андроников объяснял: «если ядерные заряды будут малы для 10-фунтовых орудий, то», как рекомендовал грузинский генерал, «обшить их кожей в столько рядов, сколько нужно будет». Андроников особенно заботился по поводу ядерных зарядов, потому что они были «способны разбивать укрепления и башни». Еще он к этому предусматривал 10-фунтовую мортиру, служившую главным образом для разрушения особо прочных оборонительных сооружений. Грузинский генерал распорядился также «проделать дорогу» в Южной Осетии, чтобы «можно было провести» 6-фунтовую пушку «к какому-либо из пунктов» военных действий; он не разрешал брать «крепостных ружей», как просил полковник Казбек, а настаивал, чтобы стрелки были вооружены пулеметами. Специальные отряды были сформированы для минирования крепостей и жилищ, такие спецотряды предусматривались для наведения мостов и других работ. Продовольствие заготавливалось «из винной и говяжьей порции» на 15 дней. Андроников просил увеличить количество транспорта для подвоза как «артиллерийских снарядов, так и провианта». Генерал Андроников, которому поручалось командование военной операцией, не очень надеялся на свои «полководческие» способности и просил заместителя, чтобы на время военных операций к нему прикрепил офицера из Генерального штаба – специалиста, действительно способного руководить боевыми действиями.

Читая документы, связанные с подготовкой вооруженного вторжения в Южную Осетию, с набором воинских средств для истребления нищих, разоренных феодалами югоосетинских крестьян, невольно вспоминаешь о том, сколько крови пролили осетины во имя защиты грузинского народа! – и задаешь себе вопрос, почему же грузины, во все времена хвалившиеся своим благородством, ни разу не встали на защиту соседнего народа, а приходили к нему только с оружием в руках? И совсем простой вопрос – храбрые грузины – «дети Вахтанга Горгосала и Георгия Саакадзе», почему каждый раз, когда персидский шах требовал от грузин, чтобы самый смелый из них вышел и сразился в единоборстве с его воином, каждый раз выходил... почему-то осетин?.. Напомним современным грузинским андрониковым – храбрым, если за ними как «минимум» великая держава, – только два факта

из истории Грузии... Это было, судя по всему, в 40-х годах XVIII века, при царе Теймуразе, в молодые годы Ираклия II. Небольшому отряду Ираклия предстояло сразиться с войском Азат-хана, «возмушавшего Персию», воины которого просили поединка с самым храбрым воином Ираклия. Азат-хан согласился на такой поединок и предложил его царевичу. По свидетельству Давида Багратиони, его дед, Ираклий, выставил «наихрабрейшего из всех» осетина Луарсаба Макаева (Магкаева. – М. Б.), воина из Зарамага. Согласно устным преданиям, позже тот же Ираклий II на предложение персидского шаха Ага-Мухаммед-хана о единоборстве был вынужден согласиться, надеясь, что единоборство будет выиграно и шах по условиям такого поединка отступит. Ираклий II обратился к своим воинам в растерянности, увидев перед собой огромного и плечистого богатыря – перса. Выручить царя взялся знаменитый в Осетии Гоци Хетагуров из Нара: он был невелик, сколочен по-горски, сухощав, внешне неказист. Встав со своим конем перед персом-гигантом, он вызвал хохот не только у шаха и его воинов – «ржали даже кони». Но зря потешался шах. Встретившись на скаку, Гоци столь лихо взмахнул саблей, что отрубленная голова перса, словно приклеенная, оставалась на мертвом. «Долго не мог понять шах происшедшее...» Довольный Ираклий II по-царски преподнес Гоци свой щедрый подарок – золотую чашу, до XIX века хранившуюся в Нарской церкви.

Но вернемся к временам грузинского генерала Андроникова, собиравшегося походом в южные районы Осетии и требовавшего для своих войск пушки, мортиры, пулеметы, «ядерные заряды», и обратимся к другой стороне – осетинской. В Осетии знали о суете, связанной с подготовкой крупной карательной экспедиции. Скорее всего, об этом стало известно от самих князей Мачабели, не скрывавших предстоящий поход Андроникова и угрожавших этим походом. Главным достижением осетинской стороны, готовившейся к обороне, являлась встреча почетных старшин, представлявших не только крестьян, прикрепленных к грузинским феодалам, но и казенных, в одной из главных церквей «Хистыдзуар», при которой была принята присяга о вооруженном сопротивлении грузинским войскам. При присяге было принято решение: «буде кто из них нарушать присягу эту или изменит, или же передаст другому что-либо, то, по обычаю их, уничтожить его со всем его семейством, имуществом до основания». Не менее важным было другое решение – «...осетины избрали из среды себя под названием юзбашей», т. е. предводителей, призванных руководить освободительным движением. Всего осетинских старшин, взявших на себя руководство народно-освободительным движением, было более 15 человек. Они составляли Совет старейшин во главе с Тасолтаном Томаевым. Кроме того, само движение было возглавлено Махаматом Томаевым. Последний взял на себя организацию обороны Южной Осетии и являлся политическим лидером, определявшим основные руководящие установки, обязательные для всех участников движения. По данным З.Н. Ванеева, за короткое время Махаматом Томаевым было создано ополчение из 300 человек. Эту цифру приводил в своем донесении полковник Казбек. Консолидация военных сил, ранее стихийных и носивших разрозненный характер, являлась самым важным событием в Южной Осетии. Это хорошо заметил грузинский генерал Андроников. В своем рапорте начальнику Главного штаба Отдельного Кавказского корпуса он писал о своем удивлении, которое вызвало у него объединительное движение, развернувшееся в Осетии в борьбе за независимость. «Я, – доносил Андроников, – никак не поверил бы, чтобы в осетинах, какими знал их прежде, могла содержаться такая перемена, чтобы такое единодушие, такое упорство вообще в задуманном деле могло быть в них так продолжительно. Все обнаруживает, что целая Осетия была напитана мыслью – мыслью восстания. Из всего округа только часть Малолиахвского участка и часть Джавского, т. е. место расположения укрепления и окрестные деревни, остаются еще не приставшими к бунтовщикам и, если эти части не увлеклись доселе общим примером, то должно полагать, что причиной, оставившей их, были и есть присутствие здесь войск».

При вчитывании в донесения Андроникова обращает на себя внимание явное преувеличение политического накала в Осетии, будто угрожавшего всему Закавказскому

краю. Во-первых, восставшие не были намерены предпринять что-либо агрессивно-наступательное, они лишь готовились к обороне. Во-вторых, консолидация сил, о которой писал Андроников, охватила осетинские общества только Юго-Осетии, включительно до Нарского общества на юго-западе и бассейна реки Арагви – на восточной окраине. В-третьих, сохранялся разрыв между восставшими, расположенными в горных районах, и готовыми участвовать в восстании крестьянами, жившими на равнине, – в таких центрах как Джави и Цхинвали, находившихся под жестким контролем властей. Что касается Северной Осетии, то она могла лишь сочувствовать крестьянской борьбе Южной Осетии, но практически не имела возможности оказать ей помощь – слишком была оторвана от юга в связи с массовым переселением из нее населения, занятого теперь хозяйственным освоением новой территории. Генерал Андроников, по его собственному признанию, хорошо знал Осетию и прекрасно понимал, что в Южной Осетии, кроме трех сотен боевиков во главе с поручиком Махаматом Томаевым, нет сколько-нибудь серьезной воинской силы, способной противостоять его отрядам, по последнему слову техники оснащенным. Генерал Андроников искусственно обострял обстановку, желая добиться ширококомандной вооруженной операции – такой, которая бы раз и навсегда развязала югоосетинский тугой узел. Еще в начале мая, когда Андроникову уже стало известно о собрании старейшин у Хистыдзуар, грузинский генерал просил начальника гражданского управления Закавказским краем генерал-лейтенанта В.О. Бебутова «усиления» его отряда «если не регулярным войском, то, по крайней мере, еще милицией». Напомним: наместник в данном случае, отказывая в регулярных войсках, соблюдал указания Николая I, а также ранее принятый закон о карательных экспедициях. Андроников ходатайствовал, чтобы ему выделили из Западной Грузии, в частности из Имеретии, дополнительные силы, считавшиеся более боеспособными грузинскими милицейскими формированиями. В планах князя Андроникова было привлечение к карательной экспедиции самих осетин из числа казенных крестьян, не участвовавших в восстании из-за опасений потерять свое социальное положение: осетинские казенные крестьяне были приравнены к грузинским и платили повинности – 1/10 урожая. В середине мая Горийский уездный начальник мобилизовал 100 таких крестьян, и их готовили к карательному походу. Несмотря на то что они были зачислены в милицию и это только улучшало их социальное положение, завербованные осетины небольшими группами перебежали к осетинским повстанцам. Андроников бил тревогу. Он востребовал полковника Золотарева в качестве одного из командиров карательной экспедиции, объявил блокаду Нарскому, Хевскому, Ксанскому и Мтиулетскому участкам Горийского уезда, т. е. магистральной части Южной Осетии, чтобы осетинским жителям «никаких казенных припасов под строжайшей ответственностью» «не продавали». За соблюдением блокады были обязаны следить осетинский окружной начальник и его помощник. Используя подкупы, Андроникову удалось сформировать в центре Осетии, главным образом в Туальском обществе, «Осетинскую милицию» из 240 человек. Однако и этот отряд постигла та же участь, что и предыдущую сотню, созданную в Горийском уезде. Полковник Кобулов сетовал, что, «невзирая на его приказания и убеждения», «осетинские милиционеры» «самовольно разошлись по своим домам». Князь Кобулов также доносил, что «на верность» осетинских милиционеров «весьма трудно положиться». Выяснилась и другая любопытная деталь – Парки Джанаеву, одному из осетинских старейшин, князь Мачабели дал взятку в размере 150 рублей серебром, чтобы он принял участие в формировании осетинской милиции для участия в карательном походе. Получив деньги, Парки Джанаев, однако, половину этих денег оставил себе, другую отдал старейшинам, которые помогли бежать осетинам из милицейского формирования.

В этих условиях князь Андроников, располагая достаточным контингентом грузинских войск и резервом, хотя и состоявшим главным образом из представителей центральных и восточных районов Грузии, не верил в боеспособность своих сил и продолжал страшить российское командование. «Ранее, – писал он, – надеялся на отряд, которым располагал», считая его достаточным, «но теперь, когда все части» Осетии «в враждебном против нас

состоянии явно или тайно, – я не могу скрывать своего затруднительного положения». Князь Андроников оценивал ситуацию как способную иметь «опаснейшие последствия». Он призывал российские власти использовать одно-единственное «средство, чтобы занять пункты ее (Осетии. – М. Б.), угрожая бунтовщикам вещественно и разрушая морально». Призывая к военной оккупации всей Осетии, Андроников рассчитывал, что будут задействованы русские войска, они же возьмут на себя военные операции, и им, грузинским отрядам, как это было ранее, останется добить крестьян... Нагнетал обстановку и майор Кобулов, вновь ставший окружным начальником Осетии. Последний, в свою очередь, сообщал начальнику Гражданского управления Закавказского края Бебутову о том, будто Ивак и Дохцихо Томаевы, находившиеся во Владикавказе, возвратятся из Северной Осетии с отрядом, который якобы намерен принять участие в вооруженном сопротивлении южных осетин. Последующие данные, однако, не подтвердили эту информацию. Верным было другое – из Закинского общества Южной Осетии прибыл отряд вооруженных осетин в село Кесаткава (Кесатыхъау), где содержались в заточении осетинские семьи, а также скот – стада лошадей, крупного рогатого скота и баранов. Отряду без единого выстрела удалось освободить и людей, и скот. Первого июня 1850 года генерал Бебутов получил донесение Кутаисского военного губернатора об отправке для Андроникова вооруженного отряда численностью в 800 человек. Он был сформирован в Имеретии и состоял из четырех самостоятельных отрядов, каждый из которых был возглавлен грузинским князем: Кутаисский отряд (200 человек) был под командованием князя Койхосро Микеладзе; Озургетский (150 человек) – под начальством князя Малака Гурбелия; Торошинский (200 человек) – под командованием штабс-капитана князя Церетели (его мог заменить князь Иван Абашидзе); Рачинский (250 человек) – под начальством подпоручика Георгия Эристов. Помимо «частных начальников» весь «батальон» был подчинен капитану князю Симону Церетели. Стоит отметить: грузинская знать от похода Андроникова, принявшего вид национального вооруженного марша в Южную Осетию, ожидала серьезных результатов – новых привилегий, боевых наград, воинских званий, новых титулов – все, как было у персидских вали. Беспрецедентность готовившейся карательной экспедиции, предпринимавшейся крупными силами, заключалась, однако, в том, что грузинский князь Андроников, как организатор и руководитель вооруженного похода, имел от наместника Воронцова карт-бланш на вооруженный разгром Осетии: именно так представлял себе Андроников свою задачу. В походе принимали участие национальные вооруженные силы Грузии, созданные российскими властями под названием «милиция». При этом совершенно не принималось во внимание, что Осетия входила на одних и тех же с Грузией условиях в состав Российского государства. Не учитывалось и другое – Осетия не предпринимала сколько-нибудь видимых и невидимых политических и силовых акций в отношении Грузии, тем более России. Таким образом, от российских властей Грузия получила право на вооруженное нападение на Осетию. Оно вытекало не из какой-то особой негативной политики России в отношении Осетии, а являлось продолжением политики «выращивания» в Грузии идеологии исключительности грузинского народа, в особенности его знати. Формирование подобной идеологии само по себе не стоит рассматривать в виде «злого умысла» российских властей. Напротив, последним политика некой исключительности навязывалась тавадской знатью, и, потакая ей, ища в знати поддержку, российская администрация, заигрывая с тавадами, создавала в центре Кавказа феномен исторической избранности, которому дозволялось все – в том числе вооруженное вторжение к соседнему народу. Около 50 лет российское правительство не только не меняло в Грузии своей политики, но, напротив, наращивало темпы создания такой уникальной политической системы на Кавказе, при которой только один народ мог рассчитывать на особые привилегии. Присоединившись к России, только Грузия получила самостоятельность в управлении и фактически имела «свое» правительство. Только Грузия имела свои национальные вооруженные силы под названием «милиция». «Милиции» были и в других районах Кавказа, но нигде они в своей деятельности не имели самостоятельности. Только

грузинская знать получила столь большое количество воинских званий, княжеских титулов и возводилась в ранг дворянства. Необычайная щедрость российских властей, проявлявшаяся в отношении грузинской знати, создавала день за днем, в течение 50 лет, не только образ неповторимого филума, но и клона, сохранявшего персидский тип господства и подчинения в качестве исторического идеала.

Князь Андроников был недоволен, что российское командование не предоставляло ему регулярных войск. В самом начале июня 1850 года Андроников небольшой грузинский отряд под командованием полковника Золотарева направил в Магландвалетское осетинское общество, считавшееся самым беспокойным районом. Было видно, что бои в этом обществе и поражение Золотарева с его смешанным русско-грузинским отрядом склонят командование к решению о введении российских войск в карательную экспедицию. В письме из Джавского ущелья полковник Золотарев жаловался, что «сам же по малочисленности отряда не могу следовать обратно, ибо отряд так слаб, что достаточно 60 человек неприятеля, чтобы удержать меня в Ханикаткау». Он также сообщал о нехватке провианта, патронов, медикаментов и перевязочного материала. Что касается самих военных операций, то, судя по всему, они были незначительны. Золотарев свидетельствовал, что местные жители выдали аманатов и заверили его «о прекращении всяких со стороны их неприязненных действий». Полковник также уверял Андроникова, «что следование вашего сиятельства по Джавскому ущелью этим будет совершенно безопасно». На другой день полковник донес также Андроникову, что к нему, Золотареву, Махамат Томаев, как глава повстанческого движения, «прислал от всего осетинского народа выборного» представителя для переговоров. Последний заявил Золотареву, что жители Джавского общества дали «аманатов с условием, чтобы правительство разобрало их дело и, если найдет, что» они «принадлежат Мачабелову и Эристову, то они беспрекословно подчинятся в продолжение всего времени производства дел» до завершения правительственного расследования вопроса о правомерности феодального господства грузинских князей в Южной Осетии. «Выборный представитель» Осетии заверял также в том, что осетины «не будут предпринимать никаких неприязненных действий и все требования правительства будут в точности исполнять». Одновременно Золотарев сообщал Андроникову, что представитель Осетии просил, «чтоб и мы», т. е. грузинские войска, «со своей стороны прекратили все враждебные действия и не разоряли бы их». Таким образом, благодаря полковнику Золотареву становилось очевидным, что карательная экспедиция, организованная Андрониковым и его командой, проводилась без достаточных на то оснований; ложными являлись также доклады Андроникова о непримиримости осетин, об их якобы нежелании вести переговоры и стремлении к всеобщему восстанию. Опасаясь, что возможно разоблачение, князь Андроников спешил ввести войска в Южную Осетию, чтобы таким образом донесения писал уже не Золотарев, а он сам. В первом же рапорте, продолжая дальше свою ложь, Андроников пытался представить все, о чем писал Золотарев, в ином свете. Генерал утверждал, что «рукские, джамагские и маглан-двалетские бунтовщики, как главные возмутители этих селений, вновь не бросили в них бунта». Уточним: именно из этих мест к Золотареву старшины прислали своего «выборного представителя» для мирного разрешения острых вопросов. Через три фразы Андроников вновь повторил эту же мысль: «...Самые закоренелые бунтовщики и зачинщики восстания – суть жители рукские, джамагские и маглан-двалетские»... У них и «притоны», и «сильнейшие завалы», и прочее – так нагнетал обстановку генерал, ранее боявшийся войти с войсками в Южную Осетию и заславший перед этим Золотарева. Досталось и русскому полковнику... Рассерженный на него Андроников темпераментно доказывал, что Золотарев занял «одну часть пустого селения»... с другой стороны, забывая о логике, доносил, что произошло «совершенное расстройство отряда полковника Золотарева». Еще раз уточним: сам полковник не писал о столь кровопролитных боях у «пустой части» селения Джимаги, как то изображал Андроников. Наибольшее возмущение Андроникова вызвало «поведение» Золотарева, который, «не имея разрешения от меня, допустил переговоры с главными бунтовщиками во главе их с Махаматом и Тасолтаном Томаевыми,

заклучил с ними некоторые непозволительные условия, а что всего важнее, принял от них аманатов на честное слово». Напомним, Золотарев никаких договоров с Осетией не заключал, а всего лишь создал «условия» для мирных переговоров, которыми, как был уверен полковник, могли бы воспользоваться обе стороны.

На этом этапе карательной экспедиции начинало проясняться, что у князя Андроникова изначально был свой «секрет», у наместника Воронцова своя собственная тайна. Оба, естественно, были главными игроками в сюжете с экспедицией, столь далеко зашедшей, что явно напоминали игру «матерой» кошки с мышкой. «Секрет» Андроникова нам известен, он был прост и хорошо прочитывался. Грузинский генерал упорно добивался от Воронцова, чтобы ему помогли регулярными войсками, и рассчитывал с помощью русских солдат расправиться с Осетией. Вступив с войсками в Южную Осетию, Андроников вновь попытался вымолить у наместника российские войска. Из Джави он писал Воронцову, что в связи с действиями полковника Золотарева обстановка изменилась настолько, что он не может двигаться дальше. Более конкретно Андроников ссылался на ослабленность отряда Золотарева, и «в особенности» из-за «сомнительного положения Нарского участка». Ситуация действительно изменилась не только в «Нарском участке, но и во всей Осетии. Виновником такой перемены был не полковник Золотарев», как утверждал Андроников, а он сам. Суть дела заключалась в том, что Золотареву осетины отдали аманатов, – «сам Тасолтан Томаев отдал в аманаты своего сына» – с условием, что если Андроников не согласится на мирные переговоры, то полковник обязывался вернуть аманатов обратно – именно под это Золотарев ничтоже сумняшеся дал честное слово. Но Андроников не желал выполнить подобную клятву, одинаково священную и для русского офицера, и для горца. Намерения Андроникова, не пожелавшего вести переговоры, накалили обстановку в Осетии. По свидетельству самого генерала, «с прибытием моим они (осетины. – М. Б.) еще более усилили свои замыслы, распространили бунт и на другие ущелья и, таким образом, устроили и приготовили восстание почти целой Осетии». «В новой обстановке» Андроников просил начальника главного штаба Отдельного Кавказского корпуса из Коби в тыл повстанцев направить на Рукский перевал отряд российских войск «в составе 2-х рот и 400 человек милиции, а также усилить его собственный отряд двумя ротами»; войсковые силы, судя по всему, из-за дезертирства сильно сокращались – так, горийский уездный начальник сообщал, что «из осетинского отряда вновь бежали милиционеры», захватив с собой оружие.

Последующие военные события, связанные с вооруженным вторжением в Осетию, подробно в свое время были воспроизведены советским историком З.Н. Ванеевым, и нет смысла их вновь подвергать описанию. Отметим лишь – сценарий боев, происходивших главным образом по обе стороны Рокского перевала и бассейна реки Большой Лиахвы, ничем особенным не отличался – кровопролитные сражения, сожжение и разрушение населенных пунктов, отход жителей в районы высокогорья, захват пленных, аманатов и пр. Добавим: события на Рокском перевале выдвинули нового народного героя, прочно вошедшего в военную историю осетин. Поручик русской армии Махамат Томаев стал не только признанным лидером освободительного движения, развернувшегося в Осетии, но и показал необычайное личное мужество. Когда поредели ряды его отряда, он занял удобную позицию – «Махаматы хацан» и стрелял по своему противнику без единого промаха – об этом говорили как о легенде, добавляя, что Махамат стрелял из «золотых пуль». Отдельно следует отметить и другое: превосходный ученый, каким, несомненно, был З.Н. Ванеев, писавший о событиях весны и начала лета 1850 года в Южной Осетии, не заметил, сколь коварную и тайную игру затеял Воронцов с экспедицией князя Андроникова – и не только с Андрониковым, но и с Петербургом... Однако об этом позже...

Тайный замысел наместника

Никто так внимательно не следил за подготовкой и проведением карательной

экспедиции, и никто в ней не был так заинтересован, как Воронцов. Это происходило без суеты, без особой переписки – так, словно в Осетии происходит нечто рядовое. Экспедицией занимались главным образом начальник гражданского управления Закавказским краем генерал В.И. Бебутов, происходивший из древней армянской фамилии, и генерал Андроников, нам хорошо известный. Есть все основания думать, что ни один из них ничего не знал о подлинных целях, которые вынашивались Воронцовым, направлявшим экспедицию в Южную Осетию. Рассматривая организацию экспедиции, мы указывали лишь на задачу, которая имела в виду князем Андрониковым, возглавившим экспедицию. Точно так же воспринимал ее целый корпус тавадов, принимавших в ней участие; «независимо от... семи сотен» из Горийского уезда в экспедиции Андроникова «была особо дворянская сотня, состоявшая из князей и дворян того же уезда», командовал сотней Александр Эрстов. Естественно, семью сотнями грузинской милиции и сотней дворянских легионеров – выходцев из Горийского уезда, в состав которого входила значительная территория Южной Осетии, экспедиция понималась как феодальный поход с надеждой, что произойдет окончательный раздел Южной Осетии на феодальные владения.

Можно утвердительно судить и о том, что Воронцов, обладавший особыми полномочиями, данными ему императором, мог выделить российские войска Андроникову, но, не желая этого, ожидал, что грузинская экспедиция при ее успехе произведет наибольший политический эффект. Это вытекало из общей стратегии, основанной на идее о тесном политическом альянсе между российскими властями и грузинской знатью, высказываемой наместником и ранее. Еще летом в 1846 году Воронцов призывал Николая I окончательно определиться с выяснением списков княжеских и дворянских родов, считая, что «это дело по важности своей и последствиям сильно будет содействовать слиянию Закавказья с Россией». Об этом же значении грузинской знати – в общем-то, ошибочно – наместник напоминал и позже, после того, как две комиссии за четыре дня возвели в Грузии сонм тавадов в статус князей и дворян, значительно увеличив их количество. О своем «сильном» стремлении возвысить представителей грузинской знати с целью «слияния Закавказья и России» Воронцов писал и в своих отчетах, составлявшихся им через каждые два года. Грузинская карательная экспедиция в Южную Осетию с последующим разделом ее на феодальные владения хорошо вписывалась в общую стратегию политики Воронцова в Закавказье. Однако тайна наместника скрывалась не в этой стратегии, слишком прозрачной. Чтобы полнее ее раскрыть, вернемся к самой экспедиции.

В письме генералу Бебутову от 19 июня 1850 года Воронцов высказывает свое удовлетворение тем, как проходит карательная экспедиция в Осетии. «Князю Андроникову, – писал наместник, – ничего не остается делать, как довершить... совершенное усмирение бунтующих осетин, арестовать зачинщиков для отсылки под строгим караулом в Тифлис, взять еще, кроме того, по своему усмотрению аманатов». Как и Андроников, наместник нарочито нагнетает обстановку и обвиняет осетин, что «они сами на себя навлекли наказание и разорение, которое теперь терпят». Воронцов дает понять генералу Бебутову, что не собирается с Осетией вести каких-либо переговоров. «Я, – предупреждает он, – никак не позволю им (осетинам. – М. Б.) посылать ко мне уже больше депутатов». Он напоминает, что ранее вел с ними переговоры, просил их нести князьям Мачабели повинности, но каждый раз под разными предлогами они уклонялись от этих повинностей. Наместник напомнил и о другом – о том, что осетины подали жалобу на князей в правительствующий Сенат и, дескать, пусть ждут решения... Действительно, осетинская крестьянская депутация еще в 1848 году в очередной раз подала в Сенат жалобу о правовой несостоятельности решения российских властей, согласно которой князьям Мачабели в Южной Осетии были предоставлены феодальные владения. Воронцов был уверен, что жалобы югоосетинских обществ, как и ранее, не будут рассмотрены. Гораздо больше уверенности у него было в успехе грузинской экспедиции Андроникова. Ответственность за экспедицию, являвшуюся «большим обременением для казны», и за ее громоздкость наместник возлагал на осетин. Ключевой мыслью письма Воронцова к генералу Бебутову

стоило считать указание о том, что Андроникову «необходимо взять такие меры, чтобы впредь они (осетины. – М. Б.) не могли бы повторить преступные свои замыслы и поступки». Наместник, как и Андроников, резко осудил полковника Золотарева, вступившего с представителем из Осетии в переговоры. Вместе с тем Воронцов явно не желал, чтобы с грузинской экспедицией в Осетию – с его детищем были связаны негативные впечатления, он по этой причине похвалил Золотарева за «успешную атаку». Воронцов превосходно понимал низкую боеспособность грузинских отрядов и разделял опасения по этому поводу самого генерала Андроникова, не решавшегося двигаться дальше Джави. Когда отряд Золотарева был укреплен российскими солдатами, именно он, Золотарев, взял на себя основную военную операцию на Рокском перевале и успешно ее провел. Добавим: двухтысячный грузинский отряд, кроме мародерства, ничем особенным в военном отношении не отличился, экспедицию вынесли на себе 250 солдат и офицеров полковника Золотарева, действия которого, по словам самого наместника, служили «общей цели».

Итак, наместник Воронцов и начальник экспедиции Андроников, казалось, хорошо понимали друг друга, когда речь заходила о задаче вооруженного похода в Южную Осетию. Но был еще генерал Бебутов, также занимавшийся делами экспедиции. Как начальник гражданского управления Закавказского края, по роду своей деятельности он должен был знать об экспедиции все. Однако, согласно плану Воронцова, генералу Бебутову полагалось ведать только о том, что осетины непокорны и их срочно следует покорить. Наместник не был обязан ставить в известность начальника гражданского управления о том, как развивались события в Южной Осетии, но он подробно о них пишет своему подчиненному, давая ему понять, как надо рассматривать все, что происходит в Осетии. В частности, Воронцов внушает Бебутову, что «в случае», если осетины продолжают свою борьбу и «посвятят» себя «безумию», то «Андроников имеет все способы, чтобы довершить их покорение». Не забыл при этом похвалить генералу Бебутову начальника экспедиции: «...я же, зная военные качества и решимость князя Андроникова, не сомневаюсь ни мало, что он все это дело скоро приведет к желаемому концу», – писал Воронцов.

Но у наместника была еще одна тайна, в которой он не был намерен кому-либо признаться, разве что только самому императору Николаю I – и то не во всем. Но сначала приведем небольшую справку. В своем отчете за 1846–1848 годы он жаловался на сложности транспортных коммуникаций, связывавших метрополию с Закавказьем. Еще в самом начале 40-х годов XIX века генерал Головин приступил к строительству дороги – от Казбеги до Пасанаури по Гуда-макарскому ущелью в обход Крестового перевала, труднопроходимого в зимнее время. Воронцов считал, что обходная дорога также была подвержена снежным лавинам, и находил, что у Военно-Грузинской дороги нет серьезных коммуникационных перспектив. Кроме того, он указывал на недостаточность для сухопутной связи с Закавказьем одной только Военно-Грузинской дороги. Об этом Воронцов писал Николаю I, сообщая ему, что «с самого приезда» на Кавказ он «занялся изысканиями совершенно другой дороги через Осетинские горы». Он имел в виду путь сообщения, пролегающий по центральной части Осетии и ведущий в Закавказье, ближе к его западному крылу. В свое время этой дорогой интересовался Ермолов. Но последний ориентировался на Мамисонский перевал, Воронцов же предпочитал Рокский. Ермолову в его намерении проложить сообщение через Мамисонское ущелье воспрепятствовали осетины, опасавшиеся, что по этой дороге будут совершаться вооруженные набеги грузинских тавадов. Что касается Воронцова, то еще в 1804 году в зимнее время в походе генерала Цицианова в Осетию ему довелось перейти через Рокский перевал и осмотреть местность. Наместник вспомнил, что в далеком 1804 году, до его посещения Рокского перевала, на нем, на перевале, произошли тяжелые бои, в результате которых осетинские повстанцы «полностью истребили полк Рышкина». С тех пор, писал в 1848 году Воронцов, «во мне осталась мысль, что дорога, по коей двигался полк Рышкина, была удобна в физическом отношении». Из приведенной исторической справки он заключил: «...причиною постигшего» полковника Донского полка Рышкина «несчастья были люди, а не природа». Собственно, грузинская экспедиция под командованием генерала

Андроникова должна была устранить своей военной операцией главное препятствие для строительства дороги на Рокском перевале, т. е. истребить местных жителей, внушавших наместнику военную опасность. Именно этот замысел был для Воронцова основным, также направленным на достижение его ключевой идеи – «содействовать слиянию Закавказья с Россией». Идея об истреблении осетин, расположенных близ Рокского перевала, не была реализована. Экспедиции удалось нанести поражение отряду Махамата Томаева, оказавшему сопротивление; силы были неравны, грузинские отряды численно превосходили осетин семикратно. Но жители перебрались в горы. Остатки отряда и их руководитель Махамат Томаев ушли в подполье.

Неожиданная развязка

Когда в Тифлисе уже созрели планы проведения в Осетии широкомасштабной карательной экспедиции грузинских войск, в Петербурге развивались события, прямо противоположные тому, что затеял Воронцов. Как и в 1840 году, российское жандармское отделение не разделяло оценки, которой придерживался наместник в отношении политического положения, сложившегося в Осетии. Оно не было склонно рассматривать неповиновение осетинских крестьян как всеобщее восстание. По данным З.Н. Ванеева, жандармский полковник Щербачев в секретном рапорте шефу жандармов А.Ф. Орлову, известному государственному деятелю России, доносило неосновательности феодальных притязаний князей Мачабели в Южной Осетии. Вооруженное противостояние между князьями Грузии, с одной стороны, и осетинским крестьянством – с другой, Щербачев расценивал как «бой на жизнь и смерть без всякой существенной пользы». Он также находил, что осетины – «народ добросовестный и миролюбивый», и осуждал российское командование на Кавказе, считая его повинным в том, что оно «этим мирным жителям дает толчок к возмущению». Полковник Щербачев, побывавший в Южной Осетии, слышал от самих крестьян заявления, что «считают за бесчестие быть рабами князей Мачабели». Суть мнения жандармского полковника в отношении противостояния грузинских князей и осетинских крестьян заключалась в том, чтобы осетинам предоставить свободу, а грузинским князьям возместить деньгами или же наделить их землями в Шемахинской губернии. Столь радикальное решение проблемы, предлагавшееся представителем жандармского управления, казалось тем неожиданной, что сам генерал-лейтенант Орлов, шеф управления, был горячим сторонником сохранения в России крепостного права.

Полной неожиданностью для Воронцова явилось известие, поступившее к нему от военного министра, согласно которому император Николай I резко изменил свой взгляд на притязания грузинских тавадов на южные районы Осетии. Скорее всего, перемена позиции императора произошла не без влияния жандармского управления, отстаивавшего российскую державность и не разделявшего традиционного заигрывания российских главнокомандующих с грузинской феодальной знатью, неистово подбрасывавшей дрова под собственный «державный» котел. Заявление по поводу независимости Южной Осетии от князей Мачабели император сделал в 1850 году, в ходе еще не завершившейся грузинской карательной экспедиции в Осетии. Оно не оставляло никаких надежд ни грузинским князьям, ожидавшим в Осетии получить новые владения, ни Воронцову, так надевавшемуся на прочный политический альянс с тавадами, ни правительствующему Сенату, затянувшему решение вопроса о Южной Осетии. Слишком категорично звучали императорские слова о том, «что каково бы ни было решение высших судебных мест, трудно будет признать и провести в действие таковое в пользу Мачабели, так как опытом дознано, что горные осетины не будут без употребления военной силы исполнять следующей от них повинности». Судя по всему, именно в этих словах военный министр передал решение императора наместнику. Воронцов не мог возражать императору, однако он не скрывал своего несогласия с мнением Николая I.

Решение четвертого департамента Сената

Освободительное движение, развернувшееся в Осетии, проявлялось не только в вооруженных столкновениях, но и в упорной политической борьбе осетинского крестьянства за свою свободу и независимость. Особенно широко использовались российские государственные структуры, перед которыми ставились практически все вопросы, связанные с освобождением осетинского народа от тотальной феодальной экспансии Грузии, поддерживаемой российскими властями на Кавказе. Несомненно, что, как и вооруженные столкновения, в которых силы также были неравны, в сфере политической борьбы у осетинской стороны четко просматривалось ее явное этносоциальное неравенство. Российские власти не скрывали своего дискриминационного отношения к осетинскому народу; ему отводилось устойчивое определение – «варварский». В официальной переписке встречались также синонимы – «разбойный», «хищный» и пр. Грузинский народ и его феодалы приравнивались к цивилизованным, культурным нациям. В этом неравенстве, в свое время провозглашенном российскими властями, заключалась, прежде всего, сложность политической борьбы, происходившей в Осетии с варварскими формами феодального насилия. Бесспорно, что между югоосетинскими обществами, с одной стороны, Грузией и Россией – с другой, существовали серьезные общественные и культурные различия, служившие поводом для этносоциальной дискриминации и острой политической борьбы. Осетинское общество, в особенности его югоосетинская часть, относилось к традиционному демократическим; подобная общественная структура своей устойчивостью была обязана ограниченному кругу осетинских феодалов и абсолютному преобладанию в Осетии свободных общинников. Здесь оскорбление личности или же банальная пощечина могли иметь тяжелые последствия. Естественно, в этом обществе крайне болезненно переносили российские формы наказания, в особенности избивание шпицрутенами; перенесшие наказание шпицрутенами часто покидали Осетию, уходили как от самого тяжкого позора. Еще более болезненно переносился грузинский феодальный гнет, по своей природе являвшийся восточно-деспотическим, изощренным. Югоосетинские крестьяне часто заявляли, что они готовы нести любые повинности российским властям, но никогда не согласятся быть во власти грузинских феодалов. Конечно же, длительная борьба юго-осетинских обществ, тесно граничивших с Грузией, с феодальной экспансией тавадов выработала среди осетин, непосредственно сталкивавшихся с феодальной агрессией, грузинофобию как своеобразную форму идеологической системы. «Своеобразие» ее заключалось в том, что на бытовом уровне и грузины и осетины, как правило, не питали друг к другу никакой вражды, не замечалось даже этнической отстраненности, можно было наблюдать, как быстро «стирались» их различия. Но как только их отношения переносились в область социальных отношений, они резко отстранялись друг от друга, и осетины оказывались во власти грузинофобии, а грузины, в свою очередь, во власти другой идеологической парадигмы – «шах-хассе», веками насаждаемой в Картли-Кахетинском валитете. Идеология ал-хассе, как атрибут устойчивой системы феодальной агрессии, являлась естественно, достоянием знати. Но она навязывалась и всему грузинскому обществу. Было бы, по меньшей мере, преувеличением утверждение о массовости подобной идеологии, но нельзя было не видеть ее распространение среди грузинского народа, так или иначе участвовавшего вместе с феодалами в экспансии в сторону Осетии. Что касается идеологии грузинофобии, формировавшейся в южных районах Осетии, то она складывалась как один из важных элементов упорного сопротивления осетин грузинскому феодализму. При этом антигрузинские настроения, не проявлявшиеся на бытовом уровне, оказывались недостаточными и для того, чтобы послужить вооруженному нападению на какой-либо участок грузинской территории. Такого эффекта грузинофобия среди южных осетин не достигала даже после 40-х годов XIX века, когда Южная Осетия испытывала тотальный

натиск грузинского феодализма и в ней антигрузинское социальное движение приобрело четкие очертания народно-освободительной борьбы. В русле этой же борьбы протекало антифеодальное сопротивление южных осетин в рамках российской государственно-правовой системы. Качество этой стороны движения отличалось достаточно высоким уровнем, свидетельствующим о сохранении в осетинском обществе государственной традиции, которую оно имело в средневековый период своей истории.

Государственно-судебное разбирательство в конфликте между грузинской знатью и югоосетинскими обществами после карательной экспедиции 1830 года первыми предложили князья Мачабели и Эристави. Последние были движимы тем, что граф Паскевич и официальный Петербург фактически не признавали в то время их феодальных прав в Осетии. Именно тогда князья Мачабели представили «свои документы», якобы подтверждавшие их право владения в Южной Осетии. Они указывали 300-летнюю давность этих прав. Ссылались Мачабели также на грамоты грузинского царя Ираклия II, выданные им в 1772, 1776 и 1798 годах. Указывалось и на другое – на признание российским правительством этих грамот, послуживших основанием для подтверждения их владельческих прав. Но князья Мачабели не учитывали двух очень важных моментов: 1. Осетия, в том числе ее южные районы, не входила в состав Картли-Кахетинского валиитета и грамоты Ираклия II, как персидского валия, не могли иметь силу на территории, не входившей в состав Иранского государства; 2. Само Картли-Кахетинское княжество, находившееся до присоединения Грузии к России под юрисдикцией Ирана, низводило Ираклия II до статуса валия персидского шаха, имевшего право на владение, но лишеного права собственности в том же Картли-Кахетинском княжестве. Оказавшись на этом шатком юридическом поле, грузинские цари-валии щедро раздавали свои грамоты не только на владения в Южной Осетии, но и на сопредельной территории, в том числе Северном Кавказе. С той же легкостью, с какой Ираклий II раздаривал грамоты тавадам и соседним владельцам, он же «лишал» этих грамот князей Мачабели и Эристави. Это было особенно заметно после 1783 года, когда Ираклий II заключил Георгиевский трактат и заявил о своей независимости от персидского шаха. З.Н. Ванеев указывал на наличие у осетинских крестьян семи документов-грамот «об изъятии всех осетин от всякой зависимости от князей Мачабели» и «12 документов» «об ограждении их от всяких притеснений». Главным, однако, осетинская сторона считала для себя наличие у нее традиционной независимости; на нее она ссылалась, когда речь заходила о ее политическом положении. З.Н. Ванеев приводил и другой аргумент осетин – «с древнего мира они живут в своих горах свободным народом, не признавая над собою никакой помещичьей власти».

Судебная тяжба тянулась годами. При этом в начале 30-х годов XIX века, казалось, не только в Осетии, но и в Петербурге никто не сомневался в благополучном для Осетии исходе судебного разбирательства. Но отъезд в 1831 году из Тифлиса в Польшу графа Паскевича, сторонника идеи независимости Осетии от тавадов, и заговор грузинского дворянства против России серьезно осложнили расследование всех обстоятельств, приводимых сторонами. Зато явно проявилась энергичная поддержка грузинских Мачабели и Эристави Петербургом, оказавшимся под мощным давлением польского восстания и заговора грузинских дворян. Вручение в 1837 году Николаю I документов, доказывавших независимость Осетии от грузинских тавадов, не могло иметь успеха для осетинской делегации, приехавшей к императору в Тифлис. Судьба представленных тогда императору документов осталась невыясненной. Но второй пакет этих же документов находился в Горийском суде. В условиях, когда российское командование старательно стало проводить в жизнь «новую» политику Николая I, князья Эристави и Мачабели отказались от тактики судебного разбирательства и приняли позицию его явного противника; в самом начале тавады, затеявшие следствие и открывшие дело в суде, ясно видели слабость своих аргументов и не желали их вторично обнажать.

В судебном процессе несколько особняком стоял вопрос о большой фамилии Томаевых, занимавших главным образом местность, прилегавшую к Рокскому перевалу.

Князя Мачабели, видя ключевое положение этого района и стремясь установить свой контроль над этим перевалом, подали иск в суд, в котором они заявляли о своих феодальных притязаниях к Томаевым. Тем самым князя Мачабели вызвали бурную реакцию у именитой осетинской фамилии. Представители этой фамилии относились к привилегированным старшинам, ставшим ближе к концу XVIII века на путь феодализации и феодального возвышения. Само по себе возвышение над общинниками – процесс медленный и болезненный. В свое время оно потребовало от Томаевых обращения к Ираклию II с просьбой о поддержке. Грузинский царь-вали поддержал Томаевых, но то, как он поступил, представляет особый интерес. Фамилия, о которой идет речь, занимала местность Цхрадзма, которая являлась их фамильной собственностью. Ираклий II, отводя Томаевым роль местного валия, по персидской практике не мог признать за ними феодальной собственности на землю. Поэтому он был вынужден Цхрадзма, которым владели Томаевы, переименовать в «Сосмалети» и объявить, что он дарит «безземельным Томаевым» «Сосмалети». В том же 1789 году, когда Томаевы были признаны «безземельными», они «получили Сосмалети», один из представителей Томаевых, приходившийся «племянником Ирану», смог жениться на дочери князя Павленишвили и приобрел право «хождения» к Ираклию II. Но в то время, наверняка довольные своим возвышением и тесными связями «с Ираном», Ираклием II и родством с княжеским родом Павленишвили, Томаевы не подозревали, что они из «осетинского феодализма», признававшего право феодала на земельную собственность, незаметно для себя оказались в системе грузино-персидского феодализма, и не знали, что тем самым формально потеряли право на свою феодальную собственность. Выяснилось это позже, в 1791 году, когда Томаевым пришлось жаловаться, что один из внуков Ираклия II отнял у них Цхрадзма и взамен отдал им «бесхозное имение Набичвришвили». Подобную ситуацию, при которой Томаевы занимали положение «валия», после его потери князя Мачабели рассматривали как реальную возможность взять над Томаевыми первенство и установить над ними свое господство. То, что произошло с фамилией Томаевых, в том числе притязания на них князей Мачабели, в Грузии относилось к обычной практике. Грузинские вали, занимавшие положение «феодала», при потере своего статуса попадали в зависимость от новых валий-феодалов. Российские власти не знали, куда отнести грузинских тавадов, находившихся в зависимости от князей-владельцев. Стоит отметить и другое: прежний вали-тавад, оказавшись под властью нового валия-князя, не терял своей принадлежности к высшему сословию (ал-хассе). На этом основании наместник Воронцов поддержал грузинских дворян, находившихся в зависимости от князей, и приравнял их к российскому дворянству. Что же до Томаевых, то им с оружием в руках приходилось доказывать свою принадлежность к высшему сословию. Добавим: князя Мачабели не пытались низвести Томаевых до крестьянского положения, они ставили их в свою зависимость, сохраняя за ними принадлежность к высшему сословию. Тем не менее еще в 1831 году Верховное правительство Грузии дало поручение начальнику Горийского уезда произвести следствие в районе Рокского перевала и в прилегающих к нему землях и установить – действительно ли эта местность принадлежит князьям Мачабели. Как и ожидалось, следствие подтвердило права грузинских князей на ущелья Рокский, Джомагский и Урсдзуар. Таким образом в Осетии был открыт еще один сложный узел противоборства. Собственно, этот узел придал крестьянскому движению в Осетии не только остроту, но и довел его до серьезных идеологических перемен (грузинофобия) и развертывания в нем народно-освободительных идей. Одна из этих идей, по своему существу вполне мирная, представляла собой настойчивое требование осетин о судебном разбирательстве их иска, предъявленного к Мачабели. При этом осетины отказывались нести повинности грузинским тавадам до тех пор, пока не состоится суд. Наместник, в свою очередь, требовал обратного – повинения князьям Мачабели и выплаты повинностей. Устраиваемые российским командованием экзекуции над осетинским населением не приносили власти заметного успеха. Это вынудило Воронцова поручить своему представителю изучение положения на месте и заодно ознакомление с иском и документами, представленными осетинской стороной. Полковник

Демонкаль, представитель наместника, посетил 44 осетинских села, в каждом из которых он получил один и тот же ответ – отказ от платы каких-либо повинностей до тех пор, пока не состоится судебное разбирательство. Горцы всегда отличались особой доверчивостью – казалось, что природа, лишённая иллюзии и до «жестокости» реалистичная, сама заставляла их придерживаться открытости и соблюдать законы, сложившиеся в горах в основательных традициях. Осетины надеялись на суд, который примет справедливое решение. Демонкаль ознакомился с иском осетин и их документами в суде. Оказалось, что документы, представленные для суда, частью были залиты чернилами, частью оказались с оторванными кусками. В них ничего нельзя было уже прочитать, они подверглись такой порче, что по ним нельзя было вести судебное разбирательство. Узнав об этом, осетинская сторона создала делегацию и с новыми документами отправила ее к наместнику. На этот раз документы осетин были зарегистрированы в Тифлисе и переправлены в Горийский суд для разбирательства. Весной 1845 года состоялся суд. Фактически он рассматривал два дела: 1. Правомерность владения Мачабели феодальной собственностью в Южной Осетии; 2. Феодальные притязания князей на владение ущельями Урстджаварским, Джоматским и Рокским. С перевесом в три голоса Горийский уездный суд принял решение о признании 46 югоосетинских сел, в том числе трех последних ущелий, «во всегданнем потомственном владении Мачабели». Такое постановление суда нисколько не казалось осетинской стороне убедительным, тем более что три члена суда также не были согласны с этим решением. Они продолжали считать, что «князья Мачабели никаким актом не доказали своих помещичьих прав на владение осетинами». По их оценке, в судебном процессе «было выявлено», что «осетины достаточно доказывают непринадлежность свою» к зависимости от грузинских тавадов.

Решение Горийского уездного суда не показалось достаточно убедительным и наместнику Воронцову. По инициативе последнего дело о взаимоотношениях князей с осетинскими селами Южной Осетии передали «в апелляционном» виде в Тифлисскую палату уголовного и гражданского суда. Правовым основанием инициативы наместника послужило поступление в срок в эту палату заявления трех осетин. Однако было очевидно, что «старание» Воронцова провести дело через Тифлисскую судебную палату, подконтрольную наместнику, было не лишено умысла. Весной 1849 года суд в Тифлисе утвердил решение, принятое в Горийском уездном суде. По данным З.Н. Ванеева, в решении Тифлисской судебной палаты была сделана запись: «Осетины свободы своей ничем не доказали». Но и столь категоричная запись высшей на Кавказе судебной инстанции не явилась для югоосетинских обществ убедительной. В данном случае, конечно же, имел для них значение сам факт независимости от князей Мачабели, и никакие решения не могли изменить саму истину. Стоило обратить внимание и на другое – на довольно высокий уровень политико-судебной борьбы, с которой югоосетинское население отстаивало свою свободу и независимость. Эта борьба, уникальная по своей политической культуре для Кавказа, где острые социальные и этнические конфликты, как правило, решались насильственными методами, была продолжена и после принятия судебного решения в Тифлисской судебной палате. Жалобы осетин в порядке апелляционных обращений последовали в правительствующий Сенат.

На этом этапе, однако, стало известно как Сенату, так и Воронцову мнение Николая I, заявившего, «что каково бы ни было решение... трудно будет признать такового в пользу Мачабели». Стало ясно, что мнение монарха будет последним словом в столь долгой и сложной судебной тяжбе, каким являлось правовое противостояние между осетинскими обществами и грузинскими тавадами. Не дожидаясь решения Сената, в сути которого уже можно было не сомневаться, Воронцов, не разделявший позицию императора, спешил предложить свой проект решения югоосетинского вопроса. Он был направлен прежде всего в защиту интересов грузинских князей. По мысли наместника, которую он подал императору, князьям Мачабели «назначался потомственный пансион» в размере 6 тысяч рублей в год «взамен отчужденных из зависимости их осетин». Осетинское население переходило в

государственное ведомство, но за Мачабели наместник просил закрепить земельную собственность, на которую князья претендовали. Соломоново решение Воронцова этим не заканчивалось. Хотя Мачабели он просил признать в Южной Осетии собственниками земли, однако они, князья, не имели «права выгонять» осетин из тех мест, в которых они проживали; остававшиеся на своих земельных участках осетины обязывались нести повинность (бегара) – вносить князьям Мачабели 1/10 часть урожая в год. Любопытно, что Воронцов, предлагая Николаю I свой проект решения югоосетинского вопроса, признавал, что осетины, бесспорно, имеют в собственности земельные наделы. Сами Мачабели были в положении, при котором им приходилось доказывать свое право на владение в Южной Осетии земельной собственностью. В такой же ситуации были многие грузинские тавады к моменту присоединения Грузии к России. Воронцов довел до сведения императора свое видение способов разрешения спора между грузинскими тавадами и осетинскими обществами. От Николая I он получил устное согласие.

Однако этим дело не завершилось. В феврале 1851 года четвертый департамент правительствующего Сената после тщательного предварительного изучения вынес свое решение, не во всем совпадавшее с проектом Воронцова. В решении департамента Сената подчеркивалось «что князья Мачабели не представили никаких уважительных доказательств действительного владения осетинами». По данным З.Н. Ванеева, Сенат свое заключение основывал на документах, представленных особыми следственными комиссиями, работавшими в 1841 и 1846 годах. Сенат располагал также свидетельскими показаниями трех грузинских священников, на посредничество которых свое согласие дали предварительно сами Мачабели. Сенат, принимая решение о независимости крестьян от Мачабели, подтвердил также, что «осетины не только не отбывали никаких повинностей Мачабели», но, как выяснилось, последние «даже не бывали» в Осетии. Князья Мачабели жили в отдалении от Осетии расстоянием в 40 и более верст. Департамент Сената отклонил и другой аргумент князей – получение ими от российских властей документов, согласно которым они были признаны обладателями крепостного права над осетинами. Сенат посчитал, что «право это по неприведению оно в действие было ничтожно». Российские сенаторы приняли еще одно важное решение – они отменили судебное постановление Тифлисской палаты уголовного и гражданского суда и утвердили другое постановление: «князьям Мачабели отказать в домогательстве о признании крепостного их права над осетинами».

В заключении Сената просматривалось наличие у сенаторов проекта Воронцова по делу князей Мачабели и осетин. Это хорошо заметно по условиям, по которым «разводились» конфликтующие стороны. За князьями признавалась земельная собственность, но строго указывалось, что Мачабели, имеющие землю, «без крестьян... ничего не получают, и выселить сих крестьян невозможно». За освобождение («за отход») «всех крестьян» от притязаний, «в числе 1200 жителей, и за „обращение“ 500 крестьян в казенные князьям „определялось“ от государства 5000 рублей „потомственного ежегодного дохода“». Интерес представляло предложение сенаторов о том, чтобы десятину платили Мачабеловым крестьяне, „обращенные к казне“. Таким образом осетинские крестьяне, в том числе казенные, объявлялись полностью независимыми от грузинских князей. Мачабеловым позволялось „жить по желанию в Джавском ущелье“, но без всякого права требовать от жителей каких-нибудь повинностей или прислуги.

То, как решал вопрос департамент Сената, с точки зрения осетинской стороны, не было справедливым – осетины и мысли не допускали, чтобы грузинские тавады когда-либо имели земельную собственность в Осетии: на Мачабеловых, Эристовых и других владельцев здесь, в Осетии, смотрели как на пришлых оккупантов. Несмотря на это, Сенат подошел к вопросу о конфликте между грузинскими феодалами и югоосетинскими обществами как наиболее компетентный властный орган. По существу, им полностью была признана независимость южных районов Осетии от грузинской знати. В то же время стоит подчеркнуть – относительно прогрессивная позиция Сената объяснялась не какой-то своей «особой» спецификой, а скорее тем, что он, во-первых, наиболее серьезно отнесся к сбору материалов,

относившихся к делу, во-вторых, не позволил себе откровенной предвзятости, которой придерживались официальные власти, когда речь заходила о грузинских тавадах и их притязаниях в Южной Осетии.

Воронцов: от практики к устойчивой российской традиции

Наместник Кавказа проблему Южной Осетии, или же спор, происходивший между грузинской знатью и осетинским крестьянством, знал не хуже сенаторов, заседавших в далеком Петербурге. Воронцов был сведущ в тонкостях острого грузино-осетинского социального конфликта. Он, например, в отличие от многих других понимал, что не только Мачабели и Эристави, но и абсолютное большинство грузинской знати, находившейся до присоединения к России в системе персидского феодализма, «владело» землями и крестьянами как вали, но никогда не являлось их собственниками. Но наместника интересовало не социальное существо вопроса, а такой политический его аспект, как то, что выгоднее России – отстаивание интересов грузинской знати или же защита справедливых требований обездоленных и угнетенных осетин, доведенных до крайнего положения. Наместник, стремившийся к тесному союзу с грузинской знатью, долгими годами службы в Тифлисе социально вросший в тавадскую среду грузинского общества, был, естественно, «патриотом» Грузии, во имя которой готов был разрушить и сжечь десятки таких же незащищенных стран, как Осетия. Решение Сената, исповедовавшего несколько иные принципы, застало Воронцова в Елизаветграде. Он был потрясен позицией Сената, не стал ждать и тут же, в дороге, поспешил направить в жанре депеши уведомление Николаю I по поводу своего мнения по осетино-грузинскому конфликту. Воронцов не скрывал своих эмоций. Первая и ключевая фраза, полная политических эмоций, содержала и пафос, и существо его позиции: «...одна из здешних княжеских фамилий, – писал он, – многие лица которой всегда служили усердно и верно, проливали в боях кровь» в «последнем полу столетии и теперь таким же образом служат, лишены совершенно всего своего состояния, состоящего из около 2000 дворов крестьян, живущих в семи ущельях Осетии». Воронцову хорошо было известно об участии князей Мачабели в заговоре 1832 года против России. Он знал также о нежелании грузинских политических сил участвовать на стороне России в войне с Ираном и Турцией в конце первой трети XIX века. Но наместника эти факты не смущали, когда он подчеркивал «усердную и верную» службу князей Мачабели «во имя России». Понятно, что наместник был глух, когда к нему обращались осетины и в отчаянии писали, что они вконец обнищали, с них князья требуют «60–50–40 рублей серебром», «тогда как мы не имели дневного куска хлеба, а употребляли траву», «вроде скота». Крестьяне, окончательно потеряв надежду на помощь, просили российские власти: «...умоляем вас – дайте нам, бедным осетинам, начальническое сохранение, тем более потому, что мы христиане, созданы рукою божью, а не скоты». В обращениях они, вконец уставшие от помещичьего разбоя грузинских тавадов, писали с криком души: «...в поклонении головою, воззрите, воззрите оком вашим, милостивый отец». Но так называемый отец, которому писали крестьяне, был занят грузинскими тавадами. Наместник спешил убедить Николая I, что если «князья Мачабеловы, ...лишились права каких-либо повинностей от крестьян в местах горных и диких», то «приведены бы были таковым решением в совершенную нищету». В письме Воронцова рефреном проходил стержневой подтекст – осетины, живущие «в местах горных и диких», должны быть под господством «цивилизованных грузин» – и это являлось в политической идеологии российских властей самым опасным не только для соседствовавших с Грузией народов, но и для самой России. С поразительной и необычайной последовательностью целому народу, в особенности его господствовавшему слою, внушалась идеология национального превосходства над другими народами. Опасаясь, что Мачабели, Эристави, Аваловы и другие грузинские феодалы обнищают, если освободить осетинское крестьянство от феодального произвола, российская

администрация не задавалась вопросом – нельзя ли грузинских тавадов вернуть в Грузию и предоставить им в ней широкие привилегии... На самом деле речь шла не о том, что не было никакого другого варианта решения проблемы феодальных привилегий, кроме как в Осетии, сельскохозяйственных ресурсов которой едва хватало на прокормление самого осетинского народа, но с точки зрения тавадской идеологии, в свое время сформировавшейся в условиях персидского господства, престижно было являться феодалом-валием в собственной стране, вдвойне престижнее – господство в чужой стране. Но дело заключалось не в одном только престиже. Разбойный по своему существу грузинский феодализм имел традиционно «лучшие условия» за пределами Грузии, нежели в своей собственной стране. Именно эта сторона вопроса, пожалуй, больше всего привлекала грузинских феодалов, настойчиво добивавшихся получения в Осетии прав на феодальное владение.

Но вернемся к письму Воронцова, которое он спешно сочинял для императора. Решение департамента Сената, согласно которому осетины освободились от феодальной зависимости князей Мачабели, наместник находил «непонятным». Опасаясь, что оно останется неизменным, Воронцов сообщает о намерении князей Мачабели «просить высочайшего разрешения о пересмотре» «Заключения департамента Сената» «в общем собрании Сената». Он явно пытался оказать через императора давление на Сенат и добиться у него нового решения в пользу тавадов: «...князья Мачабели имеют полную надежду, что дело будет передано в общее собрание Сената и решено в их пользу», – писал наместник. Чтобы окончательно убедить Николая I в правоте своей позиции и доказать, что у князей Мачабели есть феодальные права на собственность в Осетии, Воронцов категорично утверждал, что «совершенно доказано по документам и по историческим фактам, что осетины, о которых идет спор, явно принадлежали по крепостному праву Мачабеловым». Вместе с тем наместник признавал, что осетины, «пользуясь неприступностью своих жилищ», «весьма редко... платили помещикам должные повинности», «беспрестанно более или менее бунтовали» «против помещиков». Не упустил и случая сказать – осетины «бунтовали» и «против правительства» России. На это был сделан особый акцент. Развивая его, Воронцов еще раз посвятил императора в события 1850 года, преподнося вторжение грузинских вооруженных сил в Южную Осетию как вызванное крупным антироссийским восстанием осетин. Воронцов также вспомнил, как в 1804 году потерпел поражение от осетин на Рокском перевале Рышкин полк. Этот факт для него был особенно важен, поскольку (вопреки мнению жандармского управления) им он оправдывал жестокие меры, предпринятые наместником в отношении местных жителей, направляя к ним вооруженные отряды грузин. Он не скрывал свою месть за уничтожение Рышкина полка – о ней наместник часто вспоминал, даже в такой день, как при вступлении в должность наместника Кавказа. Нарочитость освещения событий на Рокском перевале в 1850 году преследовала одну-единственную цель – показать грузинских тавадов как «усердных» и «верных» России и преподнести на этом фоне осетин в роли варваров, «склонных к разбоям». При этом ни разу Воронцов не вспомнил о грузинских царевичах и тавадах, на протяжении всей первой трети XIX века занятых антироссийской деятельностью не только в Грузии, но и на всем Кавказе, в Персии и Турции. В письме не нашлось места и для Осетии, которая, ведя непримиримую борьбу с грузинскими феодалами, постоянно подчеркивала свою верноподданность России и искала у нее военно-политической защиты.

Современники, хорошо знавшие Воронцова и многие годы работавшие с ним, называли его «генералом иезуитского ордена». Письмо его по поводу князей Мачабеловых и их притязаний было составлено по принципам, будто наместник действительно состоял в подобном ордена. Тем не менее стоит учесть, что наместник, старавшийся в эти недели не находиться в Тифлисе, постоянно состоял под ожесточенным давлением грузинских тавадов. В письме к императору он дважды указывает на то, как к нему обращались князья Мачабели, узнав о «губительном для них решении». Тавады приезжали к наместнику и в Боржоми, куда подался он, понимая, сколь непросто было вступать в дискуссию не только с департаментом Сената, но, в определенной мере, и с императором, первым предложившим освобождение

осетин от грузинских феодалов. Выдержать атаку последних, очевидно, было настолько непросто, что после боржомской встречи Воронцов, помня, к каким последствиям привела попытка вот так же лишить Эристави владельческих прав в Южной Осетии, писал Николаю I: «Я совершенно уверился, что законные права князей Мачабеловых совершенно неоспоримы и что они основаны, кроме глубокой давности, на ясных документах»... Несмотря на эту уверенность, Воронцов, в конце концов, был вынужден признать, что освобождением осетин от Мачабеловых последние, «хотя получают немного, но, по крайней мере, будут знать, что... отвыкнут от положения и теперешнего, и прежних лет, по которому они только насильственной мерой и вооруженною рукою получали какой-нибудь доход или вовсе никогда не получали».

Перейдя к конкретным предложениям по осетино-грузинскому противостоянию, Воронцов сформулировал три основных положения: «1. Заключить с князьями Мачабеловыми сделку, по которой взамен всех прав» в шести осетинских ущельях – Джавском, Урсджварском, Кешельтском, Зругском, Рукском и Кемультском «назначить им потомственный пансион в 6000 рублей серебром в год». В отличие от четвертого департамента Сената наместник подчеркнуто избегал признания за осетинами независимости. Эту сторону вопроса он освещал как освобождение от крепостного права; 2. Князья Мачабеловы получали в шести осетинских ущельях Южной Осетии право собственности на землю. В своей формулировке наместник вместо слова «получали» употреблял слово «остаются», подчеркивая тем самым, что и ранее Мачабеловы будто имели феодальную собственность на землю. На этих же землях осетинам разрешалось жить, но за пользование ими они были обязаны отдавать князьям десятую часть урожая; 3. «Затем прекратить все спорные дела князей Мачабеловых с помянутыми выше осетинами».

Судя по переписке, наместник знал, что 6 тысяч рублей, значительно превышавшие обычные доходы князей, выплачивали последним за счет повинностей, которые обязаны были нести осетины, становившиеся «казенными». Представленный Воронцовым проект, по которому осетинские крестьяне частью передавались в «казенные», вопрос о взаимоотношениях грузинских князей и осетинских крестьян сводил к политическому примитиву, согласно которому Мачабеловы получали пансион «взамен прав их на крепостное владение осетинами».

Точно таким же был проект Кавказского комитета, в виде «Предписания» направленный наместнику. На мнение Кавказского комитета отреагировал Николай I, спросив: «...нет ли еще и других родов (княжеских. – М. Б.), коим потребоваться может подобное же вознаграждение?» Уточним: на момент, когда обсуждалось дело Мачабеловых, «освобождение от крепостного права» уже состоялось для осетин, прикрепленных в свое время российскими властями к полковнику князю Авалову.

Постановление Сената

Воронцов, как и грузинские тавады, занимавшие высокие государственные должности, не сомневался, что общее собрание правительствующего Сената отменит решение четвертого департамента, принятого еще в январе 1851 года. Осенью 1852 года Сенат вернулся к слушанию «по делу осетин». Сенат подтвердил, что ранее, еще летом 1851 года, его расширенное заседание обсудило решение четвертого сенатского департамента и утвердило его в виде постановления. Его получили Тифлисская палата уголовного и гражданского суда и Горийский уездный суд, решения которых по поводу крепостной зависимости осетин от князей Мачабеловых были признаны неправомерными и подлежали отмене. 12 сентября 1852 года правительствующий Сенат вновь подтвердил предыдущую процедуру прохождения «дела об отыскании свободы» и отказа князьям Мачабеловым в домогательстве о признании крепостного права над осетинами». Одновременно было принято распоряжение о том, чтобы постановление Сената направить Горийскому уездному суду. Собственно,

Сенат своим постановлением ограничивал себя от более расширительного толкования правовых деталей, касавшихся отношений грузинских князей с осетинами, поскольку еще 8 июня 1852 года последовал указ Николая I, также не признававшего за князьями крепостного права над крестьянами. В указе императора, составленном на основе проекта Воронцова, были смягчены формулировки – так, чтобы учесть и позицию Сената. Этим объяснялось появление инструкции наместника, по которой на местные российские власти «возлагалось привести в исполнение высочайшее повеление об освобождении осетин 7 ущелий из зависимости князей Мачабеловых».

Суть российско-грузинской коллизии в Южной Осетии

Бесспорно, что обсуждение осетинского вопроса на Кавказе и в Петербурге и принятые решения, признававшие независимость осетин от крепостнических притязаний грузинских феодалов, имели важное политическое значение для Осетии. Они несколько приостановили упорное стремление грузинской знати к полному разделу югоосетинских обществ. Однако усилия российских властей были вызваны, конечно же, не заботой о социальном положении осетин, оказавшихся в тяжелом хозяйственном и дискриминационном социальном положении. Естественно, их не смущала и угроза грузинской агрессии, ставившая на карту вопрос о физическом существовании населения южных районов Осетии, примыкавших территориально к Грузии. Не было главным и другое – непокорность осетин грузинским тавадам и частые карательные экспедиции, дорого обходившиеся государству – т. е. причины, на которые ссылались официальные власти, в том числе император. «Невидимой», но более основательной причиной «освобождения» осетин – точнее, недопущения установления в Южной Осетии крепостничества – т. е. вполне, казалось бы, «нормального процесса» для России 50-х годов XIX века, являлось все еще хорошо просматриваемое расхождение между двумя разными формами феодализма – российского и отличного от него грузинского. Это было видно и при Александре I, в 1814 году не признавшем за князьями Эристави феодальных прав на осетин. Это в 30-е годы XIX века пытались исправить граф Паскевич и Николай I. Наконец, в 1850–1852 годах Николай I отстранил князей Мачабели, пытавшихся вместо русского крепостничества внедрить в Южной Осетии восточно-персидское. В Петербурге ясно понимали, что радикальные меры в отношении разбойного грузинского феодализма могут привести к новым политическим осложнениям между российскими властями и тавадами. Но здесь же отдавали себе отчет в том, что деспотический режим, который пытались установить Мачабеловы в Южной Осетии, по меньшей мере не являлся российским, а со временем мог стать и вовсе ...не относящимся к России. Замечательно, что главный защитник интересов тавадов – Воронцов эту особенность видел особенно четко. В инструкции, составленной для особой комиссии, которой поручалось «привести в исполнение» указ Николая I об освобождении осетин от князей Мачабеловых, объяснялись два вопроса: 1. «Должны ли они (осетины. – М. Б.) вносить князьям Мачабеловым десятую часть земских произведений за настоящий (1852 г.) год»? 2. «Должны ли они (осетины. – М. Б.) свозить десятую часть земских произведений князьям Мачабеловым на дом или же они (осетины. – М. Б.) обязаны будут вносить оную на месте»... Первый вопрос решался просто – осетины в течение года освобождались от внесения десятой части урожая Мачабеловым. Что касается второго, главного для Воронцова вопроса, то осетинские крестьяне не обязывались эту плату доставлять князьям на дом. Ее поручалось собирать для последних «при пособии местного начальника». Таким образом наместник думал окончательно развести осетинских крестьян и князей Мачабеловых, ликвидировав необходимость их непосредственного соприкосновения. Воронцов при этом ссылался на то, что из-за гористой местности осетинам трудно было бы доставлять Мачабеловым «десятую долю своего урожая». На самом деле он заботился о другом – об отрыве грузинских феодалов «от титула князя», в котором они привыкли видеть функцию сбора повинностей у

зависимых крестьян методами жестоких насилий.

Предварительные итоги освобождения Южной Осетии

Идея об освобождении осетин от засилья грузинских тавадов являлась для Петербурга давней и хорошо известной. Но новая ее реализация проводилась не по инерции. Скорее всего, она возникла в связи с той крупной карательной экспедицией, которую в 1850 году Воронцов направил в Южную Осетию под командованием генерала Андроникова. В том, как готовился проект, как он проходил через государственные учреждения, было видно и другое – спешка, в условиях которой вырабатывались отдельные положения указа об освобождении осетин, торопливость обсуждения различных «подходов» к вопросу сказались не только на урезанном характере императорского указа, но и на его недоработанности; некоторые положения, вошедшие в указ, в виде дополнений диктовались после, когда считалось, что указ уже издан. Так, вначале Мачабеловым было объявлено указом о назначении им пенсии в размере 6 тысяч рублей в год, а позже, когда выяснилось, что 1/10 часть урожая им будут вносить около 2000 крестьян, 1137 дворов, пенсию сократили до 5 тысяч. Недоработанность императорского указа и сама поспешность, с которой решался вопрос освобождения осетин, несомненно, были связаны с явным политическим акцентом, который приобрели для императора осетино-грузинские отношения. Очевидно, что верховную власть беспокоило не только несходство грузинского феодализма с российским, но и то, как дружно грузинские тавады собирались в военную организацию, с какой высокой активностью они обрушивались на Южную Осетию. Сравнительно легко сформировавшиеся национальные вооруженные силы Грузии, готовые к походам, не могли не насторожить Николая I в момент, когда европейские державы до предела обострили кавказскую проблематику и во всеуслышание заявили о вытеснении России из Закавказья. В Петербурге были уверены, что в войне за Кавказ европейские державы будут широко привлекать местные народы к антироссийскому фронту. Здесь, в Петербурге, не сомневались в том, на чьей стороне окажутся грузинские тавады и их вооруженные формирования, создававшиеся не без участия Воронцова. Со своей стороны, наместник, также учитывавший сложности политического положения Закавказья, придерживался иной позиции, – отдавая Южную Осетию на разграбление грузинским феодалам и обещая им новые в ней владения, он рассчитывал тем самым более прочно привязать грузинскую знать к России. Возможно, Николай I, которому Воронцов неоднократно излагал свою концепцию установления единства между Россией и Закавказьем, какое-то время верил в успех подобной идеи – не случайно император чутко реагировал на раздачу наместником дворянских титулов грузинским тавадам. В то же время обнаружилось, что Воронцов зашел слишком далеко, когда он открыл для князей и дворян новые возможности установления господства в Южной Осетии. На опасность такой политики императору указало жандармское управление, возглавлявшееся Орловым.

Что касается социальной сущности земельных отношений, созданных в 1845 и в 1852 годах, когда вначале грузинским тавадам отдавались владения в Южной Осетии, а затем осетин освободили от феодалов, признав за последними земельную собственность, то российские власти не очень-то приблизили грузинский феодализм к российскому. Задумав осетинских крестьян перевести в казенные и одновременно отдавая князьям Мачабели семь осетинских ущелий в собственность, Петербург не только не достигал желаемой цели – привести грузинский феодализм в соответствие с российским, но, напротив, отдалял один феодализм от другого. В столице видели только разбойность и агрессивность грузинского феодализма – эта особенность его, казалось, могла быть снята непризнанием за Мачабеловыми права на крепостничество. Но император, наделяя земельной собственностью в Южной Осетии и феодалов, и крестьян, не заметил, как отношения в Южной Осетии приобретали формы мульткадара – классические для Персии и Картли-Кахетинского валикета; мульткадары в Персии известны еще как яр-баб, предполагавший взимание

земельной ренты в виде 1/10 части урожая. Благодаря системе мульткадара император выступил в роли шаха, наделявшего Мачабели землями в Южной Осетии и водворявшего на этих землях государственных крестьян – осетин. Любопытно, что российские власти в 1904 году заговорили вслух о том, что указом Николая I и Мачабели, и осетины в Южной Осетии оказались в системе мульткадара, характерного для персидского феодализма. Только тогда стало известно, что фактическое возвращение к проперсидскому феодализму – «вместо того чтобы прекратить» столкновения между князьями Мачабели и осетинами – «еще более обострило их взаимные поземельные отношения и права обеих сторон». Конфликтная почва расширялась еще тем, что на восточную систему мульткадара наносилось российское законодательство, никогда подобной системы не реализовывавшее. В начале XX века российские администраторы обратили внимание, как «отсутствие в законе соответствующих указаний создало такое положение вещей, при котором помещики могут настаивать на сохранении за осетинами права на пользование только теми участками, которые обрабатывались ими до 1852 года; крестьяне же, в свою очередь, могут оправдывать всякий делаемый ими захват земли тем соображением, что в высочайшем повелении от 8 июня 1852 года не указано определенных норм крестьянского землепользования». Не было ясности особенно в том, на каком основании должны были осетины пользоваться общинными землями, подавляющее большинство которых составляли пастбища и леса. Из-за этих и многих других «пробелов», созданных решением императора, российские власти были вынуждены издавать различные распоряжения, частично решавшие отдельные спорные вопросы, возникавшие между князьями и осетинским населением. Тот же Воронцов, например, в 1853 году направил тифлисскому военному губернатору предписание о разрешении осетинам рубки леса с согласия помещиков. Несмотря на все сугубо практическое несовершенство указа Николая I от 1852 года, не снимавшего остроту социальных отношений в Южной Осетии, для осетинских обществ, как и для самого императора, его издание имело важное политическое значение. Сама по себе земельная собственность в Южной Осетии, предоставленная Николаем I князьям, и назначенная пенсия ставили Мачабеловых – и не только их – в жесткую зависимость от Петербурга. В то же время Южная Осетия для российских властей становилась важным политическим полем, благодаря которому российское правительство могло не только влиять на непосредственных участников феодальной экспансии в Южную Осетию, но и оказывать политическое давление и на другую часть грузинской знати, периодически увлекавшейся феодальной фрондой.

Южная Осетия накануне реформы

В начале 50-х годов XIX века в югоосетинских обществах наблюдался некоторый спад освободительного движения. Он не был связан с указом Николая I, от которого осетины ожидали главного – освобождения Южной Осетии от грузинских феодалов как от чужестранцев. Сказалось другое – ослабление лидировавшей части освободительного движения, а также разрушение хозяйственной жизни, ставшее результатом карательной экспедиции 1850 года. Напомним, что грузинские отряды военные действия вели во всех жизненно важных районах Южной Осетии, а не только во «владениях» князей Мачабеловых, как об этом доносил Андроников. После погрома значительное время местные жители, во время боев бежавшие в горы, опасались возвращаться в свои села из-за продолжавшихся арестов и насилий, чинившихся грузинскими отрядами. Властям удалось завербовать шестерых осетин, участвовавших в движении сопротивления, но согласившихся выдать главных лидеров освободительной борьбы. Благодаря им аресты шли адресно и ежедневно. В течение короткого времени было арестовано 47 человек, возглавлявших в разных селах силы сопротивления. Судя по арестованным, география участников вооруженной борьбы с грузинскими отрядами была широкой – встречались среди задержанных и лица из Северной Осетии. Из Архонской станицы Северной Осетии были доставлены в тифлискую тюрьму

три осетинских семьи. Два организатора сопротивления – Реваз Басиев и Чичо Демеев были арестованы как «главные зачинщики восстания» и приговорены сначала к смертной казни, а затем, когда наместник изменил наказание, к ссылке «бессрочно» на «каторжные работы». Судили арестованных не только за вооруженное сопротивление грузинским отрядам, но и по подозрению. Так, крестьянин Додошвили, задержанный по подозрению в убийстве князя Эристави, был осужден на два года тюремного заключения, несмотря на то, что суд не смог доказать его причастность к убийству. Представители Томаевых, участвовавшие в боях за Рокский перевал, ушли в горы с намерением продолжать борьбу. По устным преданиям, Махамат Томаев охотился на чиновников, издевавшихся над местным населением. Его боялись и днем и ночью. Он был признан «главным виновником происшедших в 1850 году в Осетии бунта и беспорядков».

Осенью 1850 года Томаевы – Махамат, Тасолтан, Ибака, Чобака обратились к Воронцову с «Прошением», в котором объясняли причины своей вооруженной борьбы с князьями Мачабеловыми. Ссылаясь на свое дворянское происхождение, а также на роль в распространении в Осетии православного христианства, они указывали, что в свое время покорились состоять «во всем в повиновении» только «одному русскому правительству». Между тем, жаловались они, «не знаем, с какого powodu» дворяне Мачабеловы «начали требовать от нас подати, но мы, как имевшие такое же происхождение, как эта фамилия, отказались от платежа податей». Феодалные притязания грузинских дворян Томаевы приняли за оскорбление и заявляли: «...мы никогда не решимся платить им подати, да не за что, и нет таких правил».. В этом аргументе – «нет таких правил» – особенно ясно просматривалась чуждость для осетинского феодального общества господствовавшей в Грузии социальной системы с ее агрессивными устремлениями. Отсюда, собственно, проистекала столь явная несовместимость двух разных общественных субстанций и социальное отторжение грузинского феодализма. Не стоит, однако, воспринимать, что югоосетинским обществам не был знаком феодализм или же им была неизвестна государственная система господства и подчинения. В грузинской историографии в тех редких случаях, когда авторы касаются проблем истории Осетии, нарочито подчеркивается отсталость общественных отношений у осетин. В этой связи продолжим цитирование Томаевых, имевших свое собственное мнение о варварстве. Обращаясь к наместнику Воронцову, навязывавшему осетинским обществам не разделявшиеся, в принципе, им самим устои грузинского феодализма, Томаевы подчеркивали: «...если угодно будет возложить на нас подать русским правительством, то мы во всякое время готовы на то, даже до последней капли крови, но только не фамилии Мачабеловых». Подобные заявления были не редкостью не только со стороны осетинской знати, но и крестьян. У Томаевых, писавших о военных событиях на Рокском перевале, где действовал русский отряд Золотарева, была своя политическая оценка. «Через несколько же времени был направлен на нас отряд, и мы, полагая, что таковой отряд направлен на нас никем другим, а Мачабеловыми, приняли на себя смелость в защите себя произвести выстрелы». Просьба Томаевых к российским властям сводилась к двум пунктам – помилование и разрешение на переселение из Южной Осетии в Куртатинское ущелье, расположенное в Северной Осетии. Воронцов, придававший важное значение Рокскому перевалу, не возражал против такого переселения. На «милость» наместника не мог рассчитывать Махамат Томаев – слишком легендарным он стал после событий 1850 года. Ему, как прапорщику русской армии, грозил военный трибунал. К тому же он являлся главой освободительного движения, наиболее последовательным борцом против грузинской агрессии и феодального засилья. После поражения 1850 года Махамат Томаев перебрался из Рачинского ущелья в Дигорское общество, расположенное в Северной Осетии. Здесь он находился около трех месяцев, затем, опасаясь ареста, перешел в Чечню, входившую тогда в имамат Шамиля. Чеченские мюриды требовали от него отказаться от христианства и принять ислам. Не согласившись на перемену религии, Махамат со своими товарищами вернулся в Южную Осетию, в районе Рукского перевала жил в лесу. Вскоре он добровольно вышел из укрытия и явился к полковнику Казбеку, начальнику Горского

участка, сдавшему его властям.

Как руководитель освободительного движения, он решением суда был признан «главным виновником» восстания. Сам Махамат Томаев признавал себя «виновником» и свое «преступление» объяснял так: «...увлекся в это преступление по просьбе всех осетин защищать их». Его судили вначале в Тифлисе, а затем во Владикавказе; согласно судебному решению от 27 октября 1851 года он был сослан в Тамбовскую губернию.

Организовав вместе с генералом Андрониковым одну из значительных вооруженных провокаций, Воронцов в угоду грузинским тавадам учинил жестокую расправу над «бунтовщиками Осетии». Беззаконие, творившееся им в осетинских обществах, впрочем не только в осетинских, входило в его политическую философию, которую он утвердил на Кавказе. По собственному признанию Воронцова: «Если бы здесь (на Кавказе. – М. Б.) было нужно исполнение закона, то государь не меня бы прислал сюда, а свод законов». Аресты и суды, охота на участников движения сопротивления имели у наместника четкую направленность. Несостоявшуюся раздачу грузинским дворянам югоосетинских земель Воронцов как бы пытался восполнить в угоду тавадам массовыми наказаниями осетин. Стоит обратить внимание на то, что после событий 1850 года, в особенности после проигрыша дела Мачабеловых, наместник действовал в Южной Осетии одними силовыми методами. Одновременно усилились его «политические игры» с грузинской знатью. В роскошном дворце в центре Тифлиса, где жил Воронцов, участились приемы, устраивавшиеся для грузинских тавадов. Приемы, как правило, не обходились без взаимных восторгов и откровенной лести. На одном из этих приемов Воронцов сделал важное заявление, раскрывавшее квинтэссенцию его политического кредо. «Эта маленькая Грузия, – говорил он, – станет со временем самым прекрасным, самым прочным золотым шитьем на многоцветной ткани великой России». Так публично грузинской общественности внушалась идея исключительности Грузии и грузинского народа. Конечно же, Воронцов не был основоположником этой понравившейся ему идеологии, но за ним следует признать выдающийся вклад в ее развитие. Наместник не случайно озвучил идею о процветании и «золотом шитье» – Грузия его времени по сравнению с той, которую можно было наблюдать накануне ее присоединения к России, становилась страной, вполне благополучной. Понимало ли грузинское дворянство, которое больше всего пользовалось благами не только России, но и Кавказа, свое особое положение в Российской империи? Несомненно! В одном из своих заявлений грузинские дворяне середины XIX века отмечали: «...Не проходит дня, чтобы каждый из нас не видел доказательства высокой об нас попечительности русского нашего государя; не проходит дня, чтобы для благосостояния нашего не проливалась кровь русских»... На почве, насаждаемой российскими главнокомандующими и главноуправляющими, а позже – наместниками, восседавшими в Тифлисе, идеология исключительности выращивала в Грузии сословие, паразитировавшее на живом теле грузинского и осетинского крестьянства, консервировавшее восточные методы деспотизма, ксенофобии и политического цинизма.

В начале наших очерков мы привели описанный в рассказе Сека Гадиева случай, как грузинский эристав заставлял осетинскую женщину-мать вскармливать грудью щенка. В одном из документов 1853 года, извлеченных осетинским историком И.Н. Цховребовым в историческом архиве Грузии, содержится свидетельство о том, как пятеро мужчин из Южной Осетии в 1849 году отправились в Тифлис, чтобы повидаться со своими женами, находившимися здесь у богатых грузинских дворян в роли женщин-кормилиц. Не делая широких выводов, можно, однако, сказать, что этот факт вполне отражает положение, в котором Южная Осетия оказалась в середине XIX века. Дискриминация, приведшая осетинских женщин в Тифлис, выражалась не только в том, какие виды работ приходилось женщинам-осетинкам выполнять, чтобы спастись от нищеты. Она происходила и из национальной принадлежности. Те же приехавшие к женщинам мужья-осетины, считавшиеся крестьянами князя Георгия Эристави, были арестованы, обвинены в мелкой краже и судимы – каждого из них наказали 50 ударами. Осетинам не разрешалось ездить не

только в Тифлис, но и в Гори, хотя Осетинский округ относился к Горийскому уезду.

В то же время российские администраторы и грузинские дворяне смотрели на Южную Осетию как на незащищенную окраину Осетии и пользовались ею, как «заблудшим краем», в любых видах. Традиционно грузинские тавады стремились пожить продуктами земледелия, скотоводства и скромными денежными средствами Южной Осетии.

Предав забвению унижения и защищая Россию...

С древних времен грузины, зная об особом воинском даре осетин, широко пользовались услугами Осетии; правда, если осетины одерживали победу, участвуя в грузинской войне, то победы приписывали только самим грузинам, решительно избегая упоминания об осетинах. Эту традицию блестяще и иронично выразил великий футбольный комментатор Котэ Махарадзе: «Если Заур Калоев из Южной Осетии, форвард футбольной команды „Динамо“, головой забивал гол, – вспоминал Махарадзе, – то грузинские газеты на другой день обычно писали: Метревели прошел по краю, подал мяч на ворота, „мяч отскочил от головы Калоева и неожиданно оказался в воротах“.

В августе 1853 года, когда перед открытием военных действий в Крымской войне Россия разорвала дипломатические отношения с Турцией, российские войска стали частично выводиться из внутреннего Кавказа и стягиваться к восточному берегу Черного моря. В связи с этим оголилась тогда Восточная Грузия – ее границы по Алазанской долине с Дагестаном; горная часть Дагестана входила в основном в состав государства Шамиля. Сама Крымская война, да еще отвод войск из района Алазани фактически не оставляли сомнений в возможном походе в Кахетию мюридов имама Шамиля. На этом участке Алазани предводителем Сигнахского дворянства и начальником Алазанской линии был генерал Андроников; в грузинской историографии он сльвет одним из самых «храбрых полководцев». Не будем подвергать сомнению эту оценку грузинского генерала, но заметим: он не верил в воинские способности грузин Восточной Грузии. В конце августа, опасаясь нашествия Шамиля, Андроников направил секретное письмо в Главный штаб Отдельного Кавказского корпуса, в котором сообщал, что им в Осетинском округе, состоящем из Южной Осетии, сформирован осетинский конный отряд численностью в 400 всадников. Из них 200 всадников он направил «на турецкую границу», а еще 200 всадников – в отряд российских войск, охранявший границу на Алазанской долине. Вместе с двумя сотнями осетинских всадников Андроников сформировал отряд численностью в 2500 человек. В него вошли в основном горцы – сваны, тушины, хевсуры, чеченцы, ингуши и из дагестанского анклава, еще в XVIII веке образовавшегося на Алазанской долине. Несомненно, осетины были вправе поступить так же, как поступало большинство грузин – не участвовать в войсковых операциях российских войск; на это у них было немало оснований. Но нищета и природная воинская доблесть куда только не гнала южных осетин. Одно участие в войне могло обещать материальный достаток, что же до земледелия и скотоводства, то потраченные на них усилия доставались грузинским разбойным феодалам. В то время командир сотни получал в месяц 25 рублей серебром. Им мог быть каждый второй осетин. Но эта должность не доверялась осетинам, ее отдавали грузину, чтобы присвоить очередное воинское звание. Помощник командира имел 20 рублей, урядник – 5 рублей, рядовой – 3 рубля, вьючник – 1 рубль 50 копеек серебром. При ценах того времени, когда взрослый баран стоил 15 копеек, это были немалые деньги. Кроме денежного вознаграждения каждый военнотружаший ставился на продовольственное довольствие. Любопытно, что объявление о воинской мобилизации осетин (мобилизация «без народной огласки») предполагало призыв «поголовно жителей» Южной Осетии. Спрос на сформированные два осетинских конных отряда был велик. Наместник Воронцов, на дух не переносивший осетин, торопил осетинского окружного начальника скорее переслать осетинский конный отряд «для усиления военных способностей на границе нашей с Турцией». С другой стороны бил тревогу генерал Андроников, требуя от

осетинского окружного начальника выслать ему конных и пеших осетин, «сколько возможность позволит», и прислать их «немедленно».

Автор настоящих строк понимает, сколь непродуктивны поиски в истории нравственности. Вместе с тем ясно и другое – текущая жизнь, в которой мы находимся, слишком много скрывает от нас аморальности, дремучей низости. Лишь история полно раскрывает нам нашу человеческую несостоятельность перед нравственными нормами, которые мы вслух провозглашаем. Еще недавно генералы Воронцов и Андроников размышляли о том, как истребить осетин или же нанести им больше «имущественного и морального» урона. И вот Турция... с войной, и понадобились все осетины «поголовно». Такова судьба малых народов – то нужных как «объект» для истребления, то «важных» в военно-политических играх держав и даже не держав...

Генерал Андроников, мечтавший о физическом уничтожении осетин, с Сурамского перевала срочно требовал у Тифлисского военного губернатора «поспешить немедленным сбором конвоя и пешей осетинской милиции». Он с тревогой просил «следовать форсированным маршем и кратчайшим путем в Сурам». Андроников, намереваясь безжалостно разрушавший дома и сжигавший имущество осетин, писал военному губернатору, чтобы он позаботился, чтобы осетины «были хорошо вооружены, тепло одеты», потому что они «известны своею храбростью и удалством». Письмо Андроникова и предписание военного губернатора в Осетинский округ поступили 6 ноября 1853 года. 8 ноября, т. е. через два дня, начальник округа отправил из Джавского участка Южной Осетии на турецкий фронт 300 осетинских добровольцев, из них 30 всадников для конвойной службы. 14 ноября три сотни осетинской сводно-пешей дружины сразились с турками под Ахалцихом. По ведомости, среди участников этого сражения осетин было 306 человек. Что же до самого сражения, лучше всего воспользоваться отзывом о нем самого Андроникова: «Вообще это славное дело, – писал грузинский генерал, – я должен причислить к одному из необычайных и, можно сказать, неслыханных подвигов». Вспомним, как трусливо, с какими оглядками и паузами тот же Андроников с огромной для карательной экспедиции воинской армадой двигался к Южной Осетии, опасаясь, что даже небольшие югоосетинские отряды справятся с грузинскими регулярными формированиями. Тогда сложную для Андроникова ситуацию спас русский отряд Золотарева; уместно напомнить и другое – слова Махамата Томаева, объяснявшего, что на Рокском перевале во время сражения, когда обнаружили, что они воюют с русским отрядом, перестали стрелять. Осетины Южной Осетии неохотно вели бои, когда против них направлялись карательные экспедиции, состоявшие из российских войск. Между тем только в составе российских войск грузинские отряды могли вторгаться в Южную Осетию, сами же грузинские князья обычно опасались вступить в вооруженное противостояние.

После сражения под Ахалцихом осетинский отряд пополнился 50 пешими и 80 конными воинами. Пополнение отряда шло и позже. Всего к 20 ноября осетинский отряд насчитывал 800 охотников. Однако поражение турков было столь внушительным, что не было смысла из-за «недостатка провианта» держать осетинский отряд на этом участке фронта. Андроников писал начальнику штаба, что, «пользуясь решительными и блистательными успехами отряда», он отпустил 300 воинов осетин, которые нужны были на Алазанской военной линии. Но гром победы под Ахалцихом, где осетины, еще недавно на языке русских и грузинских администраторов называвшиеся одним только словом «варвары», играли ключевую роль, дошел и до Петербурга. Николай I расщедрился и «соизволил пожаловать нижним чинам» осетинского боевого отряда, «бывшим в сражении против турок 14 ноября 1853 года при Ахалцихе, по два рубля серебром на человека». Двое командиров осетинского отряда – поручик Хетагуров и подпоручик Натиев, также отличившиеся под Ахалцихом, были удостоены грамот, орденов Святого Владимира 4-й степени с бантом и «единовременных по помянутому ордену денег по пятнадцать рублей на каждого». Военные ордена получили также юнкера Симон Кумаритов и Батраз Чочиев.

После летнего похода Шамяля в Кахетию и серьезного поражения здесь грузинской

милиции и разграбления жителей Алазанской долины сюда, в Кахетию, были переброшены осетинский, абхазский, имеретинский и тушинский боевые отряды. Накануне они были в районе рек Чолока, Легви и нанесли сокрушительное поражение турецкому корпусу. Турки потеряли здесь более четырех тысяч солдат – территория Чолока и Легви была усеяна телами турок. Но именно в этот момент Шамиль совершил нашествие на Кахетию, поставившее Восточную Грузию на колени. Отряды горцев, в том числе усиленный отряд осетин, расположились на Алазанской долине лагерем. Интернациональная дружина горцев, как сообщала газета «Кавказ», дала местным «жителям возможность убрать покосы, снять хлеба, виноград и произвести пригособительные к будущему году полевые работы». Это было время, когда горцы Большого Кавказа стали воспринимать Россию как свою державу и были готовы сражаться за ее независимость. Горцы особой породы народ. Обиды держат долго. Они их забывают только тогда, когда к ним обращаются за помощью; осетины, сваны, чеченцы, ингуши, хевсуры, тушинцы, абхазы, черкесы, балкарцы, кабардинцы – народы, благодаря которым грузины устояли перед опасностью физического уничтожения. И это несмотря на то, что каждый раз, когда грузинские княжества оказывались в относительной безопасности, тавады агрессивно устремлялись с феодальными амбициями на своих соседей. Но в тот тяжелый момент, когда Грузии вновь угрожала Турция и ее европейские союзники, горцы дружно выступили в защиту грузинского народа. В связи с этим, чтобы читатель лучше представил эпоху и горцев, расположившихся в Алазанской долине с миротворческой миссией, став между Грузией, с одной стороны, и «разбушевавшимся» Дагестаном – с другой, стоит привести отрывок из сообщения той же газеты «Кавказ» за 1854 год. Поясним: поздней осенью 1854 года, когда в горах выпал снег и опасность вторжения со стороны Дагестана миновала, интернациональный отряд, дислоцировавшийся на Алазани, временно был распущен по домам. В честь этого «Последовал обед... тосты следовали за тостами, „ура“ не умолкало, заглушая звуки зурны известного Алексея, музыканта-воина... После обеда началась лезгинка и пляски всевозможных видов: грузинская, кахетинская, имеретинская, абхазская, осетинская, чисто горская лезгинка поодиночке сменялась туземными на все лады хороводами... Наконец все слилось в общую неслыханного размера лезгинку. Вместе, в одно время пустились плясать до семисот человек, каждый по-своему, и, стараясь, друг перед другом выделять ногами самые замысловатые штуки. Картина была самая поразительная; ее представить себе может лишь тот, кто знает, как разнообразны на Кавказе костюмы, наречия, лица, обычаи и характер племен, населяющих этот край».

Но поистине грандиозным и необычайно впечатляющим был праздник горских дружин, вместе с российскими войсками опрокинувших турецкие войска в Чолокской битве и в честь этой победы собравшихся в Тифлисе. Об этом празднике также писала газета «Кавказ». Приведем из нее еще один пассаж. «Одни кушанья следовали за другими. Пир делался шумнее и шумнее. Глиняные кувшины чаще и чаще принимали горизонтальное положение, обращаясь к жаждущим устам. Зурна и песни вошли в свои права. Через полчаса над всей этой пирующей толпой, каким-то густым, хаотическим и неумолкаемым аккордом стояли в воздухе слившиеся во что-то смутное, но не лишенное своей приятности звуки голосов и туземных инструментов. Влияние этих звуков опьяняло больше чем вино, наконец, в рядах дружины оказалось движение. Лихие и развеселившиеся плясуны выходили по одиночке на площадку перед палаткой и с особенным воодушевлением плясали – каждый свой национальный танец, при одобрениях и хлопанье в ладоши всех зрителей. Но вот в стороне осетинской сотни образовался какой-то хоровод. Осетинские плясуны, со своими красновыми шапками, стали в кружок, схватились руками и начали медленно кружиться в такт собственной песни. Ко всеобщему изумлению, на плечах этих молодцов утвердился другой этаж хоровода. Зрелище (осетинский танец „нартовский симд“. – М. Б.) было поистине удивительное и редкое. Для такого осетинского хоровода нужна была акробатическая сила и ловкость, и, между тем, все это проделывали отнюдь не акробаты, а одаренные от природы изумительною ловкостью сыны Кавказских гор».

У нас нет прямых свидетельств, передающих политический аспект праздничной

идеологии горцев, столь бурно проявлявших свои эмоции после битвы на берегу реки Чолока и своей миротворческой миссии, с которой горцы расположились в Алазанской долине. Но нет сомнения, что главным моментом их яростной отваги в боях под Ахалцихом, Чолоком и столь же искренней радости, которую испытывали горцы на пирах в Алазани и Тифлисе, было проявление высокой духовной нравственности, основанной на традиционных ценностях, без которых горцы не могли бы выжить в крайне суровых условиях Большого Кавказа. Горцы могли совершить набег, угнать скот, захватить сельскохозяйственные продукты, чтобы спасти свои семьи, но они никогда не позволяли себе войн с соседями. Ни один из малых народов Большого Кавказа не согласился бы обратиться к российскому командованию, просить у него войска, чтобы совершить карательную экспедицию с целью разрушений, пожаров, истребления урожая и имущества людей во имя деспотизма и феодального разбоя. По двум нами приведенным описаниям, горцы – истинные рыцари, беспощадные с врагом, великодушные к соседу, вечно помогающемуся со своим варварским феодализмом. На этих пиршествах есть грузины и с ними горцы, но не видно тавадов, явно вновь не знающих, к какой из воюющих сторон примкнуть – к России или к Турции, Франции или Англии. Впрочем, отдельным тавадам не пришлось долго размышлять – они оказались по ту сторону баррикад и с воодушевлением помогали Турции и ее союзникам.

Но вернемся к продолжавшейся до 1856 года русско-турецкой войне, в которой до ее окончания участвовала юго-осетинская дружина. Любопытные данные: ведомость, составленная начальником осетинской дружины, зафиксировала сражения, в которых участвовали воины из Южной Осетии. Сведения относятся к 1853 году. 25 октября 1853 года бой с турками на Джагисманском участке; сражение продолжалось 28, 29 октября. В нем участвовало на передовой 348 осетинских воинов, 30 октября в этом же числе они провели сражение у Ахалциха. Начальник осетинской дружины вел точный учет патронов. Всего в указанных боях было произведено осетинскими стрелками 14 680 выстрелов. Командир объяснял: «Значительный расход патронов оттого: а) что последние три сотни, – т. 2, 3 и 4 осетинской конной милиции имели сильную продолжительную перестрелку с турками 30 октября прошлого 1853 года у моста при г. Ахалцихе, каковой мост неприятель домогался отнять; и б) что в числе выпущенных патронов показаны и пропавшие патроны с убитыми». Стоит сказать о погибших осетинах. Несмотря на тяжелые бои и на большие потери турецкой армии, из рядов осетинской дружины погибло всего 10 воинов. Николай I отдельным указом выделил денежные пособия семьям осетин, погибших на турецком фронте в 1853 году. Размер пособия зависел от численности и состава семьи погибшего, сумма пособия составляла от 30 до 60 рублей серебром. Это была серьезная материальная помощь. Вскоре появились и высокие награды Петербурга. Одними из первых золотую медаль «За храбрость» получили шестеро осетинских героев: Мириман Джиоев, Бега Кокоев, Гача Санакоев (золотая медаль с надписью «За храбрость» для ношения в петлице), Михаил Шавлохов, Худа Абаев, Иван Беридиев; первые четверо из них были удостоены звания юнкера. Военный орден был вручен также Чочиеву Батразу; серебряные медали Парсо Кукиеву и Бидару Тедееву и троим – Иораму, Малхазу, Ако из фамилии Хетагуровых. Особенно много награжденных осетин было в 1855 году. Парса Санакоев удостоился золотой медали «За храбрость», 24 воина получили серебряные медали «За храбрость» и воинские звания. Награды поступали и позднее. При главнокомандующем Н.Н. Муравьеве-Карском были сформированы новые воинские силы из Осетии. По ходатайству старейшин из фамилии Хетагуровых и с согласия главнокомандующего вместо новой «собранный с Осетинского округа – для войск противу турок конной сотни сформировать эту сотню в настоящем году из одной только фамилии Хетагуровых» «без всякого со стороны кого-либо». Эта конная сотня к 20 мая 1856 года прибыла в Ардаган.

После Крымской войны воинский престиж осетин стал настолько высок, что спрос на их участие в военных операциях был необычайным. Появились военные чиновники, жаждавшие боевой славы и воинских званий и использовавшие осетин в своих узкоэгоистических целях. Наиболее откровенно этим занимались грузинские генералы,

настойчиво пополнявшие осетинскими всадниками «грузинскую дружину». По Южной Осетии разъезжали «агенты», составлявшие списки молодых людей, а затем их забирали в «грузинскую дружину». Приведем лишь один образец предписания о мобилизации осетин, поступивший осетинскому участковому заседателю от горийского уездного начальника: «Вследствие сего прошу Ваше благородие, – предписывалось участковому, – непременно в день получения сего, собрав из вверенного Вам участка тридцать человек милиционеров, доставить ко мне в г. Гори в 24 часа при именном списке вместе с раскладкою, учиненною Вами на этом предмете, в противном случае виновный не в своевременном исполнении сего поручения будет подвергнут строгому по закону наказанию, при этом вменяю Вам в обязанность, чтобы милиционеры были хорошего поведения, здорового телосложения, имели приличную одежду и исправное оружие». Подобные предписания, от которых отдавало грузинским господством, были постоянны. Во многом они объяснялись еще и тем, что так называемая Грузинская дружина только по названию была грузинской, на самом деле в гораздо большей степени она была горской, состоявшей из представителей горских народов. Чтобы скрыть это от российского командования, фамилии всех осетин, поступавших на военную службу, записывались на грузинский лад. Ежемесячные призывы новобранцев объяснялись также высоким процентом дезертирства – из грузинской дружины убегали и грузины, и осетины, и другие горцы, не желавшие служить в новом формировании, где грузинское командное засилье вызывало у горцев адекватную реакцию.

Административные перемены в Осетии

Петербургские чиновники, занимавшиеся Кавказом, неплохо разбирались не только в географии Кавказского края, но и недурно представляли себе его этническую карту. В этом была немалая заслуга Николая I, до деталей (нередко до пешеходных тропинок) интересовавшегося отдельными районами обширного края. Немалое внимание уделялось административному устройству региона. В его основе лежал единый территориальный принцип административного размещения народов. Впервые на Кавказе, где каждый народ имел свои собственные традиции и духовную культуру, усилиями российского правительства этническая карта была подвергнута коренной административной перекройке. При этом концепция такой перекройки заключалась в жесткой подчиненности всей схемы управления двум важным элементам: а) централизации административной власти; б) реализация самодержавности управления. Эти два важных для Петербурга элемента решительно отменяли целостность этносов, их языков и культур, не считаясь и с таким важным условием, как целостность территории, являвшейся важнейшим фактором жизнеобеспечения народа. В те времена, естественно, не задумывались о том, к каким тяжелым последствиям приведет территориальный принцип административного устройства, столь мало подходивший для слишком уникального края, каким, несомненно, является Кавказ.

Как и в других районах Кавказа, административный раздел Осетии, представлявшей собой страну с единым этнокультурным организмом, произошел в начале XIX века. Последний раз к углублению раздела вернулись в 1842 году, когда российские главнокомандующие Головин и Нейдгардт образовали три уезда – Телавский, Тифлисский и Горийский. Тогда же из горских народов образовали три округа – Тушино-Пшаво-Хевсурский, Горский и Осетинский. Южные районы Осетии таким образом вошли в Горский и Осетинский округа. Каждый округ имел своего начальника «с канцеляриею и помощниками». При этом начальник Горского округа имел титул «главного начальника» – ему подчинялись начальники Тушино-Пшаво-Хевсурского и Осетинского округов. Однако такое подчинение было недолгим. В 1858 году в связи с преобразованием Отдельного Кавказского корпуса в Кавказскую армию из северных районов Осетии был сформирован Военно-Осетинский округ, вошедший в состав Левого крыла Кавказской

линии. Что касается южных районов Осетии, в свое время составлявших Осетинский округ, то в 1859 году главнокомандующий и наместник Барятинский вывел из его состава Нарский участок, «как расположенный ближе к Владикавказу и во всякое время года свободное сообщение» имевший с Северным Кавказом. В решении Барятинского подчеркивалось также, что Нарский участок «во всех его частях» выводился из состава Тифлисской губернии. Необходимо отметить, что о таком административном размещении часто просили представители Нарского общества; в особенности эти обращения участились, когда грузинская феодальная экспансия достигла этого общества. Присоединяя Нарский участок к Военно-Осетинскому округу, входившему в Левое крыло Кавказской линии, наместник не оставлял никаких более шансов грузинским тавадам в их феодальных притязаниях в Нарском обществе. То же самое решение Барятинский принял в отношении Мамисонского ущелья – одного из важных районов Центральной Осетии, с 1847 года отнесенного к Рачинскому уезду Кутаисской губернии. По оценке наместника, «по нахождению» Мамисонского ущелья «на северном скате гор и с Осетиею вполне соединенное местностью, нравами и обычаями жителей», Мамисонское общество было «отчислено» из Кутаисской губернии и присоединено к Военно-Осетинскому округу. Барятинский принял еще одно важное решение – вывел из Горского округа юго-восточную часть Осетии и, определив ее как Осетинский участок, передал в Осетинский округ, входивший в Горийский уезд. Небольшая территория на юго-западе продолжала входить в Рачинский уезд. Таким образом Осетия благодаря наместнику несколько консолидировалась – в основном в рамках двух округов. Вне этих округов не оставалось и Дигорское общество, ранее входившее в Кабардинский округ. Едва заметное ослабление Осетинского округа на юге вполне компенсировалось понятным политическим усилением Военно-Осетинского округа на севере. Разумеется, географический разрыв двух осетинских округов по Главному Кавказскому хребту лишь усугублялся разрывом административным, заново очерченным наместником Барятинским.

Крестьянская реформа в Южной Осетии

К концу 50-х годов XIX века отношения между осетинским крестьянством и грузинскими феодалами продолжали развиваться довольно сложно. Их накаляли процессы, характерные для грузинского феодализма, углублявшиеся внутри грузинских обществ и стремившиеся расширяться за пределы собственной этнической территории. Наступление грузинского феодализма обретало новые методы и формы. Так, часто использовались судебные иски к отдельным лицам или группам осетинских крестьян, которых обвиняли в различных незаконных деяниях, а затем решением суда ставили в определенную зависимость. К такому разряду дел можно отнести суд «об осетине Ревазе Хасишвили», обвинявшемся в убийстве князя Давида Херхеулидзе. По этому делу разворачивался широкий сценарий, была задействована целая группа крестьян, на которых претендовали князья Мачабели. Поднимались также старые дела «неповиновения» помещикам и скрупулезно велось расследование крестьянских дел, по тем или иным причинам оказавшихся предметом судебных обсуждений. Таким было дело крестьян Пухаевых. Оно рассматривалось в военном суде при Тифлисском ордонансгаузе. В нем поднимались малозначащие эпизоды, относящиеся к 1840, 1844, 1845 и другим годам. Смысл же судебного нажима на Пухаевых заключался только в том, что с 1853 года представители этой фамилии решительно отказывались платить повинности князьям Эристави. Своеобразный террор как инструмент установления своего феодального господства хорошо раскрывается в направленном наместнику весной 1863 года рапорте гражданского губернатора о неповиновении осетинских крестьян помещикам. В нем речь шла главным образом о жалобе князя Григория Эристави на осетин, отказавшихся «от исполнения» якобы «добровольно принятого ими на себя обязательства и о неповиновении крестьянами при этом

обнаруженном». По этому делу стало очевидным, что ранее свободные крестьяне-общинники вынуждены были «добровольно» обещать нести князю повинности. Тот же гражданский губернатор подчеркивал, что в Осетинском округе Горийского уезда «отношения крестьян к помещикам сложились при исключительных условиях, несходных с таковыми в других уездах существующими». Гражданский губернатор не раскрывал «исключительности условий», создавшихся для осетин в Горийском уезде. Они становятся более ясными благодаря документам, опубликованным в сборнике «Грузия в период буржуазных реформ» (т. I, ч. I. 1862–1866). Одно из этих «условий» на самом деле заключалось в том, что распространение грузинского феодализма в Южной Осетии имело четкие черты национального гнета. Мы уже указывали, как по-разному складывались феодальные повинности в разных районах Грузии. Российские и грузинские власти объясняли это различием «местностей». Однако подобная градация повинностей существовала для грузин и осетин и внутри Осетинского округа, например, в Ксанском участке, где грузинские селения имели «одну и ту же характеристику с местностью, занимаемой осетинами». Только в 1864 году стали высказываться вслух мысли о необходимости в Осетинском округе «установить повинности и в том же размере, какие определены в общем для всей губернии местного положения, за исключением повинностей за пастбищные и лесные угодья».

После крестьянской реформы 1861 года Закавказье оставалось единственным районом в России, где еще сохранялось крепостничество. Петербург проявлял осторожность с реформой в Грузии, зная политическую ненадежность местного дворянства; З.Н. Ванеев подчеркивал особую реакционность грузинских феодалов. Впрочем, понять эту особенность социальной жизни Грузии было несложно – варварские формы феодализма, основанные на деспотических режимах, обычно имеют тенденции к глубокому консерватизму. Учитывая это, крестьянская реформа в Грузии проводилась в два этапа, вначале в Тифлисской губернии, затем в Кутаисской. Однако подготовительная работа началась заранее. Разрабатывались различные проекты, которые учитывали бы прежде всего специфику грузинского феодализма. В число особенностей входили также феодальные отношения, сложившиеся в результате экспансивного развития феодализма в районах, по своей внутренней социальной организации не являвшихся феодальными. В связи с этим следует упомянуть о том, что 1500 дворов Южной Осетии, в 1852 году не признанных российским правительством в крепостной зависимости, испытывали от грузинских князей Мачабели крайние методы насилия и жестокости. Здесь тотальная феодализация осетинских обществ, проводимая Мачабели, сопровождалась проявлениями национального гнета. На создавшуюся обстановку все чаще стали обращать внимание российские власти. Собрание предводителей и депутатов грузинского дворянства Тифлисской губернии, встревоженное возможными последствиями для всех тавадов, приняло решение: «Предложить немедленно общему собранию уездных предводителей и депутатов дворянства постановить в месячный срок заключение о наложении опеки на имение князей Мачабеловых». Стоит еще раз отметить: подобная опека стала возможной благодаря тому, что именно в этот момент горячо обсуждался вопрос о реформе.

Накануне проведения крестьянской реформы в Тифлисской губернии был создан «Центральный Комитет по устройству быта помещичьих крестьян», которому вменялось в обязанность обсуждение различных проектов, поступавших в комитет. Своеобразные комиссии были созданы в уездах, обсуждавших организацию проведения реформы и выработку различных предложений по крестьянской реформе. Одной из самых, пожалуй, реакционных комиссий, от которой никакой прогрессивной идеи ждать было нельзя, являлась комиссия Горийского уезда, куда входил Осетинский округ. Ее возглавлял Александр Эристов, членами ее были еще два Эристова, естественно, в комиссию входил представитель Мачабеловых – Георгий, один из наиболее махровых крепостников, выступавших не за реформу, а за расширение крепостнической системы. Идеологом комиссии являлся Д. Кипиани, чаще всех выступавший на обсуждениях реформы. На одном

из них он заявил: «Мы были встревожены вестью, что разрушается наше крепостное право. Хотя этой вести предшествовали признаки очевидные...» Понятно, что крестьянам в Южной Осетии от таких реформаторов ничего путного ждать не приходилось. Тот же Д. Кипиани откровенно признавался, что «в этом неожиданном и весьма прискорбном деле», каким он считал реформу, должны «все одинаково заботиться о наилучшем его исходе», т. е. провести ее в интересах самих же дворян.

Осенью (в октябре) 1864 года последовал указ Александра II об отмене крепостного права в Тифлисской губернии. В нем еще раз повторялся тезис о том, что в основе реформы лежит «Манифест от 19 февраля 1861 года», но вместе с тем говорилось о том, что были разработаны различные проекты, учитывавшие особенности края. Концепция этих дополнений, о которых упоминал император, решительно была направлена на соблюдение интересов грузинской знати.

Кроме той специфики, о которой могли заявить сами грузинские князья, особое положение в контексте проводившейся в Грузии реформы занимала Южная Осетия. Главным для нее являлся учет природы грузинского феодализма, насильственно насаждавшегося в осетинских обществах. Фактическое отсутствие во «владениях» Эристави и Мачабели барщинного хозяйства и взимание только денежной повинности – тем более взимание ее карательными мерами – относило феодальное устройство в Южной Осетии к импортным, восточно-деспотическим. Напомним об очень важном: в отчете осетинского участкового заседателя за 1864 год подчеркивалось, что «помещиков, которые бы жили в Осетинском участке, нет», они жили за пределами Южной Осетии. Эристави и Мачабели, основные «владельцы» в Южной Осетии, олицетворявшие в ней феодализм, каждый год объявляли о новых повинностях и перед тем как собирать их, присылали свою «дружину» «и для получения этих повинностей... ставили экзекуцию»; т. е. старались осуществлять хорошо знакомое им персидское феодальное господство. Изменить его российской реформой, менявшей отношения между помещиком и крестьянином, основанные на иной феодальной системе, по определению было невозможно. Чтобы яснее было читателю, приведем три небольших описания: а) «В один прекрасный день в село Тадикусан приезжают представители фамилии Мачабеловых в количестве 10–15 чел., с ног до головы вооруженных, и грозно, внушительно требуют у осетин покорности себе, уверяя их, что это земля Мачабеловых. В знак своих прав, забравши с собою все, что можно взять у бедного крестьянина, они, вполне довольные собою, уезжают обратно». Именно так поступали персидские вали, когда Грузия находилась под игом Персии. В сущности, здесь нет крепостного права, а есть феодальный разбой, который приходом группы Мачабеловых не завершался; б) «Спустя некоторое время являются в том же порядке и с теми же точно требованиями представители другой фамилии – Абашидзе. Впрочем, последние обнаруживают больше пылкости и благородного задору. Забирают из дому все, что только подвернется им под руки, угоняют скотину – и дело с концом! Знай, мол, нашу княжескую удаль и молодчество!.. Горе бедному крестьянину, если он вздумает заступиться за свое имущество и окажет какой-либо протест»; в) «Те же самые Абашидзе, в количестве 10 чел., прекрасно вооруженных, напали на дом того же несчастного крестьянина в то время, когда мужчины были на работе, а в доме оставалась одна дряхлая старуха. Избив старуху прикладом ружья до полусмерти, князья угнали весь скот, а также забрали из дому ружье, шашку и кинжал. Когда работавшие крестьяне (их двое) узнали о постигшем их несчастии, немедленно пустились догонять князей, чтобы как-нибудь уговорить не подвергать их такому беспощадному разорению. Князья, как только завидели идущих за ними хозяев увозимого ими добра, открыли по ним огонь, причем одному раздробили пулею всю челюсть и плечо». Мы привели картины из жизни Южной Осетии. Что же до крестьянской реформы, то она, несомненно, касалась Южной Осетии, но без серьезных политических перемен, если не считать поверхностных формальностей, которые не препятствовали ужесточению грузинского деспотического режима в югоосетинских обществах. В официальной переписке, связанной с крестьянской реформой, считалось, что князья Мачабеловы не обладают

крепостным правом, но при этом, как уже отмечалось, они были признаны владельцами земли в семи осетинских обществах. Отношения между князьями и этими обществами, как уже указывалось, были основаны на мульткодарстве, согласно которому осетины должны были нести повинность – 1/10 собранного урожая. Многие крестьяне желали освободиться от этих отношений, поскольку без разрешения Мачабеловых они не могли распоряжаться своими участками земли, сохранявшимися за ними по указу императора (1852 г.). Крестьяне просили выдать им выкупную ссуду, чтобы на самом деле освободиться от постоянных варварских притязаний. Но администрация наместника объясняла, «что на имения князей Мачабели... не может быть распространена выкупная операция, так как в силу местного положения землею и другими угодьями наделяются лишь крестьяне, освобожденные от крепостной зависимости». Таким образом, 1500 крестьянских хозяйств, населявших семь ущелий Южной Осетии, в сущности, не были отнесены к зоне, где было крепостное право, а стало быть, остались вне крестьянской реформы и оказались в заложниках грузинского национального феодализма. Именно этим объяснялся прежде всего тот разнузданный грабеж со стороны князей, примеры которого мы привели выше. Как и крестьяне-осетины, жившие в так называемых имениях Мачабели, значительная масса населения, считавшаяся хизанами, – к ним относили крестьян лично свободных, но живших на землях другого владельца – частного, казенного или церковного, – также оставалась вне поля крестьянской реформы. Казенные хизаны платили оброк, четко определенный законом. Хизаны, поселившиеся на частных землях, подпали под феодальный произвол. Однако согласно закону о крестьянской реформе, в Тифлисской губернии хизаны обязаны были нести помещику повинности еще два года, по истечении которых переходили в разряд «людей свободных состояний существующих»; такой переход «через два года» становился для хизана настоящим испытанием – он или должен был покинуть землю, на которой жил, или же сносить произвол помещика. Мозаика социальной ситуации этим не исчерпывалась. После тяжелой судебной тяжбы между Мачабели и осетинским крестьянством Николай I не стал торопить события и не пожелал более рассматривать острые – не только социальные, но и политические аспекты грузино-осетинских отношений. Понятно также, что Эристави, несмотря на явно выгодную сделку, которую предлагало правительство, не согласились бы на добровольный отказ от крепостнических притязаний, тем более что они, как и Мачабели, получая пособие в 5000 рублей серебром, ограничивались бы в правах на земельную собственность. Но был еще один очень важный момент – князья Эристави, видя, что их правительство не тревожит, как то было с Мачабели, решили, что это из-за их особых «заслуг» перед Россией. В силу этих приводящих обстоятельств ко времени крестьянской реформы 1864 года владения князей Эристави реально были наиболее крупным оазисом, официально отнесенным к районам, где сложились крепостнические отношения. Поясним, однако, что между феодальными отношениями во владениях Эристави и отношениями, которые были у Мачабели с крестьянами, над которыми в 1852 году не признали крепостного права, не было сколько-нибудь серьезных различий. Как уже указывалось, и у Мачабели, и у князей Эристави наблюдался один и тот же тип грузинского феодализма. Отличие состояло в формальной стороне – в 1864 году перед князьями Эристави не был поставлен вопрос о признании или непризнании за ними права на крепостничество, как это было сделано с Мачабели, иначе последовал бы точно такой же указ, каким был указ Николая I от 1852 года. В положении, в котором были Эристави, оказалась целая группа грузинских тавадов, в последние десятилетия (в особенности при Воронцове) добившихся у российских властей феодальных владений в Южной Осетии. К ним относились помещики Орджоникидзе, князья Павленишвили, Палавандишвили, Амираджиби, Диасамидзе, Абашидзе и др. Феодализм этих князей и помещиков также был сугубо грузинским – аннексия, насильственное требование покорности и установление сюзерено-вассальных отношений на захваченной территории. Несколько иной социальный и политический режим был установлен в Кударском обществе Южной Осетии. Кроме того, что оно было искусственно отторгнуто от Южной Осетии и административно отнесено к Рачинскому уезду Кутаисской губернии,

небольшое осетинское общество оказалось особенно уязвимым под напором грузинского феодализма.

Отдельно стоит отметить, что вся документация вплоть до указа Александра II, связанная с проведением крестьянской реформы в Грузии и Южной Осетии, составлялась исключительно силами самих грузинских тавадов – роль российских властей и Петербурга сводилась главным образом к организации и к экспертному контролю крестьянской реформы. Естественно, что у этой документации, в особенности относящейся к Южной Осетии, был свой политический подтекст. Он выражался в редакционных тонкостях, ясно дававших понять, что феодальные притязания у грузинских тавадов распространяются не просто на собственность, но и на саму территорию Южной Осетии. Так, в «журнале Временной комиссии по устройству быта помещичьих крестьян в Кутаисской губернии» была сделана запись: «В Рачинском уезде, Кударском участке, в верхней части Кударского ущелья, находятся населенные помещичьи имения, в коих водворены крестьяне из осетин». Подобные формулировки встречались и в других случаях. Из текста в такой редакции, однако, можно было понять, что в Кударском ущелье местное население – грузины, хотя его населяли в основном осетины. В целом же в Южной Осетии не было крепостнической системы как таковой, а существовала прогрузинская форма наделения князей и помещиков землей и правом владения крестьянами от имени государственной власти России. В то же время российское государство не издавало законов, которые бы в Грузии и Южной Осетии создавали институты крепостничества. Несмотря на это, во время крестьянской реформы в Грузии формально ставился вопрос об освобождении крестьян от крепостного права, на котором настаивали грузинские тавады. В результате реформа в ряде районов Южной Осетии фактически сводилась к созданию крестьянских наделов и установлению в связи с этим новых отношений между крестьянином и грузинскими феодалами. Добавим: проводя реформу и создавая крестьянские наделы, власти исходили в Южной Осетии из принятого для Грузии общего положения об отмене крепостного права. Поэтому в случае с Южной Осетией признание в ней «крепостного права» произошло одновременно с его тут же последовавшей отменой. Эта форма крестьянской реформы оказалась наиболее удобной для российских властей, создававших в имениях князей крестьянские наделы. Она обеспечивала создание более понятной системы отношений между «владельцами» и крестьянами, позволяла избежать той путаницы, с которой российские власти столкнулись, разбираясь с владельцами Мачабели – не признав за ними в 1852 году права на крепостную зависимость крестьян, но сохранив здесь и после реформы сугубо персидский тип феодальных отношений. Что касается самих крестьянских наделов, к определению которых, собственно, сводилась крестьянская реформа, то они в условиях Южной Осетии были невелики. Для поливных участков их величина составляла 5 десятин, для неполивных – 10 десятин. Если при закреплении за крестьянами этих участков создавались излишки, то их отрезали в пользу помещика. Повторим: наделы создавались только там, где Комиссия и Комитет признали господство крепостнических отношений. Отдельное положение реформы распространялось на горную зону Южной Осетии, где учитывалась специфика хозяйственных отношений. Наиболее важным элементом реформы в горах следовало считать стремление грузинских феодалов воспользоваться преобразованиями и продвинуть свое господство значительно глубже в горную полосу. Стоит также подчеркнуть: горные районы, за редким исключением, не были переведены на рельсы российского феодализма – то, чего добивалось правительство, не произошло. В этом отношении наиболее характерна картина, складывавшаяся в Кударском обществе, отнесенном к Кутаисской губернии. Мысль З.Н. Ванеева о том, что в Кударском обществе 97% населения было охвачено крепостничеством грузинских феодалов, не совсем точна. В этом обществе было 5307 хозяйств, не числившихся за помещиками, и только 1074 были признаны крестьянскими хозяйствами, принадлежащими помещикам. Первых комиссия называла «горским свободным населением», в отношении вторых подчеркивалось, что крестьяне находятся «в исключительных отношениях к помещикам, коим они платят повинности скотом и домашними изделиями»; согласно принятому

положению, оба сословия благодаря реформе фактически получили законный статус. Таким образом, в Кударском обществе отношения помещиков и зависимых крестьян не были признаны крепостническими. По примеру этого общества проводники реформы поступали так же в ряде других горных районов Кутаисской губернии, например, в Сванетии, Мингрелии и др. В работе З.Н. Ванеева «Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX веке» (Сталинир, 1956) дается подробное описание проведения крестьянской реформы и поземельного устройства, и нет необходимости вновь воспроизводить эти аспекты темы. Отметим главное – политическая суть реформы в Южной Осетии сводилась к двум концептуальным составляющим: а) признать в юго-осетинских обществах господство грузинских тавадов – то, против чего прежде всего и боролся осетинский народ; б) с отменой «крепостного права» перевести грузинский феодализм в Южной Осетии на российский путь развития. Добиваясь реализации этих двух основных положений, реформаторы особое внимание уделили распределению земли. По существу, в принципе распределения земли была заложена стратегия реализации двух наиболее важных задач, обозначенных выше. По данным З.Н. Ванеева, до реформы на один крестьянский двор приходилось пахотной земли в среднем 3 десятины, ожидалось, что размер крестьянского надела увеличится до 5 десятин для поливных участков и до 10 – для неполивных, однако в результате реформы этот надел был для Южной Осетии доведен до 2 десятин. Расчет при этом был прост. Создавая ощутимую для осетинского крестьянства нехватку земли и сохраняя при этом большие земельные участки для крестьян во внутренней Грузии, российские власти рассчитывали спровоцировать переселение осетин из Южной Осетии главным образом в Восточную Грузию, где по-прежнему не хватало рабочих рук. С этой же целью предусматривалось и другое – наиболее низкая норма надела земли была особенно распространена в предгорной зоне Южной Осетии, что также делалось не без политического умысла; предполагалось привлечь в Восточную Грузию горцев, живших в районах, не всегда доступных для российских и грузинских властей.

Пореформенное наступление на Южную Осетию грузинского феодализма

В конце 1864 года, когда уже завершалось разрешение вопросов крестьянской реформы, горский уездный начальник затребовал у заседателя Осетинского участка отчет о положении в Южной Осетии. Заседатель составлял свой отчет по заранее разработанной форме и в целом ряде пунктов ограничивался односложными ответами; например, «помещиков – нет», «городских обывателей – нет», «торговли – нет», «заводов – нет» и т. д. При чтении отчета, вполне отражавшего реальность, создается впечатление о Южной Осетии как об опустошенном и запущенном крае кавказской глуши. Главной отраслью хозяйственной деятельности, как и во всем Закавказье, в Южной Осетии являлось сельское хозяйство. По поводу него заседатель, заполняя бланк своего отчета, писал: «Хотя хлебопашество составляет важнейшую часть сельского хозяйства, оно на Осетинском участке производится не с должным успехом по суровости местного климата и бедной местности... Есть деревень 20, где родится только ячмень и просо». Но даже в этих деревнях, признанных пригодными к «хлебопашеству», «средний урожай хлебов был сам четыре и менее». Основное «богатство» осетин состояло из скотоводства и скотоводческих продуктов. На общее население в 14 211 душ осетинского участка – таких югоосетинских участков было еще два – Горский и Кударский – приходилось в 1864 году лошадей – 936, крупного рогатого скота – 7421, овец – 9216, коз – 1713, свиней – 8362, ослов – 54. В отчете приводились также данные об урожаях, по своей доходности они были мизерны и никак не сопоставимы со скотоводством. По этой причине хлеб покупали в Карталинии, в центральном районе Грузии, куда не всегда разрешалось ездить осетинам, а если такие поездки совершались, то обычно путники попадали в тюрьму по обвинению в краже или же разбое. В связи с этим

замечательно, что заседатель Осетинского участка в разделе «народная нравственность» подчеркнул, что «в 1864 году грабежей и важного воровства и прочих важных преступлений в этом участке не было», как на самое серьезное происшествие указывалось на одно самоубийство. Важным было сообщение о том, что осетины этого участка «обложены неокладными податями», т. е. той специфической формой повинностей, которая каждый год могла менять свою величину, за два года 73 деревни этого участка уплатили грузинским феодалам оброк в размере 4022 рублей 38 копеек серебром – для того времени немалая сумма. Несмотря на это, отмечалось, что эти «деньги» были «внесены полностью по принадлежности». Наряду с этим мы имеем документ, свидетельствующий о том, что сами грузинские тавады, обязанные вносить государству подати, уклонялись от них. Начальник Горийского уезда был вынужден предписать, чтобы собрали сведения «о дворянах... уклоняющихся от уплаты податей» и выяснили их «происхождение»; тавады прибегали к такой уловке – одна княжеская семья вносила подать, а другая ею прикрывалась.

Столь общая картина, характерная не только для Осетинского участка, но и двух других, составляющих Южную Осетию, не являлась доминантой в области политических процессов. В этом отношении пореформенный период следует рассматривать как новый этап феодально-помещичьего наступления на Южную Осетию со стороны грузинских тавадов. Главным общественным и хозяйственным интересом последних в Осетии оставались вопросы земельной собственности и, естественно, феодальная оккупация Южной Осетии. Серьезная борьба разворачивалась вокруг самого осетинского населения – среди феодалов одни были сторонниками выселения осетин с их насиженных мест, другие – напротив, являлись противниками их переселения, – все зависело от выгоды или невыгоды с точки зрения феодала. Так, грузинские дворяне Карсидзе в 1865 году обратились к начальнику Горийского уезда с требованием о выселении осетинских крестьян из их имения. Речь шла о четырех осетинских домах – Музаевых и Кусраевых, в свое время относившихся к имению князей Эристовых и ими переданных феодалам Карсидзе. Последние должны были вернуть осетинские семьи своим прежним владельцам, но они просили об их выселении, ожидая, что земли этих крестьян достанутся грузинской феодальной фамилии. Под этим требованием подписались три представителя Карсидзе. Тифлисскому гражданскому губернатору поступило и другое прошение. Оно было противоположного содержания – 91 осетинский двор «через поверенных Ростом Тибилова и Гавриила Макиева обратился с просьбой о дозволении им переселиться в Терскую область», т. е. на территорию Северной Осетии. Мотивом для переселения послужили обременительные размеры оброка, который несли крестьяне князьям Эристави. Осетинские крестьяне, решившие покинуть Южную Осетию, происходили из Магландалетского ущелья, занимали район «на самом высоком хребте Кавказских гор». Эристави не были заинтересованы в переселении осетинских семей, поскольку оголялось целое ущелье, где вряд ли кто бы еще пожелал поселиться. Распоряжение губернатора было в интересах Эристави. Оно запрещало Магландалетским крестьянам переселиться, повелевалось заодно добиться того, «чтобы повинности или денежный оброк»..., установленный Эристави, «был строго соразмерим с количеством угодий, которые поступят крестьянам в постоянное пользование». Однако распоряжение гражданского губернатора явно не было выполнимо, поскольку размер оброка «зависел преимущественно от добровольных их (крестьян. – М. Б.) с помещиками соглашений». В том же 1866 году начальник Терской области генерал Лорис-Меликов обратился к администрации главнокомандующего Кавказской армией по вопросу о переселении из Зругского ущелья на равнину Северной Осетии осетинских крестьян, которых преследовали своими феодальными притязаниями князя Мачабеловы. Рапорт начальника Терской области представляет особый интерес, поскольку он наиболее полно обнажает характер феодальной экспансии грузинских тавадов, усилившийся после реформы 1864–1865 годов. Зругское ущелье, о котором писал Лорис-Меликов, в начале 50-х годов XIX века было одним из семи ущелий, отведенных князьям Мачабели согласно указу Николая I. Оно располагалось, как и Нарское общество, на северном склоне Кавказского хребта и относилось к высокогорным

районам Осетии. Здесь, в Зруге, представляющем собой огромное горное плато, занимались только скотоводством. Князья Мачабеловы здесь никогда не бывали и вряд ли представляли себе и жителей, и саму местность. Но в бытность князя Авалова начальником Осетинского округа на имя управляющего Алагиро-Дигорским участком Северной Осетии поступила записка о том, «что земля в Зругском ущелье, лежащая на севере от перевала Зикара, принадлежит грузинским помещикам князьям Мачабеловым». Притязания Мачабеловых на Зруг появились не случайно. Они были вызваны распоряжением 1858 года, сделанным А.И. Барятинским, об административном переносе Нарского участка, куда также входил Зруг, в состав Военно-Осетинского округа. Казалось, Барятинский отвел грузинских феодалов от Нарского участка, но было видно, что у грузинского феодализма обнаруживается не просто закономерность к развитию вширь, а некая «национальная» черта, проявлявшаяся во всеобщей экспансии. Основной пружиной, толкавшей князей Мачабелы к открытой агрессии, являлась все та же система феодализма, по своей социальной природе отличавшаяся особыми формами восточного лихоимства. Князь Авалов, ставя вопрос о Зруге и формируя обязанности осетин этого общества, недвусмысленно и весьма претенциозно заговорил «о сборе дани в пользу князей Мачабеловых за жительство их на той земле и пользование оной». Но Лорис-Меликов, опираясь на слова жителей Зруга, возражал и указывал, что «предки их никогда не были данниками и земля та никогда не принадлежала никакому помещику, что могут подтвердить все соседи». Судя по письму Лорис-Меликова, переписка между российскими властями в Тифлисе и начальником Терской области была и ранее, поскольку после 1858 года Зругское общество относилось к территории этой области, и уже тогда высказывались Мачабеловыми притязания на Зруг. Предшественник Лорис-Меликова, отвечая наместнику на вопрос – «имеют ли князья Мачабеловы право на землю Зругского и других ущелий», писал, что «дело темное и во всяком случае сомнительное, ибо осетины в первый только раз слышат о владычестве над ними князей Мачабеловых». Лорис-Меликов, в свою очередь, просил администрацию главнокомандующего «об избавлении зругцев от несправедливых притязаний князей Мачабеловых на принадлежащую жителям этого ущелья землю, приняв при этом во внимание, что последние, в числе прочих жителей Осетинского округа, уже обложены государственною податью». Начальник Терской области указывал также на бедственное положение жителей этого общества. Он предупреждал, что единственным выходом из положения может стать переселение зругцев на равнину. Тифлис, однако, четко держался стороны Мачабеловых, явно ведя дело к переселению местных жителей. Начальник Горского управления, в свою очередь, пытался объяснить, что в Зругском «ущелье до 65 дымов осетин», принудить их платить дань Мачабеловым «почти нет возможности, ибо и без того они нередко вынуждены питаться кореньями, так как при суровом климате» в «Зругском ущелье не всегда созревает там даже ячмень».

Вопрос о Зруге был передан главнокомандующему, а затем императору. Но и Петербург, решивший «отступить» перед Мачабеловыми, не возражал против переселения жителей Зруга. Когда же стали рассматривать вопрос о том, куда переселить зругцев, им не нашлось места в собственной стране. Предложили их депортировать на «свободные земли нагорной полосы Кубанской области». Стоит привести отрывок из письма зругцев, ставших жертвой насилия грузинских князей, с помощью российских властей отнимавших у Осетии территорию за территорией. «Пораженные такую неслыханною новостью, – писали осетинские крестьяне из Зруга, коим объявили о депортации, – мы обратились с просьбой к начальнику округа генерал-майору Мищенко и просили его... о разъяснении нам этого дела, так как ни предки наши, ни мы никогда не видели никакого из князей Мачабеловых... Древние памятники, находящиеся в Зругском ущелье (церковь Божьей матери) свидетельствуют, что Зругское ущелье населено в довольно древнее время». Жители Зруга и их соседи не знали, когда их предки поселились в этом месте. От себя добавим: археологические разведки, в которых участвовал автор настоящих строк, и предварительные раскопки подтвердили наличие в горных местностях Центрального Кавказа аланских погребений. Именно в Зруге были обнаружены аланские могильники, относящиеся к первым

векам н. э., и нет никакого сомнения, что предки осетинского населения Зругского ущелья – автохтонные жители, сохранившие наречие, характерное для этой местности. Однако продолжим письмо зругцев, которых решили выселить из родной страны в угоду грузинским тавадам. «Воля и распоряжения начальства для нас священны, – писали они, – препирательства, какие бы то ни было с нашей стороны безрассудны и мы, покоряясь обстоятельствам, к переселению готовы. Но повергаем настоящую просьбу к стопам вашего императорского высочества и в последний раз по этому предмету почтительнейше просим: пусть князя Мачабеловы фактически докажут свое право на Зругское ущелье, хотя один случай получения ими дани с этого ущелья, и укажут границы своей земли, а так же подтвердят ли все то окружающие Зругское ущелье соседи... и тогда расставание с родиной не так будет тягостно для нас, как в настоящее время, когда мы еще чувствуем совершенную правоту нашего иска и не можем даже свыкнуться с мыслью, что не в дальнем будущем мы должны расстаться навсегда с местом родины и оставить лишь кости предков наших покоиться на их родной земле». Письмо, нами приведенное с отрывками, подписали Давид Бирагов, Кандуа Тавгазов и Павел Козаев. В 1869 году зругцы вместе с другими такими же осетинскими изгоями, составившими около 500 семей, покинули свою родину и поселились в Лабе на Ставрополье. Остались в Зруге лишь единицы, впрочем, несколько позже также переселившиеся на равнину. С тех давних пор необычайно красивое Зругское высокогорное плато стало навсегда безлюдным – здесь развелось столько ядовитых змей, будто неземной силой посланных в укор агрессивным намерениям людей, что, кажется, его не посетишь без риска.

Наряду со значительными территориальными притязаниями принимались административные и судебные решения, в результате которых отдельные крестьянские семьи были вынуждены покинуть свои дома и искать новое для себя пристанище. Так, княгиня Амираджибова, урожденная Палавандова – из грузинского рода, традиционно имевшего притязания на собственность в Южной Осетии, требовала «выселить» осетинских крестьян «из деревни Мавди без всякого вознаграждения за сады их и удобренные ими пахотные земли». В этой деревне жили в основном Алборовы, имевшие документы, подтверждавшие «в каких границах и на каких условиях пожалована крестьянам Алборовым земля». Власти признавали, что решить вопрос в пользу княгини Амираджибовой административно невозможно, но именно только в этом направлении и предпринимались усилия. Ей предлагали оплатить стоимость построек, сада и пахотного участка, и тогда она смогла бы согнать с участка осетинских крестьян. Предлагался княгине и другой вариант: не все Алборовы имели равные права на земли, принадлежавшие деревне Мавди, поэтому ей советовали часть Алборовых, которая не значится в документах собственниками земли, обложить феодальными повинностями. В результате получалось – достаточно иметь грузинское происхождение и принадлежать к тавадам, и вы в Южной Осетии можете стать владельцами земли и крестьян. Еще проще, чем дело княгини Амираджибовой, решился вопрос для грузинского князя Тарханова, пожелавшего выселить осетинских крестьян Газдаевых и Хабаловых. Эти фамилии, ранее жившие в деревне Квенаплав, позже с разрешения Тарханова административно были отнесены к деревне Герудеты, расположенной во владениях грузинского князя. Последний одним росчерком пера лишил две фамилии местожительства и превратил их в беженцев.

Проблема взаимоотношений осетинских крестьян с грузинскими феодалами заключалась не в обычных для феодального общества претензиях друг к другу двух противостоящих классов. Она многократно осложнялась набиравшей силу и начинавшей материализовываться идеологией, охватившей грузинскую знать. Ядро этой идеологии было связано с идеей об исключительности «всего грузинского», дававшей право на любые формы насилия и правовых нарушений. Что касается Южной Осетии, то она становилась полем, на котором выращивалась та же самая «исключительность». При этом социально-поведенческие «нормы», которых обычно придерживаются завоеватели, имели настолько всеохватывающий характер, что осетинское население к 70-м годам XIX века

стало грузинских феодалов воспринимать как природную стихию, против которой бессильны любые увещания. В этом отношении стоит привести еще один многозначительный факт, связанный с притязаниями князей Мачабеловых к осетинской фамилии Хетагуровых, хорошо известной не только на Кавказе, но и в России. Хетагуровы представляли собой союз нескольких родственных и даже не родственных фамилий и имели немалое политическое влияние на соседей; вспомним, в Крымской войне они пожелали участвовать на стороне России отдельной фамильной сотней... С ними никак нельзя было сравнить Мачабеловых... В 1870 году грузинские князья Ясон и Заал Борташвили-Мачабеловы «начали присваивать... в свою собственность» земли и строения «при селениях Квели и Земо-Ачабеты», здесь были расположены «казенные пахотные земли и лес в количестве пятидесятидневного паханья, равно домовое место и старая крепость, которые грузинскими царями были подарены за разные услуги осетинам Кочара и Боташ Хасиевым-Хетагуровым». Поясним, грузинские цари обычно делали подобные подарки осетинам, участвовавшим в их войнах: дарили ценные вещи, в том числе и то, что принадлежало не царю, а тому, кого одаривали. В данном случае имения и крепость, о которых идет речь, были расположены в центре Осетии и составляли собственность Хасиевых-Хетагуровых. Но со временем, когда Боташ и Кочар умерли, имение перешло их внукам – Росебу, Гарсевану, Тято и другим, «которые... пользовались этим имением как казенною собственностью без всякого препятствия с чьей-либо стороны». Но времена изменились... и старшина Кехвского сельского управления сообщал, что «ныне же неизвестно с какого поводу князья Ясон и Заал Борташвили-Мачабели начали присваивать это имение в свою собственность». В январе 1870 года эти лица прибыли вместе «с цхинвальским полицейским приставом Микадзе, взяли с них, Хетагуровых, за означенные казенные земли галлу в двадцать девять код кукурузы и за вышепрописанное домовое место деньгами семь рублей 50 коп.» Подобное нападение ранее было невозможно без серьезных кровопролитных последствий. Однако присутствие при этом пристава, представлявшего российскую власть, заставило Хетагуровых выполнить то, чего от них потребовали. Конечно же, одновременно они обратились к властям с просьбой «о защите от завладения казенного имущества с восстановлением права владения» и что «оними пользуются с давних времен без всякого препятствия с чьей-либо стороны Хетагуровы».

Идеология грузинского господства, основанная не только на российской власти, но и на идее «национального превосходства», диктовала грузинским тавадам, окончательно политически овладевшим территорией Южной Осетии, такое поведение, которое обычно присуще завоевателям на оккупированной территории; именно оккупация и оккупационный режим были главными политическими итогами крестьянской реформы для Южной и Центральной Осетии.

Подъем всеобщего насилия

Несомненно, что после 60-х годов XIX века в России происходили важнейшие социальные, административные, судебные и правовые перемены. Но в Закавказье, далеко от Петербурга, и в особенности в Грузии, все эти перемены утопали в кавказской сумрачной цивилизации. Грузинская историография с 60-х годов XIX века вплоть до нашего времени полна восторгами по поводу высокой грузинской культуры. Но когда знакомишься с историческими документами, сохранившимися от целой эпохи грузинского насилия, оставленного тавадами – грузинской знатью, носителями грузинской «цивилизации», поражаешься тому, какой тяжелый и срамный шлейф оставили в истории предки современных радетелей внедрения в Грузии европейской цивилизации.

Как и в России, в Тифлисской и Кутаисской губерниях крестьянство ожидало освобождения от крепостнического гнета. Но год подготовки и проведения реформы оказался особенно тяжелым. Грузинские тавады, опасавшиеся последствий реформы, словно

желая выместить свое зло, были особенно агрессивны. Они создали небольшие отряды и с их помощью нападали на отдельные крестьянские хозяйства и подвергали их разорению. Феодалы в Южной Осетии преследовали не только осетинских крестьян, но и грузин, имевших брачное родство с осетинами. Согласно «Протоколу» грузинского дворянского собрания Тифлисской губернии «князь Михаил, сын его Евстафий и внук Александр Мачабеловы» были «изобличены в жестоком обращении с Абрамом и Давидом Патаркацишвили» – с грузинской семьей, жившей в Цхинвали и имевшей осетинское родство. Несмотря на то что Патаркацишвили являлись казенными крестьянами и состояли в обществе казенных крестьян Цхинвали, Мачабели «отягощали их разными поборами». В один из таких наездов князя Мачабели «истязали его, Давида и брата его, Абрама», «отняли» у них «сверх определенного денежного оброка, урожая с восьми садов и 10-ти штук рогатого скота, а также намерении застрелить из них (Патаркацишвили. – М. Б.) Давида». Патаркацишвили обратился с жалобой к наместнику, дело рассматривалось дворянским собранием, а затем судом. Судебное разбирательство выявило, что Мачабеловы «произвольно отнимают... у крестьян имущество». Нанесли крестьянину Китесу Пасрадзе тяжелые побои, «от которых он тогда же умер». «Крестьяне Майсурадзе просили» власти «об удержании князя Мачабелова от разных притеснений, самоуправий и неправильного присвоения их в крестьянство». Эти и другие обвинения крестьян, предъявленные к Мачабеловым, казалось, трудно было оправдать. Князьям не грозили решения об аресте или же заключение в тюрьму. У них существовал негласный иммунитет. Самое «грозное» наказание, которого могли опасаться Мачабеловы за приведенные выше преступные деяния, это наложение со стороны администрации «опеки», т. е. контроля за деятельностью Мачабеловых. Но именно от этой «опасности», которая вынудила бы князей соблюдать закон, Мачабеловых решили выручить их собратья. Собрание предводителей и депутатов дворянства Тифлисской губернии приняло решение «покорнейше просить г. Тифлисского гражданского губернатора от лица г. исправляющего должность тифлисского губернского предводителя дворянства принять на себя ходатайство перед его императорским высочеством наместником Кавказским об оказании князьям Мачабеловым милостивого снисхождения освобождением именем их от наложения опеки». Приведенное постановление дворянского собрания состоялось в конце марта 1864 года. Не прошло и года, как крестьяне селения Пца Нинико, Алексей, Тасасий и Иван Абаевы обратились к тифлисскому губернатору с жалобой на князей Мачабели, на этот раз «почерк» был тот же. Абаевы считались казенными крестьянами, но жили на земле грузинского помещика Давида Багратион Давыдова. Они платили повинности казне и помещику. Братья Абаевы жаловались, что «Мачабелов, на земле коего мы хотя и не жили, но по праву помещика тоже взыскивал повинность натурой, таким образом, отбывая тройне повинность, мы пришли в разорение». Они писали также, что Мачабеловы желали, чтобы им платили также денежную повинность. Нинико Абаев сообщал губернатору, как к нему явились «мировые посредники – князь Дмитрий Абашидзе и его помощник Гедеван Ананьев, „которые вместо защиты хотели силою взять буйволов и потом наказали меня розгами, от чего я теперь нахожусь в болезненном состоянии“. Вместо расследования дела, ожидаемого братьями, власти наложили на их дома „экзакуцию“, что фактически делало семью вконец беззащитной, поскольку на нее, как на „прокаженную“, обрушивали феодальный произвол и насилие. Читая письма осетинских крестьян, жаловавшихся на Мачабели по поводу их злодеяний, можно было думать, что Мачабели – из ряда вон выходящие самодуры-помещики и ничего другое. На самом деле злоумышленные деяния этих князей были характерными, свойственными всем другим князьям и помещикам, орудовавшим в Южной Осетии.

Феодально-оккупационный сценарий, который Нинико Абаев воспроизвел от имени своих братьев в своем письме к губернатору, «переживали также братья крестьяне (однофамильцы. – М. Б.) деревни Схлиты: Арджеван, Алексей, Гагуча, Басила, Каедин, Леван, Иван, Нипи, Бадила, Пичи, Габи, Георгий, Ноба и Михаил Пухаевы». Осенью 1864 года и в начале 1865 года они обращались к великому князю наместнику Михаилу

Николаевичу с письмом, в котором сообщали, как они поселились в деревне Схлиты «на землю князей Палавандовых»; «отбывая Палавандовым поземельную повинность, а в казну подати как казенные крестьяне, – жаловались Пухаевы, – но с 1845 года князья Иван и Дмитрий Эристовы стали присваивать их к себе в крестьянство и притеснять». В свое время Пухаевы жаловались на тройной гнет главноуправляющим генералам Нейдгардту и Воронцову, «по жалобам собирались сведения, но они не получали никакого удовлетворения». Князья же Эристовы, пользуясь этим, а также и тем, что один из родственников их управляет Горийским уездом, «начали сильнее притеснять их требованием непомерных повинностей и для получения этих повинностей теперь поставили экзекуцию». Пухаевы ссылались также на отмену крепостного права, никак не освободившего их от тройного гнета. В Тифлисе рассмотрели вопрос, переслали ответ в Горийский уезд, откуда им сообщили: «...жалоба Пухаевых о неправильном будто бы присвоении их князьями Эристовыми как неосновательная не заслуживает никакого уважения, тем более, что в настоящее время все помещичьи крестьяне вышли уже из крепостной зависимости, о чем Главное управление по приказанию великого князя наместника просит объявить им». Подобное заключение официальных властей могло рассматриваться крестьянами как издевательство. Князья Эристовы гораздо больше, чем Мачабеловы, были на виду у российских и грузинских властей. Им сходило с рук все, они без каких-либо оглядок вели себя точно так же, как когда-то в Картли-Кахетинском валичете насильники-кызылбаши. В начале 1865 года, когда уже в Тифлисской губернии была «проведена» крестьянская реформа, крестьяне из осетинского села Нахиди писали тифлисскому губернатору: «...князь Луарсаб Эристов, который, кроме поземельных повинностей, отбываемых нами... требует и при участии местного участкового начальства взыскивает еще и оброчные деньги с каждого из нас от 30 и 40 до 50 руб. серебром. Кроме того, разграбив нас в июне 1864 года, тому же подвергаемся мы со стороны помещика и Заседателя». Крестьяне из села Нахиди описали картину, которая воспроизводила подлинную суть персидскими вали – шахской дани в Картли-Кахетии: «...мы, – жаловались крестьяне Нахиди, – подверглись сильнейшим противу прежнего истязаниям и убыткам, а именно: заседатель с 10 конными есаулами несколько дней проживал между нами и причинял многие расходы, кроме того, он же отнял у нас: у Зураба одного быка и корову, Шио двух быков и Матвея 12 руб. серебром. Затем он стал принуждать к уплате помещику всех денег, сколько помещик будет требовать. Причем он же, подвергши побоям некоторых из нас, заарестовал других». Грузинские историки, исследуя феодальный период своей истории, часто подчеркивают, что персидский деспотический феодализм, который навязывала шахская Персия, миновал Грузию, якобы сохранившую свою «собственную модель» феодализма. Было бы любопытно, однако, получить ответ на вопрос – какого из «элементов» варварского феодализма, насаждавшегося в Южной Осетии после реформы в Грузии, – авторами этой реформы были главным образом грузинские тавады, – недостает у «картин», которые воспроизводили крестьяне, чтобы эти картины нельзя было отнести к персидско-деспотическому феодализму?

Но вернемся к князьям Эристави, отличавшимся особой самоуверенностью и мизантропией. Чтобы держать осетинское крестьянство в режиме страха и тревоги, эти князья, политически более изощренные, чем другие тавады, периодически совершали поездки по Южной Осетии; напомним – после реформы у Эристави не было уже, как то бывало раньше, забот по поводу того, есть ли у них в Южной Осетии феодальные владения или нет. Они брали с собой заседателя, старшину, судью и, уверенные в своем будущем, совершали поездки по своим владениям в Южной Осетии. В одну из таких поездок генерал Георгий Эристов побывал в селении «Георгашени» – так переименовал генерал осетинское село Боли. Здесь он потребовал от крестьянина Ниника Гучаева «следовать» за ним «в поле для сосчитания скота». Было ясно, для чего Эристову понадобилось считать чужое поголовье скота. Крестьянин отказался идти с генералом на пастбище. Последний пожаловался властям, что Ниника Гучаев на его просьбы «отвечал... в выражениях самых оскорбительных и грубых». Георгий Эристов нагнетал ситуацию. Он обратился к тифлисскому губернатору с

письмом. В нем он писал: «Такое поведение Ниника Гучаева против помещика, и еще заслуженного генерала, будет весьма дурным примером для окружного населения». Георгий Эристов требовал для крестьянина сурового наказания, иначе, – считал он, – «всякое ослабление... поведет к разбалованию крестьян». Свое письмо Георгий Эристов подал 7 августа 1866 года. Ровно через неделю, 13 августа того же года, Алексей и Буду (он же Ниника. – М. Б.) Гучаевы» были «заарестованы и отправлены к горийскому уездному начальнику для содержания их на тамошней гауптвахте впредь до особого распоряжения».

С куда более обоснованной жалобой к горийскому уездному начальнику обратился крестьянин из селения Одзис Иван Шенгелидзе. Он жаловался на помещика Николая Эристова, притеснявшего его и пытавшегося изнасиловать его жену: «...несколько раз нападал с крестьянами своими на мой собственный дом, чтобы изнасиловать ее, ...князь Николай Эристов еще 3 апреля сего года с придворными прислугами своими ворвался в мой духан, выбросил во двор все продукты и порезал винные бурдюки». Иван Шенгелидзе ожидал, что по его заявлению пришлют следователя в село Одзис, проведут следствие и накажут помещика. Мы бы привели и другие документы подобного рода, однако, ограничившись этим, отметим другое – российско-грузинские власти в Грузии никогда не отличались сколько-нибудь государственной дисциплиной. И все же в период, когда у престола был еще Николай I, чужь ли не ежедневно занимавшийся Кавказом, император периодически одергивал своих чиновников и генералов, служивших на Кавказе; когда в 1837 году Николай I приехал в Тифлис и ознакомился со злоупотреблениями военных, чиновников и с конкретной обстановкой в Закавказье, он в том же году заменил Розена на посту главнокомандующего. С тех пор как не стало Николая I, прошло 10 лет, и государственные органы власти, считавшиеся российскими, но призванные функционировать в Грузии, пришли в состояние национальной деградации. Это особенно стало замечаться после 1865 года, когда, казалось, крестьянская реформа должна была придать социальным отношениям, развивавшимся между помещиками и крестьянами, правовые формы. На самом деле именно с этого момента право принадлежало феодалу-грузину, бесправие – оставалось уделом остальной части общества. Иван Шенгелидзе, крестьянин из села Одзиса, на глазах которого феодал пытался изнасиловать его жену, зря ожидал, что придет следователь, состоится суд и добро восторжествует. Свое заявление Иван Шенгелидзе писал 8 апреля 1867 года, в тот же год и месяц, 21 апреля, было совершено нападение грузинских князей Едижера и Зака Херхеулидзевых на осетинское село Корнис, откуда они угнали 60 голов крупного рогатого скота. Местный пристав донес об этом горийскому уездному начальнику, последний распорядился «не делать названным крестьянам притеснений» и этим завершилось дело. Впрочем, завершилось оно для горийских властей, но не для крестьян, и даже не для помещиков Херхеулидзе. В один из таких же княжеских набегов, предпринятых Херхеулидзе в Корнис, «крестьянин Реваз Хасиев, житель этого села, убил Давида З. Херхеулидзе. Горийский уездный начальник „оживился“ и обратился к тифлисскому губернскому предводителю дворянства, чтобы он ходатайствовал о выселении осетин из селения Корнис „как вообще людей вредных для общества“. Между тем Реваз Хасиев создал из крестьян небольшую „разбойную“ группу и они убили еще одного князя – Давида Т. Херхеулидзе. Решение уездного начальника о выселении осетин из села энергично поддержал предводитель дворянства Горийского уезда князь Эристов, считавший, что он обязан „ходатайствовать“ „о переселении... всех без исключения осетин, живущих в селении Корниси“. Страсти так накалились, что крестьяне, узнав о решении властей, убили еще одного Херхеулидзе и ранили двоих. Продолжавшийся ровно десять лет поединок между крестьянами, с одной стороны, и грузинскими феодалами совместно с властями – с другой, естественно, окончился в пользу вторых. Опасаясь, что жители Корниси, если их выселить, могут создать крупный отряд и жертв станет еще больше, власти не решились на крайние меры. Но они были настойчивы, когда дело касалось интересов феодалов. Горийские и тифлисские власти арестовали наиболее активных крестьян Корниси – тех, кого, по признанию Херхеулидзевых, боялись даже власти. Расправа

с крестьянами и предъявление к жителям этого села требования „возмещения“ 1850 рублей в пользу грузинских феодалов и продолжавшиеся угрозы о выселении заставили крестьян смириться со своей судьбой. С судьбой смирились не только в Корниси, но и во всех осетинских обществах Южной Осетии. В связи с этим мы возвращаемся к отчету начальника Осетинского участка, где за 1864 год не произошло ни одного крестьянского выступления и даже ни одного сколько-нибудь заметного местного столкновения. Несомненно, в данном случае значение имела суета, происходившая вокруг крестьянской реформы. Но наряду с этим на ситуацию в Закавказье, в том числе в Южной Осетии, оказывали влияние события на Северо-Западном Кавказе – окончание здесь Кавказской войны и массовый исход сотен тысяч черкесов, ставших жертвой собственного сопротивления продвижению России на Кавказе. Благодаря такому радикальному решению черкесской проблемы российские власти на Кавказе более не церемонились с „урегулированием“ таких ситуаций, как югоосетинская. Это хорошо почувствовали грузинские тавады, постоянно толпившиеся вокруг наиболее значимых на Кавказе чиновников и генералов. Под впечатлением от черкесских событий грузинские тавады в это время постоянно используют в качестве пугала угрозу выселения осетин из Южной Осетии. На политические настроения крестьян Южной Осетии, погашая их социальный потенциал, серьезно повлияло выселение части северных осетин в Турцию. Переселение вместе с жителями Зругского ущелья более 500 дворов в Ставрополье, несомненно, усугубляло тревогу крестьян, создавало для Осетии в целом напряженную политическую обстановку. Пользуясь этим, грузинские тавады ужесточили оккупационный режим в Южной Осетии и приступили к ее окончательному феодальному освоению. Со своей стороны, российские власти в центре Кавказа, в Грузии, решили продолжить поиски социальной поддержки в лице грузинской знати, негласно освободив эту знать от соблюдения принятых норм государственной жизни.

Феодальный метастаз 70–80-х годов XIX века в Южной Осетии

В 70-х годах XIX века Южная Осетия напоминала небольшого одинокого африканского слона, неожиданно угодившего в водоем. Он не был в силах выбраться из него потому, что его одолевали злые и проголодавшиеся пиявки. Слон не верил больше своим силам и вынужденно сдался на милость кольчатым червям. Многие столетия сохранявшая свою независимость, десятилетия ведя упорную борьбу с опасностями, несоразмерными ее возможностям защитить себя, Южная Осетия более не противостояла чудовищной оккупации. Осетины, жившие на исторической окраине своей страны – Осетии, не были больше хозяевами своей собственной земли, во имя которой они пролили столько крови... В то же время оккупанты чувствовали себя победителями – впервые после XVI века грузинские тавады благодаря России одержали победу над несколькими осетинскими обществами, объединенными названием «Южная Осетия», и судьба предоставила им шанс господствовать и быть похожими на настоящих кызылбашей – красноголовых. Грузинские помещики добились положения, когда они стали продавать осетинам землю, которая исторически осетинам же принадлежала. Князья Эристави, постоянно расширявшие свои владения в Южной Осетии, одновременно заботились об увеличении числа зависимых крестьян. Пожалуй, они первыми прибегли к заключению с осетинскими крестьянами договоров, согласно которым последние добровольно шли под феодальное ярмо. Договор, формально определявший отношения крестьян с феодалом, выглядел следующим образом. Так, крестьяне из осетинского села Елтура Георгий Биджов и временно обязанные крестьяне Лексо, Шио, Симон Гобозовы заключили договор, состоявший из пяти пунктов: 1. Князь Георгий Эристов предоставлял «поименным крестьянам право постоянно пользоваться из неразделенных с другими соучастниками лесных и пастбищных угодий, находящихся в черте селения Елтура, для собственного их обихода; топливом, поделочным и строительным лесом равно и пастбищами». В договоре указывались границы участка, на который

распространялось их соглашение; 2. Крестьяне обязывались платить помещику за пользование лесными угодьями «по три руб. сер. в год с каждого дыма, а за предоставление постоянного права пользования пастбищными угодьями» обязывались платить помещику в год по одному рублю пятидесяти копеек серебром каждый дым; 3. Срок действия договора при обоюдном согласии мог продлеваться каждый год; 4. Ответственность «за исправное сих денежных повинностей» нес каждый двор самостоятельно; 5. Договор вступал в силу при наличии подписей сторон и скрепленный печатью. Приведенный нами договор был заключен 20 декабря 1870 года. В пореформенное время грузинские помещики особое внимание обращали на захваты лесных угодий. Поскольку они в своем абсолютном большинстве находились в пользовании сельских общин, то грузинские помещики добивались от местных властей объявления этих угодий «казенными», затем брали их у местной власти в аренду и заключали договор с крестьянами на более выгодных условиях. В начале 70-х годов XIX века подобные договоры стали заключаться часто, и осетинское крестьянство оказывалось в плену новых тягот. В марте 1871 года жители осетинских сел Ортев, Минарет, Маралет, Шелура, Джер, Чриви (Цру), Кларс, Сазалет, Бадат, Сба-Згубир и Чимас обратились к начальнику Горийского уезда с «Прошением» по поводу лесных угодий, ставших для них недоступными. Крестьяне этих сел думали, что если лесные угодья объявлены государственными, они смогут получить в качестве «милости» право на бесплатное пользование этими угодьями. Но, судя по тому, что начальник Горийского уезда направил их прошение князю Р. Эристову, то лес, о котором писали крестьяне, был уже в руках князей этой фамилии. К указанному «Прошению» стоит еще привести то, о чем чаще всего писали крестьяне осетинских сел: «...с запрещением нам, как и всем другим крестьянам, пользования лесом без платежа установленных поштин, – жаловались они, – для других тяжелыя и нам становится тяжелою; так как лес, который снабжал нас необходимым топливом, нам воспрещен и мы не можем пользоваться им без поштин. Между тем наш лес не такой, чтобы какой-либо промысел, а может быть употребляем на месте же в топливо. При том у нас зима стоит с октября и до мая и в этот период времени единственное средство к существованию состоит у нас в топливе, потому что у нас нет хороших строений, вполне защищающих от холода и ветра, нет необходимой теплой одежды...» Начальник Горийского уезда, направляя подобные «Прошения» крестьян к князю Эристави, поинтересовался у последнего, «сколько они платят за пастбищные и сенокосные места», и требовал сообщить, «насколько претензии эти» крестьян «заслуживают внимания». При массовой нищете крестьян Южной Осетии особенно острым для них был вопрос о земле, оказавшейся в руках грузинских помещиков. Безземельные и малоземельные крестьяне шли к грузинским тавадам и нанимались ими на кабальных условиях. В качестве примера приведем некоторые положения договора, заключенного крестьянином Лексо Тогоевым с одной из семей Эристовых. Договор состоял из следующих пяти пунктов: 1. Крестьянину предоставляется право пользоваться в пределах дачи Квиткири всеми теми пахотными и сенокосными землями, коими пользовался до настоящего времени; 2. Взамен следуемых помещику земных произведений крестьянин обязывался платить денежный оброк ежегодно по шести рублей; 3. За пользование лесом – по 2 рубля; 4. За пользование пастбищем – по одному рублю и сабалахо с каждой сотни овец и коз две штуки; 5. Срок взноса – до восьмого ноября. В договоре отразились два главных новшества, заметные по сравнению с прошлыми повинностями. Во-первых, отказ от натурального оброка и замена его денежным. Несомненно, что в 70-е годы XIX века с развитием товарно-денежных отношений могло иметь значение повышение ценности денег, но главное все же заключалось в увеличении размера оброка; ранее официальная ежегодная повинность со двора не превышала 3,50 рубля серебром, а по договору, нами приведенному, оброк составлял более 10 рублей. Такие новые договоры заключали крестьяне Реваз Дзедисов, крестьяне из селения Тохта, крестьяне Бедоевы, Битаровы, крестьяне из селения Колат и др. Понятно, что не все крестьяне были в состоянии заключать договоры на слишком кабальных условиях. Многие из них были вынуждены покинуть Южную Осетию: одни из них переселялись ближе к Северной Осетии,

другие – в Карельский район, где все еще было много свободных земель. Карельский район обладал хорошими почвенно-климатическими условиями, однако грузинские тавады не очень стремились в этот район, так как он все еще относился к беспокойным районам. Судя по всему, власти поощряли также переселение осетин в Кахетию, так как в Тифлисе были заинтересованы в укреплении обороны этого района, куда еще продолжали приходиться лезгинские разбойные отряды. «Переселенцы из Осетии» занимали в Кахетии Мдзопретинское ущелье и расселились в селах: Мдзоварети, Ортубани, Елбыкианшкари, Гвердзинети, Кодмани, Батети, Мухлети, Каниони, Келети, Суканаантубана, Ткемловани, Сатерзе, Надиранткари. Очевидно, что эти села, в свое время подвергавшиеся вооруженным нападениям со стороны Дагестана (лекианоба), были опустошены и продолжали оставаться незаселенными, пока сюда из Южной Осетии не были вытеснены осетинские крестьяне, гонимые грузинскими феодалами. Еще в 1873 году переселенцы жили вне какой-либо административной структуры: «жители всех этих селений ни к какому приходу не причислены и не имеют священника», – сообщал один из низших представителей властей. Между тем, судя по числу сел, ими занятых, осетин-переселенцев было немало.

Начало 70-х годов XIX века было отмечено, наряду с фронтальным наступлением грузинского феодализма, также попытками осетинских старшин выделиться из крестьянской общины и войти в состав господствовавшей в Южной Осетии грузинской феодальной группировки. Одним из таких «компрадорских» владельцев, например, был Габо Елоев – житель селения Орчосан. Он имел собственное владение и зависимых крестьян. История его возвышения, а затем падения привлекает внимание важным социальным явлением, отвечавшим на вопрос о том, почему в Южной Осетии в новое время не сложилась местная феодальная знать. Габо Елоев занимал имение, «называвшееся Дасар-куле». Само наличие у его владения названия свидетельствовало о значительности собственности, которой бывший старшина владел. Но на пути дальнейшего феодального роста были серьезные препятствия, среди которых на первом месте – грузинская феодальная оккупация Южной Осетии. В одном из своих «Заявлений» горийскому уездному начальнику Габо Елоев жаловался, как летом 1872 года его крестьянин Датико Гогошвили выгнал скот на пастбища, где неподалеку стоял и сам хозяин. Вскоре здесь же на Габо Елоева напал Татала Наушвили, который «сперва начал бить скотину», «а потом избил... беспощадно» самого Габо, и это все «под тем предлогом, будто бы скотом моим учинена потрава на сенокосном его месте». Габо Елоев требовал, чтобы власти освидетельствовали «потраву», и если они подтвердят такое, то он, Габо, «удовлетворит Татала Наушвили, т. е. возместит потраву». Вместе с этим Габо Елоев просил, чтобы «за причиненные» ему «жестокие побои подвергнуть виновного законному взысканию». Было видно, что осетинский старшина, ставший на путь феодального роста, уверен в своей правоте – в том, что пас скот на собственном участке и не давал повода своему односельчанину для нападения. Татала Наушвили и стоящему за его спиной понадобились дополнительные усилия для провокации. В ней приняла участие жена Наушвили, принесшая местным властям «ложную жалобу» на Габо Елоева – «будто бы» он «причинил ей побои». По этой жалобе «вызвали» Габо «в Хурвальское сельское управление, и без разбора сего дела и произведением надлежащего исследования Хурвалетский Мамасахлис Сосо Атенелишвили избил» его «палкой своеручно..., не довольствуясь этим, он, Мамасахлис, требует неправильно с меня штраф в пользу своего сельского управления 25 руб. сереб.» Так очень просто грузинские власти, господствовавшие в Южной Осетии, приостановили социальное восхождение местного осетинского старшины. Такое происходило с каждым из осетинских старшин, кто пытался выделиться из собственной среды и думал занять более высокое социальное положение. Старшины некоторых осетинских сел вступали в торг по поводу покупки у грузинских князей, имевших крупные владения в Южной Осетии, пахотных и сенокосных земель, а также лесных угодий. Такие сделки состоялись, например, с представителями Мачабели, князей Павлевановых и др. Это происходило, несмотря на то, что тифлиские власти отказывали осетинским крестьянам в выдаче ссуды для выкупа у князей своих земель. Сделки с князьями могли совершать более

или менее состоятельные осетинские крестьяне. Но и они не имели решительно никаких социальных перспектив для дальнейшего хозяйственного роста, необходимого для того, чтобы выделиться в знать. Те же князья Мачабеловы, продавшие в конце 70-х годов XIX века отдельные участки числившихся за ними земель, позже стали насильственно отнимать их у крестьян обратно. Мачабели иногда продавали один и тот же участок двум крестьянам, не подозревавшим об афере. Так, Трамм Лалиев за 80 рублей выкупил у Николая Мачабели свой участок. Скрыв сделку, Мачабели продал этот же участок еще двум хозяевам – Биже и Миле Цховребовым; афера князя обнаружилась во время сельскохозяйственных работ. По-другому поступали князья Павлевановы – один из них, Илико, продал участки пахотной земли осетинским крестьянам Алексею Гогичаеву, Георгию Гучмазову и Алексею Пичхнарову, другой, Кате Павлеванов, когда крестьяне стали пахать приобретенную землю, напал на них «при оружии, держа в одной руке ружье, а в другой большую палку, которою бил беспощадно» пахарей. Требуя покинуть землю, князь «угрожал и обещается убить нас», – жаловались крестьяне.

Феодальный оккупационный режим властей, создавшийся в Южной Осетии благодаря грузинским князьям, приводившим хозяйственную жизнь к глубокой стагнации, являлся главной причиной социального напряжения в Южной Осетии. Степень его накала хорошо просматривалась, когда грузинские князья Палавандовы решили захватить лесные дачи; ранее ими пользовались крестьяне Терегванского общества, за что грузинские князья Палавандовы взымали с них повинность – «по пять рублей с дыма». Позже такая плата не устраивала более князей. Они объявили лесные дачи осетинского общества своей собственностью и желали заключить договор с крестьянами на новых, кабальных для них условиях. Князья хотели встречаться только с осетинским старшиной, чтобы договориться об условиях пользования лесом. Но к князьям Палавандовым вышли все жители Терегванского общества, не желавшие ничего менять в своих с феодалами отношениях. Полковник князь Казбек объяснил Палавандовым, что между крестьянами существует против них, князей, «заговор» и что им лучше покинуть жителей осетинского общества. Самоуверенные князья решили пойти на провокацию. Когда они сели на коней, один из них направил своего коня на людей, а грузинский судья Сосико Месхи «ударил палкой по лошади», лошадь Иосифа Палавандова «ворвалась в толпу и свалила двух крестьян». Провокация удалась – «народ закричал: дуйте их». Старшина с криком «ура» стал кричать народу, чтобы они били Палавандовых, «народ бросился к ним с дубинами и начал бить их». Палавандовы «разбежались и толпа начала бросать в них камни, один Палавандов Александр» замешкался «и его начали бить дубинами, так что папаха его лопнула от удара». Происшедшее в Терегванском обществе волнение – характерная картина и для других осетинских обществ. В связи с этим участилось в осетинских селах введение «эзекуции», тяжелым бременем ложившееся на крестьян. Власти были заинтересованы в эзекуциях не только из-за желания не дать разрастись бунту, но и из-за собственной выгоды: во время наложения на село эзекуции жители обязаны были содержать за свой счет эзекуторов – казаков и грузинскую милицию, благодаря чему сэкономленные казенные средства власти присваивали себе. Осетинские села больше всего опасались эзекуции, поскольку из-за них были вынуждены нести большие затраты и одновременно подвергались насилию со стороны князей. При установлении эзекуции над тем или иным осетинским обществом выдвигалась определенная причина, служившая поводом для ее введения. Чаще всего таким поводом служило обвинение осетин в воровстве или разбое. Это был старый, хорошо проверенный прием – в свое время, как мы видели, им пользовались, когда желали направить в Южную Осетию карательную экспедицию. При введении эзекуции обычно жители осетинских обществ проявляли особую солидарность и пытались вести себя осторожно, не давая сколько-нибудь реальных поводов грузинским властям для грабежа и других насильственных мер – убийств, арестов и т. д.; если в эзекуциях не участвовали российские военные, а только грузинские отряды, то они обычно старались не углубляться в Южную Осетию, опасаясь за свою жизнь. Наиболее распространенной формой эзекуции являлась та,

о которой в 1884 году писал тифлисскому губернатору горийский уездный начальник; последний обладал правом введения экзекуции в пределах своего уезда в любом селе, если считал это необходимым. Расположив отряд грузинских экзекуторов в селе Сатикар, уездный начальник писал губернатору, что в северо-восточной части Горийского уезда, «где гнездятся отдельные отселки осетинского населения, поголовно и издавна» будто предаются «всевозможным преступлениям и проступкам». Речь шла о Дмениском обществе, в котором действительно осетинские «отселки» плотно граничили с грузинскими селами. Судя по всему, уездный начальник князь А. Амилахвари ставил перед собой две задачи – обосновать необходимость введения в осетинских отселках экзекуции, чтобы, ограбив их, заставить осетин переселиться в какое-нибудь другое место. Грузинский князь изображал грузинское население жертвой осетинских воров и разбойников. «Положение населения, – писал он губернатору, – нельзя описать... громадная масса потерпевших, осаждающая эти селения с плачем и рыданием в буквальном смысле слова, ...категорически заявляя о решительной невозможности дальнейшего сосуществования, если не будет положен конец продолжающегося их разорения». Поскольку у князя Амилахвари все осетины были «воры», то он сообщал губернатору, что грузины просят «о выселке поголовно воров, или же самим им предоставить возможность переселиться куда-нибудь». Идея переселения осетин пока была высказана как перспектива, что же до отряда экзекуторов, то начальник уезда главной задачей его выдвигал ликвидацию «заговора» осетин, направленного якобы на то, чтобы... не выдавать воров, ни поручительства в прекращении дальнейшего воровства». Истинные намерения грузинского князя Амилахвари раскрывались в конце его официального обращения к губернатору. Он просил Тифлис: «...разрешить... заарестовать, без особых на то приговоров», «общественных влиятельных лиц» осетинской национальности, «даже и в том случае, если между ними будут должностные лица сельской администрации, как, например, сельский судья, предоставив это право на все время пребывания во вверенном мне уезде экзекуции». Как видно, горийский уездный начальник фактически требовал концентрации всей местной власти в своих руках и узаконения того деспотического режима, который был создан в Южной Осетии. В том же отношении к губернатору князь Амилахвари сообщал, что он уже «заарестовал» «одного из влиятельных жителей селения Сатикари» – крестьянина Зураба Догузова, содержащегося «при горийской уездной тюрьме». Сама экзекуция, с помощью которой горийский начальник собирался разобраться «поголовно» с осетинскими «ворами», состояла из сотни казаков, поставленных в селе Сатикари «в усиленном довольствии» за счет местных жителей; обычно с помощью экзекуции максимально разоряли село, в котором располагался отряд, и, посеяв нищету, экзекуция перемещалась в очередное село. Казачий отряд, предоставленный горийскому начальнику, входил в 1-ю Кавказскую казачью дивизию и в распоряжение князя Амилахвари должен был находиться с 20 января и до 1 марта. Вскоре, когда начальник казачьей дивизии затребовал у горийского начальника вернуть ему 14 февраля казачью сотню, князь был крайне раздосадован – объяснял, что им разработан план провести еще экзекуцию в целом ряде населенных пунктов, в особенности в селении Гуджарском, «состоявшем большею частью из осетинского населения», где «в высшей степени развиты: воровство, грабежи, разбои, поджоги и другие преступления». Горийский начальник просил оставить сотню казаков хотя бы до 1 марта, иначе – страшал Амилахвари власти – «зло неминуемо примет более грандиозные размеры и разовьется» даже там, где его нет. При чтении рапорта горийского начальника бросается в глаза крайняя заинтересованность грузинского князя в долговременном пребывании в Южной Осетии казачьей сотни, выполнявшей здесь функции экзекуторов. Горийский начальник, казачья сотня, экзекуция – это все для грузинского князя Амилахвари воспроизводило традиционную, хорошо ему знакомую систему грузинского феодализма, на введение которой в Южной Осетии, по сути, были направлены его усилия. Стоит подчеркнуть не менее важное – идея горийского начальника о концентрации местной власти по приведенной схеме не являлась всего лишь проявлением личных властных амбиций Амилахвари. Гораздо большее значение имел широкий запрос со стороны грузинских князей в усилении системы валиитета в

Южной Осетии, которая действовала бы без сколько-нибудь серьезного контроля со стороны российских властей. Актуальность этой системы объяснялась необычайно экспансивным наступлением грузинского феодализма в Южной Осетии. Впрочем, то, как воспроизводился конкретно грузино-персидский валитет в Южной Осетии, лучше всего показать на конкретном материале.

Князья Палавандовы, в отличие от Мачабели и Эристави, всегда казались более спокойными феодалами, хотя по своему общественному положению скорее превосходили, нежели уступали соискателям феодальных привилегий в Южной Осетии. В 70–80-е годы XIX века они не только оживились, но и затмили своей агрессивностью всех других своих соотечественников и товарищей по княжеским притязаниям. Особенно настойчивыми в увеличении повинностей, феодальной изворотливости и в установлении в Южной Осетии оккупационного режима Палавандовы стали с 1884 года. Именно тогда «уездный начальник с приставами и князьями Палавандовыми в числе 30 человек», прибыв к крестьянам, «объявил, что по воле главнокомандующего установлены новые повинности». На этот раз, естественно, они не ограничились мобилизацией приставов, судей, поверенных и собственных княжеских сил, чтобы оказать давление на крестьян. Среди последних были «поставлены» «воинские команды как для понуждения к выдаче предосудительных лиц, так равно и для понуждения крестьян подчиниться» власти князей. По осетинским селам были размещены отряды экзекуторов, и было заявлено, что эти воинские «команды не будут сняты до тех пор, пока они не подпишут условия о платеже новых повинностей». Крестьяне сомневались в заверениях уездного начальника и князей Палавандовых в том, что увеличение повинностей – распоряжение главнокомандующего. Ими было установлено, что «пользуясь удобным случаем экзекуционного поста, промеры, т. е. насилия, побоев... уничтожения всех жизненных средств» – князья и местная власть добиваются «установления новых повинностей». С этой же целью князья думали заключить договоры с осетинскими крестьянами, чтобы «незаконно закрепостить 400 дворов казенных крестьян и иметь право сосать их кровь для поддержания одряхлевшего авторитета княжеского достоинства». Князей Палавандовых поддерживали не только местные грузинские власти, но и грузинские дворяне, сами закрепившиеся в Южной Осетии в положении феодалов. В частности, им помогали князья Абашидзе и Цициановы. Как ни старались крестьяне защитить себя, под давлением властей и в особенности экзекуции они были вынуждены согласиться на установление новых повинностей. Осенью 1884 года крестьяне Ноне Чибиров и Гиго Цховребов писали тифлисскому губернатору, что их «посредством обмана, насилия и побоев заставили подписать обязательство» о выполнении новых повинностей. Ситуация особенно обострилась осенью, когда подошло время реального выполнения крестьянами новых повинностей. Те же Чибиров и Цховребов писали, что князья Палавандовы «принуждают нас к платежу вышесказанных вновь установленных повинностей, грозя нам ссылкой в Сибирь, экзекуцией, заключением в тюрьму и разорением». Дело здесь дошло до того, что крестьянин Алексей Габараев, «будучи в нетрезвом виде, позволил себе при свидетелях выразиться неприличными словами против особы государя, порицая при том указы его императорского величества по поводу взыскания с крестьян казенных податей». На Алексея Габараева был составлен протокол, и дело было передано «до сведения прокурора Тифлисской судебной палаты». Крайние формы «искаженности» крестьянской реформы в Грузии, приспособление ее к грузинской модели феодализма обрушились тяжелым гнетом на массы населения на всей оккупированной грузинскими князьями территории Южной Осетии. «Неприличные слова», высказанные Алексеем Габараевым в адрес монарха, явно отражали настроения осетинских крестьян, вновь оказавшихся перед реальной необходимостью вести неравную борьбу с грузинским феодальным игом.

Возрождение освободительных идей

До середины 80-х годов XIX века крестьяне Южной Осетии делились условно на три категории: казенных, зависимых от грузинских князей и хизан – общинников. Последние формально считались свободными, однако в XIX веке основная их часть, так или иначе, находилась в зависимости от феодалов. По существу хизанская масса крестьян являлась серьезным «крестьянским резервом», пополнявшим ряды феодально зависимых крестьян. В пору, когда грузинские феодалы активизировали свое наступление на Южную Осетию, хизаны, как и другие категории крестьян, оказались вовлеченными в процессы феодальной экспансии Грузии. Крестьяне-хизаны Торманеульского прихода в жалобе тифлисскому губернатору свидетельствовали, что они «более семидесяти лет» жили на землях имения Палавандовых. Они писали, что «имение это из дикой пустыни» ими «превращено в цветущие поля и на месте... пустырей теперь тянутся пахотные поля и сады». Хизаны имели повинности, состоявшие из 1/6 части урожая, «двух рабочих в год» и «двух подарков – на рождество и пасху». «Так было до 1883 года», – утверждали хизаны. Но в 1885 году Палавандовы «вздумали изменить это положение и с помощью насильственных мер вынудили нас дать подписку о платеже таких повинностей, которые и во сне не снились ни одному из помещиков даже во время самой темной неволи и непоколебимости крепостничества», – жаловались хизаны тифлисскому губернатору. Обычно подобные жалобы хизан разбирались при обязательном участии посредника, с мнением которого должны были считаться как власти, так и спорящие стороны. Но подбор посредников происходил не без участия властей и феодалов, поэтому посредник, как правило, становился на сторону властей и феодалов. Михаил Пухаев, «поверенный» от осетинских хизан, свидетельствовал, что жалобы хизан на князей Палавандовых передавались на рассмотрение «мирового посредника», представлявшего собою «отъявленного врага» осетинских крестьян; этот посредник составлял «постановление», защищавшее интересы князей, а копии этих постановлений вручал неграмотным крестьянам, беря с них «от одного до 5 и 8 рублей». Разгоравшиеся вокруг хизан споры, связанные с проблемой их феодального закабаления, были столь остры, что становилось очевидным: хизанская крестьянская среда явилась главным очагом, где вновь зарождались идеи национально-освободительного движения. Политическая острота этих идей была направлена главным образом против грузинского засилья. Вызревание идеологии освобождения Южной Осетии от грузинского феодального гнета происходило, естественно, на почве социальной незащищенности хизан и наступления на их интересы и права со стороны князей. Важным признаком идеологичности крестьянской борьбы против гнета следует считать появление у хизан своего лидера. Таким «поверенным», горячо отстаивавшим интересы осетинских крестьян, был Михаил Пухаев. Его «прошения», адресованные российским властям, отличались не только остротой полемики, но и зрелостью политического видения обстановки. Чтобы представить уровень политических суждений Михаила Пухаева, выходца из хизанской среды, стоит привести несколько его социальных пассажей, с которыми он выступал против российско-грузинских властей и феодального гнета, установленного в Южной Осетии. Хорошо понимая свое положение политического лидера, Михаил Пухаев называл тифлиские и уездные власти в Гори «бесцеремонными», «возмущающие всякое нравственное чувство и доверие к представителям» этих властей. «На что надеяться бедному крестьянину, попавшемуся в когти мирового посредника», – писал в одной из жалоб Пухаев. Посредников он рассматривал как «тесно солидарных по общности интересов с землевладельцами», называл их «гадкими», «унижающими человеческое достоинство». Михаил Пухаев считал Александра II «великим, незабвенным и многострадальным реформатором крестьянского быта». Обстановку в Южной Осетии, созданную властями и грузинскими феодалами, он рассматривал как тревожную, которая вызывает «невольный страх за нашу будущность». В намерении грузинских князей довести осетинское крестьянство «до голодной смерти» Михаил Пухаев усматривает целенаправленное стремление грузинской знати вызвать у крестьянства «сопротивление» с тем расчетом, чтобы добиться «поголовного переселения нас в Сибирь». Опасаясь подобной провокации со стороны грузинской знати, лидер

осетинских хизанов был осторожен, он пытался «законными» и «мирными» средствами приостановить тотальное наступление на Южную Осетию грузинского феодализма. Пухаев видел и другое – тактику грузинских феодалов, добивавшихся «разъединить все» осетинские общества, «чтобы затеянный ими колоссальный грабёж в пользу Палавандовых не бросался в глаза начальству и не повлек бы их самих» в тюрьму – «туда, где по всей справедливости они должны бы находиться». В своем обращении к российско-грузинским властям Михаил Пухаев требовал решения конкретного вопроса – сохранения для крестьян хизанов прежних повинностей, которые они платили до 1883 года. Тифлисскому начальству явно не понравились высказывания лидера хизанов. На одно из его писем была нанесена резолюция: «так как в доложенной жалобе поверенного Пухаева употреблены оскорбительные выражения для присутственного места, то потому жалобу эту оставить без последствий». «Оскорбительными выражениями» назывались, естественно, крамольные для деспотического оккупационного режима идеи, которые высказывал Михаил Пухаев. Не исключалось и другое – жалобы Пухаева, судя по всему, не всегда доходили до российской администрации, от которой грузинские князья могли все же ожидать непредсказуемых реакций. Скорее всего, по этой причине в резолюциях на письмах Пухаева иногда указывалось, чтобы «жалобу через горийского уездного начальника передать самому автору». Следует учесть, резолюции эти, как правило, принадлежали одному и тому же лицу – грузинскому князю Абашидзе, который также подвергался Пухаевым жесткой критике.

«...И восстанет вся Осетия...»

В югоосетинских обществах господствовал глубокий социальный протест против гнета грузинского феодализма, принимавшего четкие формы национального ига. Вместе с тем хорошо была заметна явная сдержанность местного населения в отношении официальных властей; осторожность проявлялась и к различного рода провокациям, к которым прибегали грузинские оккупанты-феодалы. Осетинские общества все еще опасались возможной депортации, о которой часто напоминали им князья. Крестьянское население, остававшееся сплошь неграмотным, хорошо осознавало, насколько беззащитно оно перед мощной российско-грузинской властью, сконцентрированной в Тифлисе. Несмотря на совершенно очевидный страх, придававший оккупационному режиму особую тяжесть, то в одном месте, то в другом кончалось терпение крестьян, и вспыхивали яростные всплески социального взрыва. Но именно на крестьянские бунты нередко грузинские феодалы провоцировали крестьян; выступления последних против тавадов обещали, по меньшей мере, введение в осетинских селах экзекуции, приносящей феодалам немалые выгоды. Не менее желательными для князей могли бы явиться карательные меры российских властей, под прикрытием которых они получали новые возможности феодального продвижения в Южной Осетии. Одной из таких провокаций явились события, происшедшие в местечке Урсдзуар; здесь были пастбища, освященные наличием на них святилища Урсдзуар (святого Георгия). Князь Мачабели прекрасно понимал, какие последствия могут произойти, если посягнуть на эти крестьянские пастбища. Сюда, на освященные пастбища, грузинские пастухи, принадлежащие князю Мачабели, пригнали свои стада баранов. Дальнейшие события развивались так, как того желал Мачабели: «...осетины из селения Урсдзуар и окрестных деревень в числе 60 человек под предводительством сельского судьи Зураба Джюева... вооруженною рукою напали на них», на пастухов, «и на товарищей их, силою отняли и угнали 30 шгук баранов, причем избili пастуха Ю. Бурдули, разбив дубинкою голову, от чего он находится в опасном положении для жизни». Сама по себе провокация князя, как, впрочем, и нападение на пастуха и его избивание, «сюжетно» оставались бы малопривлекательными, если бы в насилии осетинских крестьян не выражался протест по поводу слишком тонкой и важной для них материи – покушения главного их врага на народную Святыню. Этот глубокий внутренний протест крестьяне проявляли в

эмоциональном шуме, с которым они согнали с Урсдзуара людей князя Мачабели: «...осетины эти кричали, что все имение целиком осталось за ними, осетинами, и Мачабеловы показаться туда уже не могут, так как имение с пастбищными местами и лесом составляет исключительную собственность осетин».

Более масштабно и решительно, чем Мачабеловы, действовали князья Палавандовы. В Корнисском обществе Южной Осетии они в 1885 году продемонстрировали подлинную грузинскую сечу. По свидетельству местных жителей, 22 июля этого года «мировой посредник с князьями Палавандовыми и их домашнею прислугою, есаулами и приставами, вооруженные на конях... вторглись в их (осетин. – *М. Б.*) селения и, не требуя никаких повинностей, произвели такое опустошение, какое невозможно было бы ожидать от турецких башибузуков». В приведенном пассаже сравнение нашествия князей Палавандовых на осетинские села с вторжениями турецких войск в Закавказье нельзя рассматривать как гиперболу. Вслед за этой фразой подчеркивалось, что Палавандовы и их отряд рассматривали осетин «как бы неприятелями», поэтому «они разъезжали по неснятым еще нивам и потоптали их копытами своих лошадей... у многих отбирали скотину, а то и лошадь продавали за бесценок». Но главным для вторгшихся все же являлась демонстрация восточных форм мизантропии, не только не угасшей среди грузинской знати со времен персидского ига, но пышным цветом расцветавшей с тех пор, как Южная Осетия была отдана под полигон для этой самой мизантропии. «В течение нескольких дней» князья Палавандовы в осетинских селах «дебоширствовали»; они, находясь на содержании местных жителей, «заели их и, не довольствуясь доставляемыми ими съестными припасами, разъезжали по селам и, как бы пробуя ловкость и острие шашек, отрубали с одного взмаха головы попадавшейся скотине и тащили на сожрание». Еще раз в связи с этим вспомним: отряды Ага-Мухаммед-хана точно так же проверяли острие своих шашек, но... на грузинских детях, и нет уверенности, что, не будь в Тифлисе российских властей, Палавандовы стали бы церемониться, скорее всего – они повторили бы опыт своего кумира на осетинских детях; в этом контексте развивались дальнейшие события в Корнисском обществе. Местные жители свидетельствовали, «что ни мольбы о пощаде, ни вопль и плач их жен и детей не могли смягчить варварства». Истинные цели нашествия обнажил «мировой посредник», участвовавший в мизантропической вакханалии грузинских князей. Он заявил, что, если осетинские крестьяне «не перестанут подавать жалоб, то непременно будут повешены». Но крестьяне не испугались угроз, они обратились к тифлисскому губернатору. Здесь, в Тифлисе, рассмотрели события, происшедшие в Корнисском обществе. На допросе мировой посредник показал, что он и князья Палавандовы были в осетинских селах и «что все решения его в отношении взыскания повинностей с хизан», по поводу которых якобы они были у крестьян, «приведены им (мировым посредником. – *М. Б.*) в исполнение беспрепятственно». Однако дальнейшее следствие по этому делу было передано князю Чавчавадзе, что, собственно, означало прекращение не начатого расследования; князь Чавчавадзе позже подтвердил показания мирового посредника. Возвращаясь к событиям, происходившим в Корнисском обществе, стоит подчеркнуть, что мировой посредник действительно мог поведение Палавандовых рассматривать как желание навести страх на осетин, чтобы успешнее с них взимать повинности. На самом деле князья разыграли куда более серьезную карту – они хотели вызвать со стороны осетинских хизан вооруженное сопротивление, а еще лучше – восстание, обострить обстановку в Южной Осетии и заполучить в ней новый простор для расширения своих феодальных владений. В связи с этим вернемся к Мачабеловым, которые, преследуя ту же цель, добивались ее более открыто.

Споры между Мачабели и крестьянами продолжались по поводу земли, в особенности лесных массивов, которые князья считали своей неотъемлемой собственностью. В самом начале осени 1885 года споры обострились в осетинских селах Мсхлеб и Гуфта. Крестьяне этих сел зашли в лес, который князья Мачабели накануне объявили своей собственностью, и нарубили для себя «лесной материал». По этому случаю Мачабели и цхинвальский полицейский пристав прибыли в село Гуфта и на срубленный материал объявили запрет как

на «осеквестрованный» для крестьян; лесной материал решили забрать князя. На это местные крестьяне заявили, что они «не дадут исполнить подобного решения не только мирового посредника, но даже Сената», на который ссылались Мачабели. Цхинвальский пристав вместе с князьями вновь прибыли на место, на этот раз в село Хвце, где они «застали толпу осетин»; среди последних был также священник Григорий Санакоев, объяснявший крестьянам, «что существует высочайшее повеление о принадлежности всего имения с лесом и пастбищными местами им, осетинам, каковое повеление он, священник, отыщет и предоставит в Сенат». В разговор священника с крестьянами вмешался полицейский пристав; упрекая Григория Санакоева, он заявил, что «ему, как священнику, и притом понимающему человеку, не подобает вооружать диких осетин против власти». Священник от «толпы» осетин отвел в сторону полицейского пристава и сказал ему: «Мачабелов поставил дело так, что без кровопролития никто из осеквестрованного лесного материала ни одной щепки не получит и восстанет вся Осетия». «Восстание всей Осетии» и таким образом превращение центра Кавказского перешейка в зону не только наступательных притязаний грузинских тавадов, но и активных вооруженных действий российских войск являлось главным замыслом грузинских помещиков, господствовавших в Южной Осетии. То, о чем поведал Григорий Санакоев цхинвальскому приставу, хорошо знали в Осетии. Несмотря на это, крестьяне, нередко оказываясь во власти стихийного социального протеста, теряли самообладание и рисковали быть втянутыми в серьезную провокацию. В Гуфте осетины, противостоя князьям Мачабели, были во всеоружии и готовы к упорному сопротивлению. Это видели и Мачабели. Чтобы еще больше обострить ситуацию, последние демонстративно принялись грузить «лесной материал» на 11 арб. Еще раз убедившись в том, к чему ведут князья, крестьяне предложили мирное разрешение конфликта. Они просили отложить вывоз лесоматериалов сроком на одну неделю, – до выяснения вопроса о том, кому в правовом отношении принадлежит лес. Но именно этого как раз и не желали Мачабели, звавшие, что лесные и пастбищные массивы не были их частной собственностью. На предложение осетин они заявили, что даже при благоприятном для крестьян исходе дела им, осетинам, пришлось бы за каждую доску платить по три рубля. Когда вновь обстановка стала накаляться, полицейский пристав, опасаясь взрыва, приказал груженым арбам двигаться. На это моментально среагировали крестьяне: «...нагрянула толпа с дубинами, с криком и ругательством бросились на груженные арбы, стали бросать груз с арб». Под напором крестьян, которых было более 100 человек, князья бежали, лесоматериал был разгружен, арбы сломаны. Полицейский пристав тут же принялся за составление протокола о происшедшем – вина была возложена на крестьян, из них восемь человек были признаны организаторами бунта. На подобные волнения в Тифлисе реагировали оперативно. Не прошло и недели, как от тифлисского губернатора в адрес горийского уездного начальника поступила телеграмма, коей предписывалось «арестовать главных виновных... осетин-хизан и выслать таковых в Тифлис». Телеграмма была подписана: «За губернатора – князь Шервашидзе» – деталь, казалось бы, незначительная, на самом деле для тавадов это было важно, поскольку подобные детали четко отвечали всем «инородцам» на вопрос – «кто в доме хозяин!» Арест крестьян, подпись «за губернатора – князь Шервашидзе» – победы незначительные, но из них, как из малых кирпичиков, сооружалась идеология отторжения осетин как народа, одновременно с ней, с этой тавадской мизантропией, созревала другая социально обусловленная крайне националистическая идея – идея об исторической исконности югоосетинской территории как части «грузинского отечества». Это была естественная тавадская идея, вытекавшая из безраздельного феодального господства грузинской знати в Южной Осетии.

Автор щадил своего читателя, максимально избегая самых откровенных форм мизантропии и ксенофобии, которые позволяли себе в Южной Осетии представители грузинской знати. Чтобы представить, насколько далеко зашла в маразме эта знать, допустим исключение из авторского правила и приведем всего лишь один эпизод.

Михаил Эристов, «сверхштатный чиновник», приехал с экзекуцией в селение Сатикари

Дменисского общества Южной Осетии. Он привлек наше внимание не ксенофобской необузданностью – в этом он не превзошел других, а как личность, в начале 80-х годов XIX века положившая начало массовым насилиям в Южной Осетии. В Сатикари Михаил Эристов прибыл в январе 1884 года в качестве начальника военной экзекуции. Как нам известно, экзекуция вводилась в село или осетинское общество, если в них происходили «антиобщественные беспорядки». Напомним и другое: беспорядки провоцировали сами же тавады – инициаторы введения в осетинские села экзекуционных сил. Накануне в Сатикари были волнения, связанные с взиманием тяжелых повинностей. На их подавление власти направили сюда Михаила Эристави. Экзекуцию он решил начать... с кладбища. Он велел местным жителям очистить кладбище от снега и привести туда кошек и собак. После этого Эристов потребовал от местных жителей «выдачи порочных людей». Осетины «отказались от этого», заявив, что «нет у них порочных людей». Михаил Эристов стал настаивать на принесение крестьянами клятвы, которая бы подтвердила, что в Сатикари действительно нет «порочных людей». Согласно осетинскому обычаю, самой правдивой могла быть клятва на кладбище, если принести клятву, взяв в руку кошку или собаку. При ложной клятве убивали животное, бросали его к могилам близких родственников «клятвopеступника»; это было самым тяжелым наказанием для живых и объявлением проклятия для усопших. В Сатикари принести клятву в том, что в селе нет «порочных людей», решился 62-летний старик Бадила Догузов. Но прислуга («чапары») подсказала Эристову, что клятву должен принести сын Бадила. Клятву принес сын... Эристов стал требовать, чтобы клятву еще раз дал Бадила, иначе, угрожал князь, ему придется надеть на себя узду и мешок (торбу), наполненный навозом. В это время из людей Эристова один обвинил Бадилу в краже баранов. Бадила, видя, что ему не удастся так просто отвязаться от княжеского глумления, отдал 25 рублей. Увидев то, как заплатил Бадила деньги, священник Леван Пилишвили из села Ванати обвинил Бадилу в краже у него лошади, «стоящей 200 рублей»; поясним, что хорошая лошадь в то время стоила 30–35 рублей. Эристов приказал старику заплатить эти деньги священнику. «Бадила отказался от этого», т. е. отрицал причастность к краже. Он также объяснял, «что неоткуда ему взять столько денег». Тогда на Бадилу, в котором Эристов видел влиятельного в Дменисском обществе человека, «надели лошадиную узду и торбу, наполненную навозом, и лили ему на голову холодную воду, чтобы вынудить у него сознание в краже». После «князь Эристов вновь обратился к обществу с требованием выдачи ему порочных людей». Но «общество» «отказало ему в этом» так же, как в самом начале. В ответ на это Михаил Эристов «приказал выгнать из домов всех лиц мужского пола, оставив там одних женщин, и пустить туда казаков». Чтобы «не дать обесчестить жен и дочерей», Бадила Догузов обратился к собравшимся с просьбой подчиниться приказу Эристова и «дать ему порочных». Сам Бадила «выставил» в таком качестве двух своих сыновей – Георгия и Вану. Тут же Михаил Эристов вспомнил, что ему жаловался грузинский князь Тиго Амираджиби на крестьянина Диму Бичинаева, как на укравшего у князя баранов. Присутствовавший здесь же Дима отрицал свою вину. Но на него, по приказанию Эристова, «надели лошадиную узду и торбу, наполненную экскрементами человеческими и животных, и лили на него, на голову и за шею, холодную воду, а затем били его чапары и сам Эристов плетью»... Тифлисское губернское управление признало дикие действия Эристави преступными, однако они не послужили поводом для сколько-нибудь серьезного наказания. Но дело заключалось не в правосудии, на которое нельзя было надеяться, а в самих глубоко мизантропических действиях, в которых Михаил Эристов не знал меры. Князь приехал со своими людьми и отрядом казаков не для того, чтобы объявить новые повинности и приняться за их насильственное взимание, как поступали персидские вали. Он прибыл в селение Сатикар, собрал здесь население Дменисского общества Южной Осетии, преследуя сугубо политические цели. Естественно, сюда входили и мизантропия, как наследие персидского господства в Грузии, и ксенофобия, укоренившаяся на противостоянии с осетинским крестьянством, и, бесспорно, сегрегация, вольно или невольно насаждавшаяся российскими властями в Закавказье. Но главная цель все же сводилась к расшатыванию

обстановки в Южной Осетии. Князь Михаил Эрстов, официально занимавший должность «сверхштатного чиновника», понимал, что его крайне неадекватное для чиновника поведение может вызвать недовольство у российской власти, и это также входило в планы Эрстави; наступало время, когда грузинские князья, взойдя на вершину социальной пирамиды с помощью этой власти, стали уже чувствовать ненужность им России, бравшей на себя право не только благодетельствовать, но и сдерживать феодальный произвол. Не было бы российских властей в Тифлисе, приезд Эрстави в осетинское Дмениское общество имел бы совершенно другой сценарий. Он не возился бы на кладбище с кошками и собаками, не наполнял бы торбы навозом и человеческими экскрементами, а поступил бы точно так же, как это делал с грузинами персидский шах Ага-Мухаммед-хан. Михаил Эрстов на кладбище, желавший запустить казаков на массовое насилие над осетинскими женщинами, уже чувствовал себя готовым Ага-Мухаммед-ханом, но на пути его дальнейшего социального самовыражения стояли российские власти. По этой главной причине эти власти, принимавшие участие в восхождении грузинского князя Михаила Эрстави, превратятся для последнего в сущего врага. Вначале свое пренебрежение к России и ее властям он будет выражать глухо – так, как это он сделал в Сатикаре, позже он заговорит об «отечестве», «о свободе» и «независимости». Останется сказать о том, что экзекуция, с которой явился Михаил Эрстов в Дмениское общество, не только эпизод, но и система, с начала 80-х годов XIX века вводимая в Южной Осетии российско-грузинскими властями. И.Н. Цховребов, осетинский историк, опубликовавший необычайно ценные документы о грузинском тавадском иге в Южной Осетии, привел также сведения о произволе грузинских феодалов во время проводившихся ими экзекуций. Согласно источнику, изданному И.Н. Цховребовым, в 19 осетинских обществах Южной Осетии в эти годы правили «суд и расправу» 128 экзекуций, в которых вполне системно выражался сложившийся в Южной Осетии институт грузинского ига. Остается добавить – деспотический режим персидского толка опирался в Южной Осетии на помещиков исключительно грузинского происхождения. Наиболее крупными из них были Эрстави-Ксанские, Мачабели и Палавандовы. Как и они, владельцами в Южной Осетии были также имевшие княжеское достоинство: Херхеулидзе, Диасамидзе, Амираджиби, Давидов, Павленишвили, Амилахвари, Туманишвили, Багратион-Мухранский, Церетели. Разрядом ниже, в статусе дворян, были Тулашвили, Гедеванишвили, Махатели и Зардишвили, Черкезишвили и Зардишвили, Батиашвили. Число грузинских тавадов, создавших в Южной Осетии оккупационную систему, имело в конце XIX – начале XX века тенденцию к росту.

Абречество как форма социального протеста осетин

Осетинский народ, являясь древней частью индоевропейского мира, за свою многотысячелетнюю историю накопил богатейший опыт политической культуры. Но особенно длительным в истории осетин был период военной демократии, начало которого принято датировать VII веком до нашей эры. На этом этапе осетины выработали нравственные принципы, ставшие основополагающими в их высокой рыцарской культуре. После XV века исторические источники не зафиксировали фактов, когда бы осетины совершали на соседей вооруженные нападения и развязывали бы войну. Позже обнаружилось, что осетины хорошо воюют вместе с соседями в больших войнах и проявляют максимальную сдержанность в межэтнических конфликтах; чаще всего им приходилось воевать на стороне Грузии и России, которые всегда воспринимались как союзники. Ценили ли последние самоотверженность, готовность осетин отдать свою жизнь во имя этих союзников, с которыми исповедовали одну веру? Вопрос этот часто возникает перед осетином – нашим современником, которому новые реальности принесли немалые испытания. Ответить на него сложно... Грузинские Картли-Кахетинские цари часто

развязывали войны, приглашали на помощь осетин, давали им «золотые чаши» за мужество, а затем предательски на них же шли войной. Россия... щедро одаривала осетин наградами высокой пробы и тут же забывала о них. Николай I во время Крымской войны не скупился на награды и деньги для осетин, а вскоре отдал их на растерзание грузинским тавадам. Несмотря на это, благодаря традиционной политической культуре неизменными оставались для Осетии тяга к России и народам Кавказа. Неразрывными были отношения осетинского и грузинского народов. Нет сомнения, что именно этот неоспоримый факт явился главным основанием, не позволившим в XIX веке Осетии начать народную войну во имя свержения грузинского феодального ига, тяготы которого были сопоставимы с насилием Ага-Мухаммед-хана Каджара. Но у осетин, как и ряда европейских народов, всегда была своя особая форма борьбы с социальным злом, становившимся опасным для народа. Она известна как «абырэг», при переводе с осетинского языка используют название «абрек», а само явление называют «абречеством». Это явление, как правило, было связано с борьбой народа против чужеземного засилья – так, как то происходило в английской истории, где романтический герой Робин Гуд, противостоя норманнским завоевателям, защищает обиженных и бедных. Осетинское абречество, в XIX веке являвшееся формой сопротивления грузинскому господству в Южной Осетии, только внешне может напоминать современный терроризм. Но в отличие от последнего, основанного на реакционных течениях исламского фундаментализма, абречество – движение сугубо светское и зиждится на идее социальной справедливости. Существует еще очень важное отличие между абречеством и современным терроризмом: абреческое движение – народное, не связанное какими-либо политическими и социальными группами, а терроризм – явление сектантское, возникшее в исламе в XI веке и продолжающее оставаться сектантским. Сектантский терроризм стремится к массовости, осетинское абречество предполагает «одионый» уход в подполье или же действия небольшой группой – не более 5–6 человек. Само объявление об уходе в абречество содержало в себе проявление социального протеста.

В Южной Осетии, где социальные противоречия обострились в пореформенное время, абреческое движение оживилось в 60-е годы XIX века. В годы крестьянской реформы известным абреком здесь был Нони Чибиров. Но по-настоящему абречество в Южной Осетии, беспокоившее российско-грузинские власти, стало набирать силу в 80–90-е годы XIX века. Подъем его объяснялся тотальным наступлением грузинского феодализма на югоосетинские общества. Наиболее известными в то время абреками были Иосиф Хубулов, Хадо Ханикаев, Тате Джиоев, Вардан Хетагуров и др. Для подавшегося в абреки важно было получить признание в народе. Он мог заслужить его двумя средствами – личным мужеством и справедливостью своей борьбы. Этим, пожалуй, объясняется вызов, который Сандро, Тате Джиоевы и Малгоев послали ахалгорскому приставу. «Мы слышали, – писали они приставу, – что как будто мы вам очень нужны, преследуете нас и не можете встретить нас. Так, если ты не баба какая-либо, то выходи к нам навстречу с тремя сотнями казаков или гапаров и тогда видно будет, кто какое имеет мужество». К этой группе абреков позже присоединился еще Лексо Тавгазов. Официальные лица их называли «разбойниками» и характеризовали как «весьма дерзких». За ними постоянно по следам ходили «преследователи», состоявшие из начальника уезда, одного офицера и тридцати охотников из стрелковой дружины. Абреки между тем заходили в село, узнавали кто в нем богат, «после чего посылали своих агентов к ним с предупреждением о приготовлении дани». Уездный начальник, организовавший постоянную слежку за группой абреков, возглавляемой Тате Джиоевым, ссылаясь на трудности, встречавшиеся при попытках ее ликвидации. В числе этих трудностей он называл всеобщую поддержку, которую ей оказывали люди. Так, уездный начальник подробно описывал тифлисскому губернатору то, как в селе Басини «радушно» «были встречены населением» абреки. Власти пытались привлечь самих осетин к поимке абреков. Уездный начальник «обратился за содействием к старшине» «Корского общества и когда увидел, что не только никто не сочувствует делу преследования» абреков, «но даже его самого обзывали безмозглым, он, старшина, вынужден был бросить след

разбойников». Стоит заметить, что в осетинском народе внимательно следили за поведением каждого абрека, и если его действия и поступки были справедливы и мужественны, то он находил поддержку в каждом доме. В то же время абрек, нарушавший традиционное для него поведение, направленное на защиту интересов людей, мог подвергнуться бойкоту (хъоды. – М. Б.), и тогда он был обречен. Грузинские феодалы, обосновавшиеся в Южной Осетии, хорошо знали, что осетинские абреки придерживаются определенных правил и всячески старались иметь с ними мирные отношения. Это особенно проявилось после того, как в упорном бою группа Тате Джиоева была ликвидирована и появилась новая – группа Илико Пухаева. Уездная полиция не могла с ней справиться, хотя преследовала ее большими силами. Газета «Тифлисский листок» по поводу Пухаева писала: «обращают на себя внимание мотивы уездной полиции, почему Пухаев и его сподвижники неуловимы. Потому говорит она, что население, не исключая дворян-помещиков, оказывает Пухаеву и его шайке явную поддержку, снабжая шайку пищей, ружьями, патронами, сообщая о времени преследования...» Группа Пухаева преследовала главным образом грузинских помещиков и разбогатевших в Южной Осетии грузинских священников. Так, она угрожала князю Палавандову, письменно требуя от него «присылки в лес денег, хлеба и проч., угрожая в противном случае нападением на его дом». Группа Пухаева напала на князя Павленова, забрав у него деньги. Они же ограбили двух грузинских священников. Периодически люди Пухаева перекрывали Военно-Грузинскую дорогу и совершали дерзкие нападения на транспорты. После пятилетнего абречества Пухаев был убит. Тут же появился новый абрек – Карум Хубиев. Он отличился нападением на князя Цицианова. Громкую известность получил абрек Кужи Остаев. Периодически с ним участвовали в нападениях на богатых его близкие родственники.

Не затухавшее в Южной Осетии абречество, как наиболее примитивная и малорезультативная борьба, свидетельствовало о глубокой социальной деградации осетинских обществ, происшедшей под напором грузинской феодальной экспансии. В то же время стоит отметить важную сторону абречества как формы социального сопротивления. В 8090-е годы XIX века Южная Осетия была перед угрозой не только массового восстания, но и этнической войны. При таком развитии событий в тех конкретных условиях Петербург, чтобы еще больше приблизить к себе грузинское дворянство, мог бы решиться пойти на крайние меры – вплоть до «черкесского варианта», которого добивались грузинские тавады. Осетинское абречество отвлекало крестьянство от более радикальных форм борьбы, ставших опасными для народа. Оно напоминало грузинским феодалам, распоясавшимся в Южной Осетии, о «судном дне», неумолимо приближавшемся для них.

Миграция

Переселенческое движение, связанное с проведением в Южной Осетии крестьянской реформы, набирало силу на протяжении всего пореформенного периода. На начальном этапе переселение из Южной Осетии в Восточную Грузию объяснялось большими, чем в Южной Осетии, наделами земли, которые отводились крестьянам в грузинских районах. Позже, после 70-х годов XIX века, к малоземелью прибавилась феодальная оккупация Южной Осетии, ставшей для грузинских тавадов своеобразной колонией. В миграции населения из Южной Осетии в немалой степени были заинтересованы российско-грузинские власти. Переселение осетин во внутренние районы Грузии поддерживалось ими по двум главным причинам: 1. Заселение ряда районов Восточной Грузии, в особенности Алазанской долины, в свое время подвергшихся набегам горцев опустошению; 2. Желание властей добиться миграции осетин из Южной Осетии, где постоянно существовала напряженная политическая обстановка. Позже к этим двум главным причинам прибавилась и другая – стремление грузинской политической элиты к ассимиляции осетинского населения; осетинские села, создававшиеся в Восточной Грузии, фактически «погружались» в плотную грузинскую

языковую и культурную среду. Существовал для властей еще один мотив в инициировании миграционных процессов из Южной Осетии в Кахетию: переселение осетин в район, подверженный нападением со стороны горцев Северо-Восточного Кавказа, создавало реальную возможность для грузинских беженцев, ранее покинувших Алазанскую долину, вернуться в свои исторические насиженные места. Осетинские крестьяне, всегда вооруженные и обладавшие высокой воинской мобильностью, становились в Кахетии щитом для грузинских поселений. Миграционный поток из Осетии в Грузию продолжался вплоть до 1914 года. Некоторое, едва заметное оживление его замечалось и позже, в советское время.

Осетинские села в Кахетии создавались в основном на необжитых и не всегда пригодных для хозяйственной деятельности землях – приходилось приложить немало усилий, чтобы сделать земельный участок плодородным. Несмотря на это, осетины-мигранты старались расселиться на территории Верхней и Нижней Кахетии компактно. Религиозная идентичность и предрасположенность осетин и грузин к интеграции позволяли им также образование смешанных поселений. Подобные поселения были созданы в Горийском, Душетском, Карельском, Хашурском, Ксанском, Боржомском и других районах. Стоит также подчеркнуть, что переселение из оккупированной грузинской знатью Южной Осетии в Грузию, поощряемое властями, приводило к тому, что мигрантов, покинувших свои насиженные места, становилось больше, чем оставшихся в Южной Осетии жителей. Это серьезно ослабило Южную Осетию перед феодальным натиском грузинских тавадов и вело ее к беспомощности перед опасной экспансией.

Главной социальной категорией крестьян, уходившей со своей родины в Грузию, были хизаны. По своему положению они обладали большими возможностями для миграции и для выбора нового крестьянского статуса. На начальном этапе, когда российские власти заинтересованно занимались переселением осетин, хизаны получали разрешение селиться на казенных землях. Такое же разрешение они имели от Синода, позволявшего занимать участки на церковных землях. Некоторые хизаны покупали земли у грузинских владельцев. Следует сказать, что осетинские хизаны покидали Южную Осетию и по инициативе грузинских князей и помещиков, имевших владения не только в Южной Осетии, но и в Грузии. Они пользовались этим, заключали договоры с хизанами и поселяли их на своих землях. Тем самым феодалы добивались расширения своего феодального подворья. В первое время грузинские феодалы, заинтересованные в расширении своих владений, стремились сохранить для осетинских переселенцев одинаковые с грузинскими крестьянами повинности. Это и было, собственно, мерой поощрения осетин к миграции в районы Грузии. Насытив «рынок рабочей силы», грузинские феодалы резко изменили свою политику в отношении осетинских мигрантов. Они стали вводить для них меры сегрегации. Судя по всему, это началось в 80-х годах XIX века – одновременно с усилением официального произвола властей в Южной Осетии. В тогдашней прессе отмечалось, что места, где ранее обитали дикие звери, осетины превратили «в наилучшие пахотные земли». Вместе с тем указывалось и на то, что «помещики подымную подать повысили с одного рубля до двадцати четырех рублей». Было ясно, что бывшие осетинские хизаны, ставшие в новых местах крестьянами у грузинских феодалов, не смогут нести столь тяжелые повинности. И вновь «на помощь» пришла персидская деспотическая модель феодализма, в соответствии с которой феодал сначала объявлял о размерах повинностей, а затем насильственно изымал при помощи воинского отряда (стражи) столько повинностей, сколько позволяли его силы и крестьянские «ресурсы». Такая модель феодального режима обуславливалась не только хорошо знакомой грузинским феодалам традицией, но и мигрантским положением осетинских крестьян. Грузинские тавады, научившиеся у персидских ханов и валиев облекать свои фискальные аппетиты в громкие лозунги о Родине, естественно рассматривали Грузию как свою «собственность», на землях которой поселились осетины-мигранты в качестве временно проживающих. Сами осетины, обосновавшиеся в Грузии и оторванные от осетинской метрополии, не могли не чувствовать, насколько незащищенными они стали в плотном грузинском окружении. Несомненно, сказывалась и российская политика двух стандартов,

согласно которой грузины относились к привилегированной расе, а осетины, к тому же беженцы – к «низшей», что ставило осетинских крестьян в Грузии в очень тяжелое положение. Этим, очевидно, объяснялась высокая степень грузинской ассимиляции, характерной для мигрантов-осетин в Грузии.

Идеи освобождения

В начале XX века Грузия переживала серьезные социальные перемены. На ее политической арене обозначился генезис национально-освободительного движения, в котором наиболее заметными были три политические силы: 1. Феодално-тавадская, как наиболее реакционная, частью стоявшая за отделение Грузии от демократизировавшейся России, частью – за усиление российского самодержавия; 2. Буржуазные и мелкобуржуазные силы, также делившиеся на две группировки – на буржуазно-монархическое крыло и демократическое; 3. Массовое крестьянское движение, направленное на освобождение крестьян от тяжелого гнета. В этой довольно сложной природе грузинского освободительного движения наиболее прогрессивным являлось политическое течение, близкое к И.Г. Чавчавадзе. Оно было связано с мелкобуржуазным либеральным движением, опиравшимся главным образом на грузинскую интеллигенцию и крестьянские массы. Их отличало отношение к России, создавшей грузинскую страну и сохранившей грузинский народ. В противовес радикальным силам грузинского освободительного движения, поднимавшим вопрос об отторжении Грузии от России и выборе иных политических ориентиров, И.Г. Чавчавадзе в начале XX века произнес самые важные для Грузии того времени слова: «Покровительство единоверного великого народа, – писал он, – рассеяло вечный страх перед неумолимыми врагами. Утихомирилась давно уже не видевшая покоя усталая страна, отдохнула от разорения и опустошения, от вечных войн и борьбы. Исчез грозный блеск занесенного над страной и нашими семьями вражеского меча, исчезли полыхающие пожары, в которых гибли дома и имущество наших народов, канули в вечность грабительские набеги, оставившие лишь страшные, потрясающие воспоминания. Наступило новое время, время покоя и безопасной жизни для обескровленной и распятой на кресте Грузии, которую господь создал земным раем для человека, но которая едва не обратилась в братскую могилу для ее самоотверженных сынов, погибших без помощи и надежды, в одиночестве и вдали от всех, во имя величия христианства и сохранения своего национального лица. Была заложена грань мирной жизни. С этого дня никто не осмелился переступить эту грань с огнем и мечом». И.Г. Чавчавадзе и движение, лидером которого он был, выступали за ликвидацию грузинского феодализма. Грузинский князь, в свое время принимавший участие в подготовке крестьянской реформы в Грузии, был сторонником проведения широких аграрных и социальных реформ. В такой небольшой стране, какой была Грузия, идеи Чавчавадзе и его сторонников быстро доходили до крестьянских масс, ожидавших социальных перемен. Несомненное значение для распространения освободительных идей в Южной Осетии имело пребывание в ней видного грузинского демократа В.З. Кецохели. Около года он, сторонник освобождения крестьян от феодального гнета, работал в Джавском обществе Южной Осетии писемоводителем. Используя широкую возможность тесного общения с осетинским крестьянством, В.З. Кецохели вел среди народа большую разъяснительную работу. Следует подчеркнуть, что демократические силы Грузии были еще слабы, в противовес им энергичнее действовало феодално-клерикальное движение. И Кецохели, и несколько позже Чавчавадзе, оказавшие наибольшее влияние на Южную Осетию, были убиты, и таким образом еще более безнадежными становились усилия демократического движения в Грузии.

Освободительные идеи сильны были в самой Осетии. В отличие от грузинского освободительного движения в Осетии не выдвигался вопрос об отторжении от России. Весь смысл освободительных идей здесь заключался прежде всего в поисках свободы,

демократических прав и освобождения Южной Осетии от чужеземной оккупации. В Осетии болезненно относились к господству в югоосетинских обществах грузинских тавадов. Этим объяснялась та особенность, что на начальном этапе освободительного движения осетинская феодальная знать оказалась в оппозиции к российским властям. Осетинская аристократия, видевшая предоставление грузинским тавадам непомерных привилегий, в том числе в Южной Осетии, претендовала на равные социальные преимущества. Она ревниво относилась к различного рода дискриминационным ограничениям, вводившимся для осетинской знати. Наиболее существенным ограничением в феодальных правах осетинская знать считала отказ ей со стороны российских властей в признании и законодательном закреплении за ней феодальной собственности на землю, т. е. в том, что разрешалось грузинским тавадам. Противостояние на этой почве с российскими властями привело к эмиграции значительной части осетинской аристократии. Несомненно, это несколько ослабило движение, связанное с борьбой в Осетии против дискриминационной политики Петербурга на Кавказе. Но в Осетии сильна была тяга к просвещению, в ней в скором времени сформировалась мощная национальная интеллигенция, выросшая на традициях российского освободительного движения. Сама Осетия, в особенности ее южные общества, обладала достаточно сложной и напряженной социальной базой, на которой прогрессивно развивались освободительные идеи. Собственно, на этой базе выросла целая плеяда выдающихся осетинских общественных деятелей, каждый из которых вносил свой вклад в демократическое развитие национально-освободительного движения. Среди них были Идрис Шанаев, Ибрагим Шанаев, Алихан Ардасенов, Гуркок Газданов, Афанасий Гассиев и другие. Но подлинно народным лидером национально-освободительного движения был великий Коста Хетагуров. Его литературное творчество тесно было связано с трагической судьбой осетинского народа. Оно было проникнуто глубоким протестом против социальных сил, превращавших Осетию в полигон наживы, феодального произвола, дискриминации и политики, направленной на разрушение этнической целостности осетинского народа и Осетии как единой страны. Коста Хетагуров, родившийся и молодые годы проведший в Центральной Осетии, ранее административно объединявшейся с Южной Осетией, рано узнал об экспансии грузинских тавадов и разорении югоосетинского общества. Ему был известен не только вклад Хетагуровых в борьбу с притязаниями князей Мачабеловых, но и то тяжелое положение, в котором находилась Южная Осетия. Поэт был недоволен тем, что народ не восстает, чтобы освободить себя от «пришельца»-феодала. Его стихотворение «Тревога» написано как обращение ко всему осетинскому народу. Но особенное место в нем занимает боль, вызванная положением в Южной Осетии. Коста Хетагуров писал:

«Осетия! Можешь ли ты покориться
Пришельцу-алдару, что мучит народ?
Быть может, надеждой на правду влекомый,
Доверил ты волю пришельцу тому?..
Умри ж от раскаянья, друг незнакомый,
Коль ты хоть на миг подчинился ему!»

Самую большую тревогу в Осетии вызывала Южная Осетия. Оккупация, разгул феодального гнета, тяжелое иго, унижавшее национальное достоинство народа – не об этом ли у великого поэта?:

«Цепью железной нам тело сковали,
Мертвым покоя в земле не дают.
Край наш поруган, и горы отняли.
Всех нас позорят и розгами бьют».

Каждая поэтическая строка вождя освободительного движения находилась в тесном

контексте той действительности, которая была создана в Осетии второй половины XIX века. Глубоко переживает Коста Хетагуров переселение осетин в Турцию, переселение на Ставрополье и в Грузию, он призывает народ к сохранению единства страны:

«Мы разбрелись, покидая отчизну, –
Скот разгоняет так бешеный зверь.
Где же ты, вождь наш? Для радостной жизни
Нас собери своим словом теперь».

Поэт хорошо знал, что каждое его стихотворение, написанное на злобу дня, не только разучивается, но и призывно распевается в осетинском народе, зовет к борьбе за свободу. Для него литературное творчество – жесткое идеологическое средство, с помощью которого он тесно общается с народом, объясняет ему сложную политическую ситуацию и подсказывает, как выйти из нее:

«Враг наш ликующий в бездну нас гонит,
Славы желая, бесславно мы мрем.
Родина-мать и рыдает и стонет...
Вождь наш, спеши к нам – мы к смерти идем».

Обращения Коста Хетагурова к вождю – это, несомненно, обращение к самому себе, превосходно понимавшему, сколь важное значение он занимал в нараставшем освободительном движении; много позже, перед смертью, Коста Хетагуров, сознавая свое место в борьбе за обретение свободы и независимости от опасного врага, в состоянии необычайной тревоги за свою Родину, искренне и с полным основанием спросил у Судьбы – «как же ты, Осетия, будешь без меня?..» Редкая популярность, которую снискал поэт среди народа, свидетельствовала также о проникнутости масс идеологией освобождения от феодального и национального ига. Коста Хетагуров явился для Осетии, в особенности для ее южных районов, подпавших под иго грузинских тавадов, не только идеологом национально-освободительного движения, но и знаменем демократической революции в Осетии.

Проба сил

Народное движение за освобождение от грузинских тавадов, мировых посредников и приставов – непосредственных угнетателей осетинского крестьянства началось еще в 1902 году. Это было время освоения идеологических установок Коста Хетагурова, время всеобщего охвата массовым сознанием необходимости ожесточенной борьбы за свободу и независимость, за единство Осетии. Однако понадобилось еще «всероссийское обрушение», ставшее сигналом к выступлению. Как известно, такое «обрушение» произошло 9 января 1905 года в Петербурге. Весть о начавшейся в России революции дошла до Южной Осетии немногим более чем через месяц. Российскую революцию здесь, в Южной Осетии, восприняли сугубо по-крестьянски – поджоги в имениях грузинских князей, звон колоколов, призывавших к массовым выступлениям, прекращение платы феодальных повинностей, «расправа» с портретами Николая II, которому еще недавно писали сотни писем, посылали делегатов с просьбой об освобождении их от грузинского крепостничества, и он, царь, ответил столь жестоко: «всепопданнейшую жалобу на определение 2-го департамента правительствующего Сената, уполномоченных от осетин, жителей ущелий Джавского, Урсджварского, Джомагского, Кемультского, Кошкинского и Рукского и селений Мсхлеби, Гуфта и других, Горийского уезда Тифлисской губернии, Владикавказского округа Терской области осетин Григория Гаглоева и Гавриила Гассиева по делу с князьями Мачабели о

лесных материалах и о земельных угодьях, оставить без последствий». О таком решении императора в Южной Осетии знали все. Но главным врагом все же для южных осетин оставались иноземные феодалы. Первыми, на кого обрушился народный гнев, были князья Цициановы. Крестьяне подожгли их контору, сторожевые будки и решили без каких-либо повинностей пользоваться княжескими угодьями. Немного позже прогнали князей Эристави, Палавандовых, бежали князья Павленовы, Татишвили и другие. Боролись не только против феодалов, более тысячи крестьян обрушились на местные и уездные власти, одних грузинских чиновников выгнали, другие просто покинули осетинские общества. Вскоре в разворачивавшейся в Закавказье крестьянской революции Южная Осетия по накалу политических событий заняла одно из центральных мест. В югоосетинские общества наместник Кавказа граф И. И. Воронцов-Дашков направил для подавления освободительного движения осетин генерал-адъютанта, грузинского князя Амилахвари. Можно не сомневаться в том, с какой старательностью грузинский князь, которому были приданы российские войска, расправлялся с участниками массовых политических акций, происходивших в Южной Осетии. Князь Амилахвари опирался не только на регулярные войска, но и мобилизовал грузинские феодально-клерикальные силы, господствовавшие в Южной Осетии. С помощью этих сил в осетинских селах вводился экзекуционный режим. При этом князь Амилахвари ставил вопрос не просто о подавлении массового крестьянского восстания, а о наступательном характере действий войсковых и феодальных сил, который сделал бы возможным возмещение грузинским феодалам нанесенного ущерба и сбор крестьянских повинностей для тавадов. Но генерал плохо ориентировался в природе самих событий, происходивших в Закавказье, и в частности в Южной Осетии. Он объездил все осетинские общества и не без удивления сообщал в Тифлис, что его «надежды не оправдались» – осетинские крестьяне как «нападали» на грузинских помещиков, так и продолжают подвергать их разорению. События в Южной Осетии для российско-грузинских властей в Тифлисе становились центральными. Под их влиянием наместник был вынужден придать Горийскому уезду, куда входила Южная Осетия, новый статус, назначив сюда генерал-губернатора. Эта должность была передана профессиональному военному, полковнику Альфтану. Ему же поручалась расправа с югоосетинским крестьянством, боровшимся за свое освобождение от чужеземного феодального гнета. Новый командующий войсковыми силами в Южной Осетии действовал в тесном контакте с грузинскими феодалами. Под их непосредственным влиянием генерал-губернатор Альфтан ставил перед Тифлисом вопрос о депортации отдельных осетинских сел. В связи с этим нельзя не заметить, что способ решения политических вопросов на Кавказе, введенный еще в 1857 году, был фактически отменен после 1867 года, после завершения крестьянской реформы на Северном Кавказе. Трудно, однако, объяснить, что каждый раз, когда в Осетии возникала политическая нестабильность, почему-то российские генералы вспоминали Барятинского с его теорией о демографических средствах разрешения сложных проблем. Идея полковника Альфтана о депортации осетин из Южной Осетии была, очевидно, связана также с фактическим отстранением в Горийском округе гражданских властей и заменой их военными. Так, генерал-губернатор Альфтан, стоявший во главе Горийского уезда, передал полицейскую власть в Южной Осетии подполковнику Нацвалову, возведя последнего до положения уездного начальника. Важно, что кардинальная перегруппировка административной власти, передача ее от грузинских князей к российским профессиональным военным учитывала не только югоосетинскую специфику, но и особую остроту и значение происходивших здесь событий. Летом 1905 года Южная Осетия административно и политически была приготовлена к введению в ней военного положения. Несмотря на это, а также на различные меры подавления восстания крестьян, новые власти, как и прежние, явно не справлялись со своими задачами. Осетинские общества настолько были втянуты в освободительное движение, что летом и осенью крестьяне были свободны от уборки урожая, поскольку на весну 1905 года пришлось первая и весьма активная фаза крестьянского движения против грузинских феодалов. Осенью этого года, когда начался

новый этап активности восстания, полковник Альфган приступил к проведению в Южной Осетии карательных экспедиций. В ответ на это югоосетинские общества также сформировали «красную сотню» во главе с Антоном Дриаевым, которому его бойцы дали имя «Наполеон». Полковник Альфган получил дополнительное подкрепление, прибежал к жестоким мерам, но не имел успеха; известно, что южные осетины исторически отличались воинственностью, и было очевидно, что восставший народ, долго терпевший грузинский гнет, успокоить военными средствами будет непросто. Наместник Воронцов-Дашков заменил полковника Альфгана, пытавшегося подавить крестьянское движение, и вместо него начальником Горийского и Душетского уездов назначил генерала Бауэра. Последний решил превзойти по жестокости своих предшественников и тем самым спровоцировал массовые митинги и демонстрации. Соответственно возросла степень паралича власти, и – как оценивало обстановку командование – в Южной Осетии наступило время «беззакония и несправедливости». Но именно в этот период для югоосетинских обществ главным лозунгом дня стал призыв к «Свободе». Чтобы расколоть единство югоосетинских обществ, наместник прибег к новому административному преобразованию Южной Осетии; последняя еще накануне получила название «Цхинвальский участок» – тем самым административно и политически подчеркивалась, с одной стороны, локальность происшедших в Южной Осетии событий, с другой – вводился формальный разрыв югоосетинских событий с политической жизнью Северной Осетии. Таким образом, впервые Южной Осетии в сугубо политических целях было отказано в этнической и территориальной принадлежности к Осетии как к ее метрополии. Воронцов-Дашков, больше всего опасавшийся консолидации политических сил Осетии, пошел в своих административных «изобретениях» еще дальше – он расчленил Цхинвальский участок на два политических участка: собственно Цхинвальский и новый Горно-Осетинский. Административная децентрализация Южной Осетии, однако, сработала больше в интересах восставшего крестьянства, которому легче стало овладеть двумя ослабленными властными учреждениями. По мере того как Закавказье вовлекалось в революционное движение и тем самым воинские силы отвлекались от Южной Осетии, разрастались и события в двух административных осетинских участках. В декабре 1905 года, в разгар первой русской революции, в Цхинвальском участке, куда съехались с мест, в том числе из горных районов, и где только теперь начались основные события, была свергнута официальная власть, которая олицетворяла в Южной Осетии грузино-тавадское господство. Именно в этот момент, когда наступило время демократической народной власти, у восставших наконец появилась возможность выразить свое глубокое неприятие «тифлисского режима», от которого слишком отдавало деспотизмом Ага-Мухаммед-хан Каджарского. Чтобы раз и навсегда покончить с тифлиским мракобесием и его мизантропическим отрядом грузинских тавадов, превративших Южную Осетию в сущий ад, восставшие крестьяне, оказавшись у власти, «срезали телеграфные столбы и порвали провода». Так по-крестьянски был решен важнейший политический вопрос – право Южной Осетии быть в единстве с остальной частью Осетии. Крестьянская революционная «наивность», однако, этим не ограничивалась. Она вела восставших на помощь другим районам Горийского и Душетского уездов, расплывая тем самым революционные силы. Видя, как Южная Осетия, долгое время находившаяся под прессом грузинского ига, распрямилась, словно стальная пружина, тифлиские власти объявили ее на военном положении. Сюда были стянуты новые воинские подразделения, сформированы карательные отряды, обрушившиеся на восставших крестьян. Крестьянское восстание отступило. В начале 1906 года дело здесь, в Южной Осетии, дошло до новых приказов, поступавших из Тифлиса, о сборе у осетинских крестьян повинностей для грузинских помещиков. Но крестьяне, находившиеся все еще под впечатлением от недавних успехов, не думали подчиняться приказам официальных властей. Особенность ситуации, сложившейся к началу 1906 года в Южной Осетии, заключалась в том, что из-за фактически сорванных сельскохозяйственных работ предыдущего года крестьяне, и без того разоренные, и помещики, имения которых также остались невозделанными, стали испытывать серьезные экономические трудности.

Грузинские феодалы, оживившиеся после подавления восстания, наседали на власти, требуя от них применения к крестьянам силы для сбора повинностей. Однако власти, в частности генерал-губернатор Бауэр, хорошо понимали, что крестьянское затишье носит временный характер. Отметим: Бауэр не стеснялся перед Тифлисом – события в Южной Осетии он квалифицировал как «революционно-аграрные». Генерал также видел, что требование помещиков о выплате им повинностей невыполнимо, поскольку он, объехав всю Южную Осетию, знал, в какой степени были разорены крестьяне. К весне 1906 года грузинские феодалы, заметив, что крестьяне не платят повинностей, но еще и не собираются работать в их имениях, стали брать инициативу в свои руки. Это послужило поводом для новых крестьянских волнений и физической расправы над представителями грузинских властей и феодалов. Крестьяне подвергли имение И. Мачабели разорению, другого князя Мачабели, отличавшегося особой жестокостью, убили, сожгли дом князя З. Палавандова, огню предали дом грузинского помещика Калатозова, были убиты также лица, тесно сотрудничавшие с феодалами. Крестьяне вновь добились разрыва телеграфно-почтовой связи Цхинвальского участка с тифлисскими властями; с этой целью они на этот раз расправились с начальником местной почтовой связи. Волна крестьянских волнений, их активность в разрушении ненавистного им режима достигла в Южной Осетии такой остроты, что тифлисский губернатор в 1906 году вынужден был признать: «...в этом отношении уезд не только не имеет себе равного на Кавказе, но почти в целой России». В связи с этим стоит сказать, что в Российской империи не было другого такого уголка, где бы в начале XX века пышным цветом продолжал еще процветать варварский феодализм, как это было в Южной Осетии. Именно этим главным фактом объяснялась острота крестьянских волнений, приводивших к человеческим жертвам. Необходимо учесть и другое – осетинское крестьянство Южной Осетии вело необычную антифеодальную борьбу. Оно одновременно перед собой ставило задачу свержения ненавистного грузинского ига, установившегося в Южной Осетии в XIX веке. Важнейшей стороной политических событий, происходивших в 1905–1907 годах в Южной Осетии, является их высокая степень привязки к местным условиям социальной обстановки и сравнительно малая адекватность этих событий общероссийским, которые принято рассматривать как буржуазно-демократическую революцию.

Достоин упоминания другое очень важное событие, происшедшее в Грузии в ходе первой русской революции. В освободительном движении Грузии, зарождавшемся еще в конце XIX века, произошел раскол – к феодально-клерикальным силам, вынашивавшим идеи отторжения Грузии от России, примкнули отдельные представители мелкобуржуазного и либерального движения, у которых также был замечен переход от борьбы с «самодержавием» к идее независимости Грузии от России. Политическая пока «размолвка», наступившая между российской властью и грузинской правящей элитой, также хорошо просматривалась на фоне югоосетинских событий. Фактическое отстранение от этих событий грузинских администраторов и военных, недостаточная решительность российских войск в подавлении крестьянских волнений в какой-то мере послужили поводом для определенных политических сил Грузии, чтобы отвернуться от России. Нельзя забывать, что фундаментальная основа разрыва между Россией и созданной ею Грузией скрывалась в более глубоких, этносоциально обусловленных, исторических расхождениях. Россия как евразийская историческая субстанция, предрасположенная к государственной интеграции, противостояла грузинской политической элите, прочно унаследовавшей ближневосточные деспотические и эгоцентристские традиции в государственной и общественной жизни. С другой стороны, для Грузии Россия уже была слишком огромной страной, мешавшей ей видеть себя «во весь рост» в человеческом «мироздании». Это не плохо и не хорошо – это историческая данность – такая же, какая для России евразийскость.

Известно, что первая русская революция потерпела поражение. Несмотря на это, она привела к серьезным переменам. Благодаря ей Россия более быстрыми темпами стала расставаться с феодальной эпохой, все еще дамокловым мечом висевшей над страной. Капитализация происходила не только в промышленности, но и в области аграрных

отношений. Что касается Южной Осетии, имевшей в годы первой русской революции свои собственные задачи, то послереволюционные российские перемены не очень ее коснулись. У нее была своя собственная «половинчатость» революции и свои собственные завоевания. На первых порах окончания революции, казалось, ничего не изменилось, в Южной Осетии была восстановлена кавказская административная система в ее традиционных формах, сохранялась правительственная ориентация на местную знать, пуповиной привязанную к феодальной собственности на землю, оставались на местах в Южной Осетии грузинские князья. Вместе с тем крестьянская революция, более точное название которой было бы «крестьянская война», привела в этом небольшом крае Закавказья к существенным переменам. Главная из них заключалась в том, что Южная Осетия отныне переставала быть для грузинских князей феодальным Клондайком. Российско-грузинские власти надеялись создать между осетинским крестьянством и грузинскими помещиками такие отношения, которые бы сняли социальное напряжение. Но несговорчивы были обе стороны. По мере того как революционное эхо уходило в прошлое и усиливалось наступление самодержавной власти, грузинские князья вынашивали идеи вернуть в Южной Осетии свои серьезно пошатнувшиеся позиции. Князья Мачабели, например, смогли добиться возвращения себе права взимать с крестьян 1/10 часть с урожая. Они попытались реанимировать саму систему сбора повинностей, при которой на помощь помещикам приходили административные и войсковые силы. Именно так в 1911 году князь Естате Мачабели в Чесельтском ущелье насильственно собрал 500 рублей и отобрал у крестьян 32 головы скота. Свою жестокость вновь стал демонстрировать и другой князь – Ваню Мачабели, за что он был убит крестьянами. Только после этого князья Мачабели смогли убедиться, что им трудно будет вернуть прежнюю Южную Осетию. Они были вынуждены продать земли, считавшиеся их владениями, на самом деле по закону им никогда не принадлежавшие. Имена Мачабеловых приобрели предприниматели Карабегов, Жирнов, Гамбаров и Демьянович. Однако местная администрация в Тифлисе сохранила за новыми владельцами права, которыми до них пользовались Мачабели. Не менее остро складывались отношения крестьян с помещиками в других местах Южной Осетии. Свидетельством тому были убийства помещиков Везиришвили, Павленошвили, Амираджиби, Элиозишвили, а также поджог дома князя Палавандова. Результатом упорного сопротивления крестьян грузинскому феодализму явилась продажа некоторыми помещиками своих земель. Нередко покупателями оказывались крестьяне-хизаны, целыми селами собиравшие деньги и выкупавшие эти земли у своих эксплуататоров.

Итоги к первой части

Начиная с XVI века два грузинских княжества – Картли-Кахетинское и Имеретинское оказались соответственно под эгидой Персии и Турции. Благодаря господству последних грузинские княжества подверглись глубокой социальной перестройке, преобразовавшей собственный «отечественный» феодализм в азиатский – персидско-турецкий. Сами по себе княжества по форме своей политической организации представляли собой «валитеты», сходные с административным делением персидских и турецких владений. Ираклий II, а вслед за ним Георгий XII приложили немало усилий, чтобы сблизить Картли-Кахетинский валитет с Россией и при ее поддержке выйти из политической орбиты персидского шаха. Присоединив Картлийское владение Персии, а несколько позже турецкую Имеретию, Россия была вынуждена вести с Персией и Турцией затяжные войны. В ходе них и позже Россия не только отстаивала независимость грузинских княжеств, но и создала новую страну – Грузию; основой ее явились бывшие персидские и турецкие валитеты, а также новые территории, отвоеванные у Персии и Турции и присоединенные к Грузии. Одновременно Петербург пытался изменить грузинский деспотический феодализм, сложившийся в бывших княжествах в период господства в них соседних держав, и приспособить его к российской

модели феодализма. Но усилия в этом направлении российского правительства и его командования в Закавказье были безуспешны. Более того, они скорее были похожи на интенсификацию тех же восточно-деспотических начал, унаследованных грузинским феодализмом. Заметив у грузинских тавадов особую импульсивную реакцию, отторгавшую российские «правовые» формы феодализма (заговор 1832 года) и затеяв с тавадской знатью политические игры, российское правительство, имевшее в Грузии устойчивую политическую оппозицию, решило Южную Осетию превратить в наживку и с этой целью запустило в нее целый сонм грузинских феодалов; тем самым Петербург надеялся привязать к себе наиболее влиятельную часть местной элиты. Поступая так, российские власти, однако, не заметили весьма существенное: несколько искусственно, посредством военных акций, создав Грузию с одновременной раздачей феодальных владений грузинским тавадам из присоединенных к России территорий, они, российские власти в Петербурге и Тифлисе, образуют «Грузию», доставшуюся им в виде малой копии России. При этом в стороне от внимания России остался такой важный элемент политической субстанции, как идеология, иницировавшаяся в связи с грузинскими строобразовательными процессами; не учитывалось, что такие крутые перемены в грузинской истории, как преодоление пути от положения порабощенного валикета до весьма заметной на Кавказе страны, получившей от России территории-сателлиты, будут генерировать соответствующую идеологию, социальная природа которой будет своими корнями уходить в азиатскую деспотическую среду, хорошо знакомую тавадской знати. Как и в области социальных отношений, остававшихся в рамках восточно-деспотической модели феодализма, так и в строобразовательных процессах превалировали идеологические установки, по своей сути являвшиеся мизантропическими и ксенофобскими духовными традициями, заимствованными у ближневосточных стран (вспомним: игра с отрубленными головами!). Российские и грузинские чиновники, режиссировавшие политическую обстановку в Южной Осетии, явно не желали заглянуть в будущее и не пытались рассмотреть в мизантропических оргиях, широко практиковавшихся тавадами, тот самый невидимый идеологический нерв, способный периодически вызывать у огромной Российской империи зубную боль.

Часть II

Южная Осетия в политических коллизиях новейшего времени

1917 год

Накануне второй русской революции Южная Осетия оставалась под неослабным игом грузинских тавадов. В течение последних 10 лет, прошедших с окончания первой русской революции, осетинское крестьянство постепенно утратило свои завоевания и вновь подпало под гнет феодально-полицейского режима. Редкие поползновения к бунтам и волнениям пресекались властями жестоко и неукоснительно. Замечалось и другое – по мере ужесточения деспотического режима явно росло социальное напряжение. Особенность югоосетинских крестьянских выступлений заключалась в их четкой зависимости от российских политических кризисов. Осетинское крестьянство, несмотря на крайне угнетенное положение, хорошо ориентировалось в общей обстановке, складывавшейся в стране. Оно не предпринимало опрометчивых шагов, не открывало себе «фронта», заведомо ведущего к поражению. Этим объяснялось успешное наступление на Южную Осетию феодальной реакции, вернувшей себе прежние позиции. Но события 1917 года, в особенности – продолжавшаяся для России мировая война, были закономерны и вполне предсказуемы. О них догадывались даже в столь отдаленных глухих районах, каким, несомненно, оставалась Южная Осетия. Стоит отметить еще одну важную черту осетинского народа: в обстановке, когда Россия была занята тяжелой мировой войной, в Осетии больше

задумывались о том, как принять участие в этой войне и помочь России обезопасить себя, нежели о таком «рядовом» и «превратном» деле, как крестьянское восстание.

Судя по всему, политическое пробуждение Южной Осетии относится к весне 1917 года. Оно состоялось под влиянием февральских событий в России, приведших к свержению царизма. Глубокая политическая перемена, происшедшая в Петрограде, стала известна в Южной Осетии лишь к весне 1917 года. В апреле этого года газета «Кавказский рабочий» сообщала о «многотысячном митинге» в Цхинвале. На нем царизм был назван «старым деспотическим правительством во всех областях жизни». Понималось и другое – становление России на путь «обновления». Специфика вовлечения Южной Осетии в общероссийские события заключалась в том, что при сложной внешней атрибутике, присущей политической революции в России, где были задействованы все сословия и политические партии, в Южной Осетии действовали, как и прежде, две основные силы: осетинское крестьянство, с одной стороны, и грузинские феодальные верхи – с другой. К наиболее сложной стороне противостояния этих двух политических сил можно было отнести разве что частичное присоединение к осетинскому крестьянству некоторых представителей грузинских социальных низов, так же, как и вовлечение крайне незначительных социальных групп из осетинских крестьян в «партию» грузинских тавадов, господствовавших в Южной Осетии. В условиях, когда в столице России обрушился отслуживший свой век царизм, произошла перегруппировка, или же «перестройка» политических течений в Грузии и Южной Осетии. Наиболее престижно, как нечто обновляющее, выглядело социал-демократическое движение, имевшее два основных крыла – правое и леворадикальное. Правое крыло присвоило себе название «меньшевистского» и под этим прикрытием объединяло консервативные и реакционные силы Грузии; сюда входили главным образом представители традиционно фрондирующей части грузинских тавадов, а также молодой и слабой грузинской буржуазии, мечтавшей о социальном восхождении в условиях грузинской автономности. Леворадикальное политическое течение, как и правые реакционные силы, социально не было однородным. Опираясь на угнетенные массы крестьянства и рабочих, это политическое крыло, выступавшее под эгидой большевиков, отличалось особой идеологичностью. Привлекательной для Грузии стороной большевистской идеологии, в основе которой лежал «русский марксизм», являлась ее агрессивность. Она вполне импонировала восточным традициям политической борьбы. На грузинскую историческую поверхность как нечто естественное ложились две основные установки марксизма: а) идея о непримиримой классовой борьбе; б) установление диктатуры как главная задача революции. Николай Бердяев писал о двух разных марксизмах – европейском и русском. По тем критериям, по которым философ различал марксизм, вполне можно было иметь в виду и «грузинский марксизм», обладавший своей собственной социальной протоплазмой. Не случайно, что ни одна из национальностей Кавказа, не говоря уже о Средней Азии, не дала России столько марксистов-большевиков, сколько Грузия. Предрасположенность к агрессивной идеологии, несомненно, основывалась на одной-единственной предпосылке – глубоком проникновении в грузинское общество восточно-деспотических традиций. Несмотря на это, как грузинский марксизм, так и большевизм, опиравшиеся на народные массы и боровшиеся в годы революции с феодальным гнетом в Грузии, представляли собой прогрессивную силу. Именно она последовательно противостояла феодальному мракобесию и спланировала крестьян и рабочих во имя ликвидации средневекового социального гнета в Грузии. Что касается Южной Осетии, то она с самого начала присоединилась к идее большевиков о строительстве Советской власти, поскольку она больше всего отвечала интересам борьбы осетинского крестьянства с грузинским разбойным феодализмом. В этом отношении югоосетинские общества представляли собой некий социальный монолит, нацеленный на свое освободительное движение. Летом 1917 года осетинское крестьянство Южной Осетии продемонстрировало приверженность к политической солидарности и четкой ориентированности на антифеодальную борьбу. В августе этого года в селе Ортев состоялось

«первое организационное совещание», на котором был создан «Союз революционного крестьянства». Судя по всему, «Союз» был образован в ответ на установление в ряде мест Южной Осетии власти так называемых меньшевиков. Так, последние успели в селе Корнис провозгласить свое властное управление, состоявшее из представителей феодальной знати. Крестьянские силы были внимательны к подобным политическим действиям. В противовес меньшевикам осенью 1917 года они создали Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, разогнавших в Корнисе феодальные власти меньшевиков. Но главным достижением этого года стоит считать Первый Съезд народа Южной и Северной Осетии. По архивным данным, извлеченным У. Тедеевой, на нем состоялся доклад по такому важному вопросу, как политико-административное и культурно-образовательное объединение двух частей Осетии. Благодаря русской революции впервые политически безупречно Первый Съезд Южной и Северной Осетии сформулировал национальную идею осетинского народа: «...перед нами во весь рост встала сознательная историческая задача – воссоединить Осетию и, образовав единый национальный организм, создать общенациональную основу для прогрессивного развития осетинского народа». В 1917 году этой проблемой занимались Н. Джигоев, С. Такоев, М. Гагиев, Г. Баев и другие.

1918 год

Большевизм в Южную Осетию проникал главным образом из Тифлиса. Его проводниками были осетины-рабочие, занятые на тифлисских предприятиях. Число их неизвестно, однако, судя по помещениям, где происходили собрания осетинских большевиков, их было несколько десятков. В январе 1918 года в Тифлисе осетинские большевики заседали в мужской гимназии, а затем в Народном доме. В конце того же месяца осетинские «интернационалисты», считавшие себя «социал-демократами», в Тифлисе создали «осетинскую партию большевиков „Чермен“». Она образовалась по примеру североосетинской крестьянской партии „Чермен“. Организаторы ее основной своей целью ставили „организацию деревенской бедноты Северной и Южной Осетии“. Пока группировались партийные политические силы Южной Осетии, крестьяне занялись борьбой с грузинскими помещиками, господствовавшими в осетинских обществах. Ее возглавил „герой гражданской войны“ Исак Харебов; создав специальный отряд из осетин, участников первой мировой войны, он обрушился своими силами на грузинских тавадов. Отряд Харебова насчитывал от 200 до 300 крестьян, из них 150 человек составляли „ядро“ из бывших фронтовиков. Тифлисский губернский комиссар, происходивший из феодальных верхов, с тревогой писал о том, как отряд Исака Харебова расправляется с „делыми семьями помещиков“. „Третьего дня, – писал комиссар, – вырезана вся семья помещика Г.Н. Визирова в сел. Осиаури“. Судя по фактам и событиям, происходившим в Южной Осетии, обстановка здесь была предельно накалена. После смены власти в Петрограде власть в Грузии и Южной Осетии досталась главным образом дворянско-буржуазной прослойке, пытавшейся отстоять свои социальные привилегии. Тот же Цхинвальский участок, представлявший собой своеобразную метрополию для Южной Осетии, был в руках дворянина Казишвили. Последний являлся наиболее типичным для той обстановки чиновником, выражавшим интересы реакционных грузинских общественных сил. Именно с этой точки зрения заслуживает внимания его выступление на массовом митинге в марте 1918 года. На митинге глава Цхинвальского участка называл осетин „вековыми врагами“ Грузии. Главным же врагом Грузии была обозначена Россия: „Россия, – утверждал Казишвили, – вот уже 118 лет как покорила и лишила Грузию свободы“. Но и в этом виновником он считал осетин: „Это столетнее мучение и терзание, – говорил Казишвили, – Грузия перенесла по вине осетин. Осетины тогда, как и теперь, помогали русским покорить Кавказ“. Цхинвальский начальник был замечателен тем, что он в классической форме воплощал политика-тавада, защищавшего свое социальное положение от надвигавшихся угроз. В такой

ситуации грузинский „политик“ „соврет – недорого возьмет“. Как истинный враль, он был готов утверждать что угодно, при этом факты не имели никакого значения. Тот же Цхинвальский лгун чуть ли не первым высказал формулу: «осетины – пришельцы, мы (грузины. – М. Б.) их приютили на нашей земле, но они вместо благодарности в любой момент готовы нанести нам рану в спину», – тезис, которому среди грузинской политической элиты суждено будет стать сакраментальным. Несомненно, он родился в кругу невежественных политиков, но его можно будет услышать и от тех, кто себя относил к знатокам грузинской истории. Казишвили-лжец врал, но он далеко не был похож на Мюнхгаузена-миролюбца. На митинге грузинский тавад, заявивший, что он «скорее сотрет все с лица земли», нежели допустит «осетинскую анархию», организовал «красную гвардию», открывшую огонь по осетинским участникам митинга. В связи с этим Георгий Кулумбеков, осетинский революционер, заметил, что «проклятый царизм» не был таким опасным врагом, каким является для рабочих и крестьян «грузинский меньшевизм». По определению того же Кулумбекова, грузинские «меньшевики – детишки тех дворян – князей, помещиков, которые за счет крестьян нагуливают на своих плечах жир и смотрят на крестьян как на рабочую скотину». На митинге Герогий Кулумбеков говорил, что «весь государственный аппарат Закавказского правительства», пришедшего к власти в 1917 году, «состоит из царских держимордов: генералов, жандармов и полицейских».

После красногвардейских выстрелов, произведенных по мирным митингующим, на второй день в селе Ванати «состоялся грандиозный митинг с представителями всех обществ Цхинвальского района». На нем вновь маячила фигура Казишвили, требовавшего от участников митинга разоружения. Крестьяне в свою очередь выдвинули свои «контр-ультимативные требования». Они решительно отказались от грузинских меньшевиков как от своих представителей во власти. Крестьяне подвергли резкой критике закон о земле, изданный 7 марта 1918 года Закавказским сеймом. Согласно этому закону за помещиком сохранялось владение в размере 50 десятин. «Кроме того, правительство дало помещикам возможность фиктивного раздела семейств с целью удержать за собой свои» прежние наделы. Митингующие требовали выселить «помещиков из пределов Горийского уезда, а землю их распределить пропорционально между малоземельными крестьянами, дома передать под школы». Они настаивали на удалении из Цхинвальского района Казишвили, Повришвили и Майсурадзе, которые «под видом установления социализма» прибегали к «диким зверствам», «работая в пользу помещиков». Глубокому осуждению крестьян подверглись также «красногвардейцы», раскрывшие свое истинное политическое лицо. Им указали на то, что они состоят из «духанщиков, купцов, князей, дворян и генералов, которым чужды интересы» осетинских крестьян. На митинге в селе Ванати подчеркивалось, что с помощью «красногвардейцев» грузинские тавады и другие представители новой власти «производят... всевозможные издевательства, без всякой причины арестовывают, расстреливают, занимаются грабежами, разбоями и вымогательством». Из того, о чем говорили осетинские крестьяне, все еще надеявшиеся на перемены к лучшему, складывается единое представление о политической обстановке, созданной в Грузии после октябрьских событий в Петрограде. Получившая от русской революции свободу, Грузия как бы спешила по образу и подобию собственных исторических традиций реанимировать ушедшие глубоко в прошлое свои восточно-деспотические основания, ставшие национальной идеей грузинской знати. Это важное обстоятельство было столь прозрачно, что его хорошо видели даже неискушенные в политике, неграмотные и забытые крестьяне. В «Протоколе» от 16 марта 1918 года крестьянского схода Джавского и Цхинвальского районов Южной Осетии подчеркивалось: «Мы, крестьяне Цхинвальского и Джавского районов, дали клятву, чтобы никогда, раз и навсегда, не возвращались в рабство и чтобы мы погибли героически все, как один человек, для нашей свободы...» Требования крестьянского схода были политические: удалить из Горийского уезда «всех помещиков, как грабителей крестьян»; «удалить навсегда» «диктатора Казишвили, Сосико Повришвили, Шакро Терадзе и Майсурадзе». Российская революция и фактический уход Советской России из Грузии обнажили на

небольшой территории Южной Осетии особенности исторической трансплантации, при которой трансплантатом явился все тот же восточный деспотический режим, наносимый на политическую физиономию грузинской элиты, на ее характерную эхограмму. Судя по этим особенностям, так называемые грузинские меньшевики были прогнозируемы – не только применение ими вооруженной силы, но и само направление удара; острые внутренние противоречия, раздиравшие грузинское общество, выносились вовне, в сторону «исторических врагов» Грузии – Абхазии и Южной Осетии. Общественные силы Грузии отвлекались также дипломатическими играми с великими державами – Англией, Германией, США и Турцией, проявлявшими повышенный интерес к Закавказью, в частности – к Грузии. Об этом еще будет сказано, здесь же отметим – в 1918 году грузинские реакционные политические силы, среди которых решающий тон задавали тавады-консерваторы, создавали своего рода модулятивную систему, озвучивавшую «национальную» поведенческую концепцию, во всех решающих случаях оправдывавшую действия грузинской знати. Формировалась устойчивая политическая система, по-своему универсальная, определявшая внутренние социальные и внешние дипломатические ориентиры. В этой «системе координат» таким странам и народам, как Россия, Осетия, Абхазия, в сущности близким грузинскому народу соседям, не воевавшим с Грузией, а только помогавшим ей, будет отводиться роль «образа врага». Даже Турция и Персия, в свое время пытавшиеся уничтожить грузин как этнос, или же далекие Соединенные Штаты Америки будут востребованы как политические ориентиры, и на фоне этих предпочтений будут отвергнуты близкие соседи, отнесенные к «врагам Грузии». Это одновременно будет и феноменом, и, на основе своей четкой повторяемости, проявится как закономерный факт грузинской политической системы, исторически создававшейся на протяжении столетий. В 1918 году частью формировавшейся «новой системы» грузинского «алгоритма» являлась политическая концепция, складывавшаяся вокруг Южной Осетии, впрочем, как и вокруг других национальных меньшинств. Георгий Кулумбеков, один из лидеров югоосетинских крестьян, в марте 1918 года писал, что со стороны Грузии «национальные меньшинства, в особенности осетины подвергнуты жестокому насилию и грозит им опасность быть истребленными окончательно». Он свидетельствовал, что «в Цхинвали был назначен диктатор, палач и грабитель Коста Казишвили, который, по директивам Закавказского сейма, Цхинвальский район объявил вне закона». Непризнание Южной Осетии как самостоятельной географической субстанции – одна из исходных в политических установках, выдвинутых в 1918 году грузинскими реакционными националистическими кругами. Это было новшеством не столько в географии, сколько в национальной политической концепции. Старым, не раз проверенным, явилось другое – вооруженное нашествие на Южную Осетию. Несмотря на высокую степень терпимости и выдержки, проявлявшихся со стороны осетинского крестьянства, так называемые грузинские меньшевики всячески провоцировали вооруженный конфликт. В середине марта 1918 года югоосетинское население, уставшее от насилия и разбоя грузинских официальных властей, центром которых был Закавказский сейм, вновь повторило свои требования о прекращении грабежа, об удалении диктатора Казишвили, о равном распределении земли и др. В ответ на это грузинские власти бросили в Южную Осетию крупный вооруженный отряд, насчитывавший более двух тысяч солдат регулярных войск. Завязав бои с местным населением, губернский комиссар Г. Мачабели и «цхинвальский диктатор» К. Казишвили планировали совершить по Южной Осетии карательно-грабительское нашествие. Но силы местной обороны оказали грузинским войскам достойное сопротивление. По оценке Георгия Кулумбекова, «в неравной борьбе трудовое революционное крестьянство проявило донныне неслыханное геройство». Отчитываясь о пятидневных боях, он констатировал, что «правительственные войска» Грузии «разбиты вдребезги, им нанесен сокрушительный удар». Более тысячи солдат из правительственных войск были взяты в плен и разоружены. Другая часть войск осталась на поле боя или же бежала в Грузию. Были убиты и вдохновители нашествия – Г. Мачабели, С. Кецховели и К. Казишвили. Позже выяснилось, что нашествие на Южную Осетию было

организовано самим Н. Жордания, главой так называемого меньшевистского правительства Грузии. Газета «Борьба» писала, что в решительный момент, когда малочисленность осетин стала сказываться на ходе сражения, на помощь с красным знаменем пришли грузинские крестьяне, тут же втянувшиеся в бой с «красными гвардейцами» меньшевиков. В условиях вооруженных акций со стороны Грузии начальник правительственной гвардии В. Джугели предъявил Южной Осетии шесть требований: о сдаче оружия, о выдаче «виновников» восстания, о выдаче «убийц» Коста Казишвили, Георгия Мачабели и Сандро Кецховели, об освобождении «пленных гвардейцев», ликвидации повстанческого фронта, о сдаче «похищенного из Цхинвала» имущества. На эти требования последовал четкий ответ: «оружия не сдадим, виновниками восстания были Казишвили Коста, Мачабели Георгий, Кецховели Сандро и др.», убийцами ваших товарищей были пули, ищите их на поле боя», «пленных освободим в обмен» на своих, «похищать мы ничего не похищали, похищала ваша гвардия». Поскольку после боев Цхинвали был отвоеван у меньшевиков и в нем власть досталась повстанцам, последовало постановление Закавказского правительства «о переименовании местечка Цхинвал в город с введением в нем городского положения». В конце мая 1918 года в Джаве состоялся съезд представителей Южной Осетии. Он проходил под предводительством главы Осетинского национального совета. На нем подавляющее большинство принадлежало «большевикам», а точнее – представителям крестьянского Союза, которые в противовес грузинским «меньшевикам» называли себя «большевиками». Основные вопросы, подвергавшиеся обсуждению на съезде, были: «проведение колесной дороги через Кавказский хребет» с целью объединения усилий с Северной Осетией в борьбе с грузинской реакцией, создание «национального полка», вопрос о распределении лесов и др. Не менее важным был следующий, четвертый съезд представителей Южной Осетии. Он проходил в селении Цунар, расположенном рядом с Цхинвали. Значение его состояло в том, что съезд дал ясный ответ на главный политический вопрос – о целях революционной борьбы в Южной Осетии. По свидетельству корреспондента газеты «Борьба», съезд в Цунаре «собрался под знаком освобождения осетинского народа» от грузинского тавадского гнета. На нем тон задавали в основном «бывшие солдатские фронтовики».

Тифлиские власти во главе с Н. Жордания жестко контролировали ситуацию в Южной Осетии. Замечалась при этом характерная особенность – чем неблагоприятнее развивались политические события в Грузии, тем все больше внимания уделялось Южной Осетии. Горийский уездный комиссар Джапаридзе постоянно ставил в известность министра внутренних дел правительства Грузии о положении в Южной Осетии. Судя по его докладом, в югоосетинских обществах господствовала политическая солидарность, поддерживавшаяся бывшими фронтовиками, решительно настроенными против грузинских властей. В ответ на требование Тифлиса к комиссару Горийского уезда об усилении в Южной Осетии политической работы – Джапаридзе объяснял, что это невозможно: «деревенские граждане, бывшие крестьяне, – писал Джапаридзе своему правительству, – чуть ли не поголовно преступно настроены против... бывших дворян и князей на почве сословной розни, чему с самого начала революции и поныне главным образом способствуют бывшие солдаты фронтовики, вернувшиеся по домам». На Джапаридзе, как на уездного комиссара, Южная Осетия своей политической монолитностью производила столь пугающее впечатление, что он просил «выслать в Гори в мое распоряжение бронированный поезд на стоянку, а также аэроплан для разведок». Подобные запросы уездного комиссара были понятны, если учесть, что среди осетинских крестьян, испытывавших тяготы от грузинских феодалов, расхожей являлась идея о том, что «в целях предотвращения восстановления крепостной зависимости необходимо физически уничтожить всех дворян и князей, не взирая на возраст и пол». Комиссар Джапаридзе не был уверен, что ему не придется разделить участь грузинских феодалов, и вскоре покинул свой пост. Новый уездный комиссар И. Карцивадзе отличался от своего предшественника особой воинственностью; югоосетинских крестьян он считал «злонамеренными элементами и врагами Грузинской республики». Несмотря на это, Карцивадзе не исключал политических мер, направленных на вовлечение Южной Осетии в

орбиту созданной грузинской государственности. В частности, им был согласован с правительством Грузии вопрос об участии Южной Осетии в выборах в грузинский парламент с правом выдвижения своих кандидатов в депутаты. Шестой съезд югоосетинских обществ включил в повестку дня вопрос об отношении к парламентским выборам в Грузии, но когда началось обсуждение, делегаты сняли вопрос с повестки.

1918 год в Южной Осетии завершился VI съездом осетинского народа. Ключевым в его решениях был тезис об установлении «интернациональной демократии» и «защита интересов осетинского трудового народа».

1919 год

Новый 1919 год был одним из самых тяжелых в политической истории Осетии XX века. Он был предсказуем, и к нему тщательно готовились как в Северной Осетии, так и в Южной. Здесь хорошо понималось то прямолинейное восприятие, которое складывалось вокруг политического положения Осетии, являвшейся якобы форпостом русского большевизма. Не было сомнения в том, что российские белогвардейские патриотические силы, концентрировавшиеся на Северном Кавказе, обрушатся прежде всего на Северную Осетию, занимавшую центральное стратегическое положение на Кавказе. О вооруженном походе на Осетию открытые заявления делали и представители грузинского правительства. В начале 1919 года из этих двух опасностей главной считалась грузинская агрессия, ставившая перед собой задачи, связанные с организацией геноцида осетинского народа; идеи о геноциде рождались в подтверждение тезиса о том, что нет «никакой Южной Осетии», а есть только Грузия.

В январе 1919 года газета «Народная власть» сообщала о формировании «Горского революционного отряда». Он создавался из осетин Северной и Южной Осетии. Основная задача, ставившаяся перед вооруженным отрядом, состояла в «охране Военно-Осетинской дороги и защиты революции». Стоит пояснить – в Северной Осетии отношение к революции и Советской власти, как, впрочем, и белогвардейскому патриотическому движению, было неоднозначным. Здесь не было той политической монолитности, какой отличалась Южная Осетия. Что касается Горского революционного отряда, то его создавали в основном революционные силы Южной и Северной Осетии. Очевидно, речь шла об организации совместной обороны, так необходимой перед надвигавшимися опасностями. В совместную систему обороны входили также строительные дорожные работы на Рокском перевале. В газете «Кавказское слово» в начале февраля 1919 года сообщалось, что «с Лиахвского ущелья через горный Рокский перевал прокладывается огромная аробная дорога к Северному Кавказу». Согласно упомянутой газете, строительные работы начались еще в 1918 году: «...в Джавском ущелье, – писала газета, – ежедневно работает 500 осетин для проведения новой дороги». «Кавказское слово» в строительстве дороги видело политическую составляющую как главное. По оценке газеты, Южная Осетия «в действительности отпала от Грузии и не подчиняется ее правительству». Ее журналист не скрывал своей враждебной настроенности к осетинам и, сообщая о строительстве дороги, соединявшей две части единой Осетии, подчеркивал: «Осетины открывают русским новые двери в Грузию, а ключи от этих дверей кладут к себе в карман». Газета «Кавказское слово» призывала грузинское правительство Н. Жордания «немедленно же сделать твердый шаг и теперь же приостановить проведение Рокского пути», чтобы предотвратить объединение Южной и Северной Осетии. Стоит обратить внимание еще на одну очень важную особенность грузинского общества, где ведущей социальной силой являлась грузинская «образованная знать». Речь идет об «исключительном праве» Грузии быть независимой и свободной, – это был главный политический мотив правительства Н. Жордания, но точно такое же право здесь, в Тифлисе, никак не желали признать за осетинским и абхазским народами. Обычно подобное политическое явление рассматривалось как

националистическое.

С декабря 1918 года, с VI съезда осетинского народа, и до мая 1919 года в Южной Осетии не было сколько-нибудь заметных общественно-политических событий, которые бы «раздражали» грузинские власти, если, конечно же, не считать строительные работы на Рокском перевале. Следует отметить – дорога, о которой так много говорили в Тифлисе, строилась не только с идеей объединения Южной и Северной Осетии и организации совместной обороны, но и по другой, не менее важной причине: в Грузии публично было принято говорить об осетинах как о врагах Грузии, и звучали призывы к физическому истреблению осетинского народа. На памяти у жителей Кавказа были свежи еще воспоминания, когда в 1915 году турецкое правительство уничтожило около двух миллионов армян. В Южной Осетии, где хорошо знали, на какие насилия способны грузинские тавады, возглавившие правительство Грузии, больше всего опасались не столько вооруженного порабощения, сколько физического истребления народа. В связи с этим строительство дороги через Рокский перевал, как единственной коммуникации, по которой можно было отступить, рассматривалось также на случай массового геноцида осетин.

Как и ожидалось, военные события не заставили себя долго ждать. 4 мая 1919 года по распоряжению грузинского правительства Жордания начальник цхинвальского воинского отряда генерал Каралов приступил к подготовке похода в Южную Осетию. Поводом для этого послужило создание в Южной Осетии Национального Совета, бравшего на себя неформальное руководство осетинским крестьянством. В вооруженном нашествии на Южную Осетию генерал Каралов на самом деле видел не только задачу «в корне разрушить» Осетинский национальный Совет, но и «пройти с войсками» Грузии «весь южноосетинский район»; естественно, не для «прогулки», а с карательными целями.

12 и 13 мая грузинские войска вошли в Южную Осетию и оккупировали ее территорию. Задолго до этого, с момента, как стали в Грузии обсуждать вопрос о геноциде осетин, Национальный Совет обратился к местному населению не вступать в вооруженные конфликты с Грузией, чтобы не дать повода властям Жордания начать военные действия. Грузинские войска, тщательно готовившиеся к походу и прихватившие тяжелую артиллерию, вступили в Южную Осетию, не встретив ни единого выстрела. Расположившись в осетинских обществах, войска занялись тем, чем обычно занимались экзекуторы – грабили, насиловали, разбойничали на территории всей Южной Осетии. Производивший дознание ротмистр Ушваридзе, как официальное лицо провел расследование разбойного поведения войск, ставшего известным за пределами Грузии. Газета «Молот» писала, что «карательный отряд князя Каралова до самого последнего времени находился в Осетии, где творил бесчинства над непокорным населением». Эта же газета сообщала, что «со всех сторон из всей Осетии» направлялись делегации в Тифлис, выражались публичные протесты, требуя вывода грузинских войск, и только после этого грузинское правительство было вынуждено отозвать свои войска. После похода грузинского князя Каралова в Осетию в печати открыто стали писать о «воинствующем империализме» грузинских националистов, о том, что «социал-демократический шовинизм грузинских меньшевиков в этом деле побил рекорд». Правительство дворянина Жордания, называвшее себя социал-демократическим – такое «определение» служило вывеской – на самом деле в своем абсолютном большинстве состояло из тавадов или же из лиц, близко стоявших к феодальной среде. Оно выражало крайне реакционную национальную концепцию строительства грузинского государства. На вооружении правительства были в основном громкие лозунги и революционно-демократические заявления, при этом оно оставалось сугубо феодальной конструкцией, глубоко лживой и потому хилой и явно временной. Одним из наиболее «ярких» представителей окружения Н. Жордания был небезызвестный А.И. Чхенкели. Публицист тех времен Арцу Тохов называл его «зоологическим типом грузинских меньшевиков». На конгрессе социалистов в Амстердаме и Берне Чхенкели, нимало не смущаясь, заявлял об «укреплении завоеваний революции в Грузии», о раздаче крестьянам земли, якобы «отнятой у помещиков», о реализации принципов «национального

самоопределения нацменьшинств». Газета «Молот» писала по этому поводу, что Чхенкели умолчал о грузинизации «всех учреждений и государственных служб», при этом добиваясь включения в состав грузинского государства малых народов, чтобы «растворить малые нации в державном угнетении грузинской нации».

Отвод грузинских войск из Южной Осетии не означал снятия с осетинских обществ военного контроля грузинского правительства. В Цхинвальском и горных районах Южной Осетии оставалось до начала осени 1919 года 100 милиционеров; в октябре этого же года эти силы были подкреплены батальоном регулярных войск. Таким образом, в 1919 году Северная и Южная Осетия были оккупированы с одной стороны деникинскими войсками, с другой – вооруженными силами правительства Жордания. Последние не ограничивали свои функции оккупационным контролем над политическими процессами в Южной Осетии. В их задачу входило также овладение главными коммуникациями – Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогами, пролегающими через Осетию. Особый интерес для правительства Грузии представлял Рокский перевал, контроль над которым позволял предотвратить объединение Южной Осетии с Северной Осетией. В связи с этим Тифлис в этом районе держал дополнительные воинские силы, фактически поставленные на содержание местного населения. Вскоре здесь, в районе Рокского перевала, разразилось повстанческое движение, направленное на изгнание оккупационных грузинских войск. Повстанцы смогли разоружить посты грузинских сил, свергнуть местную власть, установленную в районе Горийским уездным начальником. Повстанческое движение разворачивалось и в других районах Южной Осетии, но оно жесткими мерами подавлялось оккупационными войсками Тифлиса. Ситуация для повстанцев осложнялась тем, что югоосетинский крестьянский «большевизм», суть которого заключалась в освобождении от засилья грузинского феодального «меньшевизма», был окружен с двух сторон – на севере генералом Деникиным, на юге – дворянином Жордания.

Грузинские приоритеты во внешней политике. Их единство с идеологией

Бывшая российская Грузия, взлелеянная Петербургом, не просто отделилась от России, от своего создателя, а в противовес ей выставила себя на международный политический аукцион. Она особенно не торговалась, отдавала предпочтение всем, кроме России, кто желал оказывать ей знаки внимания. Сюда, в Тифлис, спешили посланцы из Англии, США, Германии, Франции и Турции. Разумеется, ни одна из этих стран не собиралась заниматься строительством «великой Грузии», как то позволяла себе Россия. По верному суждению грузинского историка Г. Гамбашидзе, для великих держав, ожидавших окончательного распада России, «Грузия была удобным плацдармом» для осуществления вооруженного нападения на Россию, ослабленную войной и революциями страну. Занимая на Кавказском перешейке выгодное положение, Грузия с ее противостоянием России привлекала внимание крупных держав не только на случай раздела России, но и в контексте проблем ближневосточной нефти и ее богатых для того времени запасов в Азербайджане. Морские порты, расположенные на территории Грузии, позволяли Англии и соперничавшим с ней Соединенным Штатам иметь на Черном море важную акваторию для военно-торговых стратегических баз. Были и другие ценные элементы того высокого спроса, какой наблюдался среди мировых держав на Грузию. Несомненно, что последняя, переживая тяжелое экономическое положение и оказавшись в условиях острой внутренней политической борьбы, нуждалась в разносторонней поддержке со стороны западных стран. Но Грузия, фактически открывшая политический аукцион в центре Кавказа, соединяющего Европу и Азию, не заметила, что в условиях дипломатической конкуренции, когда еще никто ничего не имел, а главное – когда все еще существовала Россия, ни одна из стран, пытавшихся закрепиться на Кавказе, не спешила раскошелиться по-крупному и выдавать то, чего ожидало правительство Жордания. Тем не менее продолжавшийся торг привел к

тому, что Закавказье на мировой арене становилось одной из обсуждаемых международных проблем. Собственно, здесь, в Закавказье, сосредоточились международные силы, ожидавшие расчленения России. Последняя пыталась вступить с Грузией, Азербайджаном и Арменией в договорные отношения, но от нее требовали признания закавказских политических образований в статусе суверенных государств. В начале 1920 года Советская Россия, обеспокоенная складывавшимся в Закавказье положением, вновь предложила Грузии заключить военное соглашение. Грузия отказалась от переговоров. Тогда же, в середине января 1920 года, Россия была вынуждена признать Грузию и Азербайджан государствами де-факто. В этом политическом шаге страны Западной Европы и США увидели начало расчленения России. В ожидании такого же процесса в других районах бывшей Российской империи сгущались политические страсти вокруг Грузии и всего Кавказа. Сюда, в Закавказье, и в частности в Грузию, вводились иностранные войска, расширявшие и укреплявшие позиции своих стран в Грузии. В этих условиях Советская Россия нуждалась в ограничении ввода войск иностранных держав в Грузию и в связи с этим в очередной раз предложила правительству Жордания заключение мирного договора. Грузия, со своей стороны, нуждалась в том, чтобы Россия признала за ней в качестве «исторической территории» все территориальное пространство, «входившее в две российские губернии – Тифлисскую и Кутаисскую». Советское правительство приняло явно ошибочное решение, согласившись на столь неравноправных условиях на заключение договора с Грузией. Россия фактически уступала марионеточному правительству Грузии, которое по определению не в состоянии было выполнять какие-либо договорные акты на территориях, никогда не являвшихся «национальными территориями» Грузии. Позорный для России договор был заключен 7 мая 1920 года. Ровно через десять дней народный комиссар иностранных дел Советской России Г.В. Чичерин, веривший в договоренности с Грузией, был вынужден обратиться с нотой к грузинскому правительству. Первые же пассажи ее свидетельствовали о том, как грубо грузинская сторона нарушала договор с Россией. Речь в них шла о главном для советского правительства в договоре – об иностранных войсках на территории Грузии. «Нами получены достоверные сведения, – писал 17 мая 1920 года Чичерин своему грузинскому коллеге Е.П. Гегечкори, – что Англия высаживает свои войска на территории Грузии в Батумской области. По договору Грузия обязалась принять меры к удалению со своей территории всех иностранных войск, тем более Грузия должна принять меры к недопущению появления новых английских частей». Подобные ноты Советское правительство направляло Грузии и позже. Но каждый раз оно получало из Тифлиса не объяснения, а обычную ложь. В той же ноте, которая нами была процитирована, Чичерин писал: «...мы с тревогой узнали, что в Южную Осетию, где провозглашена Советская республика, направлены для уничтожения таковой власти грузинские войска. Мы настаиваем, если это верно, отозвать свои войска из Осетии, ибо считаем, что Осетия должна иметь у себя ту власть, которую она хочет. Вмешательство Грузии в дела Осетии было бы ничем не оправданным вмешательством в чужие внутренние дела». Министр иностранных дел Советской России (скорее всего, крайне наивно!) думал, что он, требуя объяснений у своего грузинского коллеги, поставил в затруднительное положение правительство Грузии. Но ответ на этот вопрос, как и на все остальные, включенные в ноту Чичерина, был по своей лживости предельно прост. Гегечкори не утруждал себя дипломатическими сложностями, отвечая на запрос Чичерина относительно Южной Осетии. Грузинский дипломат извещал Москву: «Считаю долгом обратить Ваше внимание, – писал Гегечкори, – что в пределах Грузии нет Южной Осетии, а находящиеся осетинские селения расположены в Горийском уезде Тифлисской губернии; селения эти находятся на бесспорной территории Грузии, южнее старой тифлиской границы». Трудно сказать, повторял ли Гегечкори известное заявление турецкого правительства, уничтожившего около двух миллионов армян, а затем заявившего, что в Турции «нет армянского вопроса». Одно можно было уверенно утверждать, – как заявление Турции по поводу армян вытекало из политической природы восточно-деспотического режима, так и ответ правительства Жордания Москве относительно

«исчезновения» Южной Осетии был той же восточной ирано-турецкой природы. Можно было также не сомневаться, что в ответе министра иностранных дел Грузии советская столица, находившаяся по поводу Грузии «в любовно-ревнивом состоянии», не обратила внимания на подтекст, содержащийся в грузинском ответе по поводу Южной Осетии. Заметив его, в Советском правительстве могли бы понять, что в мае 1920 года, когда Гегечкори писал свой ответ Москве, Южная Осетия была уже приговорена правительством Жордания к «исчезновению», т. е. к геноциду. Оставалось лишь более серьезно подкрепить свои силы иностранными войсками, для чего, собственно, и вводились спешно в Грузию английские войска. В этом отношении следовало отдать должное правительству Жордания, сыгравшему на «европейской наивности» Москвы и ловко связавшему ей, «неразумной» Москве, руки «восточным» договором – и тем самым формально получившему карт-бланш для вооруженных акций на территории бывших Тифлисской и Кутаисской губерний. Внешнеполитическая идеология, которой придерживалось грузинское правительство, этим не ограничивалась. Известно, что в 1918 году турецкие войска захватили Карс, Ардаган и Батуми. По договору с Турцией, в июне этого же года к Османской империи отошла значительная часть Грузии – территории, в свое время отвоеванные Россией у Турции и присоединенные к Грузии. Правительство Жордания спокойно проглотило турецкую пилюлю в ожидании того, что Россия, обострившая свои отношения с турецким правительством, вступит в войну с Турцией. В то же время, когда в 1919 году государства Антанты подталкивали Грузию к вступлению в войну с Российской Федерацией для соединения с деникинскими войсками, грузинское правительство не отказывалось от обещаний. Естественен вопрос – почему грузинское правительство Жордания, отдавшее самый «жирный кусок» своей республики Турции – один Батумский порт стоил в то время половины грузинской территории – и не поднявшее особого шума по поводу серьезных потерь, вместе с тем рассматривало вопрос о нападении на Советскую Россию, терпеливо относившуюся к различного рода выпадам Грузии? Не в том ли ответ, что турецкая агрессия в Грузию была предпринята по правилам, традиционно сложившимся на Ближнем Востоке и понятным грузинскому обществу, в то время как недоступной для понимания этого общества осталась особая историческая роль России в становлении грузинской государственности. Но был еще один непреходящий в грузинской истории фактор – фанаберия, во многом укрепившаяся в грузинском обществе благодаря России. В чем-то она, может быть, являлась не столько особенностью национального характера, сколько результатом необычных исторических обстоятельств, при которых в короткое время из турецко-персидских валитетов сформировалась Грузия, обретая вид малой Кавказской империи. Грузинская фанаберия получила новый расцвет в условиях революции 1917 года, когда Грузия получила независимость, образовала республику и привлекла к себе цвет международного империалистического сообщества. Не тогда ли родился грузинский анекдот: когда спросили грузина, правда ли, что у него мама умерла, он ответил – «а как же!» В этом черном юморе – несомненное присутствие грузинского чванства, не самого лучшего достоинства традиционной культуры грузинской знати. Но вернемся к внутренним событиям в Южной Осетии.

1920 год

В конце 1919 года председатель полевого штаба грузинской армии А. Салуквадзе отмечал в Южной Осетии и в ряде других районов Горийского уезда стихийные крестьянские волнения. Главными причинами их начальник штаба считал большевистскую агитацию и неспособность грузинских властей справиться с административной деятельностью. Но более серьезные мотивы крестьянских выступлений, на которые также указывал Салуквадзе... были: «...до настоящего времени, – доносил начальник штаба, – нет абсолютно никакого правосудия», «слабо идет в районах и проведение аграрной реформы,

что создает почву в населении к недоверию в проведении в жизнь земельной реформы». Судя по донесению Салуквидзе, обстановка в Горийском уезде, в особенности в Южной Осетии, с каждым днем все более усложнялась. Большевистские организации Северной и Южной Осетии пытались объединить свои усилия и овладеть политической ситуацией, но их сил было крайне недостаточно; не случайно политические события в Южной Осетии развивались скорее по крестьянскому сценарию, нежели по большевистскому, требовавшему немедленного установления Советской власти. Вопрос о новой власти – той, о которой говорили большевики, впервые в Южной Осетии был поставлен в марте 1920 года. Тогда ранее созданный Ревком на своем заседании выдвинул две задачи: а) Распустить национальный совет старого созыва; б) Объявить Советскую власть. Эти задачи вытекали из общей обстановки, создавшейся в Южной Осетии. Особенность ее заключалась в том, что стихийные крестьянские выступления в Южной Осетии сравнительно легко и довольно жестко подавлялись правительственными войсками Грузии. В связи с этим наметилось массовое переселение из Южной Осетии в Северную. Революционные лидеры решили внести в борьбу крестьян политическую организованность, противопоставив ее грузинской контрреволюции. Наряду с Советской властью югоосетинский Ревком также принял решение «немедленно формировать вооруженный отряд и с этой целью войти в связь с Северной Осетией». Следует пояснить: с марта 1920 года революционные силы Южной Осетии частью ушли в подполье, частью сосредоточились во Владикавказе и в этих условиях вели политическую работу. Во Владикавказе и окрестных осетинских селах разместилось большое количество беженцев из Южной Осетии; на них обратил внимание даже Ленин, телеграммой обещавший «денежную помощь пострадавшим». С провозглашением Советской власти в Южной Осетии, естественно, возник вопрос об отношениях двух частей Осетии – Южной и Северной. Во Владикавказе в конце апреля рассматривался вопрос «Об объединении Южной и Северной Осетии». Речь, естественно, шла о разностороннем объединении двух частей Осетии в единое целое. Обе стороны – представители Южной и Северной Осетии – признали, что в тех условиях, когда из-за сложности коммуникаций крайне затруднено было сообщение между двумя частями Осетии, не было возможности решить этот вопрос. В то же время состоялась новая договоренность о воссоединении Южной Осетии с Северной «по культурно-экономическим соображениям». Необходимо отметить – действия югоосетинских лидеров отличались высокой политической целесообразностью; так, еще в марте 1920 года провозгласив Советскую власть в противовес грузинской феодально-меньшевистской, руководители политических движений Южной Осетии не приступили к немедленному ее установлению. Этот процесс начался с мая месяца в районе Рокского перевала. Последний был стратегически наиболее важным для Южной Осетии районом. Через Рокский перевал поступала помощь Южной Осетии, через него уходили беженцы в Северную Осетию. Перевалу уделялось внимание и правительством Жордания, вынашивавшим бредовый план вступления в войну с Советской Россией для соединения с деникинскими войсками. 8 мая 1920 года югоосетинский Ревком провозгласил в селах, прилегающих к Рокскому перевалу, Советскую власть, чтобы «закрыть ущелье, обороняясь от врага трудового народа». Но устроители Советской власти в небольшом горском районе хорошо понимали, что они действуют не только в интересах своего народа, но и Советской России, от которой ждали поддержки. В том же постановлении Ревкома подчеркивалось, что Рокский район, где установилась Советская власть, «присоединится к РСФСР, о чем известить Москву». Югоосетинские лидеры, в частности Александр Джатиев, установившие Советскую власть на Руке, были полны революционной гордости от того, что им на небольшом «клочке Земли» удалось отвоевать свободу и независимость у грузинских агрессоров. Когда 15 мая грузинский вооруженный отряд напал на жителей Рокского района, А. Джатиев сообщал Ревкому, что им удалось отбросить нападение, при этом подчеркнул – «грузинское правительство» этой акцией «посягает на часть Советской России». В этой, казалось бы, по-горски наивной и в то же время искренней строке содержался главный смысл их «Советской власти» – быть в составе России. Стоит сказать, что в Москве знали о

событиях в районе Рука, об установлении здесь Советской власти. В ноте от 17 мая, направленной Чичериним Грузинскому правительству, говорилось о провозглашении Советской Республики в Южной Осетии, причем имелось в виду установление Советской власти на всей территории Южной Осетии. Гегечкори, министр иностранных дел Грузии, в своем ответе Чичерину пояснил, что речь идет о селениях «на перевале Роки». Грузинский министр был прав, однако его пояснение не обошлось безо лжи: Гегечкори утверждал, что на Рокский перевал «с Терской области проник отряд советских войск при двух орудиях», который якобы и установил там Советскую власть. На самом деле кроме югоосетинских крестьян, провозгласивших для себя новую власть, никаких других ни вооруженных, ни политических сил здесь не было.

Между тем к исходу мая грузинские правительственные войска участвовали в военных действиях на всей территории Южной Осетии. Становилось очевидным, что грузинское правительство Жордания приступило к геноциду. Оно начинало его постепенно, осторожно, пристально следя за реакцией политических сил Грузии и Южной Осетии. Наряду с наращиванием военных действий, усилением вооруженного террора и насилия официальный Тифлис распространял невероятную ложь, прикрываясь «идеями социалистической революции». Начиная с последних дней мая 1920 года, грузинские власти, как никогда в своей истории, дали волю глубоким социальным и, пожалуй, национальным инстинктам, столь присущим (исторически обусловленным!)

политической элите Грузии. То, что творили официальные лица Грузии, впервые оказавшиеся «вне контроля» извне, было похоже на приступ политического безумия. Происходившее в Южной Осетии точь-в-точь повторяло драматические события, пережитые в 1795 году грузинским народом. Тогда точно так же персидский шах, недовольный, что к нему на коронацию не приехал вступивший в союз с Россией Ираклий II, обрушился на Восточную Грузию с одним-единственным желанием – уничтожить грузин. Образованная грузинская знать, входившая в правительство Жордания, подражая Ага-Мухаммед-хану Каджару, решила следовать историческим инстинктам своего кумира. Впервые грузинская знать, получившая свободу и независимость, могла, наконец, так масштабно проявить себя и обнажить собственную суть, выпестованную восточными деспотами в жестокости, ксенофобии и мизантропии. В Южной Осетии не знали, что делать, лидеры ее обратились к Советской России, ко всем политическим организациям России и Северного Кавказа с «Меморандумом трудовой Южной Осетии». Назвав ворвавшиеся грузинские войска «людоедами», они по всей Южной Осетии провозгласили Советскую власть, отсчитывая дату ее установления с 8 мая, с введения Советской власти в районе Рокского перевала. Они решительно заявили, что Южная Осетия «является и должна остаться неотъемлемой частью... свободной России». В Меморандуме указывались конкретные силы грузинской Вандеи. Ими «были банды, набранные из крупных и мелких эксплуататоров... духанщиков, лиц с уголовным прошлым и настоящим, шулеров, гимназистов, студентов и т. д., а во главе – князь Мачабели, грузинский Пуришкевич – Вешапели и сам архибандит Джугели». «Каждый из них, – говорилось в том же Меморандуме, – был унавешен двумя-тремя маузерами, винтовкой, ручными гранатами, шашкой, кинжалами». Они «без всякой причины, повода и предупреждения открывали по селам и деревням беспорядочный ураганный огонь из пулеметов и орудий, грабили, убивали, избивали, насиловали и поджигали». Все это сопровождалось тиражированием гнусной лжи со стороны прежде всего самого грузинского дворянина Жордания; в официальном докладе Жордания события в Южной Осетии назывались «восстанием в Цхинвали», якобы «устроенном князьями при помощи осетинских стражников». По поводу подобных заявлений в «Меморандуме» говорилось: «какая наглая и возмутительная ложь. Поседевший Жордания в роли провокатора...» Мы уже отмечали, что грузинская мизантропия имеет на вооружении особый изощренный вид лжи, патологичность которой вполне дополняет образ грузинского властью имущего фарисея. Стоит напомнить – до вторжения в Южную Осетию легионы вооруженных войск грузинского правительства точно так же обрушились на татарские села в

Ахалцихском уезде. Это был один из опытов геноцида, кровавые ужасы которого повергли в изумление все население Закавказья. Второй «опыт», который Жордания, уничтожив 400 крестьянских дворов, называл «восстанием в Цхинвали», был в мае 1920 года. Третий еще предстоял...

Текст «Меморандума», составленного в жанре острого памфлета, Разден Козаев и Евгений Рамонов, видные общественно-политические деятели Осетии, 29 мая отвезли в Москву как обращение к руководству России. 8 июня 1920 года Ревком Юго-Осетии принял официальное решение – издать «Приказ об объявлении Советской власти». Его подписали политком Н. Гадиев и председатель Ревкома В. Абаев. Установление Советской власти в Южной Осетии происходило в каждом отдельном осетинском обществе самостоятельно. Например, в тот же день – 8 июня, когда был издан приказ югоосетинского Ревкома, Часовальский Ревком объявил Советскую власть в Кударском обществе. Такой процесс провозглашения Советской власти свидетельствовал о демократическом характере создания властных структур в Южной Осетии. Добавим, что установление Советской власти не заняло в Южной Осетии много времени – оно произошло всего за несколько дней.

Грузинское правительство по-своему готовилось к событиям, которые оно планировало в Южной Осетии на середину июня. Оно не скрывало своих намерений в отношении Советской власти в осетинских обществах, тайной являлись лишь масштабы очередного этапа геноцида. В день повсеместного объявления Советской власти в Южной Осетии известный нам Гегечкори направил ноту министру иностранных дел Чичерину. Грузинский дипломат, умолчавший о такой важной перемене в Южной Осетии, как установление здесь новой власти, протестовал по поводу «проникновения из Терской области через Рокский перевал в пределы Грузии отряда советских войск при двух орудиях». Естественно, никакие советские войска Рокский перевал не переходили. Но именно этого больше всего боялись в официальном Тифлисе, потому что понимали: если появится хотя бы один отряд российских войск, да еще с пушками, да еще в соединении с осетинами, ни о каком грузинском походе в Южную Осетию речь бы не шла. Гегечкори своей нотой подверг молодую советскую дипломатию атаке, дабы она приложила усилия, – во имя «дружбы», о которой писалось в ноте, – и не вводила никаких вооруженных сил в Южную Осетию. Именно такой – незащищенной, обессиленной последними событиями, оставленной покинувшими ее беженцами хотела иметь Южную Осетию накануне варварского геноцида «демократическая» Грузия.

Большевики Грузии знали о планах правительства Жордания точно так же, как последний обычно знал все, что происходило в стане его оппонентов. За один день до вооруженного вторжения в Южную Осетию в газете «Коммунисти», в порядке спокойной полемики грузинские большевики выражали свою поддержку принципам национального самоопределения. «Этого права, – писали грузинские коммунисты, – мы не можем отнять у населения Юго-Осетии, поскольку оно имеет определенную территорию и не нападает на территорию других наций». Но именно этой исторической территории грузинские «демократические» власти решили лишить осетинский народ. На второй день после нашествия крупных вооруженных сил Грузии в Южную Осетию заместитель министра иностранных дел Карцивадзе от имени своего правительства обратился к Советскому правительству России с «Заявлением» о том, будто бы после освобождения Северной Осетии от деникинских войск «как русские, так и осетины, начали переправляться через Рокский перевал с целью пропаганды против существующего в Грузии государственного правопорядка». Нелепая ложь, писавшаяся Карцивадзе, понадобилась грузинскому правительству не только как дымовая завеса, но и для того, чтобы найти повод для дезавуирования мирного договора, ранее заключенного между Россией и Грузией. В «Заявлении» представителя Грузии вновь повторялись вымышленные факты о переходе через Рокский перевал «офицеров, красноармейцев и вооруженного отряда, ...привезшие с собою огромное количество ружей, пулеметов, патронов» и злополучные «две пушки», которые постоянно упоминали официальные лица Тифлиса. Посчитав, что этой лжи

недостаточно, чтобы ею оправдать предстоящие в Южной Осетии события, Карцивадзе добавил: «...нами были получены сведения, что из Владикавказа к Рокскому перевалу двинуты несколько тысяч вооруженных и хорошо обученных осетин». Забегая вперед, заметим: если бы на самом деле из Владикавказа поступило много оружия и в Южную Осетию направились бы «несколько тысяч хорошо обученных осетин», к тому же начавших «военные действия в Джавском ущелье», примыкающем к Рокскому перевалу, то, несомненно, они смогли бы защитить Южную Осетию от геноцида. Но было ясно, все эти вымыслы понадобились Грузии, чтобы дипломатически дистанцироваться от России и иметь возможность заявить: «Подобные действия (т. е. ввод войск в Южную Осетию. – М. Б.) в корне подрывают значение мирного договора, заключенного 7 мая с. г., пункт 6-й которого определенно гласит о недопущении в пределах России организации боевой силы, ставящей себе целью ниспровержение существующего в Грузии правопорядка». В дипломатической практике обычно после такого «Заявления» принято выслушать другую сторону. Но грузинское правительство во главе с Жордания не интересовалось действительным положением дел. Между тем российское правительство могло бы подтвердить, что из Владикавказа на самом деле ушли югоосетинские повстанцы, до этого вынужденные покинуть свои боевые позиции в ходе военных действий с грузинскими отрядами в Южной Осетии. Небольшой отряд из беженцев, сформированный во Владикавказе, освободил Джавское ущелье, сняв таким образом блокаду Южной Осетии, и занял Цхинвали, т. е. южные осетины в своей собственной стране пытались свергнуть власть иностранного государства и этим никак не покушались на «правопорядок», установленный в соседнем грузинском государстве.

Генерал В. Джугели в роли своих кумиров

Начальник штаба Грузии В. Джугели двинул под собственным командованием правительственные войска к Цхинвали. От Жордания, Гегечкори и Рамишвили – основного ядра правительства Грузии – начальник штаба имел четкую установку: «Каленым железом расправиться с Южной Осетией». В первых боях с превосходящими силами противника малочисленные осетинские сотряды сопротивления в течение двух дней обороняли Цхинвали на его подступах. Единственный пулемет системы «Максим», которым располагали осетины, переносили с одного места на другое и тем сдерживали атаковавшие грузинские войска. Однако у оборонявшихся не было боеприпасов. В отличие от них, грузинские войска были вооружены новейшими образцами английского и немецкого тяжелого и стрелкового оружия. 14 июня начался расстрел мирных сел, их жителей – массы никому не сопротивлявшихся людей. К осетинским селам подводилась артиллерия, открывалась канонада, и села сравнивали с землей. Южная Осетия была в пожарах и дыму. Осетины сумели еще сохранить коридор, по которому тысячи и тысячи беженцев растянувшейся лентой двигались в сторону Рокского перевала, чтобы перейти через него и найти убежище в Северной Осетии. Значительная часть населения, оказавшаяся отрезанной от подступов к Рокскому перевалу, была вынуждена отходить в горы к другим перевалам и добираться в Дигорию или Балкарию... Это продолжалось 14, 15, 16 и 17 июня... Четыре дня генерал Джугели любовался собственным варварством. Он принадлежал к образованным грузинам. Ему были знакомы русская история, история Рима, Персии... Разумеется, он превосходно знал историю Грузии. Наслаждаясь разрушением осетинских сел, сжигая дома и убивая людей, он наверняка вспомнил все того же Ага-Мухаммед-хана, когда-то пытавшегося уничтожить грузин, но ставшего для них учителем ... Джугели не признался своим потомкам, кто из персидских шахов его кумир, но сообщил им, как и кем он восхищался в свой «звездный час», расстреливая из артиллерии осетинские села. Джугели вспоминал: «Теперь уже ночь и повсюду видны огни! Это горят дома повстанцев. Но я уже привык и смотрю на это спокойно». Джугели писал о событиях своего кровавого похода и

вновь наслаждался собственным патологическим цинизмом. Он продолжал: «Горят огни... Дома горят!.. с огнем и мечом! Осетины бегут в горы, на снеговые горы. И там им будет... очень холодно!» Читая эти строки, оставленные нам типичным представителем грузинской знати, нельзя не заметить, как грузинский генерал, писавший для своих соотечественников, входил в азарт, наслаждаясь воспоминанием. При этом бросалось в глаза необычайное духовное родство В. Джугели и Ага-Мухаммед-хана как людей одной и той же исторической породы, обладавшей особой способностью упиваться тем, что для нормального человека должно быть отвратительно. Джугели смаковал: «очевидно осетины вообразили, что они вне пределов нашей досягаемости! Но теперь всюду огни... Горят и горят... Зловещие огни! Какая-то страшная, жестокая, феерическая красота...» Точно такое же состояние могло быть у Ага-Мухаммед-хана, сидевшего на берегу Куры и наблюдавшего, как на мосту рубили головы обнаженных грузинских мужчин...

и сбрасывали их в Куру. Джугели знал все, что касалось Ага-Мухаммед-хана, но он умалчивал о своем кумире. Он больше старался думать о Нероне, римском императоре, ни в чем не уступавшем персидскому шаху: «и озираясь на эти ночные, яркие огни, – продолжал Джугели, – я начинаю понимать Нерона и великий пожар Рима... А огни горят... Всюду горят!» Грузинскому генералу не просто нравился Нерон, он находил в нем немало сходство с собою. Самовлюбленность, жестокость, развратность римского императора вызывали у Джугели восхищение. Нерон жестоко наказывал всех близких родственников, не пощадил он даже собственную мать. Джугели восторгался римским императором, а Грузия возносила Джугели, расправившегося с беззащитным и нищим народом. Он был объявлен национальным героем; насколько нам известно, Джугели был единственным, кого правительство Жордания удостоило такой высокой чести, как присвоение старинному грузинскому городу Квирилы имени кровавого генерала: город Квирилы до 1921 года назывался Джугели.

Когда грузинский Нерон расправлялся с Южной Осетией, вся Грузия была поставлена на ноги – аресты, выселение, закрытие газет, типографий, охота за осетинами – все это происходило по отлаженному плану. Во всем этом участвовала та самая аристократическая знать, которая, собственно, и творила грузинскую историю. Она имела свойство растекаться как ртуть, заполняя все видимые и невидимые социальные ниши. Среди тех же грузинских коммунистов, противостоявших партии Жордания, немало было представителей знати. Как писала газета «Коммунисти», «федералистическая революционная партия Грузии», «защищавшая рабочих и крестьян» и полемизировавшая по вопросу о Южной Осетии, состояла из «грузинских князей и дворян, грузинской буржуазии». Но ни одна из грузинских партий, считавших себя «революционно-демократическими», не пожелала дать гражданскую оценку кровавым злодеяниям полчищ Джугели. Не оказалось в Грузии также политических сил, способных приостановить геноцид осетинского народа и после похода грузинского каннибала. В этой связи стоит привести отрывки из «Заявления» осетин, работавших на различных предприятиях Тифлиса. «Мы, рабочие осетины г. Тифлиса, уже не знаем ни минуты душевного покоя... Это тягостное состояние усиливается еще тем, что в обществе и печати циркулируют самые разноречивые слухи, для возникновения и муссирования коих весьма удобную почву создают противоречивые заявления представителей правительства и ответственных вождей с.-д. партии Грузии. Так, в самый разгар событий, упорно говорили о решении правительства ликвидировать раз и навсегда всем надоевший осетинский вопрос – просто и радикально, путем поголовного истребления всего осетинского населения. Мы полагали, что участь истребленных осетин придется разделить и нам»... После 17 июня, когда опустела Южная Осетия, оставшиеся в живых не знали, что с ними будет. «Тогда пошли слухи, – писали осетины-рабочие, – о том, что осетин, всех без исключения, будут выселять в Барчалю, Караязы и др. уезды, а на место их вселят грузин-горцев. Начавшееся насильственное выселение без всяких средств к жизни и передвижению, выселение предварительно обобранного и обращенного в нищенство населения с применением жестоких репрессий, давало повод думать, что и эти слухи имеют под собою почву. Но как

раз в это время в Цхинвале появляется И.И. Рамишвили, который призывает оставшееся осетинское население вернуться в горные пепелища и заняться мирным трудом... Осетины верили... многие семьи стали возвращаться из своих лесных убежищ и возвращаться в покинутые села. Каково же было изумление наше, когда после заверения И.И. [Рамишвили] поверившие ему осетины подстреливались» грузинами «как куропатки, а остатки имущества их присваивались» теми же грузинами. Здесь прервем «Заявление» осетинских рабочих и вновь напомним страницы из истории Грузии: когда в 1795 году десятки тысяч грузин бежали из Восточной Грузии, где персидские войска Ага-Мухаммед-хана устроили резню, грузинские тавады совместно с отрядом персов устраивали засады, нападали на беженцев, убивали их и снимали с них нищенскую одежду... Прошло полтора столетия, но грузинских каннибалов не стало меньше. «С необычайными трудностями разыскав свои семьи, – продолжаем цитировать „Заявление“ рабочих, – в большинстве успевшие уже укрыться за перевалом, наши товарищи приводили их обратно. Но как только возвратились, агенты власти подвергли их нравственным и физическим истязаниям, а затем, отобрав остатки имущества, прогоняли из пределов» Южной Осетии. Тотальный геноцид продолжался не только в дни варварского нашествия восьми батальонов и одного конного полка, до зубов вооруженных, но и позже. Грузинские войска частью были выведены из Южной Осетии, но значительная их часть под командованием генерала Кониева, особенно усердствовавшего в геноциде своих соотечественников, продолжала оставаться в наиболее важных районах Южной Осетии. Задача их состояла в поджогах домов, уцелевших от пожаров, в расстрелах взрослого мужского населения. В середине июля 1920 года правительство Жордания приняло постановление, согласно которому создало комиссию для решения вопроса о дальнейшем выселении осетин из Южной Осетии. В пункте «1» постановления предписывалось: «В первую очередь немедленно принять меры к полному очищению с.с. Мхлеби, Джава с окрестностями: Безанда, Кашитаты, Жижойта, Габат-Рах, Земо-тонтобет, Квемо-тонтобет, Корсеви, Шушита, Ниния, Бузала и др. от осетин, для чего: а) через полевой штаб сделать соответствующие распоряжения стоящим в названных районах войсковым частям; б) срочно командировать 40 милиционеров с начальником милиции во главе для несения административной службы». Установив в Южной Осетии полицейский режим, «новые власти» аннулировали даже те редкие удостоверения, которые накануне были выданы отдельным жителям на право проживания в Южной Осетии. Впрочем, «Южная Осетия» как географическая единица в грузинском делопроизводстве более не значилась. Новые удостоверения для южных осетин выдавались «на право проживания в пределах республики Грузия» и «только по распоряжению уполномоченного правительства по его особому усмотрению семьям тех осетин, которые: а) состоя на государственной или общественной службе в республике Грузии: в гвардии, милиции, на железной дороге, трамвае и др. со времени, не позже начала военных операций против осетин, до конца этих операций верно исполняли свой служебный долг; б) являются верными гражданами республики, имеющими особые заслуги перед нею». По удостоверению, выданному одному лицу, разрешалось жить семье в составе: «матери, отца и братьев не свыше 16 лет, сестер, дочерей, а также сыновей не выше 18 лет». Специальным пунктом «Б» указывалось, что в селах, обозначенных в пункте «1», «не должно быть оставлено ни одного осетина, даже из имеющих от уполномоченного правительства соответствующее удостоверение». Особо жестокие меры в отношении сел центрального района (к нему относилась Джава) и близко к нему расположенных населенных пунктов объяснялись тем, что здесь сосредоточились наиболее активные политические силы. Когда же последние теряли Цхинвали, то столицей Южной Осетии становилась Джава. При вторжении в Южную Осетию у Джугели было специальное поручение по поводу этого крупного югоосетинского села. В своем «Дневнике» грузинский Нерон писал: «Джава – южно-осетинская столица. Это очень богатая и живописная деревня. Она сердце Южной Осетии... И его сердце надо вырвать». Именно эта директива не совсем удалась Джугели – местное население заранее покинуло свои дома и ушло к Рокскому перевалу, некоторые же – просто в горы и на другие перевалы. Последние

(«8» и «9») пункты «Постановления» предусматривали заселение Южной Осетии грузинами. Для этого член комиссии Хубугия представил «проект передачи домов», предназначенных для новых жильцов. К последним переходило уцелевшее имущество и скот; «Постановление» предписывало «правильное распределение» между новыми поселенцами в Южной Осетии. Все происходило по варварским законам – вторжение, уничтожение людей, захват «трофеев» и их распределение. Кстати, особых трофеев грузинские поселенцы в Южной Осетии не застали, до них восемь батальонов и конный полк Джугели «подмели» все, что представляло интерес. «Постановление», нами приведенное, было подписано «уполномоченными» правительства Джордания – Л. Жгенти, генералом Кониевым, полковником Нарекелашвили и др. Весь июль, август и сентябрь грузинские войска совершали по Южной Осетии рейды и продолжали претворять в жизнь охватившую грузинское общество идею геноцида осетин. В. Санакоев, обычно находившийся в гуще всех событий, происходивших в Южной Осетии, в начале сентября 1920 года писал Раздену Козаеву, своему соратнику, что «в Южной Осетии грузинские меньшевистские войска чинили и чинят по сей день ужасные безобразия: расстреливают стариков и женщин, все посева вытоптаны, масса сел сожжено, уцелевшие дома разрушаются, материал с разрушенных построек увозится вместе с оставшимся скарбом». По данным Санакоева, в Северной Осетии на июль месяц «количество беженцев» составило «свыше 20 000 человек». Их количество увеличивалось с каждым днем, поскольку гонения в Южной Осетии и Грузии не прекращались. Серьезной проблемой для Северной Осетии, небольшой по масштабам и накануне разоренной деникинскими войсками, являлось размещение беженцев, оказание им материальной и медицинской помощи. Особенно переполнены беженцами были горные районы Северной Осетии – здесь разместились южные осетины, успевшие перегнать скот на северные склоны хребта. В Алагирском районе, во Владикавказе и окрестных селах осетинские и русские семьи принимали беженцев, сами не имея после войны сколько-нибудь сносных условий жизни. Недавно созданные североосетинские власти ничем другим столько не занимались, как проблемами беженцев. На помощь пришла Кабарда – вечный и, кажется, после России самый верный друг осетинского народа. В Большой Кабарде беженцам-осетинам отводились участки по реке Шалушке, в районе реки Куркужана, по реке Малке, между реками Геуко, Баксаненок и Ямансу, между реками Урван и Баксан, между реками Урван и Черекон; в Малой Кабарде группа участков в районе Куры и Терек, участки к югу от села Ахлово, группы участков по р. Ахбаш в районе Муртазово, по правую сторону реки Терека против селения Бороково. Три месяца для беженцев были самыми тяжелыми. Впрочем, не легче было тем, кто оставался в самой Южной Осетии, где психологическое состояние людей было критическим. Оказавшись среди сплошных разрушений, в окружении грузинских «меньшевиков», для которых каннибализм становился нормальным поведением, южные осетины, в основном пожилые, не сумевшие покинуть насиженные места, подвергаясь ежедневному террору, не выдерживали насилия и уходили из жизни, покончив с собой. Что касается взрослого населения – беженцев, мужчин и женщин, то, несмотря на нечеловеческие тяготы, они не были сломлены. Им не хватало жилья, недоставало солдатских мешков, чтобы спать в них на земле, они болели, многие из них умирали, но живые не только надеялись выжить, но и горели желанием вернуться на свою обетованную родину и расправиться с необычайным злом. Автор настоящих строк пролистал десятки тысяч исторических документов, знаком по первоисточникам с войнами на Кавказе, до незначительных деталей описал Кавказскую войну – одно из самых драматических противостояний, знаком с самыми разными проявлениями человеческой стойкости, но, узнавая (к сожалению, на склоне лет) историю южных осетин, поразились необычности человеческого «материала». Когда в Терской области южные осетины стали просить – нет, не военной помощи, а боеприпасов, чтобы двинуться в Южную Осетию и освободить ее от врага, они произносили слова не о мести, а о вооруженном походе и желании в мужском сражении отвоевать себе независимость. Терские областные власти им объясняли, что идет война с Врангелем – главным врагом Советской России, и боеприпасы все уходят на

врангелевский фронт. Тогда южные осетины, которым пообещали оружие после поражения Врангеля, стали записываться в особую бригаду, чтобы освободить сначала Россию и только затем пойти походом на юг, чтобы вернуть себе свою историческую родину. На съезде народов Востока, состоявшемся в начале сентября 1920 года, делегаты из Южной Осетии, которым было стыдно за события в Южной Осетии, разъясняли: «На высотах Цхинвала завязался неравный бой, в результате чего Красные повстанцы Юго-Осетии, израсходовав свои патроны, не имели продовольствия, ни помощи откуда бы то ни было, с семьями своими под напором превосходящих сил противника принуждены были снять фронт и отступить в Терскую область». На этом же съезде осетинские делегаты Б. Кочиев и В. Газзаев решительно заявили: «1. Юго-Осетия никогда не входила и не входит в состав меньшевистской Грузинской республики; 2. Юго-Осетия есть неотъемлемая часть РСФСР, в состав коей входит непосредственно; 3. Нет иной власти, кроме Советской, какую бы могла потерпеть у себя Юго-Осетия...»

Трех крайне тяжелых месяцев было достаточно, чтобы дать общественную оценку югоосетинской трагедии. Она была разной и, в отличие от начальных дней, изменилась в сторону значительно большей поляризации двух мнений, двух основных политических течений – советского и антисоветского. Газета «Советский Кавказ», хорошо осведомленная о политических событиях, происходивших в Южной Осетии, приводила новые свидетельства о зверской расправе с Южной Осетией. Она сообщала о том, как грузинское правительство восстанию крестьян против деспотической власти «меньшевиков» придало «характер национальной резни осетин». По данным газеты, регулярные правительственные войска Грузии «прошли огнем и мечом все ущелья Южной Осетии», особому разгрому подверглись «6 ущелий: Джавское, Рокское, Кешельтское, Бельтское, Корнисское и Кударское. Сожжено дотла 17 сел. Весь скот и все имущество или сожжено или конфисковано. Оставшееся в селах население, даже не принимавшее непосредственного участия в восстаниях, было поголовно вырезано, вплоть до престарелых стариков и грудных детей. Весь хлеб отобран, а новый урожай вытопан. Имели место многочисленные случаи изнасилования женщин и после этого растерзания их... Газета «Советский Кавказ» приводила новые данные о численности беженцев, покинувших Южную Осетию: «50 000 человек», нашедших пристанище в Северной Осетии и частью в Кабарде. Эти люди, писали газеты, бежавшие от врага «по горным тропинкам от голода и отсутствия приюта, вымирают по сей час массаами. Были случаи, когда женщина при виде страдания своего ребенка от голода бросала его в пропасть, в реку, и сама бросалась вслед за ним. Страданиям народа не было и нет до сих пор конца». Официальный печатный орган Грузии «Эр-тоба», касаясь событий в Южной Осетии, с редким цинизмом писала: «наша Республика высылает осетин туда, куда они стремились – в социалистический рай». Следует заметить – национал-шовинистическая идеология в ее крайне деспотических проявлениях, которая была на вооружении правительства Жордания, находила широкую поддержку не только у так называемых меньшевиков, но и среди грузинских коммунистов и крестьянского населения Грузии. В письме из Баку В. Санакоев поведал о том, как на съезде народов Востока коммунист Ладо Думбадзе «дерзко заявил, что есть Грузия, но нет Южной Осетии». В исторической справке, составленной 6–8 сентября 1921 года, подчеркивалось, что во время геноцида летом 1920 года «часть грузинских крестьян приняла участие в гнусных деяниях правительства» Жордания. Господством этой идеологии, становившейся частью национальной политической культуры Грузии, собственно, и объяснялось массовое участие грузинского народа в организации бесчеловечного истребления осетин. Стоит напомнить, что те же грузинские коммунисты, казалось бы, самым вступлением в партию обязавшиеся быть «интернационалистами», не расставались с национал-шовинизмом; их было принято называть «национал-уклонистами».

1921 год

24 января 1921 года во Владикавказе состоялось решение «О созыве съезда эмигрантов-повстанцев Южной Осетии». На съезде рассматривались вопросы: «О текущем моменте», «Положение Южной Осетии», «О мерах дальнейшего устройства Южной Осетии» и др. У нас нет материалов съезда, но есть «Выписка из протокола Юго-Осетинского окружного комитета РКП(б)», проводившего съезд, датированная 25 февраля. Судя по ней, важнейшим решением, принятым накануне съездом беженцев, являлось – «Выделить Юго-Осетию в автономную единицу (область). Центром Юго-Осетии считать Цхинвал». В упомянутом «Протоколе» была сделана также запись: «Данное постановление (т. е. образование области. – М. Б.) вводится в силу революционным путем и в будущем подлежит окончательной санкции съезда Советов Юго-Осетии». Одновременно еще во Владикавказе был создан Революционный комитет и определен его персональный состав. Шло также формирование партизанского отряда и его резервного отряда – эти отряды возглавлялись Сергеем и Тото Гаглоевыми. Готова была к вооруженному выступлению регулярная осетинская бригада, ранее участвовавшая в разгроме Врангеля; ее ряды, в особенности после сражения под Кисловодском, нуждались в пополнении; доукомплектование бригады провели за счет беженцев. В подготовке отрядов к вооруженному изгнанию грузинских оккупантов из Южной Осетии приняли участие «революционные силы» Северной Осетии. 1 марта хорошо организованные отряды Осетии вышли на исходные позиции и 5 марта 1921 года заняли Цхинвал – первыми в город вошел резервный отряд Тото Гаглоева. Отдельный вооруженный отряд, сформированный Дзандаром Такоевым, выступил из Дигорского ущелья. Преодолев сложный перевал, он вступил в бой с правительственными войсками в ущелье Рачи. Отряд Такоева в упорных боях не только освободил от «меньшевиков» Рачу, но и участвовал в изгнании контрреволюционных сил из Западной Грузии. В приветствиях рачинского Ревкома и Ревкома Кутаиси с искренним восторгом отмечали, что «отряд этот, несмотря на непреодолимые препятствия, без обоза и почти без провианта совершил переход через заваленный снегом Кавказский хребет в зимнюю пору, рискуя на каждом шагу стать жертвой снежных завалов, сугробов и морозов. Прибыв в Западную Грузию, Дигорский отряд принял геройское участие в борьбе за освобождение грузинского крестьянства и этим запечатлел в сердцах последнего и рабочих чувство самой искренней благодарности и симпатии». Приветственное письмо подписал «особоуполномоченный, член Грузинского Ревкома» А. Гегечкори. Освободив Южную Осетию, осетинская бригада действовала в Восточной Грузии так же, как Дигорский отряд, освобождая вместе с местной крестьянской беднотой Грузию от ненавистного всем правительства. Стоит отметить, что несмотря на жестокий геноцид, в котором участвовали как правительственные силы Жордания, так и представители других слоев грузинского общества, осетинские войска, вступив на территорию Грузии, взаимодействовали с местными революционными силами, не позволяя себе мести и оставаясь в рамках поведения воинов-рыцарей. Об этом, например, писал председатель Рачинского уездного Ревкома К. Гобеджишвили, подчеркивавший: «С полным сознанием революционного долга, возложенного на него исторической неизбежностью, 1-й Дигорский революционный отряд выявил в деле защиты завоеваний рабоче-крестьянской революции строго-революционную дисциплину и классовое самосознание».

Основные военные события, связанные с освобождением Южной Осетии и свержением контрреволюционного профашистского режима Жордания, завершились в феврале – марте 1921 года. Более сложным оказался политический аспект осетинского вопроса, более всего волновавший Осетию. Его решение затягивалось. У нас нет подлинных данных, которые бы свидетельствовали о происходивших обсуждениях, не всегда фиксированных в документах. Известно, что при формировании Грузинской Советской республики Абхазия в специальном «Заявлении» заявила о своем нежелании входить в состав этой республики. Что касается Южной Осетии, еще накануне объявившей о стремлении быть в составе Российской Федерации, то вопрос об этом повис в воздухе. Судя по всему, имели значение два очень важных обстоятельства: а) 21 мая 1921 года Грузинская Советская республика заключила «Союзный рабоче-крестьянский договор с РСФСР» и вступила с ней в

«военно-хозяйственный союз». Несомненно, что во время подготовки этого договора возникал осетинский вопрос, и вполне возможно, что Российская Федерация заняла позицию компромисса; б) К решению вопроса о Южной Осетии, возможно, отношение имел Сталин, и нет сомнения, что он должен был занять прогрузинскую позицию. Необходимо отметить – на российском и грузинском Олимпе действовала, кроме Сталина, большая группа грузинских большевиков, по своей националистической настроенности ни в чем не уступавшая Жордания и его клике. Во всяком случае только 6–8 сентября 1921 года после долгих обсуждений, в том числе с новыми грузинскими властями, стал проясняться вопрос о Южной Осетии. До начала сентября Южная Осетия ставила вопрос о предоставлении ей статуса автономной республики. Эту идею легко было торпедировать, поскольку даже Северной Осетии, которая территориально в два раза больше Южной, Российская Федерация отводила всего лишь статус автономной области. Положение Южной Осетии благодаря Москве осложнялось еще одним обстоятельством. Несмотря на недавно состоявшийся разгром Южной Осетии и сложности в отношениях между Грузией и Южной Осетией, определение политического статуса последней, по-видимому с подачи Наркомнаца, коим управлял Сталин, было отнесено к прерогативе Грузинской республики; между тем в Грузии, несмотря на новую власть большевиков, заявлявшую о высоких демократических принципах, национальная идеология оставалась традиционной для грузинского общества. При формировании административных структур Грузинской республики так называемые грузинские национал-уклонисты, ничем не отличавшиеся от «меньшевицких» национал-шовинистов, настаивали на создании из Южной Осетии обычных двух административных районов. Тем самым грузинские большевики желали довершить дело своих предшественников – ликвидировать Южную Осетию как историко-национальное и культурное образование. Комиссариат внутренних дел Грузии, которому было поручено представить предложение по Южной Осетии, внес в Ревком Грузии заключение, в котором говорилось, что Юго-Осетия не обладает географической цельностью и не может отвечать требованиям, необходимым для автономии. Ревком Грузии, понимая сложность проблемы и, очевидно, рассчитывая на поддержку идеи расчленения Южной Осетии на два района, передал вопрос на рассмотрение ЦК КП(б) Грузии. На этом этапе югоосетинские лидеры не смогли продолжить свою политическую борьбу и отстаивать свою независимость от Грузии. Слишком ослаблены были силы Южной Осетии, все еще находившейся в критическом хозяйственном положении. Единственным политическим шагом, предпринятым в начале сентября 1921 года, было решение Ревкома и Парткома Юго-Осетии по «Вопросу о самоопределении и политическом устройстве Юго-Осетии». В принятом «Постановлении» было записано: «а) Признать необходимым образование Автономной области Юго-Осетии с центром в Цхинвали; б) Юго-Осетия добровольно вступает в федеративную связь с Социалистической Советской Республикой Грузии; в) Социалистическая Юго-Осетия образуется в границах, соответствующих наличным этнографическим, географическим и экономическим условиям, гарантирующим свободное экономическое и культурное развитие трудящихся Юго-Осетии». Пакет документов, связанных с организацией югоосетинской автономии, Ревком Юго-Осетии передал не только высшим партийно-советским органам Грузии, но и Кавказскому Бюро РКП(б). 31 октября состоялось решение ЦК КП(б) Грузии о предоставлении Юго-Осетии политического статуса автономии. При этом проект решения, представленный Юго-Осетией, подвергся в Тбилиси серьезной редакции. Согласно принятому тексту, Юго-Осетия не создавала своей автономии, вступая в федеративную связь с Грузией, а ей предоставляли автономию. Таким образом, в политическом отношении Юго-Осетия получала «усеченную» форму автономии. Тем самым Москва предоставила Грузии особые полномочия в решении югоосетинской проблемы, чем фактически продолжила традиционную российскую политику на Кавказе, где Грузии отводилось особое привилегированное положение. При этом не были приняты во внимание чрезвычайная ситуация в Южной Осетии, созданная грузинскими националистами, доводы о территориальной независимости Южной Осетии от Грузии, желание Юго-Осетии,

присоединенной к России в 1774 году, быть в составе Российской Федерации и, наконец, историческая несовместимость Южной Осетии и Грузии. Для Москвы более важными, естественно, были не интересы малого народа, а стремление успокоить грузинский национал-шовинизм, все еще дававший о себе знать. В сущности многострадальная Южная Осетия была не просто обманута большевиками, а в качестве подачки отдана на откуп грузинским националистам. Несомненно, сказалось и другое. Триумфальное шествие Советской власти, происходившее в условиях революционного и идеологического коллапса, создавало в политической атмосфере мощную пелену, через которую, видимо, трудно было рассмотреть будущее не только Южной Осетии, Грузии, но и самой России.

Советско-грузинский тоталитаризм и Южная Осетия

Автор не относит себя к тем, кто Октябрьскую революцию и советскую власть рассматривает как случайность или же как результат большевистского переворота. Слишком глобальны были перемены, к которым привела одна из самых Великих революций человечества, чтобы ее относить к малозначащим историческим явлениям. С другой стороны, нельзя не видеть природу политической власти, ориентированной на установление диктатуры и ведущей к созданию советской империи с тоталитарным режимом. Что касается идеологии большевиков, то в обнищавшей и разоренной войной России были все социальные предпосылки для соединения русской социалистической идеи с «русским марксизмом». Впрочем, автор настоящих строк не специалист в области истории советского общества и не берется судить о сложных проблемах советского прошлого. Но, работая в архивах Осетии и собирая материалы по истории советского периода, автор обратил внимание на два обстоятельства: а) на особую, в отличие от других регионов Кавказа, ожесточенность репрессивных органов власти в Осетии. Об этом же, как известно, писал Солженицын, приводя факты, связанные «с плановыми» репрессиями; б) второе обстоятельство еще более загадочное – в самый разгар тоталитаризма, когда уничтожение незаурядных людей достигло особо угрожающих масштабов, почему-то во главе Советской России оказались в роли главных палачей Иосиф Сталин и Лаврентий Берия – два грузина, решавшие, кого казнить и кого миловать. Не стоит обвинять их в том, что они создали в СССР тоталитаризм, имевший гораздо более глубокие корни. Другое дело вопросы о том, почему именно на них был «спрос», и был ли он связан только с их незаурядностью или имело значение их происхождение, их воспитание в политической традиции грузинского общества? Трудно ответить на эти и другие вопросы, хотя в качестве субъективного мнения у автора сложилось ощущение того, что приход к власти – еще до смерти Ленина – не кого-то другого, а именно Сталина, как и появление позже рядом с «вождем народов» грузинского Малюты Скуратова, идеально дополнившего «блестящий» тандем советского тоталитаризма, – все это по своей политической природе слишком ассоциируется с идеологией грузинской тавадской знати, воспитанной на деспотических традициях Ближнего Востока. С гораздо большей вероятностью можно сказать о другом – Сталин не мог не знать о том бедственном положении, в котором после установления советской власти оказалась Осетия. Несмотря на это, он ничего не предпринял, чтобы оказать помощь народу и облегчить его страдания. Каким же было кощунством, когда в центре Владикавказа в здании КГБ заработала гильотина, уничтожавшая всех, кто в Осетии представлял сколько-нибудь заметный общественный интерес; в подвалах этого здания томились «враги народа» в ожидании своей жестокой участи. Когда выводили заключенного из подвала и вели его через двор, он знал, что идет на расстрел. Нервы не выдерживали, крик его был слышен на перекрестке двух улиц – Ленина и Бутырина. Как известно, Сталин родился в том самом Горийском уезде, куда входила и Южная Осетия. Он превосходно знал, насколько для Осетии важно было проложить дорогу через Рокский перевал и тем создать нормальные условия жизни и развития одного из народов Кавказа. Вместо строительства этой дороги он

сделал все, чтобы отнять у Осетии дорогу через Дарьяльское ущелье. Между Южной Осетией и Северной транспортное сообщение осуществлялось через эту единственную дорогу, которая до Млети проходила по территории Осетии. В 1944 году Сталин довел границу Грузинской республики до подступов к Владикавказу, передав таким образом Военно-Грузинскую дорогу с прилегающей к ней осетинской территорией Грузии. Еще в феврале этого года, во время депортации чеченцев и ингушей, прибывший во Владикавказ Л. Берия интересовался историческими границами Осетии – брал, очевидно по рекомендации К.Д. Кулова, первого секретаря СевероОсетинского обкома партии, специальные книги, например труд Кулаковского, содержащий сведения об аланах и их расселении на Кавказе. Отец мой, работавший заместителем председателя СНК Северной Осетии, рассказывал, что в марте 1944 года, в его ночное дежурство, в обком партии позвонили поздно ночью из приемной Сталина и потребовали к телефону К.Д. Кулова, первого секретаря. Во время телефонного разговора Сталин спросил Кулова, будет ли достаточно шести районов для Осетии, если отвести их на территории бывшей Чечено-Ингушетии. Кулов был растерян, он еще не знал, с какой целью выделяются районы Чечено-Ингушетии для осетин. Когда же Сталин объяснил, что новые районы отводятся для переселения осетин из горных районов Осетии, Кулов высказал свое мнение – не выделять Осетии более трех районов. В том же разговоре Сталин просил переименовать столицу Северной Осетии, вместо «Орджоникидзе» дать ей осетинское название «Дзауджикау». После этой беседы К.Д. Кулов был подавлен. Он ничего не сказал моему отцу о своем отношении к предложениям Сталина, но много позже объяснил, что речь шла фактически о передаче всей Военно-Грузинской дороги и части территории Осетии Грузинской республике и о том, чтобы из этого района были выселены осетинские села на территорию бывшей Чечено-Ингушетии. Тем самым еще более затруднялось сообщение с Южной Осетией, и без того административно и экономически оторванной от Северной Осетии.

В советское время в положении Южной Осетии мало что изменилось. Как и прежде, она оставалась колонией Грузии. Чтобы подтвердить эту мысль, достаточно указать на то, что в 1926 году из республиканского бюджета на душу населения внутренней Грузии приходилось 9,3 рубля, на Абхазию – 5,6 рубля, Аджарию – 7,3, а на Южную Осетию тратилось 4,2 рубля. Казалось, грузинское правительство, обязанное залечить тяжелые раны, нанесенные Грузией осетинам, должно было предусмотреть хотя бы справедливое бюджетное финансирование. Бюджет Грузии с каждым годом возрастал, но пропорция распределения его по административным образованиям оставалась такой же неравноправной, как и вначале. В 1928 году, по данным, приведенным У. Тедеевой, для Юго-Осетии на душу населения отпускалось 9 рублей 20 копеек, а для Грузии – метрополии (без Тифлиса) 15 рублей. Концепция государственности, по которой Грузия делилась на метрополию и сателлитов-колонии, была неизменной и устойчивой. Особенно это сказывалось в налоговой политике, где также основная тяжесть налогового бремени ложилась на сателлитов и более щадящие налоги вводились для грузинских районов. По мере усиления в СССР тоталитарного режима и возвышения Сталина до роли «вождя всех народов» в Грузии наращивались националистические силы. Сталин становился для грузинского общества символом особого превосходства, благодаря которому происходил дальнейший расцвет грузинской фанатерии. Идеология особой исключительности, господствовавшая среди партийно-советской элиты, способствовала сохранению в грузинском обществе реакционных политических процессов, оживлявших прежде всего национал-шовинизм. Менялся у политической элиты Грузии взгляд и на саму Россию, которой теперь управляли два грузина – Сталин и Берия.

Национал-шовинистической политикой являлось финансирование экономики Южной Осетии по остаточному принципу. Несмотря на наличие богатых залежей цветных металлов, строительных материалов в Южной Осетии, автономная область держалась на традиционных сельскохозяйственных формах экономического развития. В этих условиях не приходилось ставить вопросов повышения материального благосостояния народа, строительства

предприятий, жилых домов, школ и культурно-просветительных учреждений. Цхинвали, столица автономной области, производила впечатление полузабытого районного центра. Имея поблизости превосходные источники питьевой воды, которая по трубам поступала в Гори, жители Цхинвали постоянно испытывали недостаток в водоснабжении. Колониальное положение Южной Осетии особенно сказывалось в области школьного образования. В грузинской исторической литературе немало страниц посвящено тому, как Османская империя, господствовавшая в Западной Грузии, занималась отуречиванием грузин. Словно подражая турецким завоевателям, накануне 1944 учебного года, когда Советская страна все еще продолжала вести тяжелую войну с фашизмом, власти Грузии перевели школьное образование на русский и грузинский языки, запретив при этом преподавание на осетинском языке. Таким образом, осетинских учеников заставляли учиться по школьным учебникам, составленным на двух разных языках и изданным на ничего общего не имеющих алфавитах. Школьное образование осетинских детей было особенно затруднено, когда в 1949 году на грузинский и русский языки были переведены также начальные классы югоосетинских школ. Это при том, что в Северной Осетии, где проживало около 12 тысяч грузин, власти республики открыли грузинскую школу и не забывали ее опекать. Грузинизация школьного образования в Южной Осетии являлась отражением новых процессов, связанных с явным оживлением фундаментальных оснований грузинского социума. Стоит заметить – в конце Великой Отечественной войны и, в особенности, в первые послевоенные годы, когда Сталин был в ореоле славы, когда, казалось, все забыли о Небесном и молились только «вождю всех времен», именно в это время сработали те самые основания, на которые мы уже указывали. В грузинском руководстве видели, что из-за школьных реформ, проводившихся с явным националистическим взглядом на югоосетинскую автономию, наметилась миграция осетинского населения Южной Осетии в Северную Осетию. Это не остановило грузинское руководство в его дальнейших шовинистических планах. Напротив, в 1951 году первый секретарь Юго-Осетинского обкома партии А.Г. Имнадзе по поручению ЦК КП Грузии дал указание о переводе делопроизводства на территории Южной Осетии на грузинский язык. Дело здесь дошло до изъятия в Юго-Осетинском педагогическом институте всей литературы, изданной на осетинском языке. Введение делопроизводства на грузинском языке сопровождалось сменой кадров – во всех сферах государственной службы, в особенности в правоохранительных органах – вместо осетинских работников подбирались кадры грузинской национальности. Подобная политика особенно быстро набирала темпы при первом секретаре ЦК КП Грузии А. Мгеладзе, не скрывавшем своего негативного отношения к Юго-Осетинской автономии. Малейшее недовольство, которое высказывалось по поводу национальной дискриминации, проводившейся руководством Грузии, немедленно пресекалось правоохранительными органами – сажали в тюрьму без суда и следствия. Ситуация несколько изменилась после XX съезда КПСС, после того, как был развенчан культ личности и стал меркнуть главный «Образ», вдохновлявший грузинских национал-шовинистов на геноцид малых народов. Обстановка на уровне первого эшелона власти несколько изменилась лишь после того, как в 1956 году Президиум ЦК КПСС принял специальное постановление «Об ошибках и недостатках в работе ЦК КП Грузии». Это был единственный случай, когда открыто заговорили о грузинском национализме, хотя он никогда не сходил в истории Грузии с политической сцены. Постановление Президиума ЦК КПСС, нами упомянутое, имело несомненное значение, однако было видно, что оно носит временный характер. Грузинский национал-шовинизм, имеющий глубокие исторические корни, нельзя было изжить партийными постановлениями, какими бы они ни были принципиальными. Национальные болезни лечатся, очевидно, иными способами. Нет, по-видимому, готовых рецептов от этой чумы, одно лишь ясно – дело самой нации, чем ей болеть, главное, чтобы жертвами ее не становились другие народы. Стоит отметить, что несмотря на грузинский национализм, фанатерию и ксенофобию, получившие в советское время в Грузии свой дальнейший подъем, Москва не снижала уровень своего покровительства этой кавказской империи. В послевоенные годы, вплоть до середины 80-х

годов, Грузия представляла собой одну из самых процветающих республик в СССР. Грузинские фанатберисты не сравнивали свою столицу с Москвой – столицей великой державы, они называли Тбилиси вторым Парижем. Грузинская ССР по темпам экономического (за счет союзного бюджета!) и политического роста опережала все другие республики СССР. Она же первой пришла к финалу – теневой экономике, коррупции, расцвету взяточничества и другим порокам современного общества. Грузия явилась пионером и среди ухודивших из СССР республик.

От национал-шовинизма к провинциальному фашизму. Идеология

Любая идеология – «большая» или «малая» – приходит в общество по запросу прежде всего политической элиты, более чутко, чем другие социальные слои реагирующей на вызовы истории, на законы развития страны и народа. Поиски «хороших» или «плохих» идеологий – занятие малопродуктивное. Они бывают такими, каким является само общество, которое выбирает идеологию и ее исповедует. В переходный период развития общества, как правило, социум переживает болезненное состояние. Господствующая идеология этого общества становится агрессивной и обзаводится таким важным «компонентом», как «образ врага»; коммунистическая идеология не удержалась бы столь длительное время, если бы она не «питалась» идеей борьбы с международным империализмом. Если идеология «овладевает массами» – это показатель того, что общество встало на путь экономического и культурного обновления. Но именно на этом этапе часть носителей идеологии проявляет особую агрессию и доводит себя до помутнения сознания. Мир обошел телекадр, на котором одноногий инвалид сделал стойку на руках и, выражая одной вытянутой ногой все переполнявшие его чувства, иступленно кричал: «Звиад, Звиад...» Идеология Звиада Гамсахурдия на самом деле являлась идеологией «теневой экономики». Она овладела абсолютным большинством грузинского общества. Именно для этого вида экономики, пока запретного, но более эффективного, важно было отмежеваться прежде всего от Москвы, бравшей на себя строгий контроль над союзной периферией. «Идеология Гамсахурдия», ставшая известной как нацистская, отражала интересы партийно-советской элиты Грузии, тесно связанной с теневой экономикой. Сам Звиад Гамсахурдия, как советский диссидент и сын популярного в Грузии писателя, создавшего исторические романы в традициях грузинской героико-романтической литературы, был знаковой фигурой, избранной в качестве «вождя» той же грузинской партийно-советской номенклатурой. Звиаду Гамсахурдия не понадобилось для идеологических установок сколько-нибудь сложных философских или же социологических теорий – как когда-то потребовалось Марксу шгудировать классическую философию, политическую экономию и утопический социализм. Сама по себе теневая экономика являлась слишком временным явлением, столь же временным был и сам Гамсахурдия.

Последний начинал с весьма простых, но вполне доходчивых идей – со «спасения чистоты грузинской нации», для чего предлагалась политическая установка – «Грузия – для грузин». Эти основополагающие идеологические положения преподносились грузинскому обществу с той же настойчивостью и тревогой за «будущее Грузии», с какой в свое время Адольф Гитлер пугал немецкую нацию исчезновением. Свою статью «Что будет потом», опубликованную в 1988 году, Тариэл Кванчилашвили писал еще в лексиконе, принятом в советской печати, но четко формулировал идею о закрытии границ между союзными республиками и делении народов Грузинской республики на «коренных» и «некоренных». В связи с этим стал разрабатываться «Устав» демографического фонда, призванного создать грузинскую концепцию национальной демографической политики. Обсуждение «Устава» началось с предложений об ограничении рождаемости среди «некоренных» и поощрении рождаемости «коренной нации». Интересно, что к «некоренным» относились все негрузины, в том числе осетины, раньше грузин пришедшие в Закавказье и занимавшие свою

историческую территорию. Официальные власти Грузии, несомненно, поддерживали «демократическое движение грузинской общественности», но поступали так, как поступают при прокладке железной дороги: сначала – насыпь, затем – шпалы, а позже – рельсы. В государственных структурах была разработана программа грузинского языка, согласно которой престижные институты и университеты переводились на грузинский язык, во всех учебных заведениях вводился грузинский язык, он же становился обязательным при поступлении в вуз. Разумеется, в этом бы ничего не было крамольного, если бы программа не разрабатывалась в условиях, когда в печати, исходившей из радикально-нацистских течений, уже раздавались голоса о стерилизации «некоренных» жителей республики. К 1989 году, к утверждению программы грузинского языка, решавшей две задачи – избавление Грузии от «некоренных» или же их тотальной ассимиляции, в Грузии произошла полная замена старой, изжившей себя «политики интернационализма», на новую нацистскую, отвечавшую требованиям времени.

Созданная в Грузии идеология, естественно, нуждалась в «образе врага», без которого ее основные установки были бы обречены на неудачу. В грузинской печати, отличавшейся особой политизированностью, ничего особенного на начальном этапе не высказывалось по поводу России, но было ясно, что перспективы Грузинской республики и идея спасения чистоты грузинской нации строились на прочном сепаратизме, требовавшем выхода Грузии из СССР. Но при всей крикливости националистов они были осторожны, ограничивались критикой Кремля и КГБ, рассматривавшихся в качестве «главных врагов» свободы и независимости Грузии. Свою «волю» к политической непримиримой борьбе за «новые идеалы» Грузии националистические силы демонстрировали в Южной Осетии и Абхазии. Таким образом в националистической идеологии Грузии, ставшей в 1989 году господствующей в грузинском обществе, в роли «образа врага» оказались три субъекта – Кремль, Южная Осетия и Абхазия. Этим, однако, не ограничивались особенности идеологической конструкции нацизма. Несомненно, в грузинской «национальной идеологии» присутствовал «образ самой Грузии», «образ грузинского народа». «Легионом грузинских соколов» обобщенный «образ грузин» исторически рисовался в виде «Потомков Картлоса», «Спящих великанов», «опасных для тех, кто их разбудит». На начальном этапе нацизма носители его мыслили не столько посредством логики, сколько «образами». Для них Картли – это «сердце Грузии», Южная Осетия, которая теперь называлась только «Самачабло» или «Шида Картли», называлась «грудью Матери Грузии»; «Легион грузинских соколов» считал, что «Самачабло», решившее создать Юго-Осетинскую республику и объявившее осетинский язык в своей республике государственным, покушается на «грудь Матери Грузии», и задавал грузинам риторический вопрос – «если это случится, как же вам жить?» Точно так же «образно» рассуждали члены и другой общественной организации Грузии – «Корпуса гражданских офицеров Грузии». Особенность любой агрессивной идеологии заключается в отказе от законов логического мышления, от жесткой рядовой системы, и поэтому она, эта идеология, будучи основана на лжи, как правило, на практике служит разрушительной силой. Грузинские демографы, разработавшие демографический «Устав», на самом деле далеки были от реальных забот, связанных с «исправлением» «демографических перекосов» своей страны. Иначе способы решения этой проблемы, как и борьба за «чистоту грузинской нации» и принятие «Закона о грузинском языке», были бы ориентированы не на дестабилизацию политической ситуации в Грузии, а на сохранение стабильности. Грузинские неонацисты не думали о том, что из Грузии, втянутой в военные конфликты (к которым они толкали мать-родину) будут уезжать не только русские и осетины, но в первую очередь конформисты-грузины. Спросить бы сегодня грузинских демографов – насколько улучшился демографический тонус Грузии, когда из-за военных конфликтов ее покинуло более миллиона наиболее обеспеченных грузин? Заметим здесь же: сегодняшняя политическая элита, из которой формируется руководство Грузии, остается в плену этой неонацистской идеологии, а проблему сохранения единства Грузии видит в насильственной аннексии Южной Осетии и Абхазии. Между тем в этих двух

небольших республиках, расово «портивших» чистоту грузинской нации, не более 140 тысяч населения; возникает естественный вопрос – не лучше ли оставить в покое осетин и абхазов и вернуть из России в Грузию чистокровных грузин, которых там, в России, более миллиона? На самом деле сохранение целостности грузинского народа и возвращение с этой целью одной трети грузинского («чистокровного») населения из Российской Федерации явилось бы куда более разумным, чем попытки отнять у этнических осетин и абхазов их исторические территории. Грузинский нацизм как идеологическая система основан на лжи. В этом ничего нет нового – любая агрессивная идеология обычно строится на лживых посылах. Тариэл Кванчилашвили, видевший в демографических процессах главную опасность для «чистоты грузинской нации», утверждал, будто в Грузинской республике прирост населения идет таким образом, что падает процент проживающих в Грузии грузин. «В сегодняшней Грузии, – пишет демограф, – живет 5 миллионов человек, из них грузин только 68%». Но в 1917 году этот показатель составлял меньшее число – 67,2%. Что же до осетин, которых грузинские идеологи из-за якобы «высокой рождаемости» думали стерилизовать, то их в Грузинской ССР было всего 150 тысяч. Из них половина проживала на своей исторической территории, другая часть, подвергшаяся глубокой грузинской ассимиляции, в основном населяла Кахетию. Впрочем, сегодняшняя идеологическая парадигма грузинской элиты мало обременена демографическими заботами, несмотря на то, что демографические проблемы по-настоящему обнаружили себя лишь после войны Грузии с Южной Осетией и Абхазией.

За полтора десятка лет грузинская нацистская идеология пережила глубокую эволюцию. Фашизм Гамсахурдия, слишком обнаженный и примитивный, Эдуард Шеварднадзе назвал «провинциальным». Однако первый президент Грузии олицетворял собой начальный этап формирования грузинского фашизма, когда он базировался на «теневогой экономике» и в качестве образа врага имел «Кремль, КГБ», а немного позднее – «коммунистическую идеологию». Эдуард Шеварднадзе осудил Звиада Гамсахурдия и объявил вне закона сторонников «звизадизма». На самом деле тогда сменилась лишь обертка господствовавшей в Грузии идеологии. Сама она вступала в полосу своей «зрелости» – из «провинциального фашизма» Гамсахурдия нацизм переходил в новую фазу развития, обретая при этом новые установки. Акценты были перенесены на идеи независимости, создания государственности и демократического общества. С точки зрения экономических перемен и их соотношения с обновлявшейся идеологией принципиальным новшеством стоило считать переход от «теневогой экономики» к криминальной. Запросы криминальной экономики требовали от сменявшихся идеологических установок гораздо большей «логической» лживости, наглости, жестокого экспансионизма. Грузии стало недостаточно конфликта с Осетией – для отвлечения масс населения от экономики, которой предстояло перейти в криминальное состояние, Шеварднадзе интенсифицирует осетино-грузинский конфликт и открывает военные действия в Абхазии. Идеологии грузинского фашизма предстояло вступить в свою третью фазу – в расцвет нацизма, за которым, скорее всего, начнется постепенное угасание грузинского идеологического феномена. Но об этом мы еще скажем, сейчас же перейдем к хронике событий.

«Спящие великаны» проснулись...

Обозначив своих «врагов», грузинские националисты нуждались в том, чтобы обострить обстановку в Грузинской республике и приступить к разрушению в ней политического режима. Этого требовали не только агрессивные идеологические установки, но в еще большей степени законы теневогой экономики. В сущности, для Грузии, ставшей на путь переходной экономики, разрушительные усилия националистов, направленные на слом старого режима, были вполне кстати. Главная задача, стоявшая перед ними, это отторжение Грузии от России, которое привело бы к свободе хозяйственно-экономической деятельности, и при этом Москва перестала бы быть камнем преткновения для тех, кто уже обладал

крупными капиталами, нажитыми благодаря подпольной экономике. Было очевидно, что бурные политические события, происходившие в Грузии в 1989 году, своим острием будут направлены против России, игравшей роль главного «образа врага». Сложность ситуации, однако, заключалась в том, что никто толком не знал, как досадить «русскому медведю» так, чтобы он, по меньшей мере, обратил внимание на южную республику. По логике вещей грузинские «спящие великаны», «проснувшись», должны были идти походом на Москву. Поскольку это им было не под силу, они решили военно-политические события начать с Южной Осетии. Формальным основанием для того, чтобы обрушиться на автономную область, явилось «Постановление» Юго-Осетинского Совета народных депутатов о включении в Конституцию Грузинской ССР пункта: «В Юго-Осетинской автономной области государственным языком является осетинский язык». Такое постановление в автономной области было принято в ответ на Закон «О грузинском языке», согласно которому грузинскому языку был придан особый статус, предусматривавший языковую ассимиляцию граждан Грузии негрузинской национальности. Реакция на постановление Юго-Осетинского Совета об осетинском языке была бурной. У грузинских националистов неизменным всегда оставался один-единственный принцип – «Что позволено Юпитеру, не позволено быку». «Главный комитет национального спасения» выступил с «обращением к грузинскому народу», призвав население республики добиться у руководства Грузии решения трех задач: 1. По всей территории Грузии провести массовые митинги, демонстрации и предупредительные забастовки с требованием ликвидации незаконно созданной Юго-Осетинской автономной области; 2. Грузинское правительство должно принять срочные меры против провокаторов, чтобы в Цхинвали не повторилась подобная Сухуми трагедия; 3. В г. Цхинвали провести многотысячный митинг, который бы выставил все вышеизложенные требования и пресек «нарушение» «прав грузин, дискриминацию грузинского языка на этой древнейшей грузинской земле». Согласно «Обращению»... в одночасье осетины были объявлены «пришельцами из-за гор», и они «должны оставить эту землю», которая отныне была объявлена «древнейшей» грузинской землей. На этом этапе из грузинского лексикона окончательно исчезло название «Южная Осетия»; в Грузии широкое распространение получили топонимы «Самачабло», «Шида Картли». «Главный комитет национального спасения» в обращение включил два лозунга: «Самачабло – это Грузия», «Да здравствует независимая Грузия». Не был забыт и Кремль. В связи с предложением Юго-Осетинской области о повышении статуса осетинского языка Кремль был обвинен в «очередной провокации, цель которой – новое кровопролитие и геноцид грузин». Избрав Южную Осетию направлением «главного удара по Кремлю», грузинские националисты тут же создали новую газету, назвав ее «Самачабло». В Южной Осетии отдавали себе отчет в том, что над политическим статусом автономной области нависла серьезная опасность. Это было тем реальнее, что защищать Южную Осетию никто не собирался – не только Кремль, но даже Северная Осетия держалась в стороне от нависшей над жителями автономии серьезной угрозы. В этих условиях в Южной Осетии рассудили – ликвидация автономной области может быть прерогативой Союзной Республики Грузии, сложнее – если ликвидируется автономная республика, обычно имеющая свою собственную конституцию. Учитывая это, 10 ноября 1989 года Чрезвычайная сессия Совета народных депутатов Юго-Осетинской автономной области приняла решение преобразовать Юго-Осетинскую автономную область в Автономную Советскую Социалистическую Республику, одновременно обратившись в Верховный Совет Грузинской ССР и Верховный Совет СССР с просьбой рассмотреть вопрос в соответствии с Конституцией СССР. В Грузии не ожидали такого политического хода. Он был неожиданным и для Москвы, и для Владикавказа. Провозглашение Южной Осетии республикой было на руку грузинским националистическим организациям. Несмотря на это, Совет народных депутатов Южной Осетии проявил политическую дальновидность – его решение вовремя обнажило идеологическую суть борьбы, которую неонацизм объявил малой и никем не защищенной автономии. Но самое главное – решение о провозглашении Южной Осетии республикой

подняло осетинский народ на защиту своей родины. Стоит подчеркнуть – грузинское общество, наряду с нацистским движением, все еще сохраняло здоровые силы. Их объединяло «Грузинское национальное движение». Зная обстановку в Грузии «изнутри», это общественное движение распространило в Цхинвали листовку, призывавшую осетин и грузин к сохранению дружбы между двумя народами. Листовка составлялась в условиях, когда в Грузии развернулось мощное антиосетинское движение, бросившее клич – идти в Цхинвали для упразднения Юго-Осетинской республики. 23 ноября 1989 года в грузинской печати (газета «Сакартвело») было распространено объявление о митинге в Цхинвали. В нем сообщалось, что в этот день в центре Цхинвали «по инициативе коренных грузин состоится санкционированный митинг» с повесткой дня: «1. Национальные проблемы Грузии на современном этапе; 2. Референдум; 3. Вопросы нормализации межнациональных отношений; 4. Защита национальных интересов коренных жителей Грузии на исторической земле Самачабло». Понятно, что подобные проблемы не решаются на митинге, но задача ведь заключалась не в обсуждении и решении серьезных проблем, а в том, чтобы обострить обстановку и «замутить воду», в которой нуждались толстосумы – грузинские олигархи. В Грузии и в Южной Осетии осознавали, что митинг может взорвать ситуацию, и без того накалившуюся в Грузинской республике. Накалилась обстановка и в Южной Осетии, где на уровне официальных властей было принято решение о недопущении проведения в Цхинвали грузинского экстремистского митинга. Но остановить грузинское шествие на Цхинвал было невозможно. На многочисленных автобусах 23 ноября к пригороду Цхинвали подъехало 30 тысяч грузин, готовых к шествию на митинг. Но здесь, на въезде в город, их встретил отряд осетин из 200 человек. Они не были вооружены, но, проявляя выдержку, терпеливо объясняли, что в Цхинвали нет такой площади, где бы разместились 30 тысяч митингующих, их появление в городе может вызвать беспорядки, за которыми явно последуют тяжелые события. Переговоры шли два дня. Было видно, что желавшие митинговать не очень хотят рисковать, и во второй день удалось убедить их в бессмысленности и опасности входа в город такой массы людей. Но для лидеров общественных организаций – общества «Святого Ильи», «Хельсинкского союза», «Независимой Грузии» важно было спровоцировать хотя бы какие-то события.. и с этой целью часть вооруженных грузин, «растворившихся» в грузинских селах Южной Осетии (Тамарашени, Ачабети, Курта и Кехви), стала обстреливать транспорт, проезжавший в сторону Джавского района. В результате 21 человек получил ранения. Кроме того, было захвачено 85 человек в качестве заложников. Производились грузинскими вооруженными боевиками и другие противоправные действия в Южной Осетии. Однако более 30 тысяч грузин, приехавших митинговать, на второй день были вынуждены вернуться ни с чем в Тбилиси. Комментируя «поход на Южную Осетию», лидер «Национально-демократической партии Грузии» Г. Чантурия писал, что в Грузии многие партии были против такой акции. Отказалась участвовать в этом и партия Чантурия. Оценка последнего, наблюдавшего за походом на Цхинвали, была жесткой: «Случилось очень неприятное, по-моему, грузины такого позора не видели», – писал Гия Чантурия. «Все, что случилось, стыдно! Более двадцати тысяч грузин, – продолжал тот же лидер партии, – вернулись обратно. Это слухи, что у входа в город стояли женщины и дети. Там стояли 20–30-летние осетинские парни около 200 человек». Г. Чантурия считал, что надо было ехать в Цхинвали не для митинга, а с войной. В Грузии, собственно, не было политической партии или же общественной силы, если не считать ничего не решавших простых людей, которая бы так или иначе не расшатывала обстановку. В этой разрушительной энергетике, в сущности, и состояла внутренняя социальная и национальная логика грузинского общества, ведшая Грузию по пути формирования неонацизма. Идеология неофашизма, появившегося и растущего на авансцене политической жизни Грузии, на фоне традиционного и привычного национал-шовинизма никого не пугала, поскольку различия между этими двумя политическими системами не очень бросались в глаза. Работники Тбилисской прядильной фабрики имели свое отделение в националистическом движении «Народный фронт Грузии». От имени своей фабрики 1 декабря 1989 года они обращались к председателю Президиума

Верховного Совета Грузии Г. Гумбаридзе, Председателю «Народного фронта» Н. Натадзе и редактору литературной газеты с «Обращением», в котором призывали к ликвидации всех национальных общественных движений, кроме грузинских, и к изгнанию с территории Грузинской республики лидеров этих движений. Главной мотивацией для подобной акции служило «оскорбление государственного языка Республики». Абсурдность подобного вымысла была очевидна, но суть в том, что грузинское общество переживало новый идеологический бум, перспективы которого были достаточно прозрачны.

Тревожно было в Южной Осетии. Непокойно жилось и в Северной Осетии. В Южной Осетии кроме правительственных органов успешно действовал Совет «Адамон ныхас», объединивший вокруг себя наиболее здоровые силы. Главные задачи, обсуждавшиеся в Республике Южная Осетия, были связаны с сохранением мира, с решением экономических и социальных проблем, все более осложнявшихся из-за ухудшения обстановки. «Но первейшей задачей» югоосетинские власти все еще считали «восстановление традиционной дружбы между народами, населяющими» Южную Осетию. Однако более реально ситуацию расценивал Осетинский молодежный союз «Ир», обратившийся к народным депутатам от Юго-Осетинской АО. «Союз» был недоволен пассивностью депутатов, недостаточно отстаивавших интересы Южной Осетии, оказавшейся в экономической и политической блокаде. «Мы рассчитывали на то, что вы с трибуны Съезда народных депутатов СССР и на заседаниях сессии Верховного Совета СССР дадите политическую оценку происходящему в Южной Осетии и поставите перед Верховным Советом СССР и вторым Съездом народных депутатов СССР вопрос о пресечении противозаконной деятельности грузинских экстремистов», – заявлял Осетинский молодежный союз «Ир» и требовал от депутатов сложения полномочий, поскольку они не справились с депутатской деятельностью.

С середины декабря 1989 года Южная Осетия фактически была блокирована вооруженными отрядами неформальных организаций Грузинской республики. Уже тогда стали поступать в больницы Цхинвали первые раненые – в основном из мирных жителей. В связи с событиями в Юго-Осетинской АО в обращении писателей Северной Осетии, адресованном «писателям Советского Союза, ко всем творческим работникам» страны, отмечалось, что в Южной Осетии «льется кровь, что в Северную Осетию ежедневно прибывают беженцы». Напоминалось и другое – «грузинские неформалы, так страстно осуждавшие ввод войск в Тбилиси в апреле 1989 года, теперь сами вторглись в Цхинвали многочисленным отрядом вооруженных националистов». В Северной Осетии конкретную организационную работу по оказанию помощи Южной Осетии проводило общественное движение «Адамон цадис», состоявшее главным образом из патриотически настроенной интеллигенции. Члены «Адамон цадис» проводили во Владикавказе митинги в поддержку Южной Осетии, собирали средства в помощь жителям области, оказавшимся в экономической блокаде. Члены «Адамон цадис» ходили по домам грузин, живших во Владикавказе, и вели разъяснительную работу, направленную на то, чтобы приостановить наметившуюся среди грузинского населения тенденцию к переселению в Грузию. Они также держали в поле своего внимания грузинскую школу во Владикавказе, оберегая ее от возможных провокаций. На начальном этапе грузинского вооруженного нападения официальные власти Северной и Южной Осетии прилагали немало усилий, направленных на возвращение грузино-осетинских отношений к миру и согласию. Вместе с тем замечалась у партийных и советских органов власти неспособность понять внутреннюю природу грузинской осетино-фобии, а отсюда проистекало их неумение прогнозировать развитие событий в Южной Осетии, из-за чего проявлялась политическая наивность и совершались ошибки, с нею связанные. Что касается грузинских властей, заинтересованных в наращивании конфликта в Южной Осетии, то они формально отстранились от националистических партий и движений, прикрывались пацифистскими заявлениями, при этом реальных шагов для предотвращения войны с Южной Осетией не предпринимали. В этом отношении образцом служило обращение первого секретаря ЦК КП Грузии Г. Гумбаридзе к грузинскому народу, в котором он заявлял: «На съезде народных депутатов

СССР Грузия одержала принципиальную победу. Возродился, возвысился дух Грузии, грузин...» Было ясно, что «возвышением духа грузин» вдохновлялись те, кто блокировал Южную Осетию и периодически подвергал ее обстрелу из различных видов оружия. Чтобы обострить ситуацию, Г. Гумбаридзе не забыл упомянуть и о другом – накануне, в ночь с 3 на 4 января, в селе Приси Цхинвальского района произошел трагический случай – при неизвестных обстоятельствах был смертельно ранен в грузинской семье Никоришвили девятимесячный младенец. Было возбуждено уголовное дело, но, не дожидаясь результатов расследования, органы печати ЦК КП Грузии – газеты «Комунисти» и «Заря Востока» объявили несчастного младенца жертвой «распоясавшихся осетинских экстремистов». В тот же день, когда так спешно несчастный случай приписали осетинской стороне, Г. Гумбаридзе в своем обращении к грузинскому народу подчеркивал, что «тому, кто вольно или невольно поднял руку на грудного ребенка, довел до отчаяния родителей» «не будет никакой пощады». Цель такого заявления была ясной. Каждый здравомыслящий человек понимал, что установить, кто конкретно во время стрельбы попал в ребенка, невозможно, но на фоне этого случая можно было обострить ситуацию, и Г. Гумбаридзе это ловко делал, несмотря на то, что ему было известно: отец ребенка был грузин, а мать – осетинка, и предполагать умышленное убийство с одной или с другой стороны не было ни малейших оснований. В этом, собственно, состояла суть заявления прокурора Юго-Осетинской области А. Кочиева, отметившего: «совершенно не допускаю мысль о том, чтобы кто-либо умышленно поднял руку на жизнь младенца, какими сложными ни были отношения между двумя дружественными народами – осетинами и грузинами». Различие в заявлениях грузинского политического лидера и осетинского прокурора по одному и тому же несчастному случаю предельно ясно свидетельствовало о том, насколько разными были устремления сторон: Г. Гумбаридзе как бы незаметно подбрасывал сухих дров в пожар войны, а осетинский прокурор, продолжая верить в дружбу, пытался погасить огонь. Но более полно своим внутренним содержанием политическая ситуация стала проясняться весной 1990 года. На это время выпала новая волна обострения грузино-осетинских отношений. Поводом для нагнетания обстановки послужило поминовение жертв 9 апреля 1989 года – в этот день советские войска в городе Тбилиси подавили народное движение. Событиям, состоявшимся годом раньше, грузинская печать уделяла особое внимание. Они рассматривались в контексте двух политических событий: а) выход Грузии из состава СССР, б) ликвидация Юго-Осетинской автономии и заселение этой автономии грузинским населением. Поскольку в Южной Осетии видели новую угрозу разрастания и углубления конфликта, то, желая разрядить обстановку, в некоторых коллективах, в том числе в Педагогическом институте Юго-Осетии, объявили этот день нерабочим, были вывешены траурные флаги, в городе Цхинвали в церкви св. Марии, куда пришли местные жители, в частности представители осетинской интеллигенции, состоялась панихида в память о жертвах. На страницах местных газет были выражены соболезнования – словом, осетинское население искренне разделяло скорбь грузинского народа. Но у новой грузинской идеологии, как и у политических процессов в Грузии, была своя собственная динамика, мало считавшаяся с нормами цивилизованной нравственности. Именно в эти траурные дни, когда, казалось, грузинский народ занят поминовением, в газете «Собчато Осети» было опубликовано «обращение грузинской общественности города Цхинвали к Верховному Совету Грузии и Национальному форуму Грузии» с требованием о ликвидации Юго-Осетинской автономии. Здесь же, на митинге, состоявшемся в грузинской школе № 1, грузинские ораторы ультимативно требовали от осетин поддержки Грузии в ее стремлении выйти из состава СССР. Было очевидно, что грузинское население, с которым у южных осетин ранее не отмечалось поводов для противостояния, было руководимо из Тбилиси. Ясным становилось и то, что в самом ближайшем будущем последуют серьезные политические перемены. Никто не сомневался, что кампания, разыгрывавшая память о жертвах 9 апреля 1989 года – это «поминовение» по поводу ухода в прошлое «Грузинской ССР», становившейся перевернутой страницей в истории грузинского народа.

От Гамсахурдия к Жордании и далее до Шикльгрубера

Еще в марте 1990 года на сессии Верховного Совета Грузинской ССР громче, чем в ноябре 1989, прозвучали голоса о выходе Грузии из состава СССР. В этом заключалась ключевая сторона политического процесса, протекавшего не только в Грузинской ССР, но и в других союзных республиках, входивших в состав СССР. Николай Бердяев, выдающийся русский философ и патриот, еще в 20-х годах XX века предупреждал большевиков, изгонявших из России русскую аристократию, что рано или поздно им самим будет суждено стать «буржуями», но такими, которые разнесут Россию по отдельным губерниям. Как экономическая система, уходившая из области государственной в сферу теневой экономики, «советский социализм» изжил себя, и ему было суждено стать тормозом для развития общества. К тому же сами партийно-советские национальные элиты обнаруживали тенденции к политическому сепаратизму. В случае с Грузией, однако, эти процессы протекали в столь же необычных формах, сколь непохожими являлись исторические пути Грузии в сравнении с другими союзными республиками Кавказа, входившими в СССР. У Грузии были все предпосылки не только для политического сепаратизма, но и для форсирования новой идеологической системы, адекватной социальной природе будущего национального государственного образования.

Вскоре Президиум Верховного Совета Грузии принял постановление о созыве 20 июня 1990 года внеочередной сессии. Она являлась продолжением предыдущих двух сессий, обсуждавших выход Грузии из состава СССР и «восстановление ее государственной независимости». Естественно, в новом формате грузинской государственности речь о Южной Осетии могла идти только в контексте ликвидации ее автономности. Как бы предупреждая грузинские власти об опрометчивости такого шага, Юго-Осетия заранее провела свою сессию Верховного Совета 19 июня 1990 года, т. е. за один день до заседания Верховного Совета Грузии. Юго-Осетинский Совет принял решение: «В случае отмены актов Ревкома Грузии от 16 февраля 1921 года, 24 марта 1921 года... направленный на выход из Союза ССР... на территории Юго-Осетинской автономной области будут действовать Законы Союза ССР». Одновременно на этой же сессии Юго-Осетинский областной Совет одобрил «Декларацию о суверенитете Южной Осетии», отвечавшей и нормативно, и по содержанию современным требованиям к государственным актам подобного рода. Между тем, как и следовало ожидать, 20 июня 1990 года на сессии Верховного Совета Грузинской ССР было принято решение о «восстановлении государственной независимости Грузии». На этой же сессии было признано, что отношения между Москвой и Тбилиси будут основаны на договоре, заключенном 7 мая 1920 года между Грузией и Россией. Что касается другого договора, состоявшегося между Советской Россией и Советской Грузией в феврале 1921 года, то он участниками сессии Верховного Совета Грузии расценивался как «свержение законной власти Грузинской демократической республики». Своими решениями от 20 июня 1990 года Грузия выступила как преемница буржуазно-феодалного режима Н. Жордания, в 1920 году осуществившего геноцид югоосетинского населения. В контексте нового решения Грузии у руководства Южной Осетии не оставалось никаких надежд на здравомыслие политической элиты Грузии в отношении судьбы Южной Осетии. Не подлежало сомнению, что следующим актовым решением руководства Грузии, во главе которой теперь стоял Гамсахурдия, будет упразднение «Юго-Осетинской автономии». Стоит отметить – важнейшей политической переменой в Грузии явился не столько выход ее из состава СССР, сколько приход к власти нового лидера Звиада Гамсахурдия. Последний, в отличие от многих секретарей ЦК КП Грузии, был, так же как Адольф Шикльгрубера, человеком образованным, но таким же явно патологичным. Суть этой личности, как и в случае с Шикльгрубера, заключалась в том, что в ней аккумулировалась неонацистская идеология, квинтэссенция которой состояла в двух основных установках – расовой исключительности

грузинского этноса и применении насилия в качестве главного средства решения национальных задач. В 90-е годы, когда Гамсахурдия занимал пост Президента Грузии, вышла в свет его книга, посвященная культуртрегерской миссии Грузии в мировом масштабе. Автор настоящих строк знаком с ней по рецензиям, печатавшимся в грузинской прессе, в частности в «Вестнике Грузии». Судя по ним, «произведение» Звиада Гамсахурдия куда более претенциозное, нежели «скромная» книжка «Майн Кампф». Покойный президент предназначение Грузии видел в особой исторической миссии – в распространении грузинской культуры в планетарном масштабе. Очевидно, сюда входило и изучение грузинского языка – так, чтобы весь мир заговорил по-грузински. Подобные книги, принадлежащие таким авторам, как Гамсахурдия или Шикльгрубер, не должны подвергаться суровой критике, ведь они всего лишь памятники, свидетельствующие о степени помутнения разума не только их авторов, но и общества, заболевшего той же идеологией. Трагедия Грузии и Южной Осетии, однако, состояла в том, что первая заболела «коричневой чумой», а другая страдала, не до конца понимая, какой очередной недуг одолел соседа. Как бы то ни было, но после состоявшихся в Тбилиси решений о выходе Грузии из состава СССР областной Совет народных депутатов Южной Осетии 20 сентября 1990 года принял решение: «Признать Конституцию СССР и другие законодательные акты СССР как единственно действующие на территории Юго-Осетинской автономной области». В тот же день состоялось и другое, не менее важное решение югоосетинского Совета – о преобразовании Юго-Осетинской автономной области в Юго-Осетинскую Советскую Демократическую Республику. Одновременно в Южной Осетии приступили к выработке проекта Конституции провозглашенной республики. 16 октября 1990 года местные власти в Цхинвали в связи с провозглашением Юго-Осетинской республики назначили на 9 декабря 1990 года выборы в Верховный Совет новой Республики. Таким образом, благодаря руководству Тбилиси на Кавказе, в самом его центре, появились две самопровозглашенные республики – Демократическая Республика Грузия и Юго-Осетинская Советская Демократическая Республика, никем еще не признанные. В случае с Южной Осетией Грузия, расставшаяся со своей советской Конституцией, оказалась вне правового поля, поскольку она не обладала конституцией своей новой Республики; на этот момент у Грузии не стало также законных органов власти. Находясь в правовом вакууме и в то же время желая ликвидировать Юго-Осетинскую Советскую Демократическую Республику, грузинское руководство было вынуждено собрать Верховный Совет Грузинской ССР и принять решение, согласно которому отменялось постановление югоосетинского областного Совета о преобразовании области в Республику. Грузинские депутаты понимали, что их решение может иметь силу, если оно будет опираться на советское законодательство. Исходя из этого, Верховный Совет Грузии «обязал областной Совет Юго-Осетии придерживаться Конституции СССР и Грузинской ССР». Так юридически грамотные действия руководства Южной Осетии формально возвращали Грузию в лоно СССР. Получив из Тбилиси последние решения Верховного Совета ГССР, югоосетинское руководство в своем ответе напомнило грузинским властям об официальном выходе Грузии из состава СССР и о том, что в связи с этим юридической силы не имеет более ни Конституция Грузинской ССР, ни сам Верховный Совет и его Президиум. На этом основании, поясняли из Цхинвали, «Ваши решения для Грузии, а также для Юго-Осетии неправомочны» в отношении отмены решений Юго-Осетинского Совета о преобразовании области в Республику. Несомненно, в Грузии были высокообразованные юристы, но юридические казусы, в которых периодически оказывались новые власти в Тбилиси, были результатом другого явления – идеологического пресса, под давлением которого находилась Грузия. Таинство общественного бытия, очевидно, заключается не только в материальной субстанции, которая правит обществом, но и в духовной сфере. Идеология, по-своему будоража общественное сознание, обычно ведет к главной цели нетерпеливо и нередко суетно, часто заставляя при этом забывать о «деталях». Стоит отметить и другое – в Южной Осетии, принимая те или иные решения, связанные с преобразованиями политического статуса, руководители пытались строго соблюдать как

букву закона, так и «субординацию с Грузией»; переписываясь с Тбилиси, без всякого раздражения они предлагали согласовывать с грузинской стороной свои действия. И это притом, что вооруженный конфликт между двумя новыми республиками все более разрастался. 28 ноября 1990 года так же методично, как ранее, в Южной Осетии занимались уточнением наименования своей Республики и высшего органа исполнительной власти. Было принято решение убрать из названия Республики слово «Демократическая» из-за перегрузки двумя политическими синонимами – «Советской» и «Демократической». Что касается правительства, то оно было названо – «Исполнительный Комитет Совета народных депутатов Юго-Осетинской Советской Республики». Одновременно депутатский корпус Юго-Осетинской Республики принял «Обращение к Верховному Совету Республики Грузия». Чтобы представить полнее миролюбивую позицию Южной Осетии, следует привести небольшой текст этого «Обращения»: «Совет народных депутатов Юго-Осетинской Советской Республики обращается к Верховному Совету Республики Грузия с предложением: делегировать в Юго-Осетию парламентскую группу для встречи с ее депутатами, представителями общественности для рассмотрения возникших проблем во взаимоотношениях. Считаем, что обсуждение, диалог, добрая воля к взаимопониманию – единственно цивилизованный и достойный наших народов путь к решению межнациональных вопросов на основе сбалансированного учета интересов обеих сторон. Убеждены, что такое совместное обсуждение приведет к принятию решений, соответствующих интересам обоих народов». Следует заметить, что приведенное «Обращение» не являлось плодом какого-либо дипломатического маневра или каких-то политических уловок. Несмотря на весь огромный и тягостный в прошлом груз, несмотря даже на кровопролитие и уже имевшееся большое количество беженцев, выехавших как из Южной Осетии, так и из районов Грузии, руководство Южной Осетии и простые люди глубоко сожалели о том, как все дальше и дальше по трагическому пути развивались отношения между осетинским и грузинским народами. Было ли возможно спасти ситуацию и направить ее по мирному руслу, как того хотели в Южной Осетии? Ответ, к сожалению, однозначный – грузинское общество, в особенности его новая политическая элита, гораздо более восприимчиво было к энергичным силовым решениям – ведь не один только Гамсахурдия желал покорить «грузинской культурой» весь мир, и не один человек – как тот одноногий – стоял головой вниз, ногами вверх... таких было слишком много в гамсахурдиевской Грузии. Предвосхищая возражения, добавим: не одна Южная Осетия становилась жертвой грузинского нацизма, от него пострадали и русские, и азербайджанцы, и армяне, и греки – все, кто жил в Грузии и не был грузином,.. мы уже не говорим об Абхазии, у которой все развивалось по тому же сценарию, по которому складывалась судьба Южной Осетии.

К независимости и свободе через противостояние

9 декабря 1990 года, как и было намечено решением Юго-Осетинского Совета, состоялись выборы народных депутатов Юго-Осетинской Советской Республики. 14 декабря газета «Советская Осетия» опубликовала информационное сообщение об итогах республиканских выборов. «На выборах в качестве наблюдателей присутствовали представители Всесоюзной Ассоциации национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей государственности – общественных движений суверенных республик». Здесь были представители Марийской Республики, Татарского общественного центра, общества Удмуртской Республики, общественной организации «Адыгэ хасэ» Карачаево-Черкесии, такой же организации Кабардино-Балкарской АССР, народного форума Абхазии «Аидгылара» Абхазской Республики. Согласно их «Акту», «выборы народных депутатов Верховного Совета Юго-Осетинской Советской Республики 9 декабря 1990 года прошли в

точном и полном соответствии с Конституцией СССР, с конвенциями ООН, принятыми до настоящего времени». По данным Центральной избирательной комиссии, в выборах участвовало 71,9% от общего количества избирателей. Из 75 созданных избирательных округов выборы проводились в 68 округах, где было избрано большинством голосов 64 депутата – в 4 избирательных округах предусматривались повторные выборы.

Состоявшиеся выборы были по существу народным референдумом не только о политическом статусе Юго-Осетии, но и по всем другим вопросам, ранее решавшимся органами государственной власти Южной Осетии. В Грузии, несомненно, наблюдали за выборами в Южной Осетии. Более того, создавалось впечатление, что здесь больше всего ожидали как раз того результата, который, собственно, и состоялся. Успешные выборы в Южной Осетии новым властям Грузии давали больше поводов для политических демаршей, и в первую очередь демонстрации своей собственной «масштабной» «значимости и силы». 11 декабря 1990 года, когда уже результаты выборов в Южной Осетии стали известны, Верховный Совет Республики Грузии принял «Закон» по Юго-Осетинской Республике. В преамбуле его указывалось, что «сепаратистские силы в Юго-Осетинской автономной области пытаются путем образования т. н. Юго-Осетинской Советской Республики узурпировать государственную власть, посягнуть на территориальную целостность Республики Грузии и отторгнуть от Грузии ее историческую, неотъемлемую часть...» Каждый из тезисов, из которых состояла преамбула «Закона» Верховного Совета Грузии, не выдерживал критики. Например, о сепаратизме... Южной Осетии. Подлинный политический сепаратизм продемонстрировала Грузия, когда она без переговорного процесса с органами власти СССР, без референдума, без определения политического статуса в будущем независимом Грузинском государстве Абхазии, Аджарии и Южной Осетии, «по-партизански» – так, словно «перед объявлением войны», заявила о выходе из СССР. Куда более цивилизованно поступало руководство Южной Осетии, пытавшееся согласовать с Тбилиси свои действия. Об узурпации власти?.. Грузинская сторона пыталась ликвидировать Юго-Осетинскую автономию, а осетинское руководство, отражая интересы народа, решило сохранить эту автономию, для чего вынуждено было повысить ее статус. Что же до «исторической неотъемлемой части», то стоит ли еще раз к этому возвращаться... Напомним только о главном – в подавляющем большинстве территории, на которых расположена современная Грузия, на самом деле завоеваны Россией у Персии и Турции, они, эти самые исторические территории, обильно орошены кровью русских солдат и принадлежат де-факто России... и, не дай бог, у России появится точно такая же власть, какая сегодня у Грузии, мало не покажется, придет ведь не 11-я армия с Кировым и Орджоникидзе, а кто-нибудь «покруче», например, «русский Сталин», который будет отнимать свои русские земли... Ложью в преамбуле «Закона» являлось утверждение о том, «что Юго-Осетинская область была образована... вопреки воле проживающего в этом регионе коренного грузинского населения». Юго-Осетинская область в составе Грузии была действительно образована «вопреки воле», но только не грузинского населения, а осетинского, желавшего вместе с Северной Осетией быть в составе России. Что же касается «коренного грузинского населения» в Южной Осетии, то еще раз напомним – речь идет о грузинских селах, создававшихся в основном правительством Жордания после разгрома осетинских сел и насильственного переселения в Южную Осетию грузин.

Первый и ключевой пункт принятого 11 декабря 1990 года Верховным Советом Республики Грузии «Закона» лапидарно и четко формулировал: «Упразднить Юго-Осетинскую автономную область». Таким образом Грузия сама по своей доброй воле рассталась с политической целостностью своей республики. Депутаты грузинского парламента, очевидно, доверились собственным ксенофобским настроениям и не заметили, как «Законом» о ликвидации Юго-Осетинской автономии они разрушили тут же всю политическую и правовую конструкцию своей республики. Зато не в пример тогдашним депутатам и их председателю Гамсахурдия, многие годы диссидентствовавшему, нынешние президенты России и Грузии – В. Путин и М. Саакашвили – оба профессиональные юристы,

кажется, без дискуссии согласились, что «Законом» от 11 декабря 1990 года Грузия «для себя» ликвидировала Юго-Осетинскую автономию, а последняя, получив таким образом волю, создала «для себя» «Юго-Осетинскую Советскую Республику». Этим же «Законом» беспочвенными стали обвинения Южной Осетии и в политическом сепаратизме, поскольку она выходила из состава Грузинской Республики согласно «Закону» от 11 декабря 1990 года; кстати, именно этот день должен был бы стать Днем независимости Южной Осетии. Что касается семи других пунктов «Закона», то одни из них лишь дополняли пункт «1», другие же в соответствии с первым пунктом переставали находиться в ведении Верховного Совета Республики Грузии или же, в лучшем случае, становились для Южной Осетии дискреционными. В Южной Осетии не сразу обратили внимание на правовой промах Тбилиси, предоставивший им независимость. Руководство республики продолжало по инерции отстаивать законность и суверенитет Юго-Осетинской Советской Республики. Впрочем, чисто эмпирически в Южной Осетии понимали собственную политическую свободу и ставили вопросы, связанные с делимитацией границы между Южной Осетией и Грузией. Последняя, в свою очередь, заговорила о территориальной целостности Грузинской Республики, понимая ее не как делимитацию, а политически довольно расширительно – возвращение Южной Осетии в Грузию с обещанием предоставить ей «широкие правовые полномочия». Но это позже, а в середине декабря 1990 года, когда Грузия, помимо принятия «Закона» о ликвидации Юго-Осетинской автономии, приступила еще к вооруженным действиям, стало ясно и другое – в Тбилиси твердо намерены пойти по тому же пути, на котором решал «осетинский вопрос» Жордания – начать в Южной Осетии геноцид. На этом этапе первенство брали не традиционные для грузинской элиты мизантропия или же ксенофобия, а скорее важность Южной Осетии как политической карты. Война с ней, с одной стороны, позволяла новой власти демонстрировать грузинскому обществу, отвлекая его от других насущных проблем, свой национальный патриотизм, с другой – дистанцироваться от Москвы, давно мешавшей местной партийно-советской и подпольной «буржуазии» приступить в Грузии не только к политическому господству, но и к экономическому.

На политическом поле, созданном в центре Кавказа Грузией и Южной Осетией, несомненно, действовала и Москва.

Нам, к сожалению, недоступны документы и материалы, которые бы пролили свет на позицию центральных государственных органов власти в отношениях, складывавшихся между Тбилиси и Цхинвали. В нашем распоряжении лишь данные, публиковавшиеся в открытой периодической печати. Несмотря на это, благодаря общественной деятельности автору известно, что Москва неофициально поддерживала Южную Осетию в ее противостоянии грузинским властям. В частности, в Северную и Южную Осетию приезжали высокого уровня представительные чиновники, давали щедрые обещания, связанные с улучшением экономического положения Южной Осетии; эти обещания, как правило, оставались на бумаге. Кстати, гораздо большую помощь Южной Осетии оказывали российские регионы, а не официальные власти. Главной заботой Центра – и это было естественно – являлось политическое развитие Грузии, практически вышедшей из-под влияния Москвы. Кремль никак не мог успокоить разбушевавшегося Гамсахурдия, сводившего счеты с Москвой. Последней было важно удержать Грузию в составе СССР, и в этом политическом стремлении она пыталась использовать противостояние Грузии и Южной Осетии. Очевидно и другое – помогая и Грузии, и Южной Осетии в их конфликте, Москва готова была принести в жертву Южную Осетию, но в обмен на серьезные политические уступки со стороны грузинских властей. В Кремле не совсем еще отдавали себе отчет в том, что идеологически «оболваненные» политики в Грузии подвластны собственной политической стихии, оторвать от которой их было не так-то просто. Не учитывалось, например, что для официального Тбилиси самым непривлекательным обещанием Москвы являлось возвращение Юго-Осетинской автономии в Грузию; гораздо больше грузинских политиков устраивали как «уход» Южной Осетии из Грузии, так и конфликт с ней. В свете

этой достаточно четкой политической парадигмы, которой придерживались в Грузии, «Обращение» Президиума Верховного Совета СССР к Грузии и Южной Осетии следовало рассматривать как чисто формальный акт. В нем содержалось сжатое изложение фактов политического размежевания между Грузией и Южной Осетией. Акцент, однако, был сделан на «Законе» об упразднении Юго-Осетинской автономной области, было указано на то, что «любое решение об изменении статуса автономных образований» согласно Конституции СССР и Закону СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федераций» «подлежит рассмотрению Съездом народных депутатов СССР и только после утверждения съездом приобретает юридическую силу». «Обращение» заканчивалось призывом к Грузии и Южной Осетии «проявлять благоразумие и отменить свои антиконституционные решения». Приведенное «Обращение» по своей сути и форме скорее являлось свидетельством слабости государства, ушедшего в прошлое. Может быть, поэтому адекватно (формально и, пожалуй, беспринципно!) к нему отнеслись в Верховном Совете Северо-Осетинской ССР, предложившем Грузии и Южной Осетии «сесть за стол переговоров... и обсудить вопросы об отмене решений областного совета народных депутатов Юго-Осетинской автономной области»... Необходимо отметить – грузинская сторона заигрывала с представителями Северной Осетии, поскольку опасалась единых и согласованных действий двух Осетий. Насколько это удавалось Тбилиси – трудно сказать, но был случай, когда Южная Осетия обратилась к Верховному Совету Северной Осетии с просьбой рассмотреть вопрос об объединении двух Осетий в составе единой Республики и вхождении в состав Российской Федерации. Президиум Верховного Совета Северной Осетии рассмотрел вопрос и с решением об отказе в такой просьбе Южной Осетии вынес на обсуждение Верховного Совета Республики. На сессии последнего был зачитан проект решения об отклонении просьбы Южной Осетии. Не будучи депутатом Верховного Совета Республики, но зная, что проект может быть одобрен, автор настоящих строк первым выступил с предложением изменить решение; депутаты с этим согласились, и сессия Верховного Совета поддержала обращение Южной Осетии об объединении Южной и Северной Осетии в рамках единой Республики с вхождением в состав Российской Федерации. Вялая позиция Северной Осетии в отношении Южной Осетии, вероятно, объяснялась давлением Москвы, не желавшей лишнего участника в нараставшем вооруженном конфликте в Закавказье.

Жестким было обращение к народам Советского Союза Чрезвычайной сессии Координационного Совета Ассамблеи горских народов Кавказа и Ассоциации национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей государственности. В нем были два главных положения: а) В первом, наиболее важном тезисе указывалось, что «повышая свой государственно-правовой статус, народ Юго-Осетии добивается права быть субъектом обновляющейся федерации – Союза суверенных республик; б) Этот акт народа был предпринят с целью покончить с бесчисленными унижениями и оскорблениями, кампанией травли осетинского народа официальными лицами, средствами массовой информации Грузии. Заканчивалось „Обращение“ заявлением о готовности „оказать необходимую помощь братскому осетинскому народу“. Тем самым давалось понять, что в случае продолжения вооруженного давления на Южную Осетию со стороны Грузии малые народы готовы будут поддержать Южную Осетию в военном отношении. В связи с этим следует заметить – конфликт позже стал не просто разрастаться, но принимал угрожающие для южных осетин формы. Но войну с агрессором Южная Осетия фактически выносила на собственных плечах. Несмотря на это, моральная поддержка малых народов СССР для южных осетин, противостоявших развивающемуся в Грузии фашизму, имела огромное значение. Особо в этом отношении стоило отметить солидарность с Южной Осетией абхазского народа, близкого по культуре и духу осетинам. Народ Абхазии сам под игом грузинского господства испытал немало невзгод и хорошо понимал, с кем и с чем приходится бороться южным осетинам. В письме к Президенту СССР М. Горбачеву и председателю Верховного Совета Грузии З. Гамсахурдия

от Народного форума Абхазии „Единение“ подчеркивалось, что „по своему цинизму и жестокости“ грузинские власти превзошли так называемую Демократическую Республику Жордания, а решения Верховного Совета Грузии сопоставлялись с „правительственными и правовыми нормами“ „нацизма и сталинизма“.

Москва и Тбилиси разжигают костер

Относительно вялотекущие события в Южной Осетии не устраивали ни Тбилиси, ни Москву. Грузинский политический сепаратизм, расшатывавший государственные устои СССР, с каждым днем набирал темпы. Чуть ли не ежедневно выступавший по грузинскому телевидению Звиад Гамсахурдия постоянно повторял один и тот же политический лозунг о свободе и независимости Грузии и необходимости создания в республике новой государственности и государственных структур. К выходу из СССР готовились и Прибалтийские республики – их депутаты на сессиях Верховного Совета СССР вели себя подчеркнуто независимо и не скрывали своих политических целей. В этой обстановке, близкой к политическому хаосу, Президент СССР М. Горбачев смотрелся мелко и беспомощно. Решив вскрыть один из главных нарывов СССР, каким, несомненно, был грузинский фашизм, он решил обострить ситуацию на юге и втянуть Грузию в такие события, которые заставили бы неуправляемого Гамсахурдия забыть о главном – о выходе из СССР. 7 января 1991 года М. Горбачев подписал Указ «О некоторых законодательных актах, принятых в декабре 1990 года в Грузинской ССР». Согласно Указу, Президент СССР аннулировал все решения Юго-Осетии о политическом статусе, так же как ликвидацию Грузией Юго-Осетинской автономии, т. е. все как бы возвращалось к исходному положению. Но вполне намеренно в Указе Горбачева был обойден главный вопрос – о выходе Грузии из состава СССР и о принятом 20 июня 1990 года решении. В Кремле понимали: если отменить то решение, из-за которого Юго-Осетия была вынуждена прибегнуть к сохранению своего политического статуса и к адекватным действиям, то грузинские политические силы во главе с Гамсахурдия обрушатся на центральные власти. Бросить новоявленного грузинского неонациста в Южную Осетию имело больше смысла, да и сделать это было не сложно. В Кремле надеялись, что обострение политической ситуации в Южной Осетии отвлечет Гамсахурдия, остро поднимавшего вопрос о выходе Грузии из состава Советского Союза. В Указе Горбачева «О некоторых законодательных актах...» предписывалось Грузинской ССР «вывести в трехдневный срок с территории Юго-Осетинской автономной области все вооруженные формирования, за исключением войск Министерства внутренних дел СССР»; в Москве знали, что в войне с Южной Осетией действуют под прикрытием МВД СССР войска грузинского МВД, пополненные за счет криминала. Северо-Осетинские власти, проявлявшие политическую наивность, не только поддержали Указ Президента СССР, но и поверили в то, что после этого Указа наступит мир. Здесь еще достаточно консервативно рассматривали перспективы самого государства СССР и не допускали мысли, что кто-то не решится на выполнение Указа самого Горбачева. Более трезво и сдержанно относились к Горбачеву и его Указу в Южной Осетии; здесь были убеждены, что Гамсахурдия не станет выполнять Указ Кремля, и ждали, когда об этом заявит Тбилиси. Только 18 января 1991 года Совет народных депутатов Юго-Осетии принял решение в поддержку Указа Горбачева; в Цхинвали уже знали, что Гамсахурдия решительно отказался выполнять не только этот Указ, но и какие-либо другие решения главы государства СССР. В связи с этой позицией Гамсахурдия Южная Осетия логично предлагала ввести чрезвычайное положение «на всей территории Южной Осетии и осуществить его режим силами войск МВД СССР». Одновременно югоосетинская сторона требовала немедленного вывода контингента грузинской милиции из Цхинвали. Как и замыслилось, Указ Президента СССР подтолкнул Гамсахурдия к эскалации военных действий: наращивался обстрел Цхинвали, в Южную Осетию были введены новые отряды грузинских бандформирований. Не обошлось и без

того, чтобы не придать войне с Осетией сугубо грузинский почерк: так, ночью с 12 на 13 января крупнокалиберным пулеметом «из бронетранспортера МВД Грузии» была обстреляна областная больница, поскольку в ней лежали помимо обычных больных раненные югоосетинские защитники Южной Осетии. Но не только в особой жестокости заключался «национальный почерк» ворвавшегося в Цхинвали врага. 19 января, т. е. спустя неделю после обстрела больницы, министр МВД Грузии заявил средствам массовой информации о том, будто осетинские боевики напали на машину скорой помощи. Подобное заявление министра МВД Грузии понадобилось для того, чтобы прикрыть свой вандализм в случае с югоосетинской больницей и в целях сокрытия другого приказа, согласно которому особо тщательному обстрелу со стороны грузинских вооруженных сил стали подвергаться югоосетинские машины скорой помощи. Тотальная стрельба по населенным пунктам, организованная в Южной Осетии, преследовала две цели: а) превратить территорию области, объятую вооруженным террором, в непригодную для проживания и изгнать все ее население в Северную Осетию; одновременно специальные грузинские вооруженные отряды занимались депортацией осетинского населения из всех грузинских районов; б) вокруг геноцида осетин в Грузии развернулась политическая кампания под лозунгом «борьбы за свободу и независимость Грузии». Эти две цели, публично объявленные как «национальные», на самом деле были подчинены решению основной задачи – выходу Грузии из СССР. Гамсахурдия и его соратники рассчитывали, что, «спасая Южную Осетию», Кремль предпримет энергичные вооруженные меры в отношении грузинских войск, и тогда бы это было достаточным поводом для того, чтобы демонстративно объявить о выходе из СССР, которого больше всего ожидала грузинская коррумпированная политическая элита. Но Горбачев и его команда внимательно следили за событиями и вовсе не собирались в Южной Осетии что-либо «гасить», тем более не были намерены мешать грузинскому вождю. Им удобнее и выгоднее было «играть в идиота», и с этой целью Верховный Совет СССР принял «Постановление о положении в Юго-Осетинской автономной области и мерах по стабилизации обстановки в регионе». В пункте «1» этого «Постановления» хладнокровно перечислялись преступления грузинских нацистов – так, будто все это происходило не в СССР, а где-то в Африке с племенем бушменов. В «Постановлении» не было даже слабого упрека или же намека грузинским властям, осуществлявшим геноцид в отношении осетинского народа, о «неудовольствии». Впечатление создавалось такое, что депутаты Верховного Совета СССР, накануне побывавшие в Южной Осетии и видевшие собственными глазами, как в одночасье более 100 тысяч осетин, покинувших Грузию, превратились в бедствующих беженцев, видимо, были не живые люди, а нечто вроде роботов, не выразивших свой протест. Бесчувственность и степень преступности советских депутатов проявились в пункте «2», согласно которому рекомендовалось «Верховному Совету Грузии в трехдневный срок рассмотреть вопрос о распространении режима чрезвычайного положения на всю территорию Южной Осетии с участием внутренних войск МВД СССР». Иначе говоря, высший властный орган СССР поручал бесноватому вождю грузинских неонацистов добить «шаловливых» осетин и тем самым дать ему насладиться вдоволь мизантропией с надеждой, что он останется доволен Кремлем. «Постановление» Верховного Совета СССР и невмешательство самого Президента СССР в войну, происходившую между Грузией и Южной Осетией, как и многое другое – например, болтовня о «перестройке», были явными признаками умиравшего государства. При этом его хоронили не только фашисты Гамсахурдия в союзе с прибалтами, но и бывшие цэковские фундаменталисты, переодетые в «европейских» лжедемократов. Что же до Южной Осетии, то она для них была всего лишь футбольным мячом, все время находившимся в воздухе. Последний удар по нему наносили, как правило, не кремлевские игроки, занятые совсем другими мыслями, а Гамсахурдия. Отвечая на «Постановление» Верховного Совета СССР и лично Председателю А.И. Лукьянову, грузинский лидер «поправил» советских депутатов – он сообщил им, что нет уже «Грузинской ССР», а есть «Республика Грузия». Отсюда вытекало все остальное, и прежде всего выход Республики Грузии из юрисдикции

Верховного Совета СССР. Единственное, с чем соглашался Гамсахурдия, – это разоружение «окопавшихся в г. Цхинвали и Джавском районе осетинских экстремистов»...; он также обещал «ответить» «за безопасность населения других районов бывшей АО». Попросту говоря, Звиад Гамсахурдия и депутаты Верховного Совета СССР сошлись на лжи. Обе стороны искали в ней свою собственную выгоду.

Ложь как идеология грузинского общества

Ложь председателя Верховного Совета СССР, подписавшего «Постановление» по Южной Осетии, нельзя было отнести к «элементам» идеологии – она являлась всего лишь «тактическим приемом», свидетельствующим о политической обреченности тех, кто посредством лжи пытался спасти великую державу. Иного «качества» лжи придерживался Гамсахурдия. Для него она представляла собой важнейший элемент идеологии. Это вовсе не потому, что глава грузинского государства был «отпетый лгун» – не менее, чем Гамсахурдия, во лжи нуждалось абсолютное большинство грузинского общества. Чтобы представить состояние этого общества, находившегося в плену «национальной идеологии», стоит обратиться к исследованию В.Ф. Петренко «Основы психосемантики»; в 1990 году ученый изучал грузинское общество, переживавшее глубокий социальный надлом, и установил, насколько заметно в этом обществе изменился «вектор фразеологизма». В приведенной В.Ф. Петренко «шкале фразеологизмов» первое место в грузинском обществе занимал такой – «рыть могилу кому-нибудь», затем – «снять руку с совести», на третьем месте – «продать душу». Недалеко от этих фразеологизмов, присущих грузинам 90-х годов XX века, была расположена фраза – «взять грех на душу». В связи с этой последней рассмотрим, как конкретно самый «Святой» в грузинском обществе «брал грех на душу». Речь идет о Католикосе-Патриархе всея Грузии. Предварительно уточним еще – в исследовании В.Ф. Петренко установлено, что в грузинском обществе 90-х годов «в рамках архетипических – вечных профессий наибольший статус» имела «деятельность духовного пастыря». В свете этих двух психосемантических фактов рассмотрим письмо Католикоса-Патриарха Илии II, отправленное им Святейшеству Патриарху Московскому и всея Руси, но сначала напомним: 22 февраля 1991 года Алексей II направил грузинскому Католикосу и всем верующим Грузии обращение, полное сочувствия Южной Осетии, где гибли люди и где не стало больше места для Бога и Веры. Патриарх всея Руси писал: «Один скончавшийся несколько лет назад московский священник на вопрос, что нельзя есть Постом, напутствовал: „Людей не ешь...“ Алексей II спрашивал: „Как же можно войти в Пост, приблизиться к Чаше Христовой, творя или оправдывая насилия?! А оно сегодня – в Южной Осетии и на улицах Цхинвали“. Весь текст письма Алексея II был выверен не только с точки зрения христианских заповедей, но и в смысле достоверности фактов, имевших место в Южной Осетии. Грузинскому Патриарху письмо Алексея II не понравилось. Он сбросил с себя одежды Святого, оделся в тогу дьявола и стал „брать грех на душу“: „Вся трагедия и состоит в том, – писал Католикос Илия II, – что на грузинской земле проливается именно грузинская кровь, грузины вынуждены обороняться от тех людей, которых Грузия спасла, приняла как беженцев и которые вместо благодарности претендуют на нашу территорию и угрожают отторгнуть ее от Грузии“. Илия II и мысли не допускал, что есть Южная Осетия, что она занимает свою собственную древнюю Землю, что на этой Земле – древнейшие памятники, никому, кроме осетин, не принадлежавшие. Но грузинского Католикоса, говорившего неправду и утверждавшего, что грузины „обороняются“, „осетины отнимают у грузин их родину, не стоило строго судить. От него, как Святого „всея Грузии“, грузинское общество, находившееся в плену новой идеологии, ожидало услышать то, о чем говорил Католикос. Скажи он правду, которую, несомненно, знал, и он внес бы в среду верующих грузин раскол. Илия II, конечно же, было известно и о насильственном выселении из Грузии осетин, русских, азербайджанцев, греков, армян. Он знал и о главном лозунге

Грузии – „Грузия для грузин“, и о делении местных жителей на „коренных и не коренных“. Несмотря на это, Илия II уверял в письме Алексия II: „Грузия – многонациональная республика. Представители многих народов живут у нас, и все они чувствуют теплоту и братское отношение грузинского народа и пользуются всеми правами, какими пользуется грузинский народ“. Несомненно, Католикос был осведомлен и в том, как в Грузии запрещалось преподавание в осетинских школах осетинского языка и литературы, как обучение переводилось на грузинский язык и осуществлялась программа насильственной ассимиляции негрузинского населения. Но Илия II „брал грех на душу“ и утверждал: «Ведь ни для кого не секрет, что уровень национального просвещения и национальной культуры в Северо-Осетинской АССР гораздо ниже, чем у осетин в Грузии».

Среди грузинских фразеологизмов, по данным В.Ф. Петренко, в 90-х годах минувшего века на втором месте значилось «снять руку с совести», по-русски – «потерять совесть», «потерять лицо». Изучая грузинское общество, в основном студенческую среду, исследователь, естественно, замечает серьезные психосемантические нарушения между двумя полюсами – положительным и отрицательным, при которых негативное поведение человека становится преобладающим.

В.Ф. Петренко, фиксируя фразеологические факты, раскрывает нам смысловую сторону единиц языка, но от этих важных данных не переходит к факторам социальным и идеологическим, определяющим единицы языка и ведущим к понятиям и предметам действительности. Грузинское «снять руку с совести» – фразеологизм, занявший в таблице Петренко второе место, – это прежде всего указание на господство в обществе идеологического фактора, которое, собственно, предопределяет соотношение двух разновидностей лжи: разрушительной и созидательной. Лидер Грузии Гамсахурдия – типичный представитель разрушительной лжи. В ней он не знал меры и даже чисто внешне создавал впечатление полной патологичности из-за неумеренной лжи. Гамсахурдия «снял руку с совести», когда писал свое «Обращение Верховного Совета Республики Грузия к ООН, народам и правительствам стран мира». Само по себе столь масштабное, планетарное «Обращение...» при относительной незначительности Грузии как «мировой величины» содержит ложный посыл. В нем, в «Обращении», Юго-Осетинская область рассматривается как «географический центр Грузии», как «историческая родина грузинского народа, колыбель его духовной и материальной культуры». По этой фразе те же африканские бушмены, если бы они умели читать, должны были подумать, что грузины вышли из Южной Осетии и у них отнимают родину. Впрочем, в 1990 году автор был в Англии, и в Лондоне ему довелось услышать с телеэкрана о том, как «дикие горские племена, известные как осетины» совершают нападения на Грузию. «Сняв руку с совести», Гамсахурдия позволял себе «в мировом масштабе» утверждать, что «осетинская бюрократия, узурпировавшая власть за годы существования незаконно созданной в 1922 г. автономной области – т. н. Юго-Осетии, пытается сегодня... выкручивать руки грузинскому народу»... Председатель Верховного Совета Грузии свое «Обращение» писал 28 февраля 1991 года, когда в Южной Осетии оставалось менее 30 тысяч жителей, когда большая часть населения покинула свою родину – Южную Осетию и на правах беженцев скиталась в России. Как уверял Гамсахурдия «планету», 30 тысяч южных осетин, находившиеся круглосуточно под обстрелом грузинских войск, «выкручивали руки» пятимиллионному «грузинскому народу». Несмотря на дикую ложь, Гамсахурдия не столько «сердился» на Южную Осетию, сколько на СССР и Россию. Острие его лжи, как и весь идеологический накал, было направлено против СССР и России, обсуждавших проекты «обновленной федерации». Гамсахурдия, лидер Грузии, знал настроения грузинского общества, фактически противостоящего всему русскому. Ему предлагалось заключить «союзный договор», против чего он боролся; не желая подписывать подобный договор, он лгал на «весь мир», лишь бы осуществить давнюю «мечту народа». Тот же В.Ф. Петренко исследовал семантическое пространство грузинских стереотипов, и оказалось, что грузин и русский в 1990 году находились на двух разных полюсах: грузин – «как наиболее ловкий и изворотливый – на одном полюсе» семантического фактора, а на

другом – воин, военный, палач, русский. Соответственно, в этом разноуровневом ряду автостереотип грузина соседствовал с понятиями «мой идеал» и «идеал общества», на противоположном полюсе были русские, «ролевая позиция которых связывалась с „военным“, „палачом“. Говоря иначе, грузинское общество периода Гамсахурдия, испытывавшее немало социальных невзгод, благодаря идеологической фетишизации остается „идеальным обществом“ – точно так же, как это было в предвоенные годы в фашистской Германии и в СССР. На другом полюсе – „русские“, „Россия“ – образ врага, без чего „грузинская идеология“ могла бы рассматриваться как „незавершенная“. „Положительное отношение у грузинских студентов Петренко наблюдал к американцам, японцам, немцам, эстонцам, в 90-е годы все еще противостоящим России. На этом этапе грузинской истории Гамсахурдия представлял собой альфу и омегу грузинского общества. Он был не в меру „ловким“ и не в меру „изворотливым“ – и отвечал вполне семантическому стереотипу грузина. На другой день после „Обращения“ к „народам мира“ лидер Грузии посылал еще одно „Обращение“. На этот раз „К осетинскому населению“ Южной Осетии. В нем нет уже исторических посылок и утверждений, что Южная Осетия – „центр Грузии“, „колыбель Грузии“, есть факт – „грузины и осетины, которые на этой земле долгое время жили в мире и дружбе“. Естественно, в „Обращении“ Гамсахурдия нет „упреков“, тем более обвинений по поводу того, что „осетины выкручивают руки грузинскому народу“ – напиши он такое, это не понравилось бы прежде всего самим грузинам. Главный смысл „Обращения“ к осетинам заключался в том, чтобы они разоружились, давая возможность установить грузинскую власть в виде „префектуры“. В „Обращении“ нет ничего о снятии вооруженной блокады Южной Осетии, об отводе грузинских войск из прифронтовой зоны – даже обещаний таких не давалось. „Обращение“ писалось после того, как Гамсахурдия принял „Постановление“ Президиума Верховного Совета Республики Грузии „О продлении срока действия чрезвычайного положения на территории Цхинвали“. Это фактически означало продление срока военной блокады и ведения войны с Южной Осетией. В Москве по настойчивым требованиям Северной Осетии, в частности Председателя Верховного Совета Северной Осетии А.Х. Галазова, предлагали ввести чрезвычайное положение в Южной Осетии силами МВД СССР, но Гамсахурдия в этом видел „расчленение исторической территориальной целостности Грузии“ и „вмешательство во внутренние“ дела „суверенной Республики Грузии“, страсти здесь настолько накалились, что лидер Грузии, в такие минуты производивший впечатление тяжело больного человека, пригрозил А.Х. Галазову „принять“ к нему „соответствующие меры“ по поводу его «провокационной деятельности».

Южная Осетия – точка отсчета в распаде СССР

В разгар грузинского национализма, когда еще его идейное состояние находилось на полпути к неонацизму, Южную Осетию грузинские неформалы называли «грудью» «Матери Грузии». Угрозы в адрес осетин, якобы покушавшихся отторгнуть Южную Осетию от Грузии и тем «отнять от груди» грузин, были самыми жестокими. По мысли И.Б. Санакоева, острота осетинской проблемы была связана с формированием в Грузии и Южной Осетии новых политических элит. Бесспорно, автор прав, однако, не стоит столь «локально» рассматривать сложный по социальной природе, сфокусированный в небольшой Южной Осетии процесс, отчетливо отразивший драматические события распада СССР. Несомненно, что у грузино-осетинского конфликта есть своя собственная «местная» текстура: приход в Грузии новой политической элиты, исповедовавшей принципиально иную идеологию, хорошо бросался в глаза, но была ли в Южной Осетии, кроме оппозиции к областному комитету партии, сколько-нибудь сформировавшаяся самостоятельная политическая сила, которая бы имела свою собственную социальную базу? Не являлось ли политическое движение, развернувшееся в Южной Осетии, сопротивлением грузинскому неонацизму, угрожавшему народу жестоким геноцидом? Впрочем, И.Б. Санакоев рисует реальную

политическую картину, создавшуюся накануне вторжения грузинских войск в Южную Осетию. По его данным, формальная официальная власть обкома партии Южной Осетии принадлежала секретарю этого обкома В. Гохелашвили, грузину по национальности, державшемуся грузинской стороны. Другого легитимного руководства в Южной Осетии не было, что явно свидетельствовало о слабости в Южной Осетии политических сил и процессов формирования здесь этнической элиты. Этим воспользовались грузинские власти, вскормленные теневой экономикой, и направившие вооруженные отряды в Южную Осетию. Результатом нападения явились захват Цхинвали, сожжение 100 населенных пунктов, гибель более 1000 человек, миграция большей части населения Южной Осетии. Эти факты, несмотря на подлинный их трагизм, относятся к локальной стороне грузино-осетинского конфликта. При этом главными в нем оставались все же не столько факторы грузино-осетинского противостояния, сколько постоянная со стороны грузинского руководства проверка политического «самочувствия» Москвы. Звиад Гамсахурдия, находившийся на волне агрессивной идеологии, обладал незаурядным социальным чутьем, позволявшим ему угадывать неуклонность распада СССР. Он наносил удары великой державе, за дыханием которой еще недавно следил весь мир. Глава этой державы, ничего не изменив в социальной системе страны, лозунгом о демократии подорвал ее идеологические основы и был явно «слабее» Грузии, сцементированной идеологией нацизма. Столкнувшись на югоосетинской площадке, Горбачев вел себя неуверенно, его постановления и решения на этой, казалось, не столь важной для великой державы географической точке не имели уже решительно никакого значения, и это было хорошо видно не только из Тбилиси, но и из Цхинвали. Еще недавно в Кремле ожидали, что взбесившийся новоявленный лидер Грузии, как неопытный политик-диссидент, похоронит себя на развалинах Цхинвали и осетинских сел. Это бы и случилось, если бы в Кремле на фоне грузино-осетинских событий были способны увидеть свою собственную политическую перспективу. Но судьба Южной Осетии, как и других народов, входивших в СССР, оказалась в руках политических слепцов, задолго до распада СССР знавших одну-единственную страсть – страсть к лихоимству. В далеком от Кремля Цхинвале, заброшенном колониальными властями Грузии городе, простые, разоренные, нищенствующие граждане СССР были в политике намного прозорливее, чем те, кто в Центре все еще продолжал играть в большую политику. 3 апреля 1991 года из Южной Осетии направили «Открытое письмо Президенту СССР Горбачеву М.С.» Оно начиналось с главного – с судьбы СССР: «Три месяца идет война в Южной Осетии, – писали из Цхинвали, – три месяца методично и целенаправленно осуществляется геноцид нашего народа. Истребляется народ, который является одним из самых преданных Ваших союзников в борьбе за сохранение единства в нашей стране.

Кровью расстрелянных, кровью изувеченных нечеловеческими пытками в штабах грузинских экстремистов, кровью раненых наших соотечественников, криками осиротевших детей, слезами матерей, последним взглядом тысяч беженцев на разоренные родные пепелища, предсмертной агонией замерзших в блокадную зиму стариков в доме для престарелых и младенцев в родильном доме мы скрепили референдум 17 марта» о сохранении СССР. Президенту СССР жители Южной Осетии пытались объяснить – «сегодня здесь, в Южной Осетии, решается не только судьба осетинского народа. Речь идет о будущем облике нашего государства». Не в Кремле, а в Цхинвали было хорошо видно, что у штурвала огромного государства – заурядный комбайнер, не способный научиться правильно произносить название одной из союзных республик. Студенты и преподаватели педагогического института писали Горбачеву: «Президент страны, Вы не способны обеспечить своим гражданам священного во всех странах мира права – права на жизнь», объясняя ему, что в Грузии – тот же фашизм, какой был в 1937 году в Испании во время итало-германской интервенции, варварски уничтоживший древний город Гернику.

Смертный приговор великой державе подписал не только Гамсахурдия, но и Верховный Совет Российской Федерации во главе с Б.Н. Ельциным, принявшим Закон о суверенитете РСФСР, что окончательно отодвигало Президента СССР на вторые роли. В

самом начале апреля 1991 года Ельцин, чтобы подчеркнуть свою самостоятельность и политическую мобильность и тем еще раз поставить «на место» Горбачева, решил встретиться с Гамсахурдия. Последний согласился на двустороннюю встречу по двум причинам: а) с Ельциным грузинского лидера объединяло социальное родство, ведущее их к более высокой власти; б) договорившись с главой Российской Федерации, Гамсахурдия рассчитывал получить преимущество в политических решениях по Южной Осетии. С этой надеждой, отправляясь на бронетранспортере в грузинское село Казбеги на встречу с Ельциным, он прихватил с собой два бурдюка грузинского вина. Последняя деталь выразительно выдавала «серьезность» политических намерений, которые были у Гамсахурдия. На встречу в Казбеги приехали также официальные лица Северной Осетии, однако они к переговорам не были допущены. По свидетельству одного из осетинских представителей, встреча в Казбеги не предусматривала протокольности и происходила с заметной политической босяковатостью. Банкет начался раньше, чем подписание документа. Последний был составлен так, как того желал Гамсахурдия: согласно «Протоколу», подписанному обеими сторонами, МВД России и Грузии обязывались создать совместную комиссию «для изучения обстановки» в Южной Осетии. МВД РСФСР и МВД Грузии также создавали совместный отряд «для разоружения всех незаконных формирований на территории бывшей Юго-Осетинской автономной области». Указанный пункт «Протокола» был фактически продиктован самим Гамсахурдия. В нем, как видно, речь шла о разоружении югоосетинских вооруженных формирований, оборонявших Южную Осетию от агрессии, но нигде не говорилось о грузинских формированиях, обстреливавших Южную Осетию. Не менее ответственную статью «Протокола» – о выводе «с территории бывшей Юго-Осетинской автономной области» частей Советской Армии, мешавшей Грузии продолжить свой геноцид, глава Российской Федерации принял без каких-либо условий. Обращало на себя внимание, что Ельцин, подписывая «Протокол», не обратил внимания и на такую «мелочь», как слова формулировки – «бывшая Юго-Осетинская автономная область», несмотря на то, что Юго-Осетинская автономия не прекращала своего существования. Что касается других статей «Протокола» – о возвращении беженцев, о возмещении им материального ущерба – тех статей, которые мог бы приписать себе в качестве заслуги Ельцин, то они являлись не более чем «намерениями». Впрочем, в целом «Протокол» не имел никакой практической силы, главная его цель состояла в том, чтобы продемонстрировать Президенту СССР свою независимость и солидарность во имя этой «независимости». Более трезвые решения, чем в Казбеги, были приняты депутатами Верховного Совета РСФСР. «Постановлением» этого Совета Грузии предлагалось восстановить в Южной Осетии автономию, снять блокаду, вернуть беженцев, освободить председателя югоосетинского областного Совета Т.Г. Кулумбегова, похищенного грузинской стороной, выражалась солидарность с осетинским народом; в «Постановлении» Совета Российской Федерации не был забыт и Горбачев, от которого требовали принятия срочных мер. Пункт о Президенте СССР был записан, скорее всего, для того, чтобы подчеркнуть его беспомощность в югоосетинской проблеме. В конце марта – начале апреля 1991 года для российских и союзных властей в Москве Южная Осетия, похоже, напоминала раскаленный каштан, который непримиримые оппоненты норовили подбросить друг другу. «Постановление» Верховного Совета РСФСР, о котором сказано выше, было принято 31 марта, а 1 апреля состоялось «Постановление» Верховного Совета СССР. Последнее по своей форме и существу решений было наиболее жестким. Оно предписывало Президенту СССР «вести чрезвычайное положение на всей территории Юго-Осетинской автономной области силами внутренних войск МВД СССР». Кроме того, прокуратуре Союза ССР и МВД СССР предписывалось сформировать следственные группы по расследованию преступлений, совершенных на территории Юго-Осетинской автономной области в ходе конфликта, а также комиссию «по определению ущерба, нанесенного» Южной Осетии. Были и другие положения «Постановления» Верховного Совета СССР, но они, несмотря на их разумность, запоздали по меньшей мере на год. Кремлевские власти на пороге своей исторической смены

будто самим провидением были обречены на политическую беспечность и постоянно проигрывали Гамсахурдия, непрофессиональному политику, к тому же больному человеку. В тот же день, когда в Москве заседал Верховный Совет РСФСР, принимавший «Постановление» по Южной Осетии, в Грузии происходил референдум по вопросу о восстановлении независимой Грузии на основании Декларации от 26 мая 1918 года», т. е. о выходе Республики Грузии из СССР. По официальным данным, достоверность которых вряд ли кто-либо мог проверить, 99,6% участвовавших в голосовании поддержали идею независимости Грузии и, стало быть, выход ее из состава СССР. В свете грузинского референдума постановления Верховного Совета Российской Федерации и Верховного Совета СССР явно теряли силу. Референдум ставил перед Президентом СССР сложные задачи, на решение которых заурядный Горбачев, конечно же, не был способен. Тем более что референдум вызвал в Грузии всплеск национализма, набравшего силу и быстро эволюционировавшего в сторону нацизма. Народные депутаты СССР от Республики Грузии Абуладзе, Адвадзе, Бакрадзе, Буачидзе, Гамкрелидзе, Шенгелия решительно выступали против «Постановления» Верховного Совета РСФСР по Южной Осетии, рассматривая его «как прямое вмешательство во внутренние дела суверенной Грузии». Как видно, весной 1991 года, после проведения референдума Грузия сделала серьезный шаг к политическому отделению от СССР. Он поставил СССР, переживавший глубокий экономический и политический кризис, в тяжелое положение. С этого момента центробежные силы страны, включавшие в себя представителей высшего эшелона партийно-советской элиты, теневой экономики и советских распределительных институтов, еще недавно оглядывавшиеся на СССР как на несокрушимый бастион, с лихорадочной поспешностью, как перед землетрясением, стали готовиться к крушению великой державы. Еще громче зазвучали идеи о демократии, свободе и независимости народов. Особенно горячо их поддержали наиболее выдающиеся представители советской интеллигенции – полунищей, партией загнанной в угол, в очередной раз поверившей в свободу личности. Что же до разоренной, истекавшей кровью Южной Осетии – первой жертвы распада СССР, то здесь, как нигде в СССР, зримой становилась постигшая страну политическая катастрофа. В условиях охватившего СССР политического сепаратизма – так, будто в этом вина Южной Осетии, руководство Юго-Осетинской республики, подчиняясь высоким нравственным ценностям, не всегда уместным в политике, в одностороннем порядке приняло решение подчиниться Указу Президиума СССР и Постановлению Верховного Совета СССР и отменило свое постановление, согласно которому ранее Юго-Осетинская автономная область была преобразована «в Юго-Осетинскую Советскую Демократическую Республику». Цхинвальские руководители надеялись, что в ответ на это политическое отступление тбилисские власти «смягчатся» и, в свою очередь, отступят от своей вооруженной агрессии. Несомненно, в Грузии обратили внимание на решение руководства Южной Осетии, но расценили его как собственную победу и принялись за более энергичные меры, направленные на уничтожение Южной Осетии как географического, этнического и административного пространства. В Тбилиси решили приступить к административному демонтажу Южной Осетии. С этой целью был упразднен Цхинвальский район и его территория была присоединена к Горийскому району. То же самое было сделано с Корнисским районом Южной Осетии, отнесенном согласно указу Гамсахурдия к Карельскому району. Были отняты и отданы грузинским сельским советам около 24 тысяч гектаров земли Джавского района. Эти решения руководства Грузии стоило рассматривать как предварительные. Вскоре Ленингорский район полностью был отторгнут от Южной Осетии и переименован в Ахалгорскую префектуру. По поводу политико-административного разрушения Юго-Осетинской области в Цхинвали состоялось общее собрание народных депутатов всех уровней – вплоть до сельских советов. Оно рассматривало решения руководства Грузии как стремление к ликвидации Южной Осетии в ее политико-административных и этнических формах. Участники собрания апеллировали к Президенту СССР, Верховному Совету СССР, требуя восстановления в соответствии с

Конституцией СССР Юго-Осетинской автономной области. Одновременно ставился вопрос о признании автономной области в качестве самостоятельного участника договора о Союзе Суверенных Республик с правом вхождения в новую Федерацию Республик. Указывалось и на другое – в случае непризнания права Юго-Осетинской автономной области на самоопределение и статус участника подписания договора о союзе суверенных государств, Совет народных депутатов Южной Осетии оставлял за собой право о возврате к решению «О преобразовании Юго-Осетинской автономной области в Юго-Осетинскую Советскую Демократическую Республику». Но новые решения Тбилиси, в результате которых демонтировалась Южная Осетия как политико-административная структура, так же, как и ходатайства Цхинвальского руководства по восстановлению Юго-Осетинской автономной области, не получали со стороны Москвы адекватной реакции. Было заметно, что перед Центром возникали более глобальные и на редкость сложные проблемы, связанные с существованием самого Союза ССР. К осени 1991 года не только Грузия, но и прибалтийские республики больше напоминали самопровозглашенные государственные образования. Политические основы существования СССР серьезно подрывались Верховным Советом Российской Федерации, противостоящим во главе с Ельциным руководству СССР. В этих условиях, когда отдельные части великой державы объявили себя «суверенными» республиками и переставали считаться с кремлевским руководством, Юго-Осетинская автономная область стала напоминать небольшой тонущий корабль, судьба которого, никого, кроме его пассажиров, больше не волновала. Разоренной и более чем наполовину обезлюдившей Южной Осетией безраздельно «занималась» Грузия, оказавшаяся к осени 1991 года на пике неонацистского национального движения. На югоосетинском политическом поле грузинские лидеры и их войсковые отряды «отрабатывали» традиционные мизантропические «ценности» в фашистском их истолковании. При этом социальной базой новых идеологических подвижек, происходивших в Грузии, оставалась все та же теневая экономика и национальная коррумпированная прослойка, задававшие тон в политической жизни Грузии. Предпосылкой усиления неонацизма явилась подорванная государственная экономика, огромная армия разоренных крестьян и обнищавших масс населения, чье внимание остро нуждалось в социальных обещаниях и призывных лозунгах. На новом этапе идеологического «гиногенеза» наиболее популярными были лозунги о «свободе» и «независимости», главными врагами Грузии объявлялись «Кремль» и «Южная Осетия», как «препятствовавшие» осуществлению «национальной идеи» Грузии. Подвергая Кремль разного рода политическим нападкам и объясняя все «несчастья Грузии» кознями Москвы, грузинское руководство приступило в Южной Осетии к тотальному насилию. Кроме геноцида в отношении осетин оно обуславливалось теперь еще двумя другими задачами: а) вооруженной разнузданностью в Южной Осетии подчеркивалась независимость Грузии от Москвы; б) военной агрессией в Осетии народные массы отвлекались от их социальных нужд, и в обществе легче утверждались новая идеология и новая власть.

Цхинвали: поиски политических решений

В сентябре 1991 года Южная Осетия оказалась в положении, когда перед ней реально возникла альтернатива – или объявить перед нависшей грозной опасностью о массовом исходе населения и до последнего осетина покинуть свою историческую родину или же искать такие политические решения, которые сохранили бы единство народа и повысили его боеспособность. К этому времени из 90 тысяч жителей в Южной Осетии оставалось 30–35 тысяч. Всего Грузию покинуло около 200 тысяч осетин, из них 150 тысяч осетин в качестве беженцев оказались в Северной Осетии. Оставшееся в блокадной Юго-Осетии население представляло собой ядро Южной Осетии, состоявшее в основном из молодого поколения, отчаянно боровшегося с грузинским фашизмом. Оно решительно не собиралось отступать, было настроено бороться до конца. Героическая борьба югоосетинской молодежи с

грузинским насилием – особая историческая страница, и о ней, несомненно, будет еще сказано. Но наряду с осетинскими вооруженными формированиями, сражавшимися с врагом, важно было иметь в Южной Осетии политическое руководство, которое бы хорошо ориентировалось в сложной и быстро менявшейся обстановке. Здесь, в Цхинвали, не было «вождей-лидеров», как то было в Грузии, в политическом руководстве Южной Осетии не всегда было единство, и это отражалось на принимаемых решениях, подчас носивших взаимоисключающий характер. С другой стороны, кроме подлинного патриотизма, в Южной Осетии не было иных идеологических установок, в том числе сколько-нибудь агрессивных, которые могли бы быть отнесены к политическому экстремизму. В этом, собственно, прежде всего и состояла слабость ориентированного главным образом на помощь Москвы осетинского сопротивления грузинскому фашизму. Что же до отчаянной борьбы Южной Осетии в вооруженном противостоянии грузинским ордам, то здесь сказывались два очень важных фактора: а) Традиционное умение осетин создавать воинство, способное противостоять превосходящим силам; б) нацистские формы насилия, к которым постоянно прибегали грузинские войска, а также сам по себе фашистский характер геноцида, устроенного Грузией в Южной Осетии, вызывали адекватное сопротивление у оставшихся в Цхинвали защитников.

1 сентября 1991 года руководство Южной Осетии, так и не дождавшись поддержки со стороны Москвы, вновь вернулось к обсуждению политического статуса своей автономии. Состоявшаяся в этот день сессия Совета народных депутатов отменила «Постановление» от 4 мая 1991 года, принятое под давлением Москвы и возвратившее Южную Осетию к статусу автономной области. На этой же сессии народные депутаты еще раз подтвердили свое решение о преобразовании автономной области в автономную республику.

Важность принятого нового постановления заключалась в том, что оно позволяло напрямую обратиться к Верховному Совету РСФСР с просьбой о «воссоединении Южной Осетии с Россией». Несомненно, идея о воссоединении Южной Осетии с Россией во многом диктовалась желанием защитить Южную Осетию от вооруженного насилия. Но в то же время у нее была вполне самостоятельная историческая и политическая подоплека. В «Обращении» к Верховному Совету РСФСР и Президенту РСФСР Б.Н. Ельцину указывалось, что еще в 1920 году Южная Осетия, присоединившаяся к России в 1774 году, подтвердила свою приверженность традиционным политическим связям и рассматривала себя как «неотъемлемую часть России». Это подчеркивалось и в «Меморандуме трудовой Южной Осетии», принятой в 1920 году. «Южная Осетия, – говорилось в нем, – входит в состав Советской России на общем основании непосредственно». Отдельным пунктом в «Меморандуме» заявлялось: «Посредственного вхождения в Советскую Россию через грузинскую или иную республику, хотя бы и советскую, мы ни под каким видом не допускаем». В «Обращении» к Президенту России отмечалось и другое, не менее важное – согласно Договору от 7 мая 1920 года, состоявшемуся между Россией и Грузией, было признано «право всех народов бывшего Кавказского наместничества на самоопределение вплоть до самостоятельного государства». Именно на основании этого договорного норматива в 1920 году Грузия получила статус «независимого и суверенного государства»; на этот Договор любили ссылаться Гамсахурдия и его соратники, добиваясь выхода из состава СССР, но как только заходила речь о Южной Осетии, также входившей в Кавказское наместничество на правах «Осетинского округа» и имевшей право воспользоваться Договором от 7 мая 1920 года, грузинские политики, искажая историю, начинали ссылаться на то, что Южная Осетия – не Южная Осетия, а «Шида Картли», т. е. внутренняя Грузия. Наряду с «Обращением» к Президенту России сессия Совета народных депутатов Юго-Осетинской автономии направила в Верховный Совет Северо-Осетинской ССР свое решение об объединении Южной и Северной Осетии. Уже указывалось, что события в Южной Осетии, в особенности ее воссоединение с Россией и Северной Осетией, воспринимались во Владикавказе неоднозначно. Здесь, в Северной Осетии, сказывалась крайняя консервативность в политических кругах, не всегда способных объективно оценить

сложные социальные процессы, ведшие к распаду СССР. Цепляясь за старое, отжившее и надеясь на сохранение великой державы, руководство Северной Осетии, оказавшее несомненную помощь Южной Осетии, не всегда разделяло политические решения, принимавшиеся в Цхинвали – часто они рассматривались как по меньшей мере непродуманные. Появление в республике огромной армии беженцев создавало немалые проблемы для небольшой территории, на которой расположена Северная Осетия. Это вызвало негативную реакцию со стороны некоторой части населения, обвинявшей южных осетин во многих бедах. Были и такие, кто в былом «романтическом» духе воспринимал «конфликт» между Грузией и Осетией и, уповая на «дружбу», считал возможным возвращение к миру и статус-кво. Отчасти это объяснялось тем, что в Северной Осетии абсолютное большинство населения войну Грузии с Южной Осетией склонно было относить к случайному восхождению Гамсахурдия к власти. Считалось также, что объявление об объединении Северной и Южной Осетии еще более обострит ситуацию, и грузинские войска примутся за выселение оставшегося в Южной Осетии населения. Однако главным обстоятельством, мешавшим трезвому подходу к вопросу об объединении Осетии, являлось отсутствие у руководства Северной Осетии политической воли; собственная трусливость и политическая близорукость преподносились как необходимая осторожность и даже как «мудрость». Между тем радикальное решение югоосетинской проблемы, как ее видели в самой Южной Осетии, было в условиях распада СССР и образования новых государств самым оптимальным. Что же до опасений, будто объединение Южной Осетии с Северной Осетией усилило бы натиск грузинской военщины, то Тбилиси и без того предпринимал все возможное и невозможное, чтобы окончательно расправиться с Южной Осетией. Отвечая на инициативу Южной Осетии, ставившей вопрос об объединении двух частей Осетии, Верховный Совет Северной Осетии отделался формальной бюрократической отпиской. В его постановлении, состоявшем из двух пунктов, отмечалось: «1. Просить Государственный Совет страны, президента РСФСР Ельцина Б.Н. и Верховный Совет РСФСР принять незамедлительные меры с целью обеспечения защиты населения Южной Осетии от физического истребления; 2. Поручить Президиуму Верховного Совета Северо-Осетинской ССР, комитетам и комиссиям Верховного Совета рассмотреть обращение сессии югоосетинского областного Совета народных депутатов к Верховному Совету Северо-Осетинской ССР и внести предложения на очередную сессию Верховного Совета Республики». Стоит обратить внимание, что во втором пункте постановления Верховного Совета Северной Осетии нет даже упоминания вопроса, по которому поручалось «подготовить предложения», т. е. умалчивалось о воссоединении Южной и Северной Осетии. Было ясно, что никто ни в комитетах, ни в самом Верховном Совете Северной Осетии не собирался готовить вопрос об объединении Южной и Северной Осетии и решать одну из ключевых национальных задач осетинского народа. В том же «Постановлении», о котором идет речь, было записано – «обратиться к мировому сообществу с призывом оказать содействие в прекращении геноцида осетин в Республике Грузии» – такое заявление, несомненно, было важным, но в данном случае оно скорее было прикрытием все той же нерешительности, с которой действовало в отношении Южной Осетии Северо-Осетинское руководство. «Обращение Верховного Совета Северо-Осетинской ССР в ООН, главам государств, парламентам народов мира» действительно было составлено, но его политический эффект мог равняться нулю, поскольку в октябре 1991 года, когда отправлялось это «Обращение», ведущие страны мира были в ожидании распада СССР, и на фоне такой перемены проблема Южной Осетии вряд ли могла показаться им сколько-нибудь значимой. Более важным явилось «Обращение» Верховного Совета Северной Осетии к Президенту РСФСР, V съезду народных депутатов РСФСР и Верховному Совету РСФСР. В нем на конкретных фактах войны Грузии с Южной Осетией подтверждался тотальный геноцид, организованный грузинскими властями в отношении населения Южной Осетии. Оно возымело действие – съезд народных депутатов РСФСР заслушал вопрос «О положении в Южной Осетии» и констатировал, что «обстановка в Южной Осетии... приняла

катастрофический характер. Столица Южной Осетии – город Цхинвали и населенные пункты Знаурского района ежедневно подвергаются ракетно-артиллерийскому обстрелу. Около сотни сел области сожжены и разрушены»... Съезд народных депутатов РСФСР обязывал Президента России «немедленно осуществить согласованные меры по разрешению конфликта в Южной Осетии»... Он также вносил предложение об объявлении в отношении к Грузии «жестких экономических санкций», и вместе с этим съезд предлагал «потребовать от Республики Грузии возмещения расходов, в которые обошлось РСФСР оказание помощи Южной Осетии».

Энергичная поддержка Южной Осетии со стороны Российской Федерации, оказание ей материальной помощи, солидарность народов России, в особенности казачества Северного Кавказа, а также Абхазии и Приднестровья вселяли надежду на победу в отечественной войне осетинского народа с грузинским нацизмом. Воодушевленный этой поддержкой, Верховный Совет Республики Южная Осетия принял решение «О возобновлении деятельности Верховного Совета Юго-Осетинской Советской Республики». В конце ноября 1991 года Постановлением Верховного Совета Юго-Осетинская Советская Республика получила окончательное наименование – «Республика Южная Осетия». На этом же заседании Верховный Совет Республики Южная Осетия подтвердил свою просьбу к Президенту России и Верховному Совету РСФСР о «воссоединении Южной Осетии с Россией». Возвращение к республиканскому политическому статусу, произошедшее за два месяца до распада СССР, явилось важным решением для Южной Осетии, которой предстоявший распад СССР грозил исчезновением не только как политико-административному, но и как культурно-этническому образованию. Своевременность этого политического шага характеризовала депутатский корпус Верховного Совета Южной Осетии как вполне профессиональный, демонстрировавший высокий уровень политической культуры. Особенно здесь стоит заметить роль А.Р. Чочиева, первого заместителя председателя Верховного Совета Республики Южная Осетия, проводившего заседание, посвященное возвращению Южной Осетии к ее республиканскому статусу. Наряду с укреплением политико-административной структуры, Верховный Совет принял также решение «О создании республиканской гвардии и Комитета обороны Республики Южная Осетия»: председателем Комитета обороны был назначен З.Н. Гасиев, командующим вооруженными силами Республики – Тезиев О.Д. В отличие от Грузии, у которой в войне с Южной Осетией участвовали не только регулярные войска, но и криминальные бандформирования, в Южной Осетии Конституцией Республики предусматривались официально созданные вооруженные силы и категорически запрещались какие-либо иные формирования, не предусмотренные Конституцией. В условиях продолжавшейся войны и приближавшихся в СССР перемен важным было решение Южной Осетии о введении на территории республики чрезвычайного положения сроком на шесть месяцев. Одновременно была объявлена всеобщая мобилизация среди граждан Южной Осетии в возрасте от 18 до 60 лет.

Новая консолидация политических сил

Как бы драматично ни развивались события в Южной Осетии, центром политической жизни оставалась Северная Осетия. Ей принадлежала главная роль во взаимоотношениях с официальными властями России на пути к стремлению осетинского народа к миру и политической стабильности. Во внутренней общественной жизни Осетии важное место занимало движение «Адамон цадис». Оно имело влияние не только в обществе, но и в официальных органах власти. Но в отличие от последних, в «Адамон цадис» входили представители осетинской интеллигенции, подвергавшие глубокому анализу политические процессы, происходившие на Кавказе. Члены движения имели четкое представление о социальной природе неонацизма в Грузии и о той опасности, которую он нес с собой для

Осетии. Совет движения предвидел и другую опасность – конфликт с Ингушетией, где быстрыми темпами стал набирать силу политический экстремизм с идеей отторжения у Северной Осетии Владикавказа и Пригородного района. Усилия «Адамон цадис», направленные на миротворческую деятельность, в том числе – приглашение из Англии и Северной Ирландии профессиональных конфликтологов, имели значение, но не были способны предотвратить сам конфликт. Было видно, в каком тяжелом положении окажется Осетия, если ей придется вести противоборство на юге с грузинским фашизмом, а на севере – с вооруженным экстремизмом, вызванным примитивно-тайповой общественной стадиальностью ингушей. На одном из заседаний совета «Адамон цадис», обсуждая безрадостную общественную ситуацию, создавшуюся вокруг Осетии, автор настоящих строк предложил созвать чрезвычайный съезд осетинского народа. Идея была подхвачена наиболее амбициозной, рвавшейся к власти частью общественных деятелей и 13–14 декабря 1991 года состоялся такой съезд. Работа и итоги его были под контролем североосетинского руководства. Несмотря на это, съезд продемонстрировал высокую степень общественной консолидации и политической культуры. Главным итогом съезда явилось единство осетинского народа и его решимость в борьбе за социальное и этническое выживание; что же до организационных итогов, то руководство Северной Осетии сделало все, чтобы всеосетинское движение вырождалось в некое геронтократическое сообщество, которое бы взаимодействовало с официальными властями в качестве их придатка. Принятая на съезде «Резолюция» отвечала духу и политическим настроениям делегатов, среди которых абсолютное большинство составляли простые граждане Северной и Южной Осетии. Благодаря этому резолюция съезда давала объективную оценку политическому положению, сложившемуся в Осетии. В ней, в частности, указывалось, что руководство Северной и Южной Осетии «не всегда являлось выразителем национальных интересов Северной и Южной Осетии». Ключевым политическим заявлением съезда, нашедшим отражение в его резолюции, было: «разработать программу и механизм воссоединения Осетии, преодоления раздробленности и образования единого суверенного государства в добровольном и равноправном союзе с Российской Федерацией и Содружеством Независимых Государств, тем самым реализовать право осетинского народа на самоопределение». Стоит подчеркнуть, что понимание съездом важности воссоединения Северной и Южной Осетии как первоочередной национальной задачи являлось главным достижением первого всеосетинского съезда. Однако когда дело дошло до формирования руководящих органов, создававшихся съездом, официальные власти Северной Осетии протащили лиц, среди которых преобладали вполне управляемые властью. Поэтому было не случайно, что судьба резолюции съезда, в том числе требования о воссоединении Северной и Южной Осетии, вновь оказалась в руках руководства Северной Осетии, а не народа, как то предписывал съезд. Следует отметить и другое – после первого съезда осетинского народа в Северной Осетии оживились политические силы, нагнетавшие обстановку вокруг беженцев из Грузии и Южной Осетии. При этом ясно виделось стремление этих сил снять популярность среди народа идеи воссоединения Северной и Южной Осетии. В какой-то мере противникам консолидации осетинского общества и объединения двух частей Осетии удалось достичь цели. Во всяком случае резолюция Первого съезда осетинского народа, отличавшаяся продуманностью национальных задач Осетии, была тщательно похоронена руками политически невежественных людей. Заметно было также давление Грузии на Северную Осетию, где криминализирующаяся партукратия демонстрировала отторжение Южной Осетии и в своих корыстных целях вступала в сотрудничество с грузинской бюрократией в сфере теневой экономики; один из высокопоставленных чиновников Северной Осетии вместе со своими подчиненными организовал снабжение Грузии из Северо-Осетинской нефтяной базы горюче-смазочными материалами, нарушая тем самым экономические санкции, объявленные Грузии со стороны Российской Федерации. В этой довольно сложной обстановке, создавшейся в Северной Осетии, грузинская сторона вела себя не просто уверенно, но и в высшей степени нагло. Отслеживая положение в Северной и Южной

Осетии, больше всего опасалась Грузия стремления Южной Осетии к объединению с Северной Осетией. Именно это имелось в виду, когда МИД Грузии сделало «Заявление», объявив, что «никто не должен ставить под сомнение факт, что Республика Грузия... будет защищать свою территориальную целостность и нерушимость границ всеми доступными средствами, в том числе и военными». Наглость грузинских властей, однако, состояла в том, что, называя Южную Осетию «собственной территорией», они осуществляли геноцид ее народа, называя при этом осетин «братским народом». Учитывая эти подходы Грузии, продолжавшей наращивать эскалацию вооруженной агрессии, Верховный Совет Южной Осетии принял «Декларацию о независимости Республики Южная Осетия». В ней, в частности, было заявлено: «Руководствуясь стремлением к сохранению нации и во имя торжества идеалов свободы и общечеловеческих ценностей, осознавая ответственность перед грядущими поколениями, сессия Верховного Совета Республики Южная Осетия от 21 декабря 1991 года провозглашает независимость Республики Южная Осетия».

Важным политическим событием, подтвердившим высокий уровень политической консолидации народа Южной Осетии, являлся референдум, проведенный «по вопросу о независимости Республики Южная Осетия и ее воссоединении с Россией». Он состоялся 19 января 1992 года. Как и ожидалось, референдум показал решительную ориентированность народа на политическую и территориальную независимость от Грузии, его стремление быть в составе российской государственности: 99% из внесенных в списки для голосования высказались «за независимость Республики Южная Осетия и за ее воссоединение с Россией». Всего в голосовании приняло участие более пятидесяти пяти тысяч граждан, т. е. большинство населения республики, не голосовали только беженцы, поселившиеся в отдаленных от Южной Осетии местах Российской Федерации. Вслед за референдумом Верховный Совет Республики Южная Осетия обратился к VI съезду народных депутатов Российской Федерации «с настоятельной просьбой рассмотреть вопрос Южной Осетии и разрешить его в соответствии с итогами референдума Республики Южная Осетия от 19 января 1992 года». В «Обращении» к съезду Южная Осетия требовала: восстановления «югоосетинскому народу российского подданства, принятого Осетией в 1774 году и насильственно прерванного в результате переворота в 1917 году», осуществленного Грузией; распространения суверенитета Российского государства на территорию Южной Осетии и возвращения российского гражданства жителям Южной Осетии, состоявшим в гражданстве СССР. Справедливые во всех отношениях – правовом и историческом – требования Южной Осетии не получили должного внимания со стороны депутатов VI съезда. Во многом это объяснялось распадом СССР, в условиях которого Грузия обрела государственную независимость, и любое решение VI съезда депутатов России могло бы вызвать лишь новые осложнения. Сказывалась и надежда депутатов и нового руководства России на то, что Грузия останется дружественной страной, поэтому они не желали ей противостоять. В России, как и в Северной Осетии, не воспринимали всерьез грузинский фашизм, считая его обычным национализмом. Положение Южной Осетии осложнялось тем, что на смену Звиладу Гамсахурдия в Грузии к власти пришел Э. Шеварднадзе, с которым связывали существенные политические перемены в грузинском обществе. Рассчитывая на это, Москва не торопилась события и, в сущности, безответственно смотрела на то, как в Южной Осетии продолжается геноцид. Что же до Шеварднадзе, то стоило учесть, что, действуя в условиях большого неонацизма грузинского общества, из которого он был выходцем, он не мог сколько-нибудь серьезно дистанцироваться от господствовавшей в Грузии идеологии. К тому же у Гамсахурдия, ничего, кроме нищеты, не принесшего, была все же собственная популярность, и, чтобы противостоять своему предшественнику, Шеварднадзе ужесточил вооруженный натиск на Южную Осетию, нисколько не сомневаясь, что, в отличие от Гамсахурдия, он принесет Грузии желанную победу над Осетией. Подобная политическая перспектива казалась вполне реальной, поскольку накануне Шеварднадзе удалось добиться от командования Закавказского военного округа бывшей Советской Армии передачи вооружения и бронетехники воинским подразделениям Республики Грузии. С приходом к

власти в Грузии Шеварднадзе обстановка для Южной Осетии изменилась к худшему еще по той причине, что имя нового главы Грузии, приложившего под лозунгом демократии немало усилий к развалу СССР, было популярно среди традиционных противников СССР. Естественно, из последних никто не мог допустить, что Шеварднадзе и Гамсахурдия – одного поля ягоды. Впрочем, в глубоком заблуждении по поводу Шеварднадзе находились не только за рубежом и в Москве, но и на Кавказе. В письме канцлеру ФРГ Гельмуту Колю представители Парламента горских народов Кавказа, жалуясь на грузинского лидера, наивно ссылались на одно из заявлений Шеварднадзе, в котором он говорил, что «праву народа на единство и на свободный выбор нет альтернативы». В свете этого демократического принципа Парламент горских народов требовал признания за осетинским народом права на объединение. Странно было, что от Шеварднадзе, для которого главным принципом в политике всегда оставалось лицемерие, требовали нравственных ценностей; для него еще недавно «Солнце восходило с Севера», то есть из России, а в изменившемся мире вектор восхода главного светила резко изменился, и Россия, в свое время создавшая Грузию, благодаря несомненно выдающемуся лицемеру становилась для грузин врагом номер один.

Право Южной Осетии на самоопределение

Между тем Южная Осетия не только упорно противостояла до зубов вооруженному противнику, но и политически грамотно действовала, отстаивая свое право на самоопределение. 10 мая 1992 года Верховный Совет Южной Осетии сделал «Заявление» в адрес Организации Объединенных Наций, международных правозащитных организаций, глав государств и правительств. Понятно, что обращения столь малой республики, какой является Южная Осетия, ничего конкретного не могли обещать. Но «Заявление», о котором идет речь, привлекает внимание своей аргументацией правовых оснований, на которых строилось образование югоосетинской государственности. Известно, что после распада СССР грузинская сторона, заявляя в политической полемике о своих правах на Южную Осетию, приводила два главных аргумента: осетины – поздние переселенцы на историческую территорию Грузии; право Республики Грузии на территориальную целостность. По поводу первого аргумента, являющегося «историческим» вымыслом, никто с осетинской стороны не высказывался – слишком очевидна была ложь. Что касается территориальной целостности Грузии, якобы нарушаемой Южной Осетией, то в Цхинвали считали, что «принцип территориальной целостности в отношении частей бывшего СССР не имеет под собой оснований, принятых в международном праве». В «Заявлении» Верховного Совета Республики Южная Осетия в ООН и международным организациям отмечалось, что с распадом СССР разрушены все правовые основания, относящиеся к принципам территориальной целостности. В условиях фактически стихийного распада СССР право на независимость и национальное самоопределение получили де-факто все политические образования, в свое время созданные на территории СССР по принципам национальных автономий. Грузия одной из первых вышла из состава СССР, нарушая территориальную целостность союзного государства. По той же логике и на тех же правовых основаниях, из которых исходила Грузия, покидая СССР, поступила и Южная Осетия, решая вопрос о своей независимости и национальном самоопределении. В качестве дополнительных аргументов, на коих базировалось создание Республики Южная Осетия как самостоятельного государственного образования, в Цхинвали указывали на «две попытки грузинских этнократов образовать самостоятельное государство в 1917–1920 и в 1989–1992 годах», сопровождавшиеся «геноцидом осетин как средством обретения права на их территорию путем истребления и изгнания ее правоносителей – осетин». От себя добавим, Верховный Совет Южной Осетии в «Заявлении» к международным организациям ссылался на два тяжелых геноцида, осуществленных Грузией против осетин в XX веке. Но то же самое происходило в XIX веке; если же рассматривать отношения Грузии и Южной Осетии в их

историческом контексте, то Грузия исконно вела себя в Южной Осетии как жестокий завоеватель и несла смертельную опасность не только Южной Осетии, но и другим районам Осетии. Этого неопровержимого факта было бы вполне достаточно, чтобы народ, которому соседняя страна грозит уничтожением, имел право на защиту и безопасность. Образование Республики Южная Осетия – одно из важнейших средств противостояния традиционной грузинской агрессии. Таким образом, правовое основание, согласно которому образовалась Республика Южная Осетия, изначально создавалось в рамках традиционной мировой практики – избавления от агрессора и защиты национальных интересов народа от внешней угрозы. В решении такой задачи человечество ничего другого пока не придумало, кроме государственной системы, способной противостоять завоевателю. Именно такую систему создали в Южной Осетии, чтобы избавиться прежде всего от грузинского ига. Верховный Совет Республики Южная Осетия в своем «Заявлении» к ООН подчеркивал и другие исторические рамки, послужившие правовым основанием для образования собственной государственности. В частности, он ссылаясь на то, что «никакой территориальной целостности Грузии» не существовало до образования СССР – точно так же, как в течение более двухсотлетнего вхождения в состав Российской империи не было Грузии как политико-административного образования со своей «национальной территорией». Тем более что Южная Осетия в тот период входила в состав России и права на нее были только у России. Что же до отнесения Южной Осетии по сугубо географическому принципу к Грузии в 1922 году, то это явилось делом рук тех же грузин – Сталина и Орджоникидзе, насильственно присоединивших Южную Осетию к Грузинской ССР. Отмечая этот факт, Верховный Совет Южной Осетии подчеркивал, что «это правовое основание утрачено всецело с распадом СССР и с ним всей системы советского законодательства». В «Заявлении» Южной Осетии также указывалось, что в Грузии хорошо понимают шаткость правовых построений, когда пытаются обосновать свои притязания на Южную Осетию. Именно это обстоятельство толкает грузинских этнократов к тому, что «аргумент вооруженного насилия» для них «становится единственным» «источником права», на который они каждый раз опираются, когда пытаются установить свое господство в Южной Осетии.

Драматизм, в котором рождалась независимость

В войне между Грузией и Южной Осетией особенно тяжелым выдался май 1992 года. В отличие от Гамсахурдия, заинтересованного в продолжительном конфликте и его политической эксплуатации, Шеварднадзе считал, что затяжной характер войны отрицательно отразится на его политическом имидже и его – этого он особенно опасался – приравняют к Гамсахурдия, которого накануне он успел объявить «провинциальным фашистом». Желание скорее решить «югоосетинский вопрос» подвигло нового Президента Грузии к открытию в Южной Осетии тотальной войны. При этом Шеварднадзе ловко использовал однозначность личности Гамсахурдия, делая вид, что Южная Осетия – горькое для него наследство и его военные усилия направлены на прекращение войны. Идеологически ничем не отличаясь от Гамсахурдия, он, однако, вносил в войну с Южной Осетией политическую изощренность, создавая немалые сложности как для руководства Южной Осетии, так и для Москвы, готовой оказать помощь осетинской стороне. В середине мая 1992 года Верховный Совет Южной Осетии обратился к Президенту России Б.Н. Ельцину с констатацией фактов, свидетельствовавших о новой эскалации войны. В письме, в частности, указывалось, что «широкомасштабные боевые действия вооруженных формирований Грузии на территории Южной Осетии... с применением современного вооружения, в том числе артиллерии и бронетехники, влекут новые многочисленные жертвы среди мирного населения и разрушения населенных пунктов». За этой официальной строкой «Обращения» скрывались на самом деле тяжелые бои вокруг Цхинвали, состоявшиеся 12 мая

1992 года между частями национальной гвардии Грузии и отрядами самообороны города. В течение целого дня Цхинвали подвергался непрерывному обстрелу из ракетных установок, гаубичных орудий и минометов. Тогда же тяжелой бронетехнике грузинских войск удалось ворваться в осетинское село Прис, расположенное недалеко от Цхинвали. Несмотря на то что Прис был освобожден от противника, его жители понесли ощутимые потери. В тот день 12 мая участники самообороны Южной Осетии заметили изменившийся «почерк» ведения Грузией войны. Позже выяснилось, что среди погибших из тех, кто напал и сжег село Прис, были военные славянского и среднеазиатского происхождения. Бои продолжались и 13 мая. Не имея сколько-нибудь серьезных в военном отношении успехов, кроме жертв среди мирного осетинского населения, командование грузинских войск ввело в боевые действия ракеты типа «Алазань», «Шилка», «Нурсы». За четыре дня боев по Цхинвали было выпущено 2500 ракет и гаубичных снарядов. В эти дни погибло 26 человек, ранено 158, полному разрушению подверглось 400 зданий и сооружений, в том числе 8 школ и детских садов. Бои происходили также в отдельных осетинских селах; так, 18 мая по поселку Знаур было выпущено 300 ракет типа «Алазань». Среди разрушений были больницы и детский сад. Форсируя военные события в Южной Осетии, Шеварднадзе исходил не только из жажды победы над осетинской республикой, чтобы возвысить себя в глазах грузинского общества, но еще хотел запугать Абхазию, вынужденную, как и Южная Осетия, вступить в политический процесс собственной суверенизации. Для вооруженного успеха в Южной Осетии у Шеварднадзе были все условия. Наряду с полным оснащением грузинских войск оружием, полученным из арсеналов бывшего Закавказского военного округа, Президент Грузии добился у Москвы вывода из Южной Осетии внутренних войск МВД РСФСР, так или иначе сдерживавших наступательные действия грузинских формирований. Именно вывод из Южной Осетии российских воинских сил предоставил Шеварднадзе возможность изменить характер ведения войны – от обычного войскового вооруженного противостояния воюющих сторон перейти к тотальному террору, направленному на истребление местного мирного населения независимо от возраста и пола; война, сопровождаемая жестокостью и насилием, некогда заимствованными у персидских шахов и валиев, больше отвечала запросам грузинской воинской традиции. Заслуга Шеварднадзе в войне с небольшой и обесиленной Южной Осетией заключалась в возрождении в Грузии глубоко ксенофобской и крайне фашистской традиции ведения войны с ослабленным противником. Подлинным проявлением этой бесчеловечной традиции явились события, совершившиеся 20 мая 1992 года близ села Кехви. В этот день грузинские вооруженные формирования на объездной дороге Цхинвал – Дзау совершили нападение на колонну машин, перевозившую беженцев из осажденного Цхинвала на Северный Кавказ. Безоружным и беззащитным беженцам, в своем абсолютном большинстве женщинам, старикам и детям, была устроена настоящая нацистская расправа, в результате которой было расстреляно 36 человек, 17 получили ранения, из числа беженцев были захвачены заложники. Варварский разбой, рассчитанный официальным Тбилиси на то, чтобы парализовать волю оборонявших Цхинвали, вызвал у осетинского народа твердое желание до конца вести борьбу с озверевшим врагом. Президент Грузии, организовавший разбой в Кехви, думал, что под впечатлением от жестокой расправы ему будет легче вести переговоры о возвращении Южной Осетии в лоно грузинской государственности. Но в этом был один из главных его просчетов. Через два дня после Кехвинской трагедии в Цхинвали собрался Верховный Совет Республики Южная Осетия и принял «Акт провозглашения независимости Республики Южная Осетия». Полный текст «Акта» содержал преамбулу и само решение о независимости. В небольшой вводной части содержалась констатация сложившейся в Южной Осетии политической обстановки. Она состояла из четырех тезисов: «Исходя из смертельной опасности, которая нависла над Республикой Южная Осетия, и в связи со злодеяниями, поставившими на грань вымирания ее народ и культуру, геноцидом осетин, с жестокостью и вероломством осуществляемый Республикой Грузией в процессе распада СССР с 1989–1992 годов, – основываясь на праве самоопределения, предусмотренном Статутом ООН и другими международно-правовыми

документами, – учитывая итоги выборов в Верховный Совет Республики Южная Осетия от 9 декабря 1990 года и волеизъявление народа, выраженное в референдуме от 19 января 1992 года, – осуществляя Декларацию о государственном суверенитете Республики Южная Осетия, Верховный Совет торжественно провозглашает независимость Южной Осетии и создание самостоятельного государства Южная Осетия». Одновременно, согласно «Акту», территория Республики Южная Осетия была объявлена «неделимой» и на ней стали иметь силу исключительно Конституция и законы Республики Южная Осетия. Как видно, бездумной и бессмысленной войне, затеянной Грузией, руководство Южной Осетии и сражавшийся народ придали свою собственную политическую логику, приведшую их к завершению процесса становления юго-осетинской независимой государственности. Если же Акт провозглашения независимости Южной Осетии признать главным итогом грузино-осетинской войны – а он был именно таким, то остается сказать, что задолго до прекращения огня война для Южной Осетии закончилась победой осетинского народа, завоевавшего в ней свободу и независимость от ненавистного грузинского господства.

Объятия Шеварднадзе

Провозглашение в Цхинвале независимости Южной Осетии было неожиданным для грузинского лидера. Надеясь после Кехви увидеть сговорчивого противника, Шеварднадзе, напротив, получил в Южной Осетии народ, готовый к яростной борьбе за свободу и независимость. Положение грузинского руководителя, обнажившего в Кехви свою подлинную суть, было непростым. Желая сохранить свое «политическое реноме», он на второй же день отстранился от событий в Кехви, заявив, что берет на себя расследование этого преступления. Одновременно он обратился к председателю Верховного Совета Северной Осетии А.Х. Галазову с предложением о встрече. 10 июня 1992 года в поселке Казбеги такая встреча состоялась. Накануне ее, сразу же после расстрела беженцев близ села Кехви, Галазов опубликовал свое «Обращение» к народу Южной Осетии, в котором писал о «варварской жестокости грузинских националистов, потрясших вероломством и подлостью», называл грузинских военных зверями и слал проклятия совершившим жестокие преступления в Кехви. В свете этого ожидалось, что встреча между Галазовым и Шеварднадзе будет по меньшей мере напряженной. По обычаям горцев Кавказа, при встрече противников – а именно так воспринималась в Осетии встреча Галазова и Шеварднадзе – не принято подавать руки до тех пор, пока не договорятся о мире. Конечно, никто не требовал от встречи официальных лиц соблюдения этой традиции, но картина, которая предстала в Казбеги, своим диким лицемерием никого в Осетии не оставила равнодушным. В Казбеги Шеварднадзе приехал раньше Галазова. На грузинской территории он был принимающей стороной. Галазов и его команда медленно и понуро подходили к грузинской делегации. Осетинские делегаты ожидали, что, подойдя к Шеварднадзе, они остановятся и первое, что услышат от главы Грузии, – это хотя бы извинения и сочувствие по поводу Кехви. Но то не для фарисея-иезуита; как ни в чем не бывало, Шеварднадзе сразу же взял Галазова в объятия – так, словно между Осетией и Грузией нет жестокой войны... Принятый в Казбеги «Протокол», подписанный сторонами, был скорее о намерениях. Несмотря на это, по характеру переговоров было видно, что грузинский лидер готов свертывать масштабы военных действий в осетинском направлении, поскольку этого требовала обстановка в Абхазии, с каждым днем ухудшавшаяся для Грузии. Не столь миротворчески были настроены в Осетии. Особенно тревожным становилось положение в Северной Осетии. Долгое время проявляя максимальную сдержанность, общественность Северной Осетии после Кехви не желала больше оставаться безучастной к военным событиям в Южной Осетии. В день, когда происходила встреча в Казбеги Галазова и Шеварднадзе, во Владикавказе состоялось собрание представителей общественных объединений Северной Осетии, потребовавшее от руководства республики решительных действий в Южной Осетии.

Среди них главными были: «Признание Юго-Осетинской Республики как независимого государства; заключение Договора о безопасности между республиками Северной и Южной Осетии»; в целях обороны Южной Осетии провести мобилизацию молодых людей, отзыв из армий СНГ уроженцев Осетии, обеспечение их вооружением, создание Координационного совета Южной и Северной Осетии для организации обороны, признание недействительными всех законодательных актов бывшего СССР, закреплявших разделение Осетии, определить внешние границы Осетии и потребовать возвращения незаконно отторгавшихся начиная с 1918 года в пользу Грузии осетинских земель, организовать производство и выпуск оружия на предприятиях Северной Осетии, организовать отправку вооруженных добровольческих отрядов на защиту населения и территории Южной Осетии. Было очевидно, что расстрел беженцев в Кехви вызвал всеобщий протест и массовое движение в Северной Осетии, призывавшее к войне с Грузией и обороне Южной Осетии. Стоит отметить – попытки активного вовлечения Северной Осетии в вооруженный конфликт, предпринимавшиеся ранее, как правило, гасились руководством республики, ориентированным на Москву. Это вызывало недовольство народа, готового участвовать в обороне Южной Осетии. Не случайно последним пунктом решения собрания представителей общественных объединений Северной Осетии являлось: «в случае невыполнения» решений Собрания «в короткий срок мы вынуждены будем требовать отставки руководства республики». Наряду с приведенными нами требованиями Собрание общественных объединений Северной Осетии опубликовало «Пояснительную записку», дававшую оценку событиям Южной Осетии. В ней происхождение осетино-грузинского вооруженного конфликта связывалось с политикой Горбачева и его соратников. Имелась в виду заинтересованность руководства СССР в развязывании в 1989 году конфликта в Южной Осетии, рассчитанного на то, чтобы таким образом иметь возможность расправиться с Гамсахурдия или же отвлечь усилия последнего проблемой Южной Осетии. Критике подверглось также новое руководство России, игнорировавшее решения III и V съездов народных депутатов; Российская Федерация обвинялась в прогрузинской позиции. На самом деле провал политики Горбачева, построенной главным образом на внутренних противоречиях Грузии, в особенности на противостоянии Тбилиси автономным образованиям, сориентировал главу Российской Федерации на невмешательство в грузино-осетинский конфликт и установление с Грузией нормальных отношений. Это, с другой стороны, дало Шеварднадзе карт-бланш на войну с Южной Осетией. Глава Грузии замечал и другое – пассивность в событиях Южной Осетии руководства Северной Осетии, которое занималось главным образом обустройством беженцев, но проявляло нерешительность в политических процессах. Это во многом объяснялось позицией Москвы, которой в Северной Осетии не желали противоречить. Но такое поведение руководства вызывало у общественности Осетии глубокое недовольство. В «Пояснительной записке» Собрания представителей общественных объединений Северной Осетии оценка деятельности Северо-Осетинского руководства получила острую критику. В ней, в частности, отмечалось: «Особую тревогу в переживаемое Осетией тяжелейшее время вызывает позиция ее руководства, которую назвать трудно иначе, чем безразличной и даже антинародной... В республике нет настоящего хозяина... вокруг такого руководства вряд ли захочет сплотиться, объединиться народ республики, даже если отечеству грозит смертельная опасность». Несомненно, что в этих оценках были крайности, если учесть, что среди представителей общественных объединений были силы, желавшие воспользоваться сложностью обстановки и рвавшиеся к власти. Очевидным было, что руководство Северной Осетии оказалось в непростом положении между отстранившейся от осетинских проблем Москвой и накалившейся политической обстановкой в Осетии. Разрядить ситуацию и приостановить войну в Южной Осетии могла только Москва. Что же до массового участия Северной Осетии в военных действиях против Грузии, то кроме огромных человеческих жертв, эскалация войны вряд ли что принесла бы нового.

В НОВЫХ КОЛЛИЗИЯХ МОСКВЫ

К лету 1992 года политический раскол, ранее наметившийся между Верховным Советом и Президентом России, еще более углубился. Было видно, сколь амбициозные и далеко идущие планы возникали у Председателя Верховного Совета, нередко бравшего в политических интригах верх над зачастую неуклюжим и прямолинейным Президентом. Вполне закономерно, что благодаря жесткому противостоянию двух главных ветвей власти у Р.И. Хасбулатова и Б.Н. Ельцина обнаружились разные подходы к проблеме Южной Осетии. Обычно в интригах и открытых расхождениях политически опережал Председатель Верховного Совета, чем нередко ставил Президента в проигрышное положение. Политика Ельцина в отношении Южной Осетии, становившаяся молчаливой поддержкой грузинской агрессии, была удобной мишенью для нанесения очередного удара Президенту России. Особенно логично, что для такого удара было выбрано время после событий в Кехви, когда усилились протесты против Грузии не только в Осетии, но и в России. 15 июня 1992 года Хасбулатов в связи с событиями в Южной Осетии выступил с официальным «Заявлением». В нем была обнажена та правда, которой, как правило, в тон Президенту избегали средства массовой информации. Обращаясь к гражданам Российской Федерации, Председатель Верховного Совета впервые, пожалуй, официально ставил в известность, что Грузия взяла политический «курс на вытеснение южных осетин с их исторической Родины», что «южноосетинские села, деревни, город Цхинвали непрерывно обстреливаются всеми видами оружия, включая артиллерию. Применяется ракетная техника». В «Заявлении» также содержалась объективная оценка происходивших в Южной Осетии событий: «...Эти действия, – говорилось в заявлении, – необходимо квалифицировать как геноцид и массовое изгнание южноосетинского этноса со своей исторической родины». Важным было также заявление о том, что продолжение агрессии в отношении Южной Осетии может поставить Верховный Совет Российской Федерации «в такие условия, когда он вынужден будет рассмотреть немедленно вопрос согласно волеизъявлению народа», т. е. присоединить Южную Осетию к Российской Федерации. Эта часть «Заявления» Председателя Верховного Совета была по самому уязвимому месту грузинских агрессоров, опасавшихся, что рано или поздно Москва откликнется на обращения Южной Осетии с просьбой присоединить ее к России. Хасбулатов своим «Заявлением» наносил удар не только по Шеварднадзе, изобличая его как продолжателя политики неонациста Гамсахурдия, но и по Президенту России, избравшему для себя позицию нейтралитета и поставившему Южную Осетию на грань полной катастрофы. В тот момент, когда было опубликовано «Заявление» Хасбулатова, в Москве не оказалось Ельцина. Это застало врасплох команду Президента, не знавшую, как выйти из положения. Одно, однако, было ясно – не было уже места для президентского нейтралитета, – пытаясь сохранить его, Ельцин отдавал бы на Кавказе инициативу Хасбулатову. Последний бесспорно набирал очки также среди российских патриотов, хорошо понимавших одиозность политической элиты, сформировавшейся в последние годы в Грузии. Не дожидаясь возвращения Ельцина в Кремль, через несколько дней после Хасбулатова вице-президент России А.Д. Руцкой выступил от своего имени с «Заявлением». Было совершенно очевидно, что оно вызвано «Заявлением» Хасбулатова, но Руцкой неуклюже делал вид, что не намерен повторять Председателя Верховного Совета РФ и на политические проблемы смотрит более масштабно. В отличие от Хасбулатова, обратившегося «к гражданам Российской Федерации», вице-президент России адресовал свое «Заявление» «к гражданам России и Содружества Независимых Государств». Речь в нем шла о событиях не только в Южной Осетии, но и в Приднестровье. В «Заявлении» Руцкого была объявлена, наконец, позиция российского правительства, согласно которой Грузия и Молдова предупреждались, что «силового решения приднестровского и юго-осетинского конфликтов Россия не допустит». В «Заявлении» вице-президента важным было и то, что Россия обращалась к сторонам-участницам «Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, к членам Организации Объединенных Наций, к мировому сообществу с призывом

осудить акты геноцида в Молдове и Грузии, принять меры к прекращению преступления против человечества». Несмотря на жесткость «Заявления» Руцкого, на его ясные формулировки, заметно было, что оно все же оставляло за Хасбулатовым, главным оппонентом Ельцина, определенное преимущество. «Заявление» Хасбулатова концентрировало внимание на югоосетинской проблеме, после событий в Кехви имевшей общекавказское значение; популярность на Кавказе, которой добивался Хасбулатов, вряд ли входила в планы Ельцина. Очевидно, по этой причине вслед за «Заявлением» Руцкого последовало новое «Заявление правительства Российской Федерации», посвященное только югоосетинской проблеме. Оно по жесткости оценок не уступало «Заявлениям» Хасбулатова и Руцкого. Последние два его пассажа отражали «почерк» самого Ельцина, отдохнувшего в это время в Сочи. Приведем их: «Правительство Российской Федерации намерено информировать Генерального секретаря ООН о сложившейся ситуации в Южной Осетии, где создается угроза международному миру и безопасности, а в случае необходимости – обратиться в Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. Граждане России могут быть уверены в том, что руководство страны будет действовать обдуманно и решительно, с тем чтобы не дать разгореться пламени конфликта». Последние слова правительственного «Заявления», явно работавшие на Ельцина, серьезно отодвигали на второй план Хасбулатова, и инициатива в югоосетинской проблеме переходила в руки Президента России. Но этим, однако, не исчерпывалось значение правительственного заявления России. Оно фактически в безвыходное положение поставило самого Шеварднадзе, еще недавно ожидавшего победы в Южной Осетии и не желавшего международного скандала, при котором позиции Грузии, ведшей войну с целями этногеноцида, были бы проигранными. Шеварднадзе на третий день после «Заявления» Российского правительства прилетел в Сочи для переговоров с Президентом России.

Соглашение в Сочи

24 июня 1992 года по итогам встречи Ельцина и Шеварднадзе было опубликовано Коммюнике, согласно которому в Сочи обсуждались «российско-грузинские отношения». В рамках этих отношений Президент России, добиваясь от Грузии прекращения войны в Южной Осетии, декларировал целый ряд выгодных для грузинской стороны условий. В их число входили признание суверенитета, независимости и территориальной целостности Грузии. При этом Ельцин поддержал намерение Грузии стать членом ООН и обещал, что Россия в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН будет содействовать вступлению Грузии в эту организацию. Были подробно заявлены и другие декларации, относившиеся к области сотрудничества между Россией и Грузией. Однако центральной проблемой встречи оставалась югоосетинская. По ней стороны подписали «Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта». В переговорах в Сочи и разработке статей Соглашения участвовали также представители Южной и Северной Осетии. Однако подписи под соглашением были поставлены Президентом России и Председателем госсовета Грузии. Главное достижение сочинского Соглашения заключалось в прекращении войны и создании смешанной Контрольной Комиссии и смешанных сил «по установлению мира и поддержанию правопорядка». Несомненно, имели значение и другие статьи «Соглашения», в частности – демилитаризация зоны конфликта. Но в преамбуле не нашли отражения ни природа войны, развязанной Грузией, ни ее осуждение.

Обойдены были такие важнейшие проблемы, как возвращение осетинских беженцев, коих в одной только Северной Осетии скопилось более 100 тысяч, а по Российской Федерации – 150 тысяч; не были предъявлены Грузии требования по возмещению экономического ущерба, нанесенного Южной Осетии в течение четырех лет ведения войны. Стороны сочинского Соглашения отмолчались и по главному аспекту югоосетинской проблемы – о политической судьбе Южной Осетии. Понятно, что характер встречи, на

которой наиболее важным являлось прекращение войны, не позволял ожидать кардинальных решений, связанных с определением политических перспектив Южной Осетии, однако было вполне уместно наметить механизм переговорного процесса с целью предотвращения не только самой войны, но и агрессивных политических притязаний к Южной Осетии. Что же до возвращения Южной Осетии в состав грузинской государственности во имя сохранения «территориальной целостности» Грузии, то исторический опыт, приведенный нами в публикуемой работе, заставляет повторить проклятие великого грузина – Ираклия II; когда грузинский царь лишил эриставских тавадов владений в Южной Осетии, он произнес: «Пусть будет проклят тот, кто вернет им эти земли...»

Основные источники и литература

Источники

а) Неопубликованные

Российский государственный военно-исторический архив: фонды; 482, дд. 2, 192, 422; 414, дд. 300, 301, 305; 1, оп. 1, д. 411; 2, д. 580; ВУА д. 6164, части: 33, 34, 37, 40, 44, 52, 59, 91, 93; дд. 6192, 6238, 6239, 6245; Бугков П.Г. Осс, оссе или осси. Осетины. Южные осетинцы. Арагвские осетинцы. Ксанские осетинцы. Лиахфские осетинцы. Мачобеловы осетинцы (1796–1803 гг.). Рукопись.

б) Опубликованные

Акты, собранные кавказскою археографическою комиссиею. Т. I– XII (кн. 1–15). Тифлис, 1866–1904. Архив князя Воронцова. Кн. IX. Москва, 1879.

Борьба трудящихся Юго-Осетии за Советскую власть (1917–1921). Документы и материалы. Составитель И.Н. Цховребов. Сталинир, 1957. Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917–1921). Тбилиси, 1958.

Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. 1–2, СПб., 1891–1902.

Грузинские дворянские грамоты. Составитель Д.П. Пурцеладзе. Тифлис, 1881.

Грузино-осетинский конфликт. Документы и материалы (1988–1992). Составитель К. Кочиев (рукопись). Владикавказ – Цхинвали, 1999. Грузинские крестьянские грамоты, крепостные и судебные акты, грамоты и письма грузинских и персидских царствующих особ. Составитель Д.П. Пурцеладзе. Тифлис, 1882.

Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Тифлис, 1897.

Документы по истории Грузии. Т. I, часть 1 (1862–1872). Под ред. Ш.К. Чхетия. Тбилиси, 1954.

Документы по истории Грузии (1862–1917). Т. I, часть 2. Под ред. Ш.К. Чхетия. Тбилиси, 1960.

История Осетии в документах и материалах (с древнейших времен до конца XVIII века). Т. I. Составители: Г.Д. Тогошвили и И.Н. Цховребов. Цхинвали, 1962.

История Юго-Осетии в документах и материалах (1800–1864). Составитель И.Н. Цховребов. Т. II. Сталинир, 1960. История Юго-Осетии в документах и материалах (1864–1900). Составитель И.Н. Цховребов. Цхинвал, 1961.

Источники по истории Грузии. Обращение Грузии. Перевод с древнегрузинского Е.С. Такайшвили. Тбилиси, 1989. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений

(1615– 1640). Подготовил М. Полиевктов. Тбилиси, 1937. Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII века). Составитель Г.Г. Пайчадзе. I–III. Тбилиси, 1974–1979. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. Москва, 1979. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями (1639–1770). Составитель М. Броссе. СПб., 1861. Революционное движение в Юго-Осетии (1905–1907 гг.). Документы и материалы. Составитель И.Н. Цховребов. Сталинир, 1958. Революция 1905–1907 гг. в Грузии. Сборник документов. Тбилиси, 1956.

Русско-осетинские отношения. Сборник документов. Составитель М.М. Блиев. I–II. Орджоникидзе, 1976–1984.

Литература

Авалиани С.Л. Заметки о феодализме в Грузии. «Журнал министерства юстиции», № 4, 1910.

Авалиани С.Л. Крестьянский вопрос в Закавказье. Т. I–IV. Одесса, 1912–1920. Авалов З. Присоединение Грузии к России. СПб., 1906.

Агрба Р., Студеникин А., Магкаев Р., Габачиев Дж. Десятилетие переговорного тупика и концептуальная альтернатива для Абхазии, Южной Осетии и Грузии. Сухуми, 2002.

Антелава И.Г. Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX века. Т. I–II. Сухуми, 1955–1962.

Антелава И.Г. Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и Грузия. «Труды Сухумского педагогического института». Вып. 7. Сухуми, 1952. Багратиони Давид. История Грузии. Тбилиси, 1971. Баев М. Тагаурское общество и экспедиция г.-м. князя Абхазова в 1830 году. «Терские ведомости», № 10, 1869.

Бердзенишвили Н.А. Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII–XVI вв.). Тбилиси, 1938.

Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе, 1970.

Блиев М.М. Открытое письмо Звиаду Гамсахурдия, политзаключенному, временно освобожденному. Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ, 1999.

Блиев М.М. Грузино-осетинский конфликт. Миротворческий процесс. Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ, 1999. Блиев М.М. Осетино-грузинский конфликт. Его социальные истоки. Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ, 1999. Блиев М.М., Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне. «Отечественная история», № 6, 2001. Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии. Владикавказ, 2000. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. Москва, 2004.

Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ, 2001. Бочаришвили Л. Экспедиция в Ксанское ущелье. «Вестник музея Грузии». IV. Тбилиси, 1939.

Бутков П.Г. О браках князей русских с грузинками и ясинками в XII веке. «Северный архив». XIII. 1925.

Ванеев З.Н. Из истории родового быта в Юго-Осетии. Тбилиси, 1955. Ванеев З.Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX веке. Сталинир, 1956.

Вахушти. География Грузии. «Записки Кавказского отдела ИРГО». Кн. XXIV. Вып. 5. Тифлис, 1904.

Вачнадзе Г. Агрессия против разума: информационный империализм. Москва, 1988.

Вейденбаум Е.Г. Хизаны в Грузии. Тбилиси, 1913. Вермишев Х. Хизаны и хизанство. Тбилиси, 1884. Волкова Н.Г. Этнические процессы в Грузинской ССР. Этнические и культурные процессы на Кавказе. Москва, 1978. Гаглойти З.Д. Очерки по этнографии Осетии. Общественный быт осетин в XIX в. Тбилиси, 1974.

- Гаглойти Ю.С. Проблемы этнической истории южных осетин. Цхинвал, 1996.
- Гаглойти Ю.С. Южная Осетия (к истории названия). Цхинвал, 1993. Гадиев Сека. Избранные сочинения. Дзауджикау, 1991. (На осетинском языке).
- Гамбашидзе Г. Из истории политики США в отношении Грузии 1917–1920. Тбилиси, 1960.
- Гвасалиа Дж. К вопросу переселения осетин в Картли. Грузия – малая империя?! Тбилиси, 1990.
- Гвретишвили Д. Из истории социальных отношений позднефеодальной Грузии. Тбилиси, 1961.
- Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне. СПб., 2000.
- Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Кн. I–IV. Тбилиси, 1941–1951.
- Джавахов И.А. (Джавахишвили) Государственный строй Древней Грузии и Древней Армении. Т. I. СПб., 1905.
- Джанашиа С.Н. Борьба за феодальное присвоение земель в Грузии. Ж. «За коммунистическое воспитание», № 4–5, 1938. Джорджадзе И. История военного искусства Грузии. Тбилиси, 1989. Догузов П.В. Революционное движение в Юго-Осетии в конце XIX – начале XX в. Цхинвали, 1960.
- Догузов П.В. Из истории борьбы трудящихся Юго-Осетии за Советскую власть. Цхинвали, 1957.
- Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I–VI. СПб., 1871–1888.
- Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1996. Жоржوليани Г. Защита прав национальных (этнических) меньшинств. Тбилиси, 1999.
- Жордания Ф. Крепостничество в Грузии. Тифлис, 1915. Жордания Г., Тоидзе Л., Лекишвили С., Хоштария Броссе Э. Исторические и политико-правовые аспекты грузино-осетинского конфликта. Тбилиси, 1995.
- Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе. 1988–1994: спорные границы на Кавказе. Москва, 1996.
- Зубов П. Картины Кавказского края. Ч. III. Москва, 1835. Из истории осетино-грузинских взаимоотношений. Под ред. Н.Г. Джусойти. Цхинвал, 1995.
- И кровь, и пепел... Южная Осетия. Владикавказ, 1991. Иоанисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958. История Грузии с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Тбилиси, 1962.
- История южных осетин. Цхинвали, 1990. Кавказ в зарубежной прессе. Ж. «Дарьял», № 4, 2004. Каландадзе Ц.П. Участие грузин в культурной и общественной жизни России. Тбилиси, 1979.
- Канделаки М.Б. Из общественного быта горцев Грузии. Тбилиси, 1987. Калантаров Г. Крепостное право в Грузии. Тифлис, 1877. Киняпина Н.С. Внешняя политика России в первой половине XIX в. Москва, 1963.
- Киняпина Н.С., Блиев М.М. и др. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Москва, 1984.
- Куфгин Б.А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. «Вестник Государственного музея Грузии». Т. XII–XIII, 1944.
- Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I–II. СПб., 1890–1906.
- Маркова О.П. Присоединение Грузии к России в 1801 году. Ж. «Историк-марксист», № 3, 1940.
- Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. Москва, 1966.
- Маркова О.П. Восстание в Кахетии 1812 г. Москва, 1951. Малышева Д.Б. Россия и государства Закавказья в поисках устойчивой стабильности. Ксенофобия на юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. Вып. 6. Москва, 2003.
- Матарадзе Л. О политико-правовых аспектах грузино-осетинского конфликта и

возможностях его мирного урегулирования. Осетинский вопрос. Тбилиси, 1994.

Махарадзе Н.Б. Восстание в Имеретии 1819–1829 гг. Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1942.

Медоев Д. Южная Осетия: право на свободу. Пять лет Республике Южная Осетия: официальные материалы. Цхинвал, 1996. Меликишвили Г.А. К истории Древней Грузии. Тбилиси, 1959. Меликишвили Г.А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973.

Месхиа Ш.А. Город и городской строй феодальной Грузии. Тбилиси, 1959. Месхиа Ш.А., Цинцинадзе Я.З. Из истории русско-грузинских взаимоотношений. X–XVII вв. Тбилиси, 1958.

Мухелашвили Д.Л. Грузия – малая империя?! Тбилиси, 1990. Накашидзе Н.Т. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968.

Никонов И.Д. Крестьянские восстания в Юго-Осетии в 1917–1920 гг. Цхинвали, 1956.

Ожиганов Э. Этнонациональные конфликты в Республике Грузия: Южная Осетия и Абхазия. Москва, 1994.

Очерки истории Грузии в восьми томах. Т.Т. I, II. Тбилиси, 1988–1989. Очерки истории Юго-Осетии. Т. I. Цхинвали, 1969. Пайчадзе Г.Г. Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983. Пайчадзе Г.Г. Название Грузии в русских письменных исторических источниках. Тбилиси, 1989.

Пайчадзе Г.Г. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII века. Тбилиси, 1970.

Папаскири З.В. У истоков грузино-русских политических взаимоотношений. Тбилиси, 1982.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. Москва, 1997. Пирцхалава М.С. Памятники скифской архаики VII–VI до н. э. на территории Древней Грузии. Тбилиси, 1972.

Пфаф В. Материалы по истории Осетии. «Сборник о кавказских горах». Вып. V, ч. III. Тифлис, 1871.

Ратиани П.К. Илья Чавчавадзе. Философское и социально-политическое воззрение. Москва, 1958.

Рogaва А.А. Зачатки капитализма в Грузии и политика Ираклия II. Тбилиси, 1974.

Российские военные и гражданские чиновники на Кавказе. Справочник. Составитель З.М. Блиева. Владикавказ, 2003. Санакоев И.Б. Истоки и факторы эволюции грузино-осетинского конфликта. Владикавказ, 2004.

Сиукаев Н.В. Две трагедии Южной Осетии. Владикавказ, 1994. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. Москва, 1958.

Страницы из истории Грузии. Тбилиси, 1965.

Сургуладзе А. Прогрессивные последствия присоединения Грузии к России. Тбилиси, 1982.

Тарле Е.В. Крымская война. Т. I–II. Москва, 1950. Тедеева У.Ш. Грузино-осетинский конфликт: исторические и социальные предпосылки (рукопись).

Тоидзе Л. Образование осетинской автономии в Грузии. Осетинский вопрос. Тбилиси, 1994.

Тотадзе А. Осетины на грузинской земле. Осетинский вопрос. Тбилиси, 1994.

Тунян В.Г. Административная и экономическая политика самодержавия в Закавказье. Докторская диссертация. Тбилиси, 1990. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. Москва, 1960.

Хетагуров К. Собрание сочинений в пяти томах. Москва, 1959. Хачапуридзе Г.В. К истории Грузии первой половины XIX века. Тбилиси, 1950.

Хачапуридзе Г.В. Борьба грузинского народа за установление Советской власти. Москва, 1956.

Хачапуридзе Г.В. Об историческом значении присоединения Грузии к России. «Вопросы истории», № 5, 1954.

Церцвадзе М.В. Революционное движение в Грузии в 1914–1917 гг. Ч. 1, 2. Москва, 1957–1960.

Чавчавадзе А.Г. Краткий исторический очерк положения Грузии с 1801 по 1831 г. «Кавказский сборник». Т. XXIII. Тифлис, 1902. Челидзе В. Исторические хроники Грузии. Тбилиси, 1980. Чередниченко В. К истории осетин-хизан. Известия юго-осетинского научно-исследовательского института. Вып. 1, 1933.

Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам. Цхинвал, 1993.

Чочиев А.Р. Уроки игры на бойне. Цхинвал, 1994. Чудинов В. Окончательное покорение Осетии. «Кавказский сборник». Т. XIII. Тифлис, 1889.

Южная Осетия: 10 лет республике. Владикавказ. 2000. Южная Осетия: хроника событий. Цхинвал, 1996.